

МАТЕРИАЛЫ I Международной научной конференции «Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности»

Том 5

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

2016

Уважаемые коллеги!

Перед Вами 8-томное издание материалов I Международной научной конференции «Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности». Здесь содержатся ответы на многие актуальные вопросы, но наиболее важным является сам факт проведения масштабной конференции, охватывающей практически все направления науки в Донецкой Народной Республике, против которой ведутся военные действия. Наши ученые не прекращают научную деятельность в осажденном, обстреливаемом городе.

Для Донецкого национального университета важна поддержка конференции со стороны научной общественности разных стран и, прежде всего, Российской Федерации. Мы высоко это ценим и выражаем всем участникам глубокую благодарность.

Надеюсь, что представленные результаты исследований в разных областях науки дадут новый импульс международному научно-образовательному сотрудничеству нашего университета с вузами, научными учреждениями России и других стран.

И.о. ректора ДонНУ,
доктор физико-математических наук,
профессор С. В. Беспалова

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Ассоциация юридических вузов России
Международная славянская академия наук,
образования, искусств и культуры

I Международная научная конференция

Материалы конференции

Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности

Том 5

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

г. Донецк
16–18 мая 2016 г.

Ростов-на-Дону
Издательство Южного федерального университета
2016

ББК Ш.я431+Ю.я431
УДК 81+378+1
Д672

Редакционная коллегия:
С.В. Беспалова (научный редактор), М.В. Фоменко (отв. секретарь),
В.А. Дубровина, А.Г. Удинская, Т.А. Андреева

Д672 **Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности:** Материалы I Международной научной конференции (Донецк 16-18 мая 2016 г.). – *Том 5. Филологические и философские науки* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. – 347 с.

ISBN 978-5-9275-1956-9
ISBN 978-5-9275-1960-6 (Т. 5)

Ответственность за аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.

В пятый том материалов конференции вошли научные исследования актуальных проблем изучения языковых единиц и категорий в аспекте сопоставительного перевода, германских, романских языков, зарубежной литературы, лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследований, а также проблемы философских аспектов современной социальной реальности и общественного сознания в условиях кризиса.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам, проводящим исследования в области филологических и философских наук.

ББК Ш.я431+Ю.я431
УДК 81+378+1

ISBN 978-5-9275-1960-6 (Т. 5)
ISBN 978-5-9275-1956-9

© Коллектив авторов, 2016
© Донецкий национальный университет, 2016

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель
Беспалова С.В. — д.ф.-м.н., проф., и.о. ректора ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (г. Донецк)

Заместители председателя:

Бабурин С.Н. — д.ю.н., проф., Заслуженный деятель науки РФ, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва)

Метелица А.В. — д.х.н., проф., проректор по развитию естественно-научного и физико-математического направления Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Члены программного комитета:

Галахова О.Ю. — начальник отдела внешнеторговой политики МИД ДНР (г. Донецк)

Глухов А.З. — д.б.н., проф., член-корреспондент НАНУ, гл.н.с. Донецкого ботанического сада (г. Донецк)

Варюхин В.Н. — д.ф.-м.н., проф., член-корреспондент НАНУ. Заслуженный деятель науки и техники Украины, директор ГУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк)

Вербенко И.А. — к.х.н., с.н.с., и.о. директора НИИ физики Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Ермаков П.Н. — д.б.н., проф., член-корреспондент РАО, директор Института психологии, управления и бизнеса Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Илюхин А.А. — д.ф.-м.н., проф., профессор кафедры математики Таганрогского института им. А.П. Чехова Ростовского государственного экономического университета (г. Таганрог)

Калиущенко В.Д. — д.филол.н., проф., проректор по научной и инновационной деятельности Донецкого национального университета (г. Донецк)

Керимов А.Д. — д.ю.н., проф., главный редактор издания «Российский журнал правовых исследований» (г. Москва)

Кисляков С.В. — д.ф.-м.н., член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией математического анализа Санкт-Петербургского отделения Математического института им. В.А. Стеклова РАН, профессор кафедры математического анализа Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Клещев В.Н.	к.психол.н., проф., профессор кафедры бокса и кикбоксинга Российского государственного университета физической культуры (г. Москва)
Ковалев А.М.	д.ф.-м.н., проф., академик НАНУ, директор ГУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк)
Колоней В.А.	к.искусств, проф., и.о. ректора Донецкой Государственной Музыкальной Академии им. С.С. Прокофьева (г. Донецк)
Мармазова Т.И.	д.полит.н., проф., вице-президент Фонда «Юго-Восток» (г. Симферополь)
Маслий Н.Ю.	начальник отдела макроэкономической стратегии МИД ДНР (г. Донецк)
Минкин В.И.	д.х.н., академик РАН, проф., научный руководитель Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)
Пичугин В.В.	заместитель Министра МИД ДНР (г. Донецк)
Половян А.В.	д.э.н., доц., директор ГУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк)
Приходько С.А.	к.б.н., ст.н.с., директор Донецкого ботанического сада (г. Донецк)
Ризниченко Г.Ю.	д.ф.-м.н., проф., зав. сектором информатики и биофизики сложных систем кафедры биофизики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва)
Савоськин М.В.	к.х.н., с.н.с., директор ГУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк)
Скафа Е.И.	д.пед.н., проф., проректор по научно-методической и учебной работе Донецкого национального университета (г. Донецк)
Шкаликов А.А.	д.ф.-м.н., проф., профессор кафедры теории функций и функционального анализа Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва)
Aizenberg L.	Professor Bar-Ilan University (Israel)

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ДОНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА КАК НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И ИННОВАЦИОННОГО КЛАСТЕРА ДОНБАССА

Беспалова С.В.
доктор физ.-мат. наук, профессор,
и.о. ректора
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (г. Донецк)
donnu.rector@mail.ru

Концепция развития на 2016–2020 годы Донецкого национального университета (далее соответственно – концепция, университет) направлена на восстановление, модернизацию, формирование и развитие ведущего научно-образовательного и инновационного кластера на территории Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), содействующего решению стоящих перед регионом основных задач:

- возрождение и модернизация индустриальной и социальной инфраструктуры для самодостаточного и прибыльного экономического развития региона;
- восстановление социально-экономических условий жизни населения региона и повышение их качества до лучших мировых образцов;
- интеграция экономики и населения региона в единое экономическое, научно-образовательное и культурное пространство Российской Федерации и других стран СНГ;
- обеспечение научной и кадровой поддержки инфраструктурных, научно-технологических, инновационно-инвестиционных и социально-экономических программ и проектов региона;
- создание сбалансированной системы межнационального, межкультурного и межконфессионального взаимодействия и сотрудничества в регионе.

Позиционирование университета в республиканском, российском и международном научно-образовательном пространстве

Донецкий государственный университет основан в 1965 году (в 2000 году получил статус национального университета) как классический университет и обладает следующими признаками, которые, по мнению экспертной группы Евразийской ассоциации университетов, должны быть присущи таким университетам:

- ***высокий уровень подготовки*** специалистов;
- возможность получения студентами ***базовых знаний в различных областях науки при оптимальном сочетании естественнонаучных и гуманитарных дисциплин***;

- преобладание в научной деятельности доли ***фундаментальных исследований по широкому спектру наук***;

- способность к ***формированию и распространению нравственных и культурных ценностей***.

Эти черты образования и соответствующие качества выпускников позволяют говорить об ***особой роли классического университета в настоящее время – в период становления в Донбассе новой государственности.***

Интеллектуальный потенциал университета позволяет рассматривать его как ***полигон для отработки разнообразных изменений в содержании и технологии образования***, особенно таких, как усиление фундаментальной подготовки, переход к созданию и реализации ***междисциплинарных*** знаний, активное использование в учебном процессе результатов и технологий научного поиска. В связи с переходом к ***новым образовательным стандартам*** университет может оказать значительную помощь в освоении их другими вузами (особенно по введению дисциплин гуманитарного и естественнонаучного циклов), выступая в роли ***регионального научно-методического центра***.

Имея широкомасштабную подготовку кадров через докторантуру, аспирантуру, магистратуру, систему переподготовки и повышения квалификации, тесные связи со школами университет реализует идею ***непрерывного образования в течение всей жизни***. Отличительной чертой университета является и то, что ***выпускники работают во всех без исключения сферах деятельности***: экономике, науке, образовании, управлении, культуре, социальной сфере. Это дает университету возможность понимать и решать все проблемы подготовки специалистов для различных сфер деятельности, быть ***лидером в реализации образовательной функции высшей школы***. Необходимо также учитывать, что именно классические университеты призваны готовить ***преподавательские кадры*** для системы высшего образования, особенно в области гуманитарных, естественных и точных наук.

Значительную часть выпускников университета составляют специалисты в области ***гуманитарных и социально-экономических наук***. Именно эти науки отвечают в значительной степени за развитие культурной традиции народа, формируют представления о путях общественного развития, предлагают способы решения сложных социальных и экономических проблем.

В период восстановления и развития экономики ДНР потребуются, в первую очередь, работники естественных и технических наук, а также инженеры всех специальностей. В настоящее время актуальна необходимость подготовки многопрофильных специалистах, обеспечивающих проведение всесторонних общественных, социальных и экономических реформ. Потребность в высококвалифицированных кадрах будет только возрастать и расширяться спектр направлений их компетенций.

В настоящее время подготовка кадров естественного, гуманитарного и экономического профилей осуществляется на уровнях:

- ***Бакалавриата*** – по ***51*** направлению;
- ***Специалитета и магистратуры*** – по ***58*** специальностям;
- ***Аспирантура*** по ***59*** и ***докторантура*** по ***20*** специальностям.

Одной из первоочередных задач коллектива университета является восстановление контингента студентов. Общее количество студентов на 1 октября 2015 года – ***8 365*** (из них бюджетных – ***4 635***).

Общее количество заявлений абитуриентов в 2015 году составило ***12 824***, что больше чем в 2014 году. Всего в 2015 г. было зачислено ***4 643*** чел., в том числе: на дневную форму ***2 340*** студентов и на заочную – ***1 801*** студент.

Выпуск 2015 года составил ***1 709*** студентов. Дипломы с отличием получили ***236*** человек, что составило – ***14 %*** от общего количества выпускников. Рекомендации для поступления в аспирантуру получили ***152*** студента, что составляет ***19 %***, и это на ***9,3 %*** больше чем в 2014 году. Эту динамику необходимо продолжать, поскольку подготовка научных кадров является сегодня наиважнейшей задачей университета.

Подтверждением международного уровня подготовки специалистов в университете является успешная Итоговая государственная аттестация, которую прошли ***1 138*** (70 %) наших выпускников в ведущих ВУЗах Российской Федерации.

Имея в настоящее время достаточный интеллектуальный потенциал, междисциплинарные научные подразделения и широко развернутые международные связи, университет способен сегодня выполнять и выполняет научные исследования по актуальным для региона направлениям и может предложить для восстановления Донбасса ряд результатов перспективных научных и технологических разработок, методик и технологий.

С 1 января 2016 года научные исследования ведутся в рамках ***13*** госбюджетных тем (из них ***8*** – фундаментальных, ***5*** – прикладных). Для их выполнения из госбюджета ДНР финансируются штатные научные сотрудники (***60*** чел.) и совместители из числа преподавателей ДонНУ (***57*** чел.). Исследования ведутся также на кафедрах в рамках ***25*** инициативных научно-исследовательских тем.

В университете по состоянию на 1 января 2016 года работают ***1 767*** штатных сотрудников (***79*** внешних совместителей), из них: ***670*** научно-педагогических работников (***75*** внешних совместителей). Научно-педагогические работники, имеющие ученую степень доктора и кандидата наук, составляет от общего числа научно-педагогических работников ***64 %***, то есть ***96*** докторов наук (***21*** внешних совместителей) и ***335*** кандидатов наук (***28*** внешних совместителей).

Набор в аспирантуру в 2015 году составляет ***84*** человека на бюджетную форму и ***5*** – на контракт, что соответствует уровню 2013 года. Всего в 2015 году в университете обучалось – ***196*** аспирант (***6*** по контракту), ***1*** соискатель и ***3*** докторанта.

Таким образом, университет сегодня – это многопрофильный научно-образовательный и инновационный комплекс, успешно адаптирующийся к современным социально-экономическим и общественно-политическим изменениям и вызовам, играющий активную интеграционную роль в республиканском, региональном и международном научно-образовательном и инновационном пространстве.

Миссия, стратегическая цель и задачи развития университета

Экономика ДНР в настоящее время нуждается в восстановлении и модернизации традиционных отраслей и предприятий, а также в определении новых траекторий технологического развития региона, которые могут быть реализованы в условиях ограниченных ресурсов и связей, что позволит перейти региону по ряду направлений к шестому технологическому укладу.

Этим процессам способствует принятие законов «Об образовании» и «О республиканских программах», разработка проектов законов «О науке и государственной научно-технической политике» и «Об интеллектуальной собственности» и ряда проектов программ развития экономики региона (Программа научно-технической поддержки и развития угольной отрасли, программы развития сельского хозяйства и другие), а также разрабатываемая Программа социально-экономического развития ДНР. Свой вклад в развитие Донбасса внесет реализация данной концепции развития университета.

Миссия университета – это подготовка высококвалифицированных кадров с высокими патриотическими, нравственными и культурными качествами, генерация и распространение знаний, выполнение фундаментальных и прикладных исследований; использование результатов исследований и технологических разработок для потребностей региона, консолидация интеллектуальных и материальных ресурсов для решения задач восстановления, модернизации и устойчивого развития региона.

Стратегическая цель – конвергенция образовательной, научной и инновационной деятельности университета и создаваемого вокруг него регионального кластера из заинтересованных предприятий, организаций и учреждений для достижения синергетического эффекта в развитии Донбасса посредством интеграции образования, науки и предпринимательства, т.е. осуществления перехода к модели развития «Университет 3.0».

Достижение указанной цели будет осуществляться путем реализации стратегического партнерства университета с республиканскими и местными органами власти, с представителями образовательного, научного и предпринимательского сообществ для решения следующих ***основных задач развития университета*** с перечнем необходимых мероприятий по их выполнению:

1. Модернизация образовательной деятельности университета на базе республиканских образовательных стандартов высшего образования с учетом перспективной потребности Донбасса и других регионов мира в высококвалифицированных специалистах:

- разработка новых и обновление действующих образовательных программ для востребованных направлений подготовки бакалавров, специалистов и магистров;

- расширение состава профилей по осуществляемым направлениям подготовки студентов с учетом мировых тенденций развития науки и технологий и потребностей работодателей;

- повышение качества подготовки бакалавров, специалистов и магистров путем координации и содействия в зачислении студентов университета в экстерны российских вузов для прохождения государственной итоговой аттестации, защите выпускных работ и получения дипломов Российской Федерации;

- согласование с российскими университетами образовательных программ двойных дипломов для подготовки магистров в том числе через системы дистанционного образования, структуры сетевых университетов и т.п.;

- открытие новых специальностей в аспирантуре и докторантуре университета, а также диссертационных советов по актуальным для региона научным направлениям;

- согласование с российскими университетами и научными организациями планов и программ совместной подготовки аспирантов, докторантов и соискателей из числа сотрудников университета с последующей защитой диссертаций в диссертационных советах Российской Федерации и других стран СНГ;

- выполнение форсайт-исследований потребностей работодателей региона для определения новых и оценки действующих направлений и профилей подготовки студентов;

- участие в разработке и согласовании новых республиканских и международных образовательных стандартов высшего образования;

- разработка и реализация программы обмена опытом образовательной и научной деятельности с университетами и научными организациями Российской Федерации и других стран СНГ и мира.

2. Обеспечение привлекательности и мотивированности обучения в университете для абитуриентов, а также взаимовыгодности сотрудничества с университетом для работодателей:

- составление, согласование и реализация ежегодных планов работы со школьниками и абитуриентами (заключение договоров со школами; руководство научных кружков в школах и в университете; координация деятельности Малой академии наук; развитие лицея при университете; проведение дней открытых дверей и т.п.);

- развитие центра довузовской подготовки, в том числе организация бесплатных кратковременных курсов подготовки к вступительным экзаменам и собеседованию для абитуриентов;

- исследование показателей и критериев привлекательности и мотивированности обучения в университете и разработка способов их повышения;

- составление, согласование и реализация ежегодных планов работы с работодателями (заключение договоров с предприятиями, организациями и учреждениями; организация ярмарок вакансий; создание системы целевой подготовки магистров, аспирантов и докторантов и т.п.);

- исследование показателей и критериев взаимовыгодного сотрудничества университета и работодателей и разработка рекомендаций по организации взаимодействия с потенциальными заказчиками и потребителями образовательных услуг университета.

3. Расширение спектра образовательных, научных и инновационных услуг, предоставляемых университетом:

- подготовка и осуществление междисциплинарных образовательных программ обучения бакалавров, специалистов и магистров;

- разработка и реализация научно-образовательных и технолого-производственных междисциплинарных программ подготовки аспирантов, докторантов и соискателей;

- составление и внедрение образовательных программ переподготовки и повышения квалификации кадров с высшим образованием;

- организация рабочих групп по научному консультированию и проведению научно-технических, социально-экономических и гуманитарно-правовых экспертиз;

- создание временных творческих коллективов для решения актуальных задач развития университета и региона;

- формирование инициативных межфакультетских команд и межуниверситетских (с участием научных институтов и предприятий) консорциумов для разработки и выполнения перспективных республиканских и международных проектов.

4. Активное внедрение в учебный процесс инновационных образовательных технологий, повышающих качество подготовки выпускников, производительность труда преподавателей и эффективность организации учебной деятельности в университете:

- разработка и реализация программы внедрения в образовательный процесс дистанционных методов обучения и обеспечения этого процесса средствами мультимедиа;

- организация и проведение курсов обучения преподавателей университета активному использованию на учебных занятиях технических средств мультимедиа;

- подготовка и выполнение проектов по организации факультативных виртуальных занятий как для студентов университета, так и для любых желающих: вебинаров, телеконференций, онлайн лекций и т.п.;

- разработка интерактивных (удаленных) лабораторных работ по естественным, экономическим и гуманитарным дисциплинам и участие в существующих веб-системах удаленных экспериментах в режиме реального времени;

- развитие методик активного обучения (деловых игр, мозговых штурмов, проектно-командного подхода и т.п.).

5. Обновление кадрового потенциала университета за счет создания условий для профессионального роста научно-педагогических работников университета и привлечения талантливых педагогов и ученых из ведущих республиканских, российских и мировых университетов, исследовательских институтов, центров и лабораторий:

- разработка стимулирующих механизмов для создания условий профессионального роста сотрудников университета (разработка и принятие Положения о стимулировании сотрудников университет за научные и педагогические достижения);
- разработка стимулирующих механизмов для привлечения сторонних сотрудников на временной основе (разработка и принятие Положения о временной работе в университете по совместительству и по гражданско-правовым договорам);
- разработка нормативно-правовых положений для привлечения иностранных граждан к сотрудничеству с университетом (разработка и принятие Положения о сотрудничестве университета с иностранными гражданами).

6. Создание благоприятных условий для максимально полной реализации личностного и профессионального потенциала сотрудников университета и обучающихся в университете:

- создание нормативной комиссии по редактированию и разработки нормативно-правовых документов университета;
- разработка новой редакции Устава Донецкого национального университета;
- разработка Программы развития Донецкого национального университета на 2016–2020 годы;
- разработка новой редакции Коллективного договора;
- разработка новой редакции Правил внутреннего трудового распорядка;
- введение в действие на факультетах, кафедрах и других структурных подразделениях системы личного планирования и отчетности: ежемесячных индивидуальных планов работы сотрудников университета;
- организация ежегодных рейтингов по категориям сотрудников с соответствующим поощрением победителей;
- внедрение в образовательный и исследовательский процесс обучения студентов проектно-командный метод взаимодействия между обучающимися и наставниками, а также проведение периодических соревнований между командами по защите результатов проектов;
- привлечение и содействие участию студентов и сотрудников университета в университетских, республиканских и международных мероприятиях, соревнованиях, фестивалях и т.п.;
- развитие организационные и технические возможности улучшения здоровья и совершенствования физического потенциала студентов и сотрудников

университета путем активного занятия спортом и участия в спортивных соревнованиях различного уровня.

7. Формирование научно-исследовательского, технологического и инновационного кластера вокруг университета, обеспечивающего международный уровень образования, исследований и разработок по решению актуальных проблем развития региона:

- интеграция с академическими и отраслевыми научно-исследовательскими институтами путем создания совместных кафедр в институтах и совместных научных лабораторий в университете;
- активизация работы по регистрации научных журналов и сборников научных трудов университета в Министерстве информации ДНР, а также по включению зарегистрированных периодических изданий университета в перечень рецензируемых научных изданий ВАК ДНР и РИНЦ;
- подготовка и публикация результатов научных исследований в университетских журналах и сборниках, а также в иностранных изданиях, входящих в число реферируемых изданий (РИНЦ, Scopus, Web of Science);
- расширение взаимодействия с предприятиями, организациями и учреждениями региона посредством заключения договоров о сотрудничестве и контрактов на НИР;
- закрепление партнерства с республиканскими и местными органами власти путем заключения договоров о партнерстве и контрактов на НИР;
- возобновление и развитие сотрудничества с зарубежными научными, образовательными и предпринимательскими организациями, а также благотворительными и венчурными фондами, через заключение соглашений о сотрудничестве с организациями и фондами Российской Федерации, других стран СНГ и мира.

8. Развитие инфраструктуры регионального кластера университета и формирование продуктивной образовательной, научно-исследовательской и инновационной системы университета с учетом интересов стратегических партнеров из других предприятий, организаций и учреждений:

- подготовка, согласование и заключение меморандума о создании кластера между университетом, научными учреждениями, предприятиями и организациями;
- создание научного парка университета и сети малых инновационных предприятий;
- создание центра трансфера технологий и инноваций и установление деловые контакты с аналогичными центрами в Российской Федерации и других странах СНГ;
- создание центра коллективного пользования научным оборудованием и установление деловые контакты с подобными центрами в Российской Федерации и других странах СНГ;
- создание студенческого конструкторского бюро;
- создание студенческого инновационного бизнес-инкубатора.

9. Повышение эффективности управления университетом и формирование результативной организационной структуры:

- создание Попечительского совета университета;
- создание Наблюдательного совета университета;
- формирование на базе факультетов научно-образовательных центров (НОЦ) естественных, гуманитарных и экономико-юридических наук (разработать новую редакцию Положения о НОЦ естественных наук в 2016 г., Положение о НОЦ гуманитарных наук – 2017 г., Положение о НОЦ экономико-юридических наук – 2018 г.);
- внедрение компьютерно-информационной системы менеджмента университета (кадры, бюджет, научно-образовательный процесс и т.п.);
- организация и проведение внутриуниверситетских курсов повышения квалификации для руководящих работников по вопросам управления персоналом, проектного менеджмента, управления качеством и т.п. (разработать программу 24-х часовых курсов в 2016 году, состав слушателей: деканы и зам. деканы (2016), зав. кафедрами (2017), профессора (2018), доценты (2019), др. сотрудники (2020));
- развитие системы студенческого самоуправления и самоконтроля для привлечения студентов к управлению университетом;
- содействие в учреждении Ассоциации выпускников университета.

10. Поддержка и развитие финансово-экономической автономности и устойчивости университета:

- формирование прозрачной и открытой системы распределения бюджетных средств общего фонда, контроля их расходов и отчетности (разработать Положение о системе, принципах и правилах распределения бюджетных средств);
- организация системы учета доходов и расходов внебюджетных средств специального фонда, которые поступают за оказание образовательных услуг и выполнение хозяйственных договоров и контрактов (разработать Положение о системе, принципах и правилах распределения внебюджетных средств);
- привлечение спонсорской помощи и благотворительных взносов на реализацию проектов развития университета (разработать Положение о системе, принципах и правилах привлечения и распределения благотворительных средств);
- разработка и реализация Программы развития материально-технической базы университета (строительства и ремонта помещений, закупки и эксплуатации компьютерной и офисной техники, приобретения и установки научного оборудования и т.п.).

11. Осуществление систематического мониторинга показателей деятельности университета и оперативной корректировки принятых решений в связи с объективными изменениями внешней и внутренней среды функционирования университета:

- создание системы оперативной отчетности образовательных и научных подразделений университета через локальную сеть университета;

- организация системы ежеквартального мониторинга показателей деятельности образовательных и научных подразделений университета (показатели кадрового состава, результаты образовательной и научной деятельности, финансовые данные и т.п.);

- формирование квартальных, полугодовых и годовых отчетов университета с применением средств инфографики (таблицы, графики, диаграммы и т.п.);

- представление годовых отчетов университета широкой публике и размещение их на официальном веб-сайте университета в сети Интернет с открытым доступом;

- построение системы самообследования деятельности университета (разработать Положение о самообследовании деятельности университета с указанием критериев, показателей, результатов и т.п.);

- создание системы менеджмента качества университета и подготовка документации для проверки и признания соответствия требованиям стандарта ISO 9001:2008 в отношении проектирования, разработки и осуществления образовательной деятельности в области среднего, дополнительного профессионального и высшего образования в соответствии с областью лицензирования и государственной аккредитацией, а также научно-исследовательской и инновационной деятельности.

12. Творческое развитие и приумножение лучших культурных и этнических традиций и ценностей многонационального населения Донбасса:

- разработка и реализация Комплексной междисциплинарной программы возрождения и развития русских гуманитарных традиций в научной, образовательной и воспитательной деятельности университета;

- выполнение Междисциплинарного проекта «Культура народов Донбасса»;

- разработка и реализация Проекта молодежной политики университета и Концепции патриотического воспитания молодежи университета;

- создание центра современного искусства в университете;

- создание и развитие Регионального отделения Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры на базе университета;

- создание и развитие Донецкого культурно-просветительского центра «Русский край» в университете при поддержке Фонда «Русский мир»;

- организация международных конференций, семинаров, круглых столов с участием представителей академических, образовательных и творческих сообществ Российской Федерации и других стран СНГ и мира;

- разработка системы поддержки участия сотрудников университета и студентов, аспирантов и докторантов в научных, образовательных и культурных

мероприятиях, которые проводятся в Российской Федерации и других странах СНГ и мира.

Ожидаемые результаты реализации концепции

Развитие университета будет являться цивилизационным ответом на актуальные социально-экономические и общественно-политические вызовы, возникшие перед ДНР, требующие консолидации интеллектуальных и материальных ресурсов для решения задач сбалансированного развития ДНР. От реализации данной концепции развития университета ожидаются следующие результаты в основных сферах деятельности университета.

Ожидаемые результаты образовательной деятельности:

- модернизация образовательной деятельности университета создаст предпосылки для качественного изменения содержания и направленности естественнонаучного, гуманитарного, экономического, юридического и педагогического образования, активного вовлечения молодых специалистов в реализацию результатов фундаментальных и прикладных исследований, инновационных разработок, что позволит решить ряд актуальных проблем для Донбасса.

- концентрация внимания на подготовке современных и эффективных управленцев-менеджеров как для системы государственной службы, так и для различных предприятий и предпринимательских структур, позволит оперативно провести инфраструктурные и социально-экономические реформы в регионе с учетом первоочередных потребностей населения;

- формирование активной гражданской позиции у обучающихся в университете, ориентированной на принципы исторической общности, патриотизма, обеспечения прав и свобод граждан, их интересов в условиях исторически сложившегося многообразия культур, взаимообогащения и межнационального согласия, обеспечит условия для сбалансированного развития Донбасса.

Ожидаемые результаты научной деятельности:

- на базе результатов научных исследований и технологических разработок университета будет осуществляться технологическая модернизация (в том числе, импортозамещение) промышленного, энергетического и агропромышленного секторов региона, а также ассортиментное обновление в сфере предоставления услуг, что обеспечит экологически чистое и ресурсосберегающее социально-экономическое развитие Донбасса;

- разработанные в университете методы мониторинга состояния окружающей среды, способы предотвращения и ликвидации ее загрязнений, методики и технологии переработки и утилизации промышленных и бытовых отходов будет иметь ключевое значение для восстановления эко- и техносфер Донбасса;

- комплексные исследования университета в области информационно-телекоммуникационных, био-, нано- и бионанотехнологий позволят сформировать современный технологический кластер и обеспечить рост

новых секторов экономики, что необходимо для развития в ДНР эффективной индустрии, способной конкурировать с передовыми зарубежными производителями товаров и услуг;

- новые парадигмы и подходы, которые будут разработаны в университете, к решению экономических и правовых проблем внутреннего и внешнего взаимодействия общества, государства и мирового сообщества позволят преодолеть экономическую и политическую изоляцию ДНР, а также обеспечат устойчивый рост экономики и социальных стандартов качества жизни населения;

- достигнутые результаты гуманитарных исследований университета обеспечат сохранение и популяризацию истории и культуры всех народов Донбасса, в том числе развитие международных, межнациональных и интернациональных связей на принципах дружественных, добрососедских и толерантных взаимоотношений.

Ожидаемые результаты инновационной деятельности:

- формирование инновационной инфраструктуры университета позволит сотрудникам и студентам стать ближе к проблемам реального сектора экономики и к насущным социальным потребностям населения;

- созданный региональный научно-образовательный и инновационный кластер обеспечит открытый доступ к достижениям университета для предприятий, учреждений и организаций Донбасса;

- университет станет центром превосходства в региональной инновационной системе и войдет в международные инновационные сети.

Тематическое направление «**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**»

Секция «***Языковые единицы и категории в аспекте сопоставления и перевода***»

УДК 81’373:811.111-26:811.161.2

СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В ХРИСТИАНСТВЕ В АНГЛИЙСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Ананченко Е.С.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
lileina.l@gmail.com

1. Данная работа посвящена выявлению общих и национально-специфических характеристик семантики лексем, репрезентирующих часть концептуальной сферы МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР лингвокультурного концепта *РЕЛИГИЯ*, а именно содержательный узел «Произведения изобразительного искусства» в английском и украинском языках.

Изучение концептов духовной культуры является актуальным особенно в свете антропоцентрической парадигмы [2], использование сопоставительного подхода позволит высветлить универсальные и специфические черты особенностей структурирования соответствующих фрагментов концептуального пространства. Материал исследования составили 32 лексических единицы, отобранные методом сплошной выборки из толковых словарей английского и украинского языков [1, 7], из них 15 лексических единиц (далее ЛЕ) английского языка и 17 ЛЕ украинского языка.

2. Анализ семантики изучаемых ЛЕ позволяет сделать вывод, что содержательный узел «Произведения изобразительного искусства» состоит из трех семантических кластеров *«Изображения святых»*, *«Изображения распятия»*, *«Иконопись как вид искусства»*.

2.1. Наиболее продуктивным в обоих сопоставляемых языках является семантический кластер *«Изображения святых»*. Ср.: англ. (7 ЛЕ) *Ecce* ‘изображение Христа в терновом венке’, *icon* ‘икона’; укр. (10 ЛЕ) *образок* ‘образок, иконка’, *Неопалима купина* ‘Неопалимая Купина’.

Семантический кластер *«Изображения распятия»* вербализован 5 ЛЕ в английском языке и 3ЛЕ – в украинском языке. Ср.: англ. *Calvary* ‘Голгофа’, *Golgotha* ‘Голгофа’, *crucifix* ‘розп’яття’; укр. *хрест* ‘крест’, *розп’яття* ‘распятие’. Лексемы синонимического дублета *Calvary* ‘Голгофа’, *Golgotha* имеют значение *“a representation of Christ’s crucifixion, usually sculptured in the open air”* ‘изображение распятия Христа, как правило, рельефное

изображение на открытом воздухе', переводятся 'Голгофа' и происходят от слова "череп". При этом *Calvary* является латинским заимствованием, а *Golgotha* пришло посредством латинского и греческого из арамийского языка, являясь однокоренным с древнееврейским. Следует отметить, что лексемы украинского языка реализуют данный кластер за счет своих производных значений, в то время как базовые лексико-семантические варианты вербализуют другие содержательные узлы и кластеры концепта *РЕЛИГИЯ*.

Кластер *«Иконопись как вид искусства»* вербализован лексемами, значение которых связано с созданием и изучением икон. Ср.: англ. (3 ЛО) *iconology* 'иконология'; укр. (4 ЛО) *оклад* 'оклад', *іконопис* 'иконопись'.

2.2. Анализируя особенности структуры и семантики лексем, обозначающих произведения изобразительного искусства в христианстве в английском и украинском языках, следует отметить, что в английском языке в группе изучаемых лексем преобладают полисеманты с тенденцией к генерализации значения, в украинском языке – моносеманты. Из пяти полисемантических лексем украинского языка три вербализуют содержательный узел в своем базовом значении, две лексемы характеризуются генерализацией денотата.

В английском языке вследствие развития значения наблюдаем случай метонимического переноса – синекдоху. ЛЕ *George* – имя собственное святого *Георгия* – со временем стала употребляться для обозначения украшения и монеты. Поскольку Святой Георгий является покровителем Великобритании, его изображали на украшениях высшего рыцарского ордена – ордена Повязки (*Order of the Garter)* и монетах стоимостью полкроны и гинеи. Позже монеты были изъяты из обращения, и это значение сейчас является устаревшим. Знак ордена Повязки представляет собой изображение в цветных эмалях святого Георгия на коне, поражающего копьём крылатого змия (дракона), как правило, решение монарха о награждении рыцарей или дам этим орденом становится достоянием общественности 23 апреля, в день Святого Георгия.

2.3. Этимологический анализ исследуемых ЛЕ свидетельствует о наличии в обоих языках заимствований из 1) греческого и 2) латинского языков. Ср.: 1) англ. *iconology*; укр. *іконопис*; 2) англ. *crusifix*; укр. *розп'яття*. Однако, в отличие от английского языка, в котором все ЛЕ являются заимствованными, в украинсокм языке 72% лексем узла пришли из старославянского и праславянского языков. Например, укр. *оклад, образ*.

2.4. Специфической чертой содержательного узла «Произведения изобразительного искусства» является лексикографическое представление лексем. В английском языке четыре лексемы имеют лексикографические пометы, которые указывают на вербализацию понятий, типичных для определенного направления христианства (1), стилистическую характеристику единицы (2) или ограниченность ее использования в современном языке (3). Например, англ. 1) ***eastern church*** 'православная церковь' *icon* 'икона', 2) ***slang*** 'сленг' *George* 'Георгий', 3) *Ecce Homo – "a painting of Christ wearing the crown of thorns"* живописное изображение Христа в терновом венке'. *Ecce Homo* буквально переводится «вот человек», «это

человек». Согласно Евангелию от Иоанна (гл. 19, ст. 5), прокуратор Иудеи Понтий Пилат с этими словами показал народу Иерусалима после бичевания Иисуса Христа, одетого в багряницу и увенчанного терновым венцом, желая возбудить сострадание толпы.

В украинском языке только ЛЕ *боги* – "зображення Бога або церковних святих; ікони, образи" '*боги* – изображение Бога или церковных святых; иконы, образы' имеет помету ***заст.***, т.е. устаревшее слово.

2.5. Универсальной чертой лексем содержательного узла «Произведения изобразительного искусства» является их частеречная характеристика: в обоих языках узел реализован именами существительными. В обоих сопоставляемых языках кластер *«Изображения святых»* вербализован словосочетаниями. Ср.: англ. *Noli me tangere – "a painting representing the appearance of Christ to Mary Magadalen"* 'Не тронь меня, не прикасайся ко мне – живопись, на которой изображено явление Исуса Христа Марии Магдалене'. Название произведения *Noli me tangere* восходит к евангельскому сюжет, описывающему первое после Воскресения явление Христа Марии Магдалине, которая, таким образом, первая увидела воскресшего Спасителя. Он же сказал ей: *«не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему.»* (*Евангелие от Иоанна* глава 20, стих 17). Укр. *Неопалима купина – "у церковному вжитку – назва ікони із зображенням Богородиці, яка рятує від пожежі"* 'Неопалима Купина – в церковном употреблении – название иконы с изображением Богородицы, избавляющей от пожаров'. Общим для сопоставляемых языков является объективация содержательного узла незначительным количеством прилагательных, образованных от существительных с помощью суффиксов *-al* в английском языке и *-н(ий)* – в украинском.

3. Итак, реалии, связанные с христианской традицией изображения Бога, Его помощников, Исуса Христа, святых, сцен Писания, находят свою реализацию в сопоставляемых языках, объективируя содержательный узел «Произведения изобразительного искусства». Среди универсальных черт можно отметить частеречную характеристику лексем узла, специфическим является лексикографическое представление, этимология лексем, особенности развития семантики.

1. Великий тлумачний словник української мови / [уклад. і гол. ред. В.Т.Бусел]. – К., 2004. – 1440 с.
2. Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2007. – Т. 66. – № 2. – С. 13-22.
3. Етимологічний словник української мови: [у 7 т. / АН УРСР; редкол. О.С.Мельничук та ін.]. – К., 1983–1989.
7. The Shorter Oxford English Dictionary: [2 volumes / W. Little, H. W. Fowler, J. Coulson]. – Oxford: Clarendon Press Oxford, 1983.
8. Skeat W. W. Concise Dictionary of English Etymology / W. W. Skeat. – Wordsworth Edition Ltd, 1998. – 656 p.

УДК 81-119

ГЛАГОЛЫ ПРИКОСНОВЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Басыров Ш.Р., Писарева В.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
rivendellstars@gmail.com

Осязание – один из основных видов отражения человеком объективной действительности, в основе которого лежит раздражение различных рецепторов кожи. Тактильная чувствительность позволяет оценить форму, размеры предмета, свойства поверхности, консистенцию, температуру, положение и перемещение в пространстве [1, с. 4]. Согласно Т.В. Борейко, инвариант тактильного восприятия можно представить следующим образом: *X воспринимает Y*, где X – субъект восприятия, одушевленное существо (человек, животное), Y – объект восприятия, т.е. всё, что можно осязать. Как замечает О. В. Федотова [4, с. 79], «субъект и объект являются основными, наиболее обязательными среди всех актантов глагола. Важное значение в категоризации глаголов с общим значением прикосновения в функциональном плане имеют признаки субъекта прикосновения и объекта прикосновения, поскольку присущие им признаки непосредственно связаны с формированием любого предложения-высказывания».

Согласно определению Стэнфордской философской энциклопедии» [5], «прикосновение является основной формой незрительного восприятия, которое играет значительную роль в практически каждом нашем опыте чувственного восприятия. В отличие от многих других органов чувств, оно по существу своему является мультисенсорным, т.е. затрагивает несколько органов чувств, в особенности если учитывать разнообразие составляющих его систем и форм опыта.»

Объектом исследования являются глаголы, репрезентирующие семантику прикосновения на языковом уровне.

Предметом исследования является семантика, структура и функционирование глаголов, обозначающих «прикосновение» в английском, немецком, русском и украинском языках.

Материалом исследования послужили глаголы прикосновения (далее – ГП), полученные методом сплошной выборки из авторитетных русских, украинских, англо- и немецкоязычных толковых словарей.

Критерием отбора ГП послужило наличие в дефиниции глагола, зафиксированного в авторитетном толковом словаре, семы физического контактирования одного объекта к другому, как напрямую, так и опосредованно, н-р.:

hold somebody/something <to carry something; to have somebody/something in your hand, arms, etc.> ‘держать что-л.; держать кого-л., что-л. в руке, в объятиях и т.д.’, т.е. держать;

erfassen <mit den Händen ergreifen und festhalten> ‘схватить и держать руками’, т.е. схватывать, хвататься;

брать <касаться (коснуться) чего-л., принимая в руки или схватывая, захватывая руками, зубами, щипцами и т.п.>;

гладити <проводити рукою, вирівнюючи, розправляючи що-небудь; пестити, легко проводячи долонею> ‘проводить рукой, выравнивая, расправляя что-л.; ласкать, проводя ладонью’, т.е. гладить;

Под ГП понимается такой тип отношение между субъектом и объектом действия, при котором один из них оказывает воздействие на другой объект, в результате которого последний может претерпевать структурные видоизменения, н-р.: *затрагивать* <касаясь кого-, чего-л., повреждать (повредить) что-л. (кожу, кости, внутренние органы и т.п.)> [2, с. 192] или менять свою пространственную локализацию [4, с. 80]. Субъектом прикосновения является источник намеренного или ненамеренного действия, как с наличием орудия прикосновения, так и без него, который таким образом оказывает влияние на объект действия.

К ГП следует прежде всего отнести глаголы *to touch* в английском языке, *berühren* в немецком языке, *касаться*, *трогать* в русском языке и *торкатися* в украинском языке. Типовая семантика ГП – цель касаться (коснуться) кого-либо или чего-либо, ухватившись за кого-либо или чего-либо, дотрагиваясь, задевая чем-либо за кого-либо, обо что-либо.

Так, английский ГП *to touch* означает <to come into or be in contact with, bring a part of the body into contact with> ‘вступать или находиться в контакте с кем-л. или чем-л., вступать в контакт какой-л. частью тела’, т.е. ‘касаться’, а немецкий глагол *zubeißen* – <mit den Zähnen packen und beißen, schnell und kräftig irgendwohin beißen> ‘хватать и кусать зубами, укусить быстро и крепко’, т.е. ‘впиваться зубами’. Данные ГП подразумевают прямой, непосредственный физический контакт между субъектом и объектом, в то время как немецкие глаголы *abklopfen* (выстукивать молоточком) ‘durch Klopfen untersuchen, prüfen; perkutieren’ и *bügeln* (гладить с помощью утюга) ‘mit dem Bügeleisen glätten’ предполагают наличие некого инструмента, при помощи которого осуществляется прикосновение, в свою очередь представляя собой пример опосредованного физического контакта между субъектом и объектом.

Глагол *касаться* в русском языке обозначает минимальный физический контакт, на что указывают определители адвербиального характера (касаться *нежно*, *мягко*, слегка, едва, не применяя физической силы). Данный глагол допускает два типа объекта: одушевленный (я, девушка, музыкант) и неодушевленный (мяч, шайба). В свою очередь глагол *чіпати* обозначает минимальное воздействие на объект (*я, мати, лікар*). Данный глагол может употребляться в ситуациях, когда осуществляется контакт между активным субъектом и пассивным объектом, который может быть как одушевленным, так и неодушевленным, н-р.:

(1) *І зашкарубла, потріскана рука чіпала ніжне <u>волосся</u>, шелестіла, як по шовку* (Гнат Хоткевич, II, 1966, 93),

(2) *Вчора я отримала гроші, але ще їх не чіпала, а сховала в ящик* (Леся Українка, V, 1956, 124).

Интенция прикосновения также может быть как позитивно направленной, так и негативно: н-р, английский глагол *to caress* ‘to touch or stroke gently or lovingly’ (ласкать) и немецкий глагол *streichen* ‘mit einer gleitenden Bewegung [leicht, ebnend, glättend] über etwas hinfahren, hinstreichen' (ласкать, проволить рукой) согласно своим дефинициям предполагают положительную направленность:

She caressed the girl’s forehead. ‘Она погладила девочку по лбу’.

Sie strich ihm sanft übers Haar. ‘Она нежно погладила его по волосам’.

Глаголы прикосновения представляют несомненный интерес и требуют дальнейшего изучения с позиций семантики, структуры и функционирования в тексте.

1. Борейко Т.С., Гейко Е.В., Литвиненко Ю.Ю., Федяева Н.Д., Штехман Е.А. Человек как субъект и объект восприятия: фрагменты языкового образа человека / Т.С. Борейко, Е.В. Гейко, Ю.Ю. Литвиненко, Н.Д. Федяева, Е.А. Штехман. – М.: Флинта, 2011. – 230 с.
2. Бабенко Л.Г. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: Аст-Пресс, 1999. – 704 с.
3. Федотова О.В. Функционально-семантические особенности глаголов, репрезентирующих фрейм «прикосновение» в современном английском языке / О.В.Федотова. – БелГУ, Белгород, 2007. – 22 с.
4. Федотова О.В. Функциональная категориация английских глаголов прикосновения. / О.В.Федотова. // БелГУ, «Научные ведомости», серия Гуманитарные науки. – 2014, №20 (191), выпуск 23. – С. 79–88.
5. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Touch. // 23 ноября 2015 г. http://plato.stanford.edu/entries/touch/

УДК 81’367’37:811.111=161.2

ОСОБЕННОСТИ ФАКТИТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ КОНСТРУКЦИЙ С КАУЗАТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ-СВЯЗКАМИ В АНГЛИЙСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Бессонов Н.Ю.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

nikitabessonov@mail.ru

Понятие «каузация» в физическом мире означает непрерывную связь причины и следствия. Любая концептуально ограниченная часть, или «событие», воспринимается как связанная с окружающим миром внешними или внутренними причинно-следственными отношениями. Каузативность определяется как семантическая категория, которая указывает на события или явления, порождающие другие события или явления. По мнению А.Н. Приходько, причинность как одна из базовых онтологических сущ-

ностей находит свое воплощение в языке в виде функционально-семантической категории каузальности, которая отображает отношения зависимости, обусловленности, логического соответствия и непротиворечивости явлений объективной реальности [Приходько 2004, с. 115]. Изучение работ, посвященных проблемам каузативности, свидетельствует о различии подходов к ее исследованию. Одним из наиболее перспективных ракурсов является рассмотрение категории каузативности в рамках конструкционной грамматики.

Актуальность данного исследования обусловлена также интересом к проблемам сопоставительного изучения вопросов семантического синтаксиса, необходимостью дальнейшей систематизации накопленных знаний в этой области и недостаточным уровнем изученности специфики языковой реализации конструкций с каузативными глаголами в разноструктурных языках.

Под конструкцией с каузативным глаголом понимается любое построение, имеющее своим грамматическим ядром категорию каузативности, независимо от характера семантической интерпретации [Недялков, 1969], например: англ. *He let them sleep,* укр. *Він дав їм спати*. Для каузативной модели типичным является наличие каузатора, действия-каузации, объекта каузации и результата каузации. Такая модель в зависимости от языка может соответственно иметь следующие способы выражения: 1) лексический, 2) аналитический, 3) морфологический [Недялков, 1969]. В данной работе рассматриваются случаи аналитического каузатива в рамках каузативной конструкции (далее КК) на материале художественных произведений английских, американских и украинских писателей 20 века.

Каузативные конструкции и их семантика представляют собой фундаментальную основу, присутствующую во всех языках и являющуюся частью универсальной семантической организации. Именно ассоциирующаяся с каузативными ситуациями глубинная информация максимально сближает различные языки. Алломорфизм же обусловлен тем, каким образом, насколько эксплицитно и насколько мотивированно каузативность выражена на поверхностном уровне.

Следует отметить, что синтаксическая структура каузативных конструкций не всегда совпадает с семантической. Другими словами, такие семантические элементы конструкции как субъект (каузатор) и объект (каузируемый) могут быть имплицитны или вообще отсутствовать в конструкции. Однако этот факт не касается глагола-связки, так как этот элемент, являясь ключевым, всегда присутствует в конструкции.

Используемое в данной работе формульное толкование осуществляется в рамках естественно-логического подхода к задачам семантического анализа, разработанного такими лингвистами, как Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян.

Основными каузативными связочными глаголами в английском языке являются глаголы *let, make, get, have,* а в украинском – *давати, дозволяти, примушувати, робити*. В глобальном значении английского и украинского

каузативов можно выделить фактитивные, пермиссивные и ассиситивные значения [Сильницкий, Типология каузативных 1969, с. 111-112]. Наиболее частотным фактитивным значением КК с глаголами-связками является значение, которое можно интерпретировать следующей формулой толкования: «Агенс Ag каузирует адресата Adr выполнить действие V независимо от желания адресата Adr». Этот тип зафиксирован в КК с английскими глаголами-связками make, get, have и украинским связочным глаголом *примушувати.*

Исследуемое значение зафиксировано в 34,7 % КК с глаголом *get*, например: "*Every week she wrote for him a sort of diary of her inner life, in her own French. He had found this was the only way to get her to do compositions"* [Lawrence: Sons and Lovers, p. 207]. Указанный пример отображает ситуацию, в которой агенс Ag, выраженный местоимением *he* 'он', каузирует адресат Adr, представленный местоимением *her* 'ее', выполнить действие V, выраженное инфинитивным оборотом *to do compositions* 'писать сочинения' независимо от желания адресата.

Данное значение характерно для 28 % КК с глаголом *make*, например: *It is such women as you that strew this degraded coast with wretched exiles, that make men forget their trusts"* [O'Henry: Cabbages and Kings, p. 65]. Указанный пример отображает ситуацию, в которой агенс Ag, выраженный существительным *women* 'женщины', каузирует адресат Adr, представленный субстантивом *men* 'мужчины', выполнить действие V, выраженное инфинитивным оборотом *forget their trusts* 'забывать свои обязательства'.

Описываемое значение КК с глаголом-связкой *have* отмечено в 18 % примеров: *And I run up with a pat of butter, for it'd be a poor thing to have you eating your spuds dry, and you after running a great way...* [Synge: The Playboy of the Western World, p. 99]. Приведенный пример отображает ситуацию, в которой агенс Ag, выраженный имплицитно, каузирует адресат Adr, представленный местоимением *you* 'тебя', выполнить действие V, выраженное глаголом в форме Gerund *eating* 'есть'.

В украинском языке данное значение характерно только для КК со связочным глаголом *примушувати* (55,3 %): *Мій цинізм примушує тебе й інших звертати на мене увагу, мені ж цього й треба.* [Хвильовий, с. 42]. Указанный пример иллюстрирует ситуацию, в которой агенс Ag, выраженный местоимением *мій*, каузирует адресат Adr, представленный местоимением *тебе*, выполнить действие V, выраженное инфинитивом *звертати*, независимо от желания объекта О.

КК с исследуемыми глаголами отличаются степенью выраженности критерия эксплицитности / имплицитности. Преимущественно эксплицитными являются К с *get* (98 %), *примушувати* (84 %). Относительно меньшая степень эксплицитности характерна для *make* (72 %) и *have* (70 %).

Перспективным представляется типологическое изучение семантических особенностей КК с привлечением большего количества разноструктурных языков.

1. Приходько А.Н. Синтаксис и семантика конструкций с каузативными глаголами в немецком языке в сопоставлении с украинским и русским // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах: зб наук. праць. – Вип. 9. – Донецьк: ДонНУ, 2004. – С. 115–125.
2. Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград, 1969. – С. 20-50.
3. Типология каузативных конструкций (морфологический каузатив) / под ред. А.А.Холодовича. – Ленинград: Изд-во "Наука", Ленинградское отделение. 1969. – 312 с.

УДК 81-26 651.926

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Квач Ю.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
y.kvach@yandex.ru

1. Общие положения. При переводе технических текстов, в том числе и технической документации, важно учитывать их стилевые особенности, в частности, лексическую составляющую и грамматические аспекты.

К характерным чертам технического текста в русском и английском языках с лексической точки зрения можно отнести преобладание терминов и понятий, зачастую узкоспециализированных; использование научной фразеологии и стойких терминологических словосочетаний; а также широкое употребление многозначных слов [3].

2. Лексические трансформации при переводе технической документации.

Между лексическими системами разных языков существует множество различий, которые проявляются в типе смысловой структуры слова. Каждая лексическая единица языка, которой является слово – это часть всей его лексической системы. Суть лексических трансформаций при переводе заключается в замене лексических единиц языка оригинала лексическими единицами языка перевода, которые при этом не являются их прямыми словарными эквивалентами. [2]

Среди лексических трансформаций можно выделить калькирование, транслитерацию, а также конкретизацию, генерализацию и модуляцию (смысловое развитие). [1, с. 173-178] Общее количество таких лексических трансформаций в исследованном материале составило 340 примеров.

Наиболее продуктивным в количественном отношении типом лексических трансформаций в исследуемом материале является трансформация конкретизации (268 примеров, 78,8 % от общего количества лексических трансформаций). Такое большое количество данного рода трансформаций

объясняется, в первую очередь, широкой вариативностью английского языка, в котором одно слово может иметь множество более узких эквивалентов в русском языке, употребляющихся в определенных случаях. Так, в исследуемом материале в рамках трансформации конкретизации чаще всего встречаются такие слова, как *'action', 'influence', 'structure', 'value'* и так далее, которые при переводе на русский язык заменяются более узкими терминами, применимыми к отрасли строительства, и в исследованном тексте встречаются очень часто. При этом конкретизация встречается как применительно к существительным, так и к глаголам и прилагательным. Проиллюстрируем это конкретными примерами.

(1) *Properties of materials (including **soil** and **rock**) or products should be represented by **characteristic values**.* – 'Свойства материалов (включая **грунт** и **скальные породы**) и продуктов должны задаваться их **нормативными значениями'**.

В данном примере мы можем наблюдать сразу три случая конкретизации: *'soil'* (почва) – *'грунт'*, *'rock'*(камень) – 'скальные породы', а также случай конкретизации значения имени прилагательного '*characteristic*' – *'нормативный'*. Во всех трех случаях слова с более широким значением в английском предложении заменяются более конкретными значениями в русском переводе.

Второй по продуктивности тип лексических трансформаций, который был выявлен в результате исследования – прием модуляции или смыслового развития. В данном материале было зафиксировано 46 примеров таких трансформаций (13,5% от общего количества). Модуляция предусматривает замену слова или словосочетания на языке оригинала единицей языка перевода, значение которой логически вытекает из значения исходной единицы. Например:

(2) *NOTE **For further guidance on this topic see** the clauses on vectorial effects in EN 1992 to EN 1999.* – 'Примечание. **Дальнейшие рекомендации по этой теме приведены в пунктах** по векторным эффектам в Еврокодах EN 1992 – EN 1999'.

В данном примере смысловое развитие заключается в том, что фраза '*For further guidance on this topic see*', которая задает причинно-следственные отношения, в русском переводе трансформируется во фразу '*Дальнейшие рекомендации по этой теме приведены в пунктах*', которая имеет то же самое значение, но подает его в несколько ином, перефразированном виде. При этом стоит отметить, что данная лексическая трансформация сопровождается синтаксической заменой – дополнение '*for further guidance*' в английском предложении становится подлежащим в русском переводе '*дальнейшие рекомендации по этой теме приведены'*.

Третьим по продуктивности (30 примеров) лексическим преобразованием стало калькирование, которое представляет собой дословный перевод слова или словосочетания. В данном исследовании при помощи такой трансформации были переведены типы конструкций и термины, связанные с инженерными и физическими расчетами, а также названия нормативных документов и их частей. Например:

*(3) NOTE The values in Tables A1.2 (A) to (C)) can be altered e.g. for different reliability levels in the **National annex** (see Section 2 and Annex B).* – Примечание. Данные, приведенные в Таблицах А1.2 А – С допускается изменять (например, для различных уровней ответственности) в **Национальном приложении** (см. Раздел 2 и Приложение В).

3. Лексико-грамматические трансформации при переводе технической документации

Согласно работам В.Н. Комиссарова, к лексико-грамматическим трансформациям относятся антонимический перевод, экспликация (описательный перевод) и компенсация. [1, с. 183-185] Относительно данного языкового материала, такие трансформации являются непродуктивными, так как в большей степени являются характерными для художественного перевода. Особенно это касается приема компенсации, который применяется для восстановления смысловых деталей, которые теряются при переводе и поэтому должны передаваться каким-либо иным способом. Для технического текста такие трансформации совершенно не свойственны.

Поэтому в результате проведенного исследования в рассмотренном тексте были выявлены только случаи антонимического перевода (16 примеров).

*(4) When EN 1990 is used in respect of a property listed in an Annex Z of a product standard or an ETAG the use of an alternative design rule **may not be acceptable** for CE marking.* – ‘Когда EN 1990 используется в отношении свойств, перечисленных в Приложении Z стандарта на продукт или в ETAG, использование ненормируемого правила проектирования, **может стать основанием для отказа** в маркировке CE’.

В данном примере в английском предложении негативное сочетание ‘*may not be acceptable’* (досл. не может быть принятым), в русском предложении приобретает противоположное значение ‘*может явиться основанием для отказа’*, но при этом смысл высказывания сохраняется. При переводе на русский язык глагол приобретает положительное значение – *‘может’*, а значение отрицания возможности выполнения описанного действия выражается с помощью существительного *‘отказ’*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для достижения адекватного и точного перевода технической документации с английского языка на русский, необходима систематизация и выявление, на примере частных случаев и с целью дальнейшего обобщения, способов передачи различного рода лексических явлений и поиска соответствий в языке перевода.

1. Комиссаров В.Н. Теория перевода. – Москва: Высшая школа, 1990. – 253 с.
2. Латышев Л.К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. – Москва: Международ, отношения, 1981. – 248 с.
3. Пумпянский А.Л. Лексические закономерности научной и технической литературы. Англо-русские эквиваленты. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1980. – 83 с.

УДК 81'44

КАУЗАЛЬНАЯ МЕТОНИМИЯ ПРИ ОБОЗНАЧЕНИИ ЧЕЛОВЕКА В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Киосак В.М.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
kiosak5@mail.ru

1. Согласно лексико-грамматической классификации (Е.В. Гулыга, 1969: 18) одну из главных групп образуют существительные, обозначающие человека, в названии которого в качестве инструментария особую роль играет метафора и метонимия на основе переноса наименований. В последнее время акцент смещается в сторону метонимического переноса (Бирих, 1995, Бондаренко, 1980, Королева, 2002, Сорокина, 1994: 62). Это говорит о том, что в этой области существуют нерешенные задачи. Задача данного исследования заключается в изучении одного из типов метонимического переноса, а именно: перенос названий на основе каузальных связей.

2.1 Объектом данного исследования является метонимический перенос при обозначении человека на основе каузальных связей.

2.2. Предметом исследования является семантическая система метонимов в немецком и русском языках, а именно тип и модели.

2.3. Материалом исследования является выборка из толковых словарей немецкого и русского языков, напр. нем. *Spielfreude*‘радость команды от игры’ → *Spielfreude*‘немецкая национальная команда’; рус.*пример* ‘поступок, поведение или явление, служащее образцом для кого-л., чего-л.’ → *пример* ‘тот, кому надо следовать, подражать в своих действиях, поступках’.

2.4. Цель исследования состоит в изучении особенностей и сравнительный анализ метонимического обозначения человека в немецком и русском языках. Реализация данной цели предусматривает решение следующих задач:

1) выяснить модели метонимических переносов каузального типа на обозначение человека в данных языках;

2) провести количественный и качественный анализ сходств и различий в обозначении человека.

2.5. Научная новизна данного исследования состоит в том, что впервые:

1) описан корпус метонимических переносов при обозначении человека на основе каузальных связей в немецком и русском языках (на основе словарных дефиниций);

2) проведен количественный анализ семантического класса метонимов при обозначении человека;

3) определена связь семантики метонимов при обозначении человека с их существенными признаками – продуктивностью, синтаксическими функциями;

4) Определены общие и отличительные черты в семантической организации метонимов при обозначении человека в немецком и русском языках.

3. Каузальным называют метонимический перенос значения, обусловленный причинно-следственной связью между понятиями смежных объектов (М.В. Бондаренко, 1980: 136). Систему каузальной связи составляют действие (состояние, процесс, событие), субъект действия, объект действия и инструмент, при помощи которого выполняется действие. Взаимодействие между этими элементами выражается в моделях метонимического переноса. В немецком и русском языках при обозначении человека определены следующие модели каузальной метонимии: «действие (состояние, процесс, событие) → субъект действия», «действие → объект действия», «объект действия → субъект действия», «инструмент, при помощи которого выполняется действие → субъект действия».

3.2. Модель «действие (состояние, процесс, событие) → субъект действия» представлена в исследуемом материале метонимическими переносами типа *Verteidigung*‘процесс защиты’ → *Verteidigung*‘группа защитников в производстве по уголовному делу’, *смена* ‘действие по знач. глаг.: сменять’ → *смена* ‘группа людей, выполняющих какую-л. работу, отдыхающих и т.п. и через определенный промежуток времени сменяемых другой группой’.

3.2.2. Модель «действие → объект действия» может быть представлена следующими примерами окказионального переноса при обозначении человека: нем. *Entdeckung* ‘открытие’ → *Der junge Schauspieler ist eine großartige Entdeckung*‘Этотмолодойактер – великолепноеоткрытие’.

3.2.3. Перенос при обозначении человека в рамках модели «объект действия → субъект действия» можно представить следующим примером: *Ballett*‘артистический танец на сцене’ → *Ballett* ‘танцевальная группа для танца на сцене’.

3.2.4. Модель «инструмент, при помощи которого выполняется действие → субъект действия» проявляется в переносе значения типа: *Geige* ‘скрипка’ → *die erste Geige* ‘скрипач, который выполняет в струнном или симфоническом оркестре первый голос’, *ракетка* ‘спортивный снаряд в виде овальной – деревянной, фанерной или с натянутой сеткой – лопатки для отбивания мяча или волана при игре в теннис, бадминтон и т.п.’ → *первая (вторая, третья) ракетка* ‘о теннисисте (теннисистке), который (которая) занимает соответственное место рейтинге’.

4. В дальнейшем в процессе анализа материала необходимо:

− установить количественные параметры распределения каждой из моделей;

− провести дальнейшую классификацию моделей с учетом лексической семантики;

− провести наблюдение, как установлены модели и типы в английском языке;

− сравнить полученные результаты в немецком и русском языках.

1. Бирих А.К. Метонимия в современном русском языке: (Семантические и грамматические аспекты) / А.К. Бирих. – München :Sagner, 1995. – 191 с.
2. Бондаренко М.В. Системная характеристика метонимического переноса темпорального типа // Системное описание лингвистических явлений германских языков: Сб.науч.трудов. – Куйбышев, 1980. – С.135-139.
3. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М.: Просвещение, 1969. – 184 с.
4. Королева О.Э. Метонимия как тип значения: семантическая характеристика и сфера употребления. – Огненск: Институт муниципального управления, 2002. – 158 с.
5. Сорокина М.В. Действие принципа антропоцентричности при метонимическом переносе // Языковая личность: проблемы значений и смыла: Сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 1994. – С.61-70.

УДК 81’44: 811.11

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИТНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА В ИСКУССТВЕ

Косицкая А.Г.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
alinakositskaya@mail.ru

1. Объектом исследования являются композитные наименования человека в искусстве (далее КНЧИ), а предметом – их структура и семантика.

2. Актуальность данного исследования заключается в том, что оно проводится в русле антропоцентрических тенденций. Рассматриваемые КНЧИ (их нейтральные и стилистически маркированные варианты) в сфере таких видов искусства, как кино, театр, музыка и телевидение, в английском и немецком языках не были предметом специального рассмотрения.

3. Материалом исследования послужили КНЧИ английского (142 ед.) и немецкого (518 ед.) языков, отобранные путем сплошной выборки из толковых, разговорных и сленговых словарей, а также из классификаторов профессий.

4. В зависимости от семантико-синтаксической связи между структурными компонентами A (определяющий) и B (определяемый) выделяются эндоцентрические (детерминативные) и копулятивные (сочинительные, dvandva) КНЧИ [5: 235].

4.1 Эндоцентрические КНЧИ (англ. – 128 ед. или 90,1 %; нем. – 499 ед. или 96,3%) представлены различными моделями, которые отражают частеречную принадлежность их непосредственно составляющих (далее НС), а именно: **N** – существительное, **Adj** – прилагательное. Исследуемые КНЧИ построены по таким продуктивным структурным моделям: **N + N** (англ. – 101 ед., нем. – 423 ед.): англ. *tribute band* ‘группа, исполняющая композиции своих любимых исполнителей и выступающая в их стиле’; нем. *Schmieren|komödiant* (m) разг. ‘неумелый актер’ (*Schmiere* разг. ‘захудалый театришко; бродячая труппа, балаган’); **(N + N) + N** (англ. – 7 ед., нем. – 31 ед.): англ. *footsteps editor* ‘шумовик’; нем. *Schau|spiel|dichter* (m) ‘драматург’;

Adj + N (англ. – 27 ед., нем. – 11 ед.): англ. *weeny-bopper* ʻюная поклонница поп-звездыʼ (*weeny* ʻкрошечныйʼ + *bopper* ʻлюбитель поп-музыкиʼ); нем. *Synchron|sprecher* (m) ʻактер озвучиванияʼ.

4.1.1 По способу соединения НС в своей структуре КНЧИ являются преимущественно полносложными образованиями, которые представляют собой простое сложение основ без соединительных элементов [3: 112] (*screen|writer* ʻкиносценаристʼ; нем. *Kamera|assistent* (m) ʻассистент оператораʼ.

4.1.2 КНЧИ немецкого языка могут иметь в своей структуре заимствованные компоненты (122 ед. или 23,6 %), ср.: *Backgroundsänger* (m) ʻбэк-вокалистʼ ← англ. *background* ʻмузыкальное сопровождениеʼ), *Tenorbuffo* (m) ʻтенор, исполняющий комединые партииʼ ← ит. *buffo* ʻсмешной, забавный, комичный; смешное, забавноеʼ, *Filmdiva* (f) ʻкинозвездаʼ ← англ. *film* ʻфильмʼ, ит. *diva* ʻбогиня; дива, звездаʼ.

4.1.3 Отличительной чертой КНЧИ, в частности разговорных, является то, что их образование сопровождается семантической деривацией – метафоризацией (англ. – 19 ед., нем. – 85 ед.) [1: 291; 3: 129–131; 4: 96]. При этом переосмыслению может подвергаться весь композит как единое целое либо один из его компонентов, обычно – второй компонент [2: 22–25; 6: 93–97].

Метафоризируемый компонент КНЧИ в обоих языках может обозначать различные объекты действительности, в частности фауну, ср.: англ. *hep-cat/hip-cat* разг. ʻзнаток джазаʼ (ассоциативная связь с *cat* ʻкотʼ возникла, очевидно, из-за странствующего образа жизни, который вели первые джазисты); нем. *Sexkuh* (f) ʻактриса, которая привлекает внимание публики своей фигурой и этим скрывает отсутствие актерских навыковʼ (*Kuh* букв. ʻкороваʼ; разг. ʻженщина с пышными формамиʼ).

Разговорные КНЧИ немецкого языка отличаются бóльшим тематическим разнообразием своих означаемых, например: а) механизмы, приборы и их детали: *Singfunzel* (f) ʻпевица со слабым голосомʼ (*Funzel* букв. ʻтускло светящая лампаʼ); б) внеземные/мифологические/волшебные существа: *Brettlfee* (f) артистка кабаре, варьете (*Fee* букв. ʻфеяʼ); в) человек по его умениям, личным качествам, характеру: *Gesichtsgärtner* (m) ʻпарикмахер, гримерʼ (он приводит в порядок лицо и волосы, как садовник (*Gärtner*) растения в саду).

Прямые значения разговорных КНЧИ с полным переосмыслением могут быть связаны с: а) фауной: англ. *dicky-bird/dickey-bird* букв. детск. ʻптичкаʼ; разг. ʻпрофессиональный певецʼ; нем. *Goldamsel* букв. ʻиволга (певчая птица)ʼ; разг. ʻпевица, пользующаяся популярностью благодаря превосходному («золотому») голосуʼ; б) артефактами: англ. *floor lamp* букв. ʻторшерʼ; разг. ʻактриса с хорошими внешними данными, но лишенная актерских способностейʼ**;** нем**.** *Museumsstück* букв. ʻмузейный экспонатʼ; разг. ʻпостаревший актер, который раньше был популярнымʼ.

4.2 В исследуемом английском материале выявлены отдельные копулятивные КНЧИ (2 ед. или 1,4 %), непосредственные компоненты которых находятся между собой в сочинительной связи: англ. *actor-manager* ʻактер-антрепренерʼ, *singer-songwriter* ʻавтор-исполнительʼ.

5. В заключение необходимо отметить, что КНЧИ в английском и немецком языках характеризуются разнообразной структурной организацией, в которой можно выделить изоморфные черты. Данные наименования являются преимущественно двухкомпонентными эндоцентрическими образованиями и строятся чаще по продуктивной модели N + N без соединительных элементов. Формирование исследуемых КНЧИ может сопровождаться семантической деривацией, в частности полной или частичной метафоризацией.

1. Антропова Н.А. Словообразование в сфере немецкой разговорной лексики (на материале имени существительного). – М.: Прометей, 2005. – 350 с.
2. Басыров Ш.Р. Номинация транспортных средств в немецком, английском и украинском разговорном языках // Филологические чтения: Материалы Международной научно-практической конференции 27-29 ноября 2013 года, Оренбург / Оренбургский государственный университет. Оренбург: ОГУ, ООО ИПК «Университет», 2013. – С. 22–25.
3. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. – Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1953. – 374 с.
4. Benczes R. Creative Compounding in English: The Semantics of Metaphorical and Metonymical Noun-Noun Combinations. John Benjamins Publishing, 2006. – 205 p.
5. Bloomfield L. Language. Motilal Banarsidass Publishe, 1994. – 576 p.
6. Kositskaya A. G. Secondary nomination of people in arts // Proceedings of the 6th International conference on Eurasian scientific development. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2015. P. 93–97.

УДК [811.111’373.2:811.161.1]’25

ОНОМАСТИКОН СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И СПОСОБЫ ЕГО ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Криничная Т.В.
ГОУ ВПО «Луганский государственный университет им. Тараса Шевченко»
train6277@gmail.com

В последнее время учёные-лингвисты стали уделять большее внимание проблеме передачи авторского ономастикона при переводе художественных произведений. Так, например, лингвист Д.И. Ермолович подчёркивает важность учёта особенностей ономастического пространства при работе над переводом.

Имена собственные – это опорные точки в межъязыковой коммуникации и, соответственно, при переводе. Они выполняют функцию связующего звена в межъязыковом и межкультурном пространстве. Это ценное свойство собственных имён, однако, породило распространённую иллюзию того, что имена и названия не требуют особого внимания при изучении иностранного языка и при переводе с него. Но такой подход основан на глубоком заблуждении. Имена собственные действительно

помогают преодолеть языковые барьеры, но в своей изначальной языковой среде они обладают сложной смысловой структурой, способностями к видоизменению и словообразованию, многочисленными связями с другими единицами и категориями языка. Если не знать или игнорировать эти особенности, то перенос имени на другую лингвистическую почву может не только не облегчить, но и затруднить идентификацию носителя имени [1, с. 3].

Целью статьи является выделение особенностей ономастикона современного англоязычного произведения и способы его передачи на русский язык (на материале романа Джумпа Лахири «На новой земле»).

Наиболее распространёнными видами имён собственных в текстах художественных произведений являются антропонимы, которые служат для называния и характеристики основных и второстепенных персонажей. Объектом данного исследования стал оригинальный текст и перевод романа американской писательницы бенгальского происхождения Джумпа Лахири под названием «На новой земле» (англ. Unaccustomed Earth by Jhumpa Lahiri).

По мнению Д.И. Ермоловича, антропоним – это имя собственное, официально присвоенное отдельному человеку как его опознавательный знак [1, с. 38]. При анализе данного произведения перевод антропонимов вызывает особый интерес в связи с тем, что перед переводчиком стояла задача сохранения этнического колорита при передаче экзотически звучащих имён персонажей.

Дж. Лахири в своём произведении придерживается следующих моделей именования персонажей: личное имя + фамилия: *Pranab Chakraborty – Пранаб Чакраборти, Raj Kapoor –Радж Капур, Pam Borden – Пэм Борден, Ellen Craddock – Эллен Крэддок, Amit Sarkar – Эмит Саркар, Ted Schultz – Тед Шульц*; личное имя: *Ruma – Рума, Akash – Акаш, Meenakshi – Минакши, Romi – Роми, Aparna – Апарна, Nargis – Наргиз, Usha – Уша, Sabitri – Сабитри, Jared – Джаред*; фамилия: *Mrs. Bagchi – миссис Багчи, Mr. Yamata – мистер Ямата, Mrs. Holcomb – миссис Холкомб.*

Среди основных способов передачи антропонимов выделяют следующие: транскрипция, транслитерация, калькирование, использование традиционного именования, онимическая замена, деонимизация, ограничение авторского оригинала и опущение [2, с. 199]. Представленные выше примеры свидетельствуют о том, что основными приёмами, использованными Антониной Галль при переводе романа «На новой земле», являются транскрипция и транслитерация. Преобладание транскрипции над другими приёмами можно объяснить тем, что правила транскрибирования английского языка применяются к антропонимам в том случае, если целью переводчика было сохранение внешней формы имён собственных, а также особенностей фонологической системы английского языка.

При этом цель, к которой должна стремиться система транскрипции, состоит не столько в том, чтобы как можно ближе передать звучание иноязычного имени буквами принимающего языка, сколько в том, чтобы соблюсти принцип взаимно однозначного соответствия между фонемами оригинала и их графическими соответствиями в принимающем языке [1, с. 19].

Транскрипция антропонимов была применена: а) при передаче имён собственных: *Gene – Джин, Deborah – Дебора, Meenakshi – Минакши, Farouk – Фарук, Deirdre – Дейдра, Maya – Майя, Kaushik – Каушик, Paul – Пол, Piu – Пью, Rupa – Рупа;* б) при передаче фамилий: *Mrs. Bagchi – миссис Багчи, Mr. Yamata – мистер Ямата, Mr. Nagle – мистер Нейгл, Mr. Pal – мистер Пол.* В некоторых случаях транскрипция воссоздана неточно: *Srabani – Сранаби, Matty – Маттu.*

Под использованием традиционного именования понимается передача английского онима эквивалентом, отражающим не актуальные правила практической транскрипции, а существующую историческую традицию передачи онима [2, с. 200]. Из 52 единиц выборки 4 антропонима (*Adam, Claire, Felicia, Penelope*) переданы с использованием традиционных эквивалентов *Адам, Клэр, Фелиция* и *Пенелопа* соответственно.

В ходе анализа текста романа было также обнаружено значительное количество топонимов и, в частности, их разновидностей – ойконимов и урбанонимов, которые в совокупности составляют важную часть ономастического пространства произведения. В самом общем случае предполагается, что иностранный топоним должен передаваться на русский язык приближённо к исходной форме звучания, то есть по правилам практической транскрипции. Однако, переводчик может иметь дело с текстом, в котором содержатся топонимы неанглийского происхождения. В этом случае при передаче топонимов не действуют правила англо-русской транскрипции, а необходимо учитывать правила передачи топонима с языка оригинала [1, с. 108–109].

Так, в ходе общей выборки были выделены ойконимы, большинство из которых является традиционными именованиями, закреплёнными в русском языке и не составляющими проблему для переводчика (например, *Seattle – Сиэтл, Brooklyn – Бруклин, New York – Нью-Йорк, Los Angeles – Лос-Анджелес*), а также ойконимы, которые были переведены с помощью транслитерации (например, *Long Island – Лонг-Айленд; Garden City – Гарден-Сити*). Среди урбанонимов можно выделить следующие: переведённые с помощью транслитерации (*Prospect Park – Проспект-парк, Central Square – Сентрал – Сквер, Trowbridge Street – Траубридж-стрит*); переведённые методом калькирования (*Medici Palace – дворец Медичи*; *Public Garden – городской сад*).

Таким образом, анализ способов передачи ономастикона современного англоязычного романа Джумпа Лахири «На новой земле» на русский язык служит доказательством адекватности стратегии перевода, который выполнен с учётом национальных особенностей исходных культур – как американской, так и индийской. Превалирующими способами воссоздания ономастических единиц на переводящем языке являются транскрипция и транслитерация, что в большинстве случаев делает выбор переводческих стратегий оправданным.

1. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.
2. Новичков А.А. Передача антропонимов при переводе произведений жанра фэнтези // Вест. ИГЛУ. – 2012. – № 17. – С. 198–205.

УДК 81'373.612.2

МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ В СФЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ ТЕРМИНОВ РОДСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ)

Петрищева Е.И.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
petrischewa-elen@mail.ru

1. Данное исследованиепосвящено изучениюпроцессов метафоризации и метонимизации в сфере терминовродства (ТР) в английском и немецком языках. ТР составляют важную часть лексики. В лексической системе каждого языка они занимают одно из первых мест по давности своего происхождения, характеризуются большой устойчивостью и частым употреблением в разговорной речи. Изучением проблематики ТР занимались многие лингвисты, в частности, Л.Б. Николаева [4, 2014], Ш.Р. Басыров [1, 2012], О.В. Близнюк [2, 2006].

2. **Актуальность** настоящего исследования обусловлена, с одной стороны, недостаточной изученностью семантики ТР в разговорном языке, с другой стороны – необходимостью установления закономерностей формирования у них значений по метонимическому и метафорическому типу, а также важностью разработки системного подхода к изучению семантической деривации как явления вторичной номинации.

3. **Объектом** исследования являются лексические единицы (ЛЕ), обозначающие отношения родства, а предметом – ТР, возникшие в ходе метафорического и метонимического переносов в разговорной лексике английского и немецкого языков.

4. **Целью** настоящего исследования является выявление общего и отличительного в процессах семантической деривации ТР в разговорной лексике английского и немецкого языков.

5. **Материалом** для настоящего исследования послужили ЛЕ, выражающие различные родственные связи. Данные ЛЕ были отобраны методом сплошной выборки из толковых и переводных словарей сленговой и разговорной лексики английского и немецкого языков. Общий объем выборки составил 777 ЛЕ (нем. – 355 ЛЕ; англ. – 422 ЛЕ).

6. Процессы вторичной номинации широко распространены в языке и являются одним из законов его развития, и прежде всего лексико-семантической системы языка. Особенно активно вторичная номинация происходит в сфере живого речевого общения, в языке художественной литературы, прессы, рекламы; благодаря ей реализуются основные функции разговорного языка, в частности: создание эффекта новизны, необычности, эмоциональности, экспрессивности, образности, оценочности. Среди различных видов вторичной номинации (расширение / сужение значения

слова, метафора, метонимия, синекдоха, оксюморон и др.) наиболее продуктивными в процессе формирования разговорных ТР в обоих исследуемых языках являются метафорические и метонимические переносы.

7. Метафора – это троп или фигура речи, употребление слова, обозначающее некоторый класс объектов, явлений, действий или признаков, для характеристики или номинации другого, сходного с данным классом объектов или индивида [3, с. 27]. Метафора является основным средством вторичной номинации, с помощью которого говорящий пытается связать понятия о предметах, явлениях одной области с понятиями другой области, используя накопленный опыт, личные эмоции и ощущения.

В английском и немецком разговорных языках наиболее многочисленными являютсяТР со значениями ‘жена’, ‘муж’, ‘родители’, ‘ребенок (дети)’, ‘отец’ и ‘мать’, возникшие в ходе метафоризации и метонимизации. Рассмотрим наиболее продуктивные метафорические модели.

7.1. **Артефакты → наименование человека по его родственным связям** (англ. – 30 ЛЕ; нем. – 35 ЛЕ). В разговорной лексике метафоризации подвергаются различные предметы быта, домашней утвари (посуда, часы, нож и др.), наименования транспортных средств, инструментов. Например:

англ. *caboose*‘служебный вагон в товарном поезде / тормозной вагон’; разг. ‘самый маленький ребенок в семье’; нем. *Beiwagen*‘прицепной вагон / боковая коляска мотоцикла’; разг. ‘жена’;

англ. *poppet* ‘кукла / марионетка’; разг. ‘ребенок’; нем. *Puppe* (‘кукла’; разг. ‘ребенок’.

7.2. **Наименование животных → наименование человека по его родственным связям**(англ. – 31 ЛЕ; нем. – 26 ЛЕ). Вторичная номинация ТР в обоих разговорных языках часто строится на зоонимных образах (птицы, животные, рыбы, грызуны), ср.:

англ. *muskrat*‘ондатра, мускусная крыса’; разг. ‘балованный ребенок’; нем. *Ratz*(‘хорек лесной’; разг. ‘балованный ребенок’);

анг. *tup*‘баран’; разг. обманутый муж’; нем. *Haushammel* (букв. ‘домашний баран’; разг. ‘балованный ребенок’.

7.3. **Наименование должности/чина/звания/социального статуса человека или название государственного учреждения/документа → наименование человека по его родственным связям** (англ. – 38 ЛЕ; нем. – 16 ЛЕ). В основу рассматриваемой метафорической модели, обнаруживающей определенную связь и с метонимическим переносом, положено сходство управляющей (организующей, контролирующей) функции людей и/или государственных учреждений, их законных актов, ср.:

англ. *theboss*‘хозяин, шеф, босс’; разг. жена; нем. *Boss*‘босс/глава’; разг. ‘отец’;

англ. *law*‘закон’; разг. ‘родители’; нем. *Gesetz*‘закон’; разг. ‘родители’;

нем. *Finanzamt* ‘финансовый отдел, финансовое управление’; разг. ‘родители’; *Familienminister* ‘министр по делам семьи’; разг. ‘отец’.

8. В английском и немецком разговорных языках ТР образуются также по метонимическим моделям. В отличие от метафоры, процессы метоминизации происходят на основе смежности различных функций (каузальных, темпоральных, локальных и др.).

Метонимия, наряду с метафорой, отражает способность человеческого мышления к ассоциативному восприятию окружающей действительности, но ее отличие от метафоры заключается в механизмах создания внутренней мотивированности, функциональной направленности. При метонимии возникают ассоциации по смежности, не затрагивающие глубинного значения слова. Метафора и метонимия различаются между собой не только способом трансформации значения, но и своей функциональностью. Так, главной функцией для метафоры является характеризация, то есть субъективная оценка обозначаемого, а функция идентификации объектов для метафоры вторична. Для метонимии главной является идентифицирующая функция по отношению к другим предметам. Основными метонимическими моделями ТР в английском и немецком языках являются следующие.

8.1. **Действие человека → наименование человека (как субъекта действия) по его родственным связям** (нем. – 30 ЛЕ; англ. – 31 ЛЕ). В основу данной модели положен акциональный тип метонимических отношений, ср.: англ.*ankle-biter* (букв. ‘кусающий лодыжки’; разг. ‘ребенок’); нем. *Kniebeißer* (букв. ‘кусающий колено’; разг. ‘ребенок’;

8.2. В**озраст человека → наименование человека по его родственным связям**(нем. – 24 ЛЕ; англ. – 43 ЛЕ), ср.: англ. *olds* ‘старые’; разг. ‘родители’; нем. *dieAlte* ‘старуха’; разг. ‘мать’.

9. Основными способами образования ТР в английском и немецком разговорном языках являются метафора и метонимия. Вторичные наименования ТР обладают яркой образностью, экспрессивно-эмоциональным и оценочным значением. В целом вторичные ТР в обоих разговорных языках образуются по единым метафорическим и метонимическим моделям, но различаются своей продуктивностью. Кроме того, в немецком разговорном языке более активны процессы метафоризации, напротив, в английском – доминируют метонимические процессы.

1. Басыров Ш.Р. Номинация муж / жена, возлюбленный / возлюбленная в немецком, английском и украинском языках // Филологические чтения. Материалы международной научно-практич. конференции (29-30 ноября 2012 г.). – 2012. – С. 35-38.
2. Близнюк О.В. Сопоставительный семантический анализ терминов родства в различных лингвокультурахавтореф. дис. … канд. филол. наук / О.В. Близнюк- Тверь, 2006. – 17 с.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: УРСС Эдиториал, 2004. – 256 с.
4. Nikolayeva Larysa. TypologyofKinship Terms / Larysa Nikolayeva. – Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2014. – 227 p. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. – Vol.2).

УДК 811

НАЧИНАТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Селиванова О.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
Oxano4ka.selivanova@yandex.ua

Анализ отдельных глагольных разрядов с точки зрения их способностей указывать на те или иные аспекты действий (акциональные значения) навёл на мысль о существовании наряду с видом особой аспектуальной категории, для обозначения которой используют термин «способы глагольного действия». Тем не менее, и содержание, и объём понятия «способы действия» продолжает оставаться предметом непрекращающихся споров, которые обусловлены неоднородностью обнаружения акциональных значений как во французском, так и в русском языках [2, с. 30].

В работах лингвистов способы действия трактуются как морфемно характеризованные или морфемно нехарактеризованные значения отдельных групп глаголов, выражающие особенности протекания действия во времени предельных / непредельных глаголов [5, с. 88].

Начинательный способ действия как в русском, так и во французском языке относят к временным способам действия.

Начинательный способ действия как во французском, так и в русском языке может выражаться посредством глагольно-аналитических конструкций, в состав которых входит глагол с семой «начинать» [5–7].

Следует отметить, что аналитические конструкции выражают инхоативную начинательность действия, т. е. наступление начального момента в длительном времени.

Подтип инхоативной начинательности имеет значение расчлененности в начале действия, приступа к длительному действию, «начального момента в длительном времени признака» [3, с. 278]. Сравним: фр. *se mettre à faire qch, commencer à faire qch, se prendre à faire qch.*, русск. *начинать делать, приниматься за, браться за*. Например: *L' enfant commença à s'agiter dans le berceau*. – `Ребенок начал шевелиться в колыбельке`.

Помимо аналитических конструкций инхоативный способ действия в русском языке образуется при помощи приставок *за-*, *по-*, а во французском языке, например, при помощи приставки *entre-*: русск. *зазвенеть, засвистеть*; франц. *entreprendre-* предпринять.

Инхоативные глаголы «вырезают» начальный отрезок ситуации, по которому можно идентифицировать всю ситуацию в целом. Поэтому глаголы, относящиеся к данному способу действия, должны описывать относительно «простые» ситуации – такие, которые могут быть идентифицированы на этом небольшом отрезке своего протекания [3, с. 280].

Так, обращая внимание на особенности русского языка, Шмелёв А.Д., Зализняк А.А. трактуют понятие «способ действия» (способ глагольного действия, совершаемость), как тип модификации глагольного действия, выраженный определенными словообразовательными средствами (приставками, суффиксами, комбинацией приставки и суффикса или приставки и постфикса) [3, с. 98].

К ингрессивной начинательности действия в русском языке относятся глаголы с приставкой *по-*: пойти, побежать, полететь, покатиться. Во французском языке ингрессивная начинательность выражается при помощи глагольного времени Passé Simple: *Il courut* – `Он побежал`.

Также стоит отметить, что ингрессивный способ действия может включать в свою активность одновременно три стадии протекания процесса во времени: значение начала действия, некоторую его продолжительность и достижение определенного результата [5, 7].

Начинательный способ действия как во французском, так и в русском языке может выражаться семантически.

Основным признаком для выделения категории начинательного способа действия служит сема *premier* во французском языке и *первый* – в русском, которая встречается в дефиниции всех глаголов этой группы и указывает на начинательность действия, выражаемого глаголом. Например: фр. *commencer* – faire la *première* partie d'une chose ou d'une série de choses; русск. *начать* – проявить *первые* признаки какого-нибудь действия, состояния [4, 9].

Способы выражения начинательности действия в русском и французском языках имеют некоторые сходства и различия, обусловленные разноструктурностью этих языков.

Как во французском, так и в русском языке начинательность действия выражается аналитическими конструкциями (*se mettre à faire qch, commencer à faire qch, se prendre à faire qch.* – во французском языке и *начинать делать, приниматься за, браться за* – в русском), но в русском языке большей функциональной нагрузкой отмечены словообразовательные средства выражения начинательности действия.

Семантический критерий определения начинательного способа действия является характерным как для французского языка, так и для русского. В двух языках в дефинициях глаголов наблюдаются семы, указывающие на начинательный характер действия.

Для исследования представляется интересным дальнейшее выявление и описание особенностей выражения подтипов категории начинательного способа действия в разноструктурных языках.

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М., 1976. – 327 с.
2. Гак В.Г. Сравнительная типология французского языка / 2-е издание / В.Г. Гак. – М., 1983. – 580 с.
3. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. – М: Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2010. – 736 с.
5. Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. – М., 2001. – 288 с.

6. Dubois J. Lagane R. La nouvelle grammaire du français. – P., 1973. – 364 с.
7. Grevisse M. Le Bon Usage. – P., 2007. – 1584 с.
8. Léon-Dufour M., Teyssier B. Nouvelle grammaire du français. – P., 2004. – 368 с.
9. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – P., 2001–2841.

УДК 81’373.612.2

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ МЕТОНИМЫ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Удинская А.Г.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
a-zhukova@yandex.ru

1. Вопросы вторичной номинации как одного из способов словообразования неоднократно оказывались в центре внимания исследователей как на материале отдельных языков, так и в сопоставительном аспекте, ведь метафора и метонимия являются универсальными способами переосмысления значения слов и пронизывают язык и речь в повседневном общении, в текстах художественной литературы, публицистики и т.д.

1.1. Разными аспектами изучения данных явлений занимались такие известные исследователи, как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, И.В. Арнольд, А.А. Потебня, Е. Курилович, Дж. Лайонз, Г. Пауль, С. Ульман, Р. Якобсон и многие другие, однако, количество работ, посвященных метонимии, несравненно меньше, чем исследований в сфере метафоры, так как в течение долгого времени метонимия считалась необразной, вполне изученной, поэтому не требовала дальнейшего изучения. В последнее время интерес лингвистов к различным аспектам изучения метонимии снова возрастает. Это многогранное явление рассматривают как стилистическое средство и художественный прием, как один из историко-семантических процессов и одно из средств синхронной организации лексики, как когнитивную стратегию и дискурсивный феномен. При этом большинство исследований базируется на материале одного языка, тогда как сопоставительному изучению метонимии, в частности, в английском и русском языках, все еще уделено недостаточно внимания, хотя существенная роль данного явления в системе этих языков является бесспорной.

1.2. Объектом данного исследования являются окказиональные метонимы для обозначения человека в английском и русском языках, т.е. существительные, переносные значения которых образованы в результате метонимического переноса.

1.3. В работах последнего времени метонимию определяют как перенос наименований, логическую основу которого составляет вхождение объёма

одного понятия в объём другого на основании психологических ассоциаций, отражающих объективно существующие каузальные, пространственные, темпоральные, количественные, а также атрибутивные связи между предметами [1, с. 5-6], и метонимы, соответственно распределяются на каузальный, атрибутивный, локальный, темпоральный, комбинированный типы и синекдоху по наличию в их исходных значениях общих семантических признаков.

2. В современной стилистике различают понятия «узуальное», т.е. принятое в данном коллективе говорящих употребление языковых единиц, и «окказиональное», не соответствующее общепринятому, обусловленное индивидуальным вкусом говорящего [2, с. 483]. В отличие от традиционного толкования окказиональных значений в данной работе к окказиональным относятся все метонимы, образованные как по общеязыковым моделям, так и индивидуально-авторские, значения которых не регистрируются толковыми словарями английского и русского языков, например: (1) *There was nothing I wanted there, except to get away from that <u>silence</u> sitting in a chair* (G.Greene) ‘Мне ничего не было нужно, лишь убежать от этого молчания, сидящего в кресле’ (*silence* ‘тишина, молчание, безмолвие’ → *silence* окказиональное значение ‘молчащий человек’); (2) *В армию пошел – боялась, что <u>дедовщина</u> покалечит* (В. Токарева) (*дедовщина* ‘неуставные отношения в армии’ → *дедовщина* окказионально обозначает старослужащих в армии, оскорбительно относящихся к солдатам-новобранцам).

В лингвистике всё ещё актуален вопрос о причинах закрепления метонимического значения в языке, перехода переносного значения в узус. М.В. Сорокина отмечает, что “количество узуальных моделей метонимического переноса наименований вполне исчислимо, а многообразие их возможных реализаций исчерпывающе описать невозможно” [3, с. 115-116]. Это означает, что количество метонимических моделей значительно меньше, чем метонимов, которые образовываются в результате реализации этих моделей в контексте, а также то, что далеко не все переносные метонимические значения закрепляются в словаре. Так, например, в рамках узуальной модели локального типа «территория → люди» регулярно встречаются случаи окказионального обозначения человека, которые не фиксируются толковыми словарями, и переносное значение слова понимается из контекста его употребления: (3) *Perhaps the island had already sent a message to shore and Ned was already a wanted man* (S. Fry) ‘Возможно, остров уже проинформировал берег, и Нэда уже объявили в розыск’ (*island* ‘участок земли, окружённый водой’ → *island* окказиональное значение ‘люди, находящиеся на острове’*; shore* ‘земля вдоль края моря’ →*shore* окказионально обозначает находящихся на берегу людей); (4) *<u>Квартира</u> 39 долго не отзывалась на звонок* (Б. Акунин) (*квартира* ‘жилое помещение’ → *квартира* окказиональное значение‘люди, проживающие в квартире’).

3. В английском и русском языках к окказиональным относятся обозначения актеров по ролям, которые они исполняют. Часто понимание

смысла отдельного высказывания невозможно без знания более широкого контекста. Так, в примере (5) речь идет о сотрудниках агентства двойников, которые работают официантами: (5) *Rufus had sent Michael Jackson, Madonna, Marilyn Monroe and the Prince of Wales to the launch of another new e-commerce company…He had better things to do than watch Madonna spilling wine and Michael Jackson having his hair pulled by drunken journalist* (S.Fry) ‘Руфус отправил Майкла Джексона, Мадонну, Мерилин Монро й принца Уэльського на презентацию новой компании по продажам в Интернете...У него были более приятные дела, чем наблюдать за тем, как Мадонна расплескивает вино, и как Майкла Джексона дергают за волосы пьяные журналисты’. В рассказе В. Токаревой «Система собак» речь идет о съемке фильма, в котором партнером героини является актер, играющий роль принца, например: (6) *Принц видел, что я смущена, и смущался сам…Ты подошёл, отодвинул принца, обнял меня и поцеловал* (В. Токарева).

4. В практическом материале исследуемых языков встречаются также авторские окказиональные метонимы. «Живая» метонимия часто касается имен собственных, служит основой для создания прозвищ. Так, в рамках атрибутивной модели “характерная особенность человека → человек, характеризующийся по этой особенности” может реализовываться окказиональный перенос, в основе которого лежит любая черта человека, которую автор хочет выделить. Так, в романе современного английского писателя Стивена Фрая “Теннисные мячики небес” метонимическое употребление названий привилегированных учебных заведений Великобритании не только называет персонажа, но и указывает на его аристократическое происхождение: (7) *Job security he says!.. When have you ever had to worry about job security, Mr Eton, Oxford*…? (s. Fry) ‘Он говорит о гарантиях занятости! Когда это тебе приходилось беспокоиться о гарантиях занятости, ты, мистер Оксфорд, мистер Итон...?’.

В русском языке примером метонимического прозвища может служить окказиональное употребление сокращенной формы имени с «приставкой» *можно* в рассказе Д. Быкова «Мужской вагон». Автор, таким образом, отмечает фамильярность и навязчивость персонажа, так как действие происходит в купе поезда, в котором мужчины впервые увидели друг друга: (8) – *Ну, товарищи, давайте знакомиться, – сказал тугой. – Некипелов Вячеслав, можно Слава. Еду до самого Энска, брательник женится… Ну, со свиданьицем! – воскликнул можно Слава* (Д. Быков).

1. Бич М.Я. Метонимическое использование имён собственных в современном русском, испанском и английском языках (на материале газетных текстов): Автореф. дис…канд.фил.наук. – Спб., 1995. – 18 с.
2. Ковалевская Е.Г. Избранное. 1963–1999 / Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. – СПб. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. – 687 с.
3. Сорокина М.В. Отражение метонимии в лексикографии. – Формальные и семантические аспекты слова. – Калинин, 1989. – С.115-120.

УДК 81’225

ПОЯСНЕНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ТИПА В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ МЕТАТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ЗАПИСОК Н. ДУРОВОЙ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)

Филатова В.А.
ОО ВПО «ГИИЯ», г. Горловка
VAFilatova@ukr.net

Интертекстуальность – термин, который употребляется для «обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга» [3].

Переводческий метатекст – направлен на преодоление лингвокультурного барьера, благодаря пояснениям переводчика, которые содержатся в предисловиях и послесловиях, сносках и внутритекстовых примечаниях, критических статьях, воспоминаниях переводчиков [2]. Наиболее близкими к тексту перевода являются предисловия, которые подготавливают к восприятию авторского текста, примечания, носящие пояснительный и комментирующий характер, и послесловия [2].

Записки Н.А. Дуровой «Кавалерист-девица. Происшествие в России», впервые опубликованные в 1836 г., были переведены Мэри Флеминг Зирин на английский язык и опубликованы под названием “The Cavalry Maiden. Journals of a Russian Officer in the Napoleonic Wars” в конце восьмидесятых годов прошлого века. Перед переводчицей стояла задача преодолеть отдаленность изображённой эпохи, пояснить несовпадение культурных, бытовых, этнографических, языковых реалий, понять и объяснить интертекстуальные переклички. Поэтому переводческий метатекст состоит из предисловия, комментариев к предисловию, 150 подстрочных примечаний, приложений к тексту записок, двух библиографических списков.

В данном докладе попытаемся остановиться на пояснениях интертекстуального типа, которые, в свою очередь, можно подразделить на несколько групп. Во-первых, пояснения интертекстуальных вкраплений в тексте записок Н. Дуровой. Во-вторых, ссылки на другие произведения Н. Дуровой. В-третьих, переклички с произведениями других писателей. И, наконец, указания на работы самой переводчицы о Надеже Дуровой.

Первая группа. В записках Н. Дуровой цитируются произведения В. Жуковского, В. Озерова, Ж. Расина, Д. Фонвизина, Р. Фроста, А. Коцебу, А. Радклиф, упоминаются герои греческой и римской мифологии.

Размер подстрочных примечаний варьируется от одного предложения до объёмных абзацев. Например, обширное пояснение даётся упомянутым Н. Дуровой воспоминаниям А. Коцебу (“A Memorable Year of my Life”), которое заканчивается словами: “... Durova probably read French edition of Kotzebue’s indignant memoir ... there is no evidence that she knew German in

1812” [4, с. 113]. Кратко поясняется ссылка на молитву Старна перед жертвенником Одена (“I often think of Starn’s prayer before the alter of Odin...”): “Durova is citing Vladimir Ozerov’s 1805 tragedy, Fingal, which used an incident described in James Macpherson’s Ossian cycle” [4, с. 131].

Фрагменты из цитируемой Н. Дуровой трагедии Ж. Расина “Федра” приводятся, как и у Дуровой, на французском языке, а в примечаниях – английский перевод [4, с. 101, 165].

Отрывок из баллады В. Жуковского в тексте представлен в английском переводе с подстрочным пояснением: “Ljudmila" (1808) was the first of the Russian poet Vasilij Zhukovskij three ballads based on Gottfried Bürger’s “Lenore” [4, с. 125].

Переведено и название пьесы Д. Фонвизина: «Сын его отвечал, что будут играть *Недоросля*» [1, с. 567]. – “His son replied that they were performing *The Minor*” [4, с. 220]. Подстрочное примечание – “Denis Fonvisin’s famous 1782 play about a domineering lady landowner and her bratty son” [4, с. 220].

В русском издании «Записок кавалерист-девицы» (1987) в затекстовых пояснениях комментируется фраза Н. Дуровой: “... и даже перечитав все ужасы Радклиф” [1, с. 562]. – «Радклиф Анна (1764 – 1823) – английская писательница, автор “готических” романов, полных тайн, кошмаров и ужасов)» [1, с. 634]. В английском переводе не было необходимости объяснять читателям, какая писательница и какие произведения подразумевались Н. Дуровой под словами: “... and even re-read all the horrors of Mrs. Radcliffe” [4, с. 215].

Ко **второй группе** пояснений интертекстуального типа со ссылками на другие произведения Н. Дуровой относим объяснения, как в примечаниях, так и предисловии.

Например, в подстрочном примечании приводится объёмное описание Дона, с которого Н. Дурова начинает одно из приложений: “In the 1839 Notes, Durova recorded her impression of the Don Cossacks’ way of life...” [4, с. 24]. Поездки Н. Дуровой в Петербург в 1807 и 1810 годах поясняются, перекликаясь с её другими автобиографическими сочинениями (“All that I could Recollect” [4, с. 66], “Love” [4, с. 105-106]).

Комментируя в примечаниях рассказанное Н. Дуровой предание об одной иконе, переводчица отсылает читателей к художественному произведению писательницы: “... Durova used the tale as the basis for her story, “Count Mauritius” ..." [4, с. 75]. Ссылка на это произведение есть и в предисловии: “Count Mauritius” is an expansion of the anecdote about Count Ossoliński and his two wives from *The Cavelry Maiden* …” [4, с. xxi].

Интертекстуальная перекличка помогает переводчице прокомментировать и особенности построения произведения. Например, в предисловии: “*The Cavalry Maiden* and Durova’s tale “Numerka” both carry the word “occurrence” [proisshestvie] in their subtitles to suggest their factual basis, and “Elena” is emphatically described as a “true” *[istinnoe]* occurrence” [4, с. xxi].

Или: “It is tempting to see her tale “Elena, the Beauty of T.”... as a partial reflection of horrors Durova herself experiences with a dissolute husband, but she never discussed the marriage and we have no way of knowing what actually happened” [4, c. xx].

Третья группа. Примечания интертекстуального типа могут перекликаться не только с текстом оригинала, но и с пояснениями переводчицы. Например, описание событий Бородинской битвы в подстрочных примечаниях, переводчица заканчивает ссылкой на роман Л. Толстого: “In War and Peace Pierre Bezukhov finds Raevsky’s redoubt overrun with French and Barely escapes with life” [4, c. 143]. Историческая справка о генерале Андрее Кологривове заканчивается словами: “The success of his mission was described by the future playwright A.S. Griboedov in his article, “The Cavalry Reserves” ...” [4, c. 166]. Объясняя заслуги «амазонки» Софьи Храповницкой, перечисляет и другие произведения, где написано об этой героине 1812 года [4, c. 208]. В предисловии переводчица уточняет подробности жизни Н. Дуровой: “She spent a year or two there with her uncle Nikolaj Durov and her cousins the Butovskys, who lived in the bucolic suburb of Kolomna” [4, c. xxv]. И даёт пояснение в комментариях к предисловию: “Kolomna is the setting of Pushkin’s jocular verse tale of a widow who catches the outsized “female” cook hired by her daughter shaving in the kitchen (“Little House in Kolomna”, 1830)” [4, c. xxxii].

К **четвёртой группе** отнесём комментарии Мэри Зирин о своих переводах произведений Н. Дуровой. Например, первое непронумерованное подстрочное примечание: “My translation of Durova’s memoir of childhood appeared in The Female Autograph (New York Literary Forum 12-12), 1984; paperback: University of Chicago, 1887. It has been revised somewhat for this edition” [4, c. 1].

Пояснения интертекстуального типа показывают, какая огромная работа была проделана переводчицей для того, чтобы облегчить англоязычным читателям понимание произведения другой эпохи и культуры.

1. Давыдов Д.В. Стихотворения. Проза. Дурова Н. А. Записки кавалерист-девицы. – М.: Правда, 1987. – 649 с.
2. Кашкин В.Б., Князева Д.С., Рубцов С.С. Метакоммуникация переводчика в примечаниях и комментариях // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: ВГУ. 2008. С. 110-119.
   URL: http://lse2010.narod.ru/olderfiles/LSE2008pdf/LSE2008KashkinKnyazevaRubtsov.pdf (дата обращения 03.03.2016).
3. Словарь литературоведческих терминов.
   URL: http://slovar.lib.ru/dictionary/intertextualnost.htm (дата обращения 03.03.2016).
7. Nadezhda Durova. The Cavalry Maiden. Journals of a Russian Officer in the Napoleonic Wars. Translation, Introduction and Notes by Mary Fleming Zirin. Indiana University Press, 1988. – 242 p.

УДК 81’1=16+81’ 373.2+81’ 373.21

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ-КОЛОРИЗМАМИ

Цулая К.Д.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
Karolina_tsulaya@inbox.ru

Семантика колоризмов неоднократно изучалась на материале различных языков (Комина Е.В. на материале английского языка, Кульпина В.Г. – русского языка, зарубежные исследователи, например, Thompson E., Wyler S. рассматривали различные аспекты колоризмов в рамках английского языка [1–5]), однако можно утверждать, что полисемия цветообозначений на материале английского, немецкого, русского и украинского языков не была предметом отдельного сопоставительного исследования. Необходимость создания системной модели исследования полисемии колоризмов в сопоставительном аспекте на материале обозначенных языков составляет актуальность данной работы.

Целью данной работы является сопоставление фразеологических единиц (ФЕ) с компонентами-колоризмами *зеленый, синий, голубой, красный, желтый, розовый*, выявление общих и отличительных признаков семантики этих лексических единиц в языках исследования.

Данные лексемы и составили объект исследования. Предметом исследования является семантика ФЕ с выше обозначенными компонентами-колоризмами.

Эмпирический материал был получен из наиболее репрезентативных толковых словарей. Единицей исследования служит ФЕ с компонентами-колоризмами *green, blue, red, yellow, pink, rose* в английском, *grün*, *blau, rot, gelb, rosa/rosig* в немецком, *зеленый, синий, голубой, красный, желтый, розовый* в русском и *зелений, синій, блакитний,червоний, жовтий, рожевий* в украинском языке. Общий объем выборки составляет 168 ФЕ в английском, немецком, русском и украинском языках.

1. Наибольшее количество ФЕ имеет в своем составе колоризм *красный,* 63 ФЕ, что составляет 37, 5 % от всего корпуса ФЕ с компонетами-колоризмами. Следующие по численности являются ФЕ с комонентом-колоризмом *зеленый цвет* (38 ФЕ или 23 %), затем ФЕ с компонентами *синий* (26 ФЕ, 15 %), *желтый* (21 ФЕ, 12,5 %,) и *розовый* (20 ФЕ, 12 %).

2. На данном материале исследования в английском и немецком языках отмечено одинаковое количество ФЕ, а именно 52 ФЕ. В русском и украинском языках количество ФЕ значительно ниже, 35 ФЕ и 29 ФЕ.

3. Одинаковое количество (18) ФЕ с компонентом-колоризмом *красный* отмечены в немецком и английском языках, в русском их насчитывается 15, а в украинском – 12. 3 ФЕ являются общими для всех 4 языков исследования,

например, рус. *красный, как рак*, укр. *червоний, мов (наче, як) рак*, англ. *red as a lobster* ‘красный, как рак’, нем. *rot wie ein Puter* ‘красный, как индюк’ или *krebsrot sein* ‘красный, как рак’. Четыре ФЕ отмечены в 3 языках исследования, в русском, украинском, немецком, например, рус. *красная доска*, укр. *червона дошка*, нем. *rote Tafel* ‘доска почета’. Пять ФЕ являются общими для английского и немецкого, например, англ. *like (waving) a red rag to a bull* и нем. *ein rotes Tuch für jemanden sein* ‘действовать, как красная тряпка на быка, раздражать, сердить кого-то.’, англ. *not one red cent* и нем. *keinen roten Heller haben* ‘не иметь ни гроша’ и др. Две ФЕ объединяют русский и украинский, рус. *красная строка* и укр. *червоний рядок* ‘отступ, абзатц’. Одна ФЕ отмечена как в английском, так и в русском языке: англ. *red-letter day*, рус. *красный день календаря* ‘праздник, выходной день’.

4. Одинаковое количество (11) ФЕ с компонентом-колоризмом *зеленый* установлено в английском и немецком языках, в русском языке отмечено 9 ФЕ, в украинском – 7. Две ФЕ характерны для всех 4 языков, например, англ. *give the green light to sth*, нем. *grünes Licht geben*, рус. *давать/дать зеленый свет*, укр. *надавати/надати зелене світло*, которые имеют значение ‘разрешать, позволять или способствовать беспрепятственному осуществлению чего-л.’. Две ФЕ являются общими для немецкого и русского языков, например, рус. *зеленая волна* и нем. *grüne Welle* (безостановочное движение автомобилей на всех перекрёстках за счёт синхронного включения зелёного света на светофорах). Одна ФЕ объединяет английский и русский языки (англ. *green with envy*, рус. *позеленеть/зеленый от зависти)* и 2 ФЕ объединяют родственные русский и украинский языки (рус. *до зеленого змия напиться*, укр. *напитися до зеленого (блакитного) змія* ‘напиться до беспамятства, галлюцинаций’).

5. Одиннадцать ФЕ с компонетом-колоризмом *синий, голубой* отмечено в немецком языке, 9 ФЕ в английском языке, 4 и 2 ФЕ в русском и в украинском языке соответственно. Не отмечено ФЕ, характерных для 4 языков исследования, однако 1 ФЕ характерна для 3 языков, английского, русского, украинского: англ. *Bluestocking*, рус. *синий чулок* и укр. *синя панчоха* (о женщине, погружённой в книги, умственные занятия, лишённой женственности). 1 ФЕ является общей для 2 языков, немецкого и английского, англ. *beat somebody black and blue* и нем. *jemanden grün und blau schlagen* (избивать кого-то).

6. Шесть ФЕ с компонетом-колоризмом *желтый* отмечены в английском языке, в немецком, в русском и украинском языках одинаковое количество ФЕ, 5 ФЕ. 2 ФЕ характерны для всех 4 исследуемых языков, например, рус. *желтая лихорадка* ‘острое заболевание вирусной этиологии, передаётся с укусом комаров’, укр. *жовта лихоманка*, англ. *yellow fever*, нем. *das gelbe Fieber*. В русском и украинском языках наблюдается полное совпадение ФЕ, например, рус. желтый дом ‘больница для душевнобольных’, укр. жовтий дім и другие.

7. Восемь ФЕ с компонентом-колоризмом *розовый* насчитывается в английском языке, 7 ФЕ — в немецком языке, 2 и 3 ФЕ — в русском

и украинском языках соответственно. Одна ФЕ является общей для 4 языков, а именно, рус. *смотреть сквозь розовые очки* ‘представлять всё в приятном виде, смотреть на всё жизнерадостно, не замечая плохого’, укр. *дивитися крізь рожеві окуляри (скельця),* англ. *to look at something through rose-tinted spectacles*, нем. *alles durch eine/dierosa/rosigen Brillen sehen.* Одна ФЕ отмечена в 3 языках исследования, в немецком, русском и украинском: рус. *представлять в розовом цвете* ‘приукрашать, идеализировать что-то’, укр. *малювати рожевими фарбами,* нем. *etw. in den rosigen Farben darstellen*.

В результате исследования можно сделать следующие выводы:

1. Даже в генетически разных языках наблюдаются совпадения в восприятии цветов, о чем свидетельствуют 8 ФЕ с компонентом-колоризмом, которые характерны для всех 4 языков исследования.

2. Шесть ФЕ, характерных только для немецкого и английского языков, и 9 ФЕ, характерных только для русского и украинского языков, с одной стороны, демонстрируют генетическую близость данных языков, с другой стороны, показывают, как одинаковые цвета вызывают различные ассоциации и эмоции в разных культурах.

3. Четыре ФЕ с компонентом-колоризмом *красный,* объединяющие неродственные русский, украинский языки с немецким языком, свидетельствуют о значительном влиянии внешних факторов (например, коммунистической идеологии) на языки.

4. Данный анализ также показывает, что доминирующими колоризмами в составе ФЕ на данном материале исследования являются *красный* и *зеленый,* которых насчитывается более 50 %, что совпадает с результатом работы Вайлера З. на материале английского и немецкого языков [5].

В дальнейшем исследовании колоризмов планируется расширение эмпирического материала, детальное изучение семантики и этимологии, фразеологизмов с компонентами-колоризмами.

1. Комина Е.В. Модели цветообозначений в английском языке / Е.В.Комина // Проблемы английской филологии и психолингвистики. – Вып. 1. – Калинин: КГУ, 1972. – С.45–86.
2. Кульпина В.Г. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ / Отв. ред. А.П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 126-184.
3. Kay P., Berlin B., Maffi L. & Merrifield W//Color Naming Across Languages. In C. L. Hardin & L. Maffi (eds.) Color Categories in Thought and Language. Cambridge: Cambridge University Press.1997.
4. Thompson E. //Colour vision: a study in cognitive science and the philosophy of perception. New York: Routledge, 1995.
5. Wyler S.: Colour and language: color terms in English. Tübingen: Gunter Narr., 1992.

УДК 811. 111 " 81-115

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД В ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Бессонова О.Л.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
olgabessonova@mail.ru

В современной лингвистике наблюдается устойчивый интерес исследователей к изучению проблем семантики, поддерживаемый принципами антропоцентризма, функционализма, когнитивизма. В рамках антропоцентрической направленности лингвистической науки актуальными являются исследования, интегрированные в когнитивно-дискурсивную и лингвокультурологическую проблематику, которая концентрируется вокруг триады: “язык – языковая личность – культура”. В русле когнитивной семантики развиваются разнообразные подходы и направления, целью которых является изучение и понимание механизмов концептуализации и категоризации действительности, а также выявление природы соотношения языковой и концептуальной картин мира.

Анализ публикаций в области когнитивной лингвистики свидетельствует о широкой теоретико-методологической платформе, в рамках которой в современных лингвокогнитивных студиях сосуществуют разнообразные подходы. Одним из наиболее перспективных является сопоставительный подход, позволяющий установить не только сходства в структурировании картины мира представителями разных лингвокультур и изоморфизм средств выражения, но и алломорфные характеристики картин мира разноструктурных языков, обусловленные, в том числе, факторами лингвокультурологического характера. Как отмечает А.Н. Приходько, “в рамках контрастивного языкознания, перешедшего к этапу развития целых научных отраслей (сопоставительная фонетика / грамматика / лексикология), пришло время говорить о сопоставительной концептологии” [Приходько 2008 : 81].

Когнитивная лингвистика располагает широким инвентарем методологических процедур исследования, которые основываются на новейших теориях языкознания и являются основой для адекватного и всестороннего концептуального анализа. Опираясь на свой терминологический аппарат и свои принципы исследования языкового материала, лингвоконцептология использует различные методики, включая пропозиционально-лингвистический метод, теорию категоризации, концептуальный анализ, фреймовый подход, теорию концептуальной метафоры, теорию “ментальных пространств”, когнитивное картирование и т.д. Безусловным является одно:

выбор тех или иных методов исследования зависит от целей и задач, которые ставит перед собой исследователь.

Когнитивная лингвистика исходит из того, что концептуализация определенного ментального пространства фиксируется в его языковом обозначении. Следовательно, выявление концептуальной организации этого пространства возможно лишь посредством изучения семантики и употребления его языковых обозначений. Когнитивная семантика занимается в основном сверхглубинной семантикой, ее интересуют содержательные аспекты языковых форм. Одной из задач когнитивистики является выявление механизмов мышления и определение структуры категоризации. В контексте когнитивной лингвистики речь идет о связи языка и мышления, в частности, об интерпретации механизмов передачи концептов языковыми средствами, т.е. процесса вербализации и категоризации, другими словами, о репрезентации концептов посредством определенных значений, грамматических форм, синтаксических структур. Концептуализация и категоризация представляют собой классификационные процессы, которые отличаются поставленной целью и конечным результатом. Концептуализация направлена на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта и структур знания, а категоризация – на объединение подобных или тождественных единиц в более крупные категории [КСКТ, 1997 : 93].

В лингвистических исследованиях выделяются несколько подходов к характеру соотношения концептуализации мыслительного пространства и значения языкового знака, который его обозначает (см. работы Р. Ленекера, [Langacker, 1982], Ч. Филлмора [Филлмор, 1985], Н.Н. Болдырева [Болдырев, 2000] и др.).

Когнитивный подход к семантике слова предполагает, что значение слова определяется не только признаками, необходимыми и достаточными для идентификации обозначаемого, набор которых четко ограничен и является достаточным для определения значения слова. Когнитивный анализ значения включает в себя весь комплекс знаний и внеязыковой опыт языкового сообщества, совокупность лингвистической и экстралингвистической информации. Лексическое значение связывается со своей понятийной основой, что делает возможным реконструкцию концепта с помощью анализа его языкового выражения. Таким образом, в основе когнитивного подхода лежит описание структуры концепта, мотивирующего процесс номинации и объясняющего название вещей и объектов закрепленными за ними в лексической системе языка именами.

Развиваясь как новая научная парадигма, лингвистический концептуализм реализуется не только как анализ самих вербально оформленных концептов, но и как анализ с помощью концептов. Лексическое значение относится к концептуальной сфере и связывает концепт и слово. Следует подчеркнуть, что между словом и концептом нет однозначного соответствия, потому что один и тот же концепт может быть выражен разными словами (синонимические отношения), различные концепты могут быть выраженными одним словом (отношения полисемии и омонимии).

Концептуализация мира в различных лингвокультурных социумах имеет сходства и различия. Несмотря на определенную ограниченность межкультурной коммуникации в основе всех языков лежат изоморфные множества семантических элементов. Однако наличие в языках лексикализированных универсалий не означает абсолютной эквивалентности в языковом употреблении, потому что, несмотря на наличие универсалий, семантические системы разных языков уникальны и культуроспецифичны. Концептуальный анализ направлен на раскрытие механизмов речевой деятельности в ее неразрывной связи с мышлением и реальностью. Исследованию подлежит именно концептуальный слой семантики – уровень ментальных сущностей, которые структурируют и предопределяют содержание лексических единиц. Когнитивное описание языковых единиц предполагает построение концептуальных образов, следовательно, применив аппарат концептуального моделирования, можно описать значение в онтологическом измерении, что отражает влияние наивного знания на языковую структуру в процессе коммуникации.

В контексте развернувшихся в последние годы активных лингвокогнитивных исследований особую значимость приобретает реконструкция на основе языковых концептов разных типов. В Донецком национальном университете на факультете иностранных языков в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы выполнен ряд сопоставительных исследований, в которых на материале английского, русского, украинского, новогреческого языков рассматриваются особенности выражения разноуровневыми языковыми средствами специфики концептуализации и категоризации мира, которая отражена в национальных языковых картинах мира (см. работы [Ананченко, 2013; Олійник, 2008; Пефтієва, 2015; Процедури, 2012; Сарбаш, 2008; Стоянова, 2009, Трофімова, 2014]). В указанных работах на материале разноструктурных языков реконструирован целый ряд концептов, которые относятся к “фундаментальным” или “базисным”. В процессе исследования авторы руководствовались последними наработками современной отечественной и зарубежной лингвистики по проблемам когнитивной семантики. Однако несомненным представляется их собственный, самостоятельный вклад в применение процедур определения семантических характеристик лексикализованных и дискурсивных концептов и средств их вербализации в английском, украинском, русском и новогреческом языках.

1. Ананченко О.С. Лінгвокультурний концепт РЕЛІГІЯ в англійській та українській мовах: дис. … канд. філол. наук : 10.02.17 / Донецький національний університет. – Донецьк, 2013. – 210 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – 123 с.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филолог. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
4. Олійник С.В. Оцінні фразеологічні одиниці в англійській та українській мовах: лінгвокогнітивний аспект: дис. … канд. філол. наук: 10.02.17 / Донецький національний університет. – Донецьк, 2008. – 243 с.

5. Пєфтієва О.Ф. Образність як семантичний компонент лексичного значення найменувань особи в англійській та українській мовах: [моногрфія] (Лінгвокогнітивні та лінгвокультурологічні дослідження. – Т. 3). – Київ: СПД Нестроєвий А.І., 2015. – 256 с.
6. Приходько А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики: [монографія]. – Запоріжжя: Прем'єр, 2008. – 332 с.
7. Процедуры концептуального аналізу в різноструктурних мовах / Бєссонова О.Л., Сарбаш О.С., Трофімова О.В., Олійник С.В., Стоянова І.Д. / За заг. ред.. Бєссонової О.Л. (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження. – Т. 7). – Донецьк: ДонНУ, 2012. – 360 с.
8. Сарбаш О.С. Семантика позитивної емотивної лексики: лінгвокогнітивний та лексикографічний аспекти (на матеріалі англійської, української та новогрецької мов): дис. … канд. філол. наук: 10.02.17 / Донецький національний університет. — Донецьк, 2008. – 231 с.
9. Стоянова І.Д. Дискурс антиутопії (на матеріалі англійської, української та російської мов): дис. … канд. філол. наук: 10.02.17 / Донецький національний університет. – Донецьк, 2009. – 257 с.
10. Трофімова О.В. Фразеологія негативних емоцій в англійській та українській мовах : [монографія] (Лінгвокогнітивні та лінгвокультурологічні дослідження. – Т. 1). – Донецьк: ДонНУ, 2014. – 248 с.
11. Fillmore Ch. Frames and the Semantics of Understanding / Ch. Fillmore // Quaderni di Semantica. – 6(2). – 1985. – P. 222–253.
12. Langacker R. Space Grammar, Analysability and the English Passive. In: Language. – 58. – 1982. – P. 22-80.

УДК 81'37:811.111

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ С КОМПОНЕНТАМИ ВОЕННЫХ КОМАНД В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Виноградова А.И., Зуйкова О.В., Панасенко К.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького»
panasenko.kseniia@mail.ru

Данная работа посвящена рассмотрению фразеологической лексики с компонентами военных команд и определению их места в сопоставляемых языках. Интенсивное развитие фразеологии как лингвистической дисциплины за последние годы характеризуется постепенной дифференциацией предмета исследования и методики его изучения, а также вовлечения в сферу научного поиска всё новых проблем и аспектов, которые опираются на сложившиеся в языкознании теоретические основы фразеологии [1, с. 12].

Многие авторитетные лингвисты, исследовавшие проблемы фразеологии, посвятили ряд работ изучению фразеологии разных языков. Работы таких авторов как Виноградов В.В., Кунин А.В., Шанский Н.М., Смит Я.П. [2–5] охватывают наиболее широкий материал.

Актуальность изучения военной лексики вызвана следующей необходимостью – ряд военных терминов начинает уже забываться. Часть этих слов входит и в другие разряды профессиональной лексики. Изучение

военной лексики имеет существенное значение для военных аспектов языкознания, включая такие его разделы, как лексикология, лексикография, стилистика, а также для определённых прикладных отраслей последнего, среди которых можно назвать методику преподавания военного и военно-технического перевода, автоматизированную обработку информации: *beach; beachcapacity; beach group; beach head; beach landingsite; beach marker; beach master; beach master unit; beach minefield; beach organization; beach party; beach party commander; beach photography; beach reserves; beach supporter.*

Ещё несколько примеров образных элементов этой части эмоционально окрашенной лексики: *shoot-and-shoot missile* «ракета на подвижной пусковой установке»;*up-hill struggle* « упорный (тяжёлый) бой»; *pin pricks* «удары накоротке»; *see-saw, ding-dong, tug of war* «бои с переменным успехом»; *Doom's Day weapon* «термоядерное оружие»; *cloak and dagger service* «секретная служба»; *silent service* «подводный флот». Основная масса лексики подобного рода имеет литературное происхождение. Однако встречаются и образования, возникшие в устной речи. Преобладающее количество слов и сочетаний этого слоя военной лексики имеет положительную эмоциональную окраску с большим числом слов, торжественно приподнятых.

По своей структуре терминологические сочетания в английской военной лексике делятся на следующие основные группы:

- существительное (обычно термин) с определяющими словами (или словом), расположенными впереди или после определяемого слова (именные фразеологические единицы): *bombardment by gun; CBR weapons; land-based missile*; *line of departure; means to make war; range by shooting; surface-to-surface guidedmissile.* Эти сочетания представляют собой наиболее многочисленную группу в военной лексике;
- глагол с существительным (в функции прямого или предложного дополнения): *change hands; deliver supplies; perform a mission; shoot into close quarters; spark a war;*
- глагол с другими частями речи (кроме существительного), глагол с послеглагольными словообразовательными элементами: *break away; break down; break off; break out; break through; shake down; take off; to take out (a target); zero in (on);*
- глагол с причастием I (II): *keep rolling (covered).*

По количеству компонентов сочетания делятся на двух-, трёх- и более компонентные единицы. Например, *all-weather interceptor-fighters quadron.* Специфичность сочетаний военной лексики проявляется не столько в употреблении отдельных слов английского языка в узкоспециальном значении, сколько в образовании специфических многосоставных терминов из слов, в основном сохраняющих своё общеупотребительное значение: *damage control team; fire direction center; fire support coordination center; search and destroy operation.*

Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотрение динамических процессов в военной лексике английского языка способствует более полному раскрытию специфики армейского подъязыка, его лексических и

фразеологических оборотов, определению их места и роли в связях языковой системы. Функционируя как главное средство общения, язык является не только атрибутом развития человека и общества, но и сам постоянно развивается и совершенствуется вместе с ними.

1. Авксентьев Л.Г. Сучасна українська мова. Фразеологія. – Харків: Вища школа, 1983. – 137 с.
2. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова// Вопросы языкознания. 1953. – № 5. – С. 15-18.
3. Кунин А.В. Английская фразеология (теоретический курс). – М., 1970. – 344 с.
4. Смит, Логан П. Фразеология английского языка. – М., 1959.
5. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М., 1985. – 160 с.

УДК 811.111

ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ ЛИЧНЫХ ИМЕН В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Керова Л.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
larisa.kerova89@gmail.com

Язык находится в постоянном развитии, вместе с ним развивается и именная система. Под влиянием современных тенденций и экстралингвистических факторов, таких как: мода на имена, прагматическая составляющая языкового общения, фонетико-психологический фактор и т.д. появляются новые имена. Материалом исследования являются личные имена, возникшие в XX-XXI вв., например: англ. *Adison, Africa, Ruby, Anice*; нем. *Analiese, Hannelore, Martina, Max.*

Как показал структурный анализ языкового материала, составляющего корпус исследования, общими для английского и немецкого языков являются следующие способы образования новых личных имен: онимическое усечение, онимическая деривация, переход гипокористических форм имен в разряд самостоятельных личных имен, онимизация апеллятивов, словосложение, сращение.

Ниболее продуктивным способом образования новых личных имен в английской и немецкой именной системах является онимическое усечение. Данный механизм затрагивает разные части исходного имени: начало, конец и середину. Выделают три вида онимического усечения.

Аферезис – отсечение начального слога имени, например: англ. *Drew < Andrew, Gail < Abigail, Lana < Alana, Nora < Eleonora, Rick < Roderick;* нем: *Claus < Niclaus, Griet< Margriet, Lena < Magdalena, Sina < Tomasina, Stina < Christina*.

Синкопа – сокращение происходит в середине имени, например: англ. *Cressa < Cressida, Karen < Kathrine, Lisa < Elisabeth;* нем. *Erna < Ernesta, Heike < Henrike, Katrine < Katherine, Lenz < Lorenz, Lore < Leonore.*

Апокопа – отсечение конечного слога имени, например, англ. *Dud* < *Dudley, Flo* < *Flora, Gill* < *Gillian, Joan* < *Joanne;* нем: *Max* < *Maximilian, Franz* < *Franzesco, Inge* < *Ingeborge, Otto* < *Ottokar*.

Популярность и продуктивность данного способа объясняется в первую очередь тем, что краткие формы имен являются более современными и кратко оформленным. В процессе исследования были отмечены случаи, когда полная форма исходного имени отмечается как старомодная, в то время как краткая форма, образованная от этого имени, функционирует как самостоятельное имя и является очень популярной, постоянно попадая в списки наиболее популярных имен. Такими примерами могут служить имена *Gail* от Abigail – в английском языке, и имя *Jutte* от Judith – в немецком языке. Такие имен считаются более лаконичными, и удобными с точки зрения языковой экономии.

От сокращенных форм имен путем аффиксации образуются гипокористические формы личных имен, некоторые из которых на данном этапе развития языка функционируют как самостоятельные имена. Особенность деривации в системе английских и немецких личных имен состоит в том, что аффиксация выступает как своеобразная вторичная деривация по отношению к сокращению, и без него, как правило, не используется. От полных или исходных имен образуются сначала сокращенные имена, а от них, в свою очередь, образуются гипокористические имена. Например: англ. *Emmy* < *Emma, Davy* < *David, Jan* < *John, Judy* < *Judith;* нем. *Heinz* < *Henrike, Imke* < *Imma, Jutte* < *Judith, Kurt* < *Konrad*.

Сокращенные формы имен, как правило, служат для языковой экономии и удобства, а гипокористические формы, образованные при помощи суффиксов, являются формами выражения субъективной оценки. Чаще всего эта субъективная оценка является положительной, со временем она закрепляется за гипокористической формой. Положительная коннотация становится частью семантики имени, когда гипокористическая форма употребляется как самостоятельное личное имя.

На современном этапе развития английского и немецкого языков имена, образованные с помощью онимического усечения и гипокористической аффиксации, являются очень популярными и составляют порядка 40% имен, зарегистрированных как самые популярные имена.

Вторым по продуктивности способом образования новых имен как в английском, так и в немецком языке является онимическая деривация. Новые имена могут образовываться от полного имени, если оно краткое, например: англ. *Clementine* < Clement + суффикс -ine, *Constantine* < Constant + суффикс -ine, *Donalda* < Donald + суффикс -a, *Dorinda* < Dora + суффикс -inda; нем. *Erdmute* < Ermut + суффикс -e, *Karlotte* < Karl + суффикс -otte, *Wilhelmine* < Wilhelm + суффикс -ine, *Hansine* < Hans + суффикс -ine. От краткой формы имени: англ. *Charlene* < Charles + суффикс -ene, *Davina* < David + суффикс -ina, нем. *Hernime* < Hermann + суффикс -ine, *Ebba* < Eberhard + суффикс -a.

Такой способ образования новых имен является более продуктивным среди женских имен. Данный фактор можно объяснить тем, что женский именник всегда более разнообразен.

Высокая продуктивность данного способа в обоих языках может объясняться с одной стороны прагматической направленностью языкового общения. Словообразовательные суффиксы несут эмоциональную окраску, выражают отношение говорящего к носителю имени. С другой стороны, фонетико-психологическим фактором, с точки зрения имядателя, словообразовательные суффиксы делают имя более благозвучным.

Онимизация аппелятивов, как способ образования новых имен личных, была зафиксирована как в английском, так и в немецком языке, и является третьим по продуктивности способом образования личных имен. Однако следует отменить, значительное количественное превалирование имен, образованных данным способом в английском языке, по сравнению с немецким именником. Данное различие объясняется тем фактом, что на законодательном уровне вымышленные имена не могут быть официально присвоены ребенку в Германии. Примерами таких имен могут служить *Beryl* ‘берилл’, *Cherry* ‘вишня’, *Down* ‘рассвет’, *Earl* ‘граф’, *Fern* ‘папоротник’ – в английском языке и *Jasmin* ‘жасмин’, *Schatz* ‘сокровище’, *Frauke* ‘женщина (уменьшит. форма)’, *Horst* ‘лес’ – в немецком языке.

На четвертом месте – имена образованные словосложением. По количеству примеров, полученных в результате анализа корпуса языкового материала, находится словосложение. В данную группу входят имена, образованные путем объединения двух имен, например: англ. *Adeliza < Adela + Liza, Maryanne < Mary + Anne, Mariabelle < Maria + Belle, Ruthanna < Ruth +Anna;* нем. *Anneliese < Anne + Liese, Hannelore < Hanne + Lore, Lieselotte < Liese + Lotte, Lottelore < Lotte + Lore.* Создание имен путем словосложения (контаминации) является довольно продуктивным явлением на современном этапе развития языка. Контаминация возникла под влиянием фонетико-психологического фактора, и отражает стремление иметь более звучное, короткое и цельнооформленное имя. Такие графические слияния двух имен в одно пишутся либо слитно, либо через дефис.

Сращение, как показал анализ, является наименее продуктивным способом образования новых имен в английском и немецком языке. В данном случае, в отличии от словосложения, имена образовываются путем объединения не полных имен, а их частей: англ. *Alanda < Alan + Amanda, Annabel < Anna + Amabel, Coralie < Coral + Rosalie*; нем. *Adeltraud < Etheldreda + Audrey, Marlene < Maria + Magdalene*. Продуктивность данного механизма можно объяснить тем, что некоторые имядатели хотят дать оригинальное, символическое имя, значимое и важное именно для них, возможно сохранить преемственность поколей, создав новое имя из двух имен, принадлежащих членам их семьи.

Помимо общих для английского и немецкого языков способов образования новых личных имен, в английском языке была также выделена группа имен, образованных с помощью трансонимизации. В немецком языке не было зафиксировано ни одного имени, образованного данным способом.

В английской именной системе представляется возможным выделить два вида трансонимизции: 1) переход одного вида антропонима в другой, в частности переход фамилии в личное имя (*Atwood, Beavis, Cameron, Dudley, Dustin*), 2) переход топонима в личное имя (*Clodagh, Dee, Europa, Graham*).

Таблица

Механизмы образования новых имен в английском и немецком языках

		Английский язык	Немецкий язык
1. Онимическая деривация (аффиксация)			
1.1	Имя + суффикс	Clementine < Clement + ine Constantine < Constant + ine Donalda < Donald + a Dorinda < Dora+inda	Erdmute <Ermut+-e, Karlotte < Karl+-otte, Wilhelmine < Wilhelm+-ine, Hansine < Hans+-ine
1.2	Сокращенная форма имени + суффикс	Charlene < Charles + ene, Davina < David + ina	Hernime < Hermann+-ine, Ebba < Eberhard +-a
2. Онимическое усечение (сокращение)			
2.1	Усечение начала имени	Drew < Andrew, Gail < Abigail, Lana < Alana Nora < Eleonora Rick < Roderick	Claus < Niclaus, Griet< Margriet, Lena < Magdalena, Sina < Tomasina, Stina < Christina
2.2	Усечение конца имени	Dud < Dudley, Flo < Flora Gill < Gillian Joan < Joanne	Max < Maximilian, Franz < Franzesco, Inge < Ingeborge, Otto < Ottokar
2.3	Усечение середины имени	Cressa < Cressida Karen < Kathrine Lisa < Elisabeth	Erna < Ernesta, Heike < Henrike, Katrine < Katherine, Lenz < Lorenz, Lore < Leonore
3. Словосложение		Adeliza < Adela+Liza Maryanne < Mary+Anne Mariabelle < Maria + Belle Ruthanna < Ruth +Anna	Anneliese < Anne+Liese, Hannelore < Hanne + Lore, Lieselotte < Liese+Lotte, Lottelore < Lotte+Lore,
4. Сращение		Alanda < Alan+Amanda Annabel < Anna+Amabel Coralie < Coral+Rosalie	Adeltraud < Etheldreda+Audrey, Marlene < Maria+Magdalene
5. Онимизация апеллятивов		Beryl ‘’, Cherry ‘’, Down ‘’, Earl ‘’, Fern ‘’	Jasmin ‘жасмин’, Schatz ‘сокровище’, Frauke ‘женщина (уменьшит. форма)’, Horst ‘лес’
6. Гипокористическая форма имени употребляется как самостоятельное имя		Emmy < Emma, Davy < David, Jan < John, Judy < Judith	Heinz < Henrike, Imke < Imma, Jutte < Judith, Kurt < Konrad
7. Трансонимизация			
7.1	Топоним –> личное имя	Clodagh, Dee, Europa, Graham	–
7.2	Фамилия –> личное имя	Atwood, Beavis, Cameron, Dudley, Dustin	–

В результате исследования были выявлены основные общие способы образования новых личных имен в английском и немецком языках: онимическое усечение, онимическая деривация, онимизация апеллятивов, словосложение, сращение. Представляется возможным сделать вывод о сходных тенденциях и перспективах развития английской и немецкой именных систем.

Разнообразие способов образования личных имен свидетельствует о том, что на данном этапе превалирующим является стремление к индивидуализации личности через создание оригинальных, экспрессивных, удобных с точки зрения фонетико-психологического фактора имен. Новые личные имена сохраняют экспрессивные, культурные и географические коннотации. Стремление к индивидуализации личности повлекло за собой увеличение и диверсификацию реестра личных имена, а также сужение доли частотного именника в общем объеме имен.

1. Рыбакин А.И. Словарь английских личных имен. – М.: Рус.яз., 1989. – 224 с.
2. Рыбакин А.И. Словарь английских фамилий. – М.: Рус.яз., 1986. – 576 с.
3. Hanks P., Hodges F. A Dictionary of First Names. – Oxford, New York: Oxford University Press, 1990. – 443 p.
4. Macleod I., Freedman T. The Wordsworth Dictionary of First Names. – Hertfordshire: Wordsworth Editions, 1995. – 223 p.
5. Bahlow H., Dictionary of German names. – Madison, Max Kade Institute for German-American Studies, 2002, – 579 p.

УДК 811.111’367.32:81-116.3

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИЯХ ДИСКУРСА: НА МАТЕРИАЛЕ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ МОДЕРАЦИИ

Кишко С.Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Проблема выделения категорий, описание их структуры, содержания и принципов формирования всегда оставалась одной из ключевых в лингвистике, поскольку они (категории) имеют непосредственное отношение к формам отражения окружающего мира в сознании человека и к организации языка и речи как основных способов выражения полученных знаний. Следовательно, категории играют большую методологическую роль в науке, без них невозможно научное мышление ни в одной области знания [14, с. 17].

На современном этапе развития лингвопрагматики на первый план выдвигается задача изучения категорий, отражающих системность не только языка, но и речевой деятельности. В данной связи в понятийный и терминологический аппарат отечественной лингвистики все более прочно входят такие понятия, как «коммуникативная категория» и «дискурсивная категория». В отличие от категорий системы языка, к которым относятся категории лексические, лексико-грамматические, функционально-семанти-

ческие, коммуникативные категории и категории дискурса описаны менее полно, что делает разработку принципов выделения и структурирования категорий данного типа *актуальной* задачей современной коммуникативно-когнитивной лингвистики.

На сегодняшний день традиционно считается, что коммуникативные категории определяют принятые в обществе нормы и правила коммуникации и представляют собой самые общие коммуникативные понятия, некоторую упорядоченную совокупность суждений, включающих прескрипции, установки и правила развития интеракции, и реализуемые в общении соответствующими стратегиями и тактиками [11]. В таком свете довольно подробно описана категория вежливости, объединяющая целый ряд более частных категорий, таких, как смягчение, толерантность, уважение, тактичность и др. [12, 13, 16].

Что касается категорий дискурса, то их интерпретация зависит от трактовки самого понятия «дискурс». В силу наличия многообразия исследовательских подходов дискурсологов, в настоящее время в лингвистике пока отсутствует общепризнанная классификация категорий дискурса [5, 10, 15]. И. С. Шевченко, уточняя параметры системы категорий, различает дискурсивные, к которым относятся когнитивные и коммуникативные категории, и метадискурсивные категории. Первые дают представление о содержательном плане дискурса, а вторые – о его структуре, организации, развертывании. Коммуникативные категории дискурса охватывают интенциональность, адресованность и ситуативность, то есть социально-прагматические свойства отдельных ситуаций общения. К метадискурсивным относятся средства оформления дискурса как процесса – его коммуникативные стратегии и тактики; жанрово-стилистические особенности дискурса; фатическая метакоммуникация (регулирование речевого взаимодействия в ситуациях установления, продолжения, размыкания речевого контакта) и операциональная категория мены коммуникативных ролей [18].

Объектом рассмотрения в этой статье является коммуникативно-прагматическая категория (КПК) модерации; *предмет* анализа составляет структура и содержание указанной категории.

Анализ языкового материала показал, что одной из характерных черт речевого поведения англоязычной личности является преднамеренный уход говорящего от экстремальности в речи, т.е. модерация смысла высказывания: (moderation – an avoidance of extremes [21, c. 1451]) [7]. Следовательно, такое речевое поведение характеризуется коммуникативной интенцией сдержанности. Изучаемый феномен отражает один из важных культурно-симптоматичных аспектов речемыслительной деятельности представителей английской культуры, отличающейся максимальной социальной дистантностью [2, 9]. Такое поведение, как известно, является характерным для эмотивной коммуникации, в процессе которой проявление эмоций является сознательно запланированным и имеет определенную коммуникативную установку [9]. Коммуникативная интенция сдержанности лежит в основе

КПК модерации и составляет ее категориальное содержание. Поскольку сдержанность является одной из характерных черт эмотивной коммуникации, то и категория, которая основывается на этом свойстве, также характеризует указанный вид коммуникации, т. е. дискурса (последний трактуется нами в широком смысле как вид речевой коммуникации [10, 17]).

Функционируя в речи, т.е. в дискурсе, модерация носит комплексный характер. Как и собственно коммуникативные категории она основывается на определенных правилах речевого общения, а именно коррелирует с универсальными правилами речевой коммуникации, реализуя основные максимы кооперации и/или вежливости. Указанная корреляция проявляется, в частности, в том, что говорящий, модерируя, т.е. намеренно деинтенсифицируя смысл высказывания, сознательно нарушает одни максимы (например, кооперации) во имя реализации других (например, положительной или отрицательной вежливости) [6]. Однако в отличие от коммуникативной категории вежливости, которая относится к социально-этическим коммуникативным категориям [4], модерация является прагматической категорией, поскольку ее отличительным свойством есть ее прагматическая составляющая, а именно – интенция, которая содержит «главную составляющую сознания и то свойство многих ментальных состояний и событий, посредством которых они направлены на объекты и положения дел внешнего мира» [19].

В предлагаемой концепции анализ содержания коммуникативно-прагматической категории модерации основывается на положениях отечественных и зарубежных функционалистов об инвариантности / вариантности [1, 3]. Учитывая связь функциональной лингвистики и лингвопрагматики, мы экстраполируем понятия инвариант и вариант в область прагматики речи. С этой точки зрения смысловой инвариант КПК модерации и ее прагматические варианты принадлежит системе речи, т.е. дискурсу.

Как показывают результаты нашего исследования, интенция сдержанности находит свое вербальное выражение в речи англоговорящей личности в виде пяти прагматических вариантов, реализуемые в общении соответствующими антиконфликтными стратегиями и тактиками:

1) митигации: (1) *I really think that Mrs. Erskine is a bit insane* (Christie, Sleeping Murder. – P. 111). В примере (1) говорящий щадит положительное лицо Мисис Эрскин, смягчая силу отрицательно-оценочного прилагательного *insane* посредством модератора-митигатора *a bit.*
2) Неуверенности: (2) – *I think he died the night he came to your house. – How?- Probably the way you suggested to Nick Bagley … he lost his bearings in the dark and fell* (Walters, – P. 468). Пример (2) иллюстрирует стратегию кооперативного поведения, при котором говорящий избегает категоричного выражения мнения, излагая факты происшествия (время и способ гибели Ника Бэгли) с оттенком неуверенности, сигналами которой выступают модераторы (подчеркнуты).
3) Недоговоренности (предложенный нами термин, который, как нам кажется, более точно передает суть явления, обозначаемого в английском языке словом «understatement»): (3) *Why honey, you look like you ain't*

feeling too good (Cornwell, –P. 307). В примере (3) говорящий передает адресату больший смысл, чем предполагает буквальное значение высказанного, а именно, деликатно выражает озабоченность состоянием здоровья адресата; модерированное высказывание содержит импликатуру: you don't look well.

4) Аппроксимации: (4) *Ruby was more or less training for a dancer* (Christie, – P. 31). В примере (4) говорящий прибегает к приблизительной характеристике неблаговидного рода занятий девушки, не желая его конкретизировать.
5) Девальвации: (5) *I think it's a great idea* (Perry, – P. 129). В примере (5) продуцент девальвирует положительную оценку тем, что ограничивает ее лишь собственным мнением (предваряя ее модератором-девальватором, I think).

Структурируя КПК модерации, мы пришли к выводу, что она может быть представлена как система взаимосвязанных коммуникативных подсистем, тесно взаимосвязанных и объединенных между собой общностью коммуникативной интенции, состоящей в модерации содержания высказывания. Исходя из этого, представляется вполне целесообразным рассмотрение данной категории с точки зрения ее полевой организации. Эта организация, по нашему мнению, имеет структуру функционально-прагматического макрополя (ФПМП). При этом принимается, что категориальное – инвариантное – значение модерации составляет план содержания макрополя в целом, а перечисленные выше вариантные значения (митигации, неуверенности, недоговоренности, аппроксимации и девальвации) – планы содержания конституирующих его микрополей.

ФПМП является способом существования и организации КПК модерации. Моделируя ФПМП модерации в современном англоязычном дискурсе, мы исходим из того, что лежащий в его инвариантной содержательной основе прагматический смысл – интенция говорящего модерировать определенным образом содержание своего высказывания, т.е. придать ему более умеренный и тактичный характер, снизить его тон, экстремальность и т.п., раскрывается в системе прагматических вариантов, каждый из которых имеет собственный репертуар средств формального выражения. Это определяет особенность структуры ФПМПМ, которая, согласно нашей концепции, представляет собой двустороннее (содержательно-формальное) единство, состоящее из пяти микрополей (мП), а именно: мП митигации, мП неуверенности, мП недоговоренности, мП аппроксимации и мП девальвации. Таким образом, каждый из пяти прагматических вариантов модерации образует собственное функционально-прагматическое микрополе.

Система ФПМП модерации характеризуется постоянным взаимодействием, взаимопроникновением и взаимообменом элементов не только между подсистемами внутри системы, но и между системой и ее окружением, что обусловливает синергетичность ее природы.

Если инвариантное (категориальное) значение модерации составляет содержательную основу поля, т.е. план его содержания, то план выражения,

т.е. предметно-знаковый аспект реализации инварианта / вариантов данного поля представлен конкретными вербальными единицами. Последние принадлежат системе языка и воплощают интенцию говорящего модерировать смысл высказывания в конкретных речевых произведениях, или, по выражению И.М. Кобозевой, «включают в себя информацию об интенциональном состоянии сознания говорящего» [8].

План выражения ФПМПМ представлен обширным арсеналом языковых средств, которые мы называем модераторами (термин заимствован у Фаулера [20]). Модераторы, иллокутивные показатели реализации говорящим коммуникативной интенции модерации в ее различных прагматических разновидностях, объединяют функциональный класс лексических, лексико-грамматических, синтаксических, стилистических и речевых единиц [7].

Таким образом, КПК модерации является неотъемлемой и важной частью системы категорий дискурса – речемыслительной деятельности, протекающей в широком социокультурном контексте. Специфической чертой рассматриваемой категории является ее интегральность. Как коммуникативная категория она детерминирована социокультурными нормами и правилами, регулирующими речевое поведение англоязычной языковой личности. Как прагматическая категория основывается на коммуникативной интенции сдержанности и, как следствие, отражает социально-прагматические свойства отдельных ситуаций общения. Категория используется говорящим для регулирования коммуникативного процесса в стратегических целях, выполняя такие социальные функции, как: 1) воздействующая (успешная реализация коммуникативных намерений), 2) регулятивная (создание, поддержание и сохранение социального равновесия и партнёрских отношений); 3) гармонизирующая (придание необходимой тональности, снижение степени категоричности высказывания), 4) презентационная (сохранение собственного положительного «лица»). КПК модерации имеет собственное коммуникативное содержание и находит выражение в речи в пяти прагматических вариантах: митигации, неуверенности, недоговоренности, аппроксимации и девальвации; имеет полевую структуру, которая выявляет синергетическую природу; располагает разнообразными языковыми и речевыми средствами выражения категориального содержания. Дальнейшее изучение КПК модерации *перспективно* продолжить в плане анализа ее взаимодействия с другими коммуникативными категориями на материале различных дискурсов.

1. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А.Вежбицкая – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
3. Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка / В.Г. Гак // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1985.
4. Захарова Е.П. Коммуникативная категория чуждости и её роль в организации речевого общения / Е.П.Захарова // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. – С.87-94.

5. Карасик В.И. О категориях дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. Трудов. – Волгоград–Саратов: Перемена, 1998.– С.185-197.
6. Кишко С.Н. Категория модерации с позиций теории вежливости и принципа кооперации / С.Н.Кишко // Нова філологія. Випуск 32. – Запоріжжя, 2008. – С. 117-120.
7. Кишко С.М. Комунікативний феномен модерації в сучасному англомовному художньому дискурсі: дис. …канд. філол. наук: 10.02.04 / С.М.Кишко – Донецьк, 2011. – 204 с.
8. Кобозева И.М. Интенциональный и когнитивный аспекты содержания высказывания: дис д-ра филол.наук: 10.02.19 / И.М.Кобозева – М., 2003.
9. Ларина Т.В. Вежливость как предмет лингвистического изучения / Т.В.Ларина // Коммуникативное поведение. – Вып.17. / Науч.ред. И.А.Стернин. – Воронеж: Истоки, 2003. – С. 10-22.
10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л.Макаров. – М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003. – 280 с.
11. Стернин И.А. О национальном коммуникативном сознании / И.А.Стернин // Лингвистический вестник. – Вып.4. – Ижевск, 2002. – С. 87-94.
12. Стернин И.А. Проблемы описания вежливости как коммуникативной категории / И.А.Стернин // Коммуникативное поведение. – Вып.17. – Воронеж, 2003. – С.22-47.
13. Стернин И.А. Проблемы формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании / И.А.Стернин // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: [коллективная монография] – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004. – Режим доступа: detc.ls.urfu.ru/courses/cjour0011/ hrestomatiya /31.doc.
14. Спиркин А.Г. Философия: учебник для тех. вузов. – М.: Гардарики, 2000. – 368 с.
15. Шейгал Е.И. Концепты и категории дискурса / Е.И.Шейгал // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград : Парадигма, 2006. – С. 24-39.
16. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): автореф. дис. доктора филол. наук: 10.02.19 / С.С.Тахтарова – Волгоград, 2010.
17. Шевченко І.С. Дискурс як мисленнєво-комунікативна діяльність / І.С.Шевченко, О.І.Морозова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен. – Х.: Константа, 2005. – С. 21–28.
18. Шевченко И.С. Дискурс и его категории / И.С.Шевченко // Дискурсология:семантика и прагматика. – Вестник ХНУ. – № 973. – 2011. – С. 6–12.
19. Searle J.R. Speech Acts, Mind and Social Reality / J.R. Searle // Meggle G., Grewendorf G. (eds) Speech Acts, Mind and Social Reality. Discussions with John R. Searle. – Dordrecht et al.: Kluwer, 2002. – P. 3-16.
20. Fowler H.W. A Dictionary of Modern English Usage. Sec. Ed. (Entries on “Litotes” and “Meiosis”) / H.W. Fowler – Oxford University Press, 1980. – 725 p.
21. World Book Dictionary. – Clarence&Barnhart: World Book Inc., 1994.

УДК: 81’373

НЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА LANGUAGE В XXI ВЕКЕ

Курдина А.С.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
annette-kurdina@mail.ru

Данное исследование посвящено изучению особенностей вербализации концепта LANGUAGE английскими неологизмами XXI века.

Начало XXI века ознаменовалось «неологическим взрывом» в развитии лексической системы английского языка. Бурное развитие техники и технологий различного типа, наблюдаемые нами в современном мире, не может ни оказывать влияния и на развитие самого языка.

Ключевым термином современной когнитивной науки является «концепт», который достаточно широко используется в современной научной литературе, однако получает различную интерпретацию. Многообразие дефиниций концепта обуславливается неоднозначностью и семантической многоплановостью самого определяемого объекта.

В настоящей работе, вслед за А.П. Бабушкиным, концепт определяется как «дискретная содержательная единица коллективного сознания или идеального мира, хранимая в национальной памяти носителя языка в вербально обозначенном виде» [1, с. 13].

В результате анализа дефиниций имени концепта по данным английского толкового словаря (SOED), было выявлено, что концептуальное поле *LANGUAGE* представлено следующими признаками: “the whole body of words and methods of combining them”, “the style or types of verbal expression”, “faculty of speech”, “signs, symbols, sounds, and other methods of communicating information”.

Анализ фактического материала позволяет выявить языковые средства и объяснить особенности вербализации концепта *LANGUAGE* в английской языковой картине мира.

Остановимся на определении неологизма, принятом в современном языкознании. К неологизмам относятся слова, еще не вошедшие в активный запас языка, «принадлежащие общему языку, но сохраняющие оттенок новизны» [2, с. 58], созданные для обозначения нового предмета или выражения нового понятия, возникшие на памяти применяющего их поколения. Неологизмы закреплены в общем языковом употреблении со временем становятся нормой и фиксируются в словарях.

Обратимся непосредственно к рассмотрению структурных, семантических и функциональных особенностей интересующей нас группы неологизмов.

Семантические группы были сформированы на основании признаков концепта *LANGUAGE,* отобранных по данным лексикографических источников. Следовательно, согласно одному из основных аспектов значения имени концепта *LANGUAGE*, ‘form or manner of verbal expression, especially style’ была образована семантическая группа «Виды речи». Эта группа является самой репрезентативной (45 ед., 41,6 %), например, *Spinnish* ‘язык, который используют политические деятели и политтехнологи’, *Netspeak* ‘слова, идиомы, особенности орфографии и грамматики, характерных в написании онлайн документов и коммуникации’, *manual babbling* ‘жесты и движения младенца как способ коммуникации’.

Следующей по продуктивности семантической группе «Особенности произношения» (20 ед., 18,5 %) соответствует признак ‘the words, their pronunciation, and the methods of combining them used and understood by a

community’. Примерами этой группы выступают следующие неологизмы: *slurvian* ‘неотчётливое произнесение звуков, например "gimme" вместо "give me", *metaphasis* ‘перемещение звуков и букв в слове или фразе, например "stits and farts" вместо "fits and starts"’.

Группа «Стилистически окрашенные слова» менее репрезентативна (18 ед., 16,7 %), например, *cacophemism* ‘оскорбительные, бранные, грубые слова, которые используют, чтобы заменить нейтральные термины’.

Так как язык определяется как средство человеческого общения, неудивительно, что была выделена семантическая группа «Деятель» (15 ед., 13,9 %). Эту группу составляют следующие неологизмы: *slanguist* ‘лингвист, специализация которого жаргонные слова’, *phrasemonger* ‘человек, который часто использует крылатые выражения, цитирует других людей’.

Наименее репрезентативной группой неологизмов, вербализующих концепт *LANGUAGE* оказалась группа «Другие» (10 ед., 9,3 %), в которую вошли новообразования не связанные по смыслу ни с одной из перечисленных выше групп, например, *to wordnap* ‘применить новое значение к существующему слову’.

На первом этапе анализа структуры английских неологизмов, вербализующих концепт *LANGUAGE* выделены цельно- и раздельнооформленные единицы, слова и словосочетания соответственно.

В корпусе английских инноваций преобладают слова (94 ед., 87 %), а словосочетания составляют не значительный пласт новых языковых единиц (14 ед., 13 %).

Рассмотрение явления словообразования английских неологизмов-слов начинаем с разделения в корпусе языкового материала единиц разных лексико-семантических классов, в границах которых проводим последующий анализ структурных особенностей исследуемых единиц. Таким образом, неологизмы в английском языке XX–XXI века представлены именем существительным и глаголом.

Анализ показал значительное преобладание неологизмов-существительных (83 ед., 88 %).

Анализ инноваций позволяет сделать определённые выводы относительно роли разных словообразовательных и семантических процессов в английском языке XX–XI столетия.

Наиболее активным способом образования неологизмов оказались: телескопия (57,4 %), например, *camouflanguage* <*camouflage* + *language*> ‘язык использования жаргонов, эвфемизмов и других слов-заменителей, чтобы скрыть настоящее значение высказывания’; *Denglisch* или *Engleutsch* <*Deutsch* + *English*> ‘речь или текст, в котором было использована смесь англо-немецких слов’. Довольно продуктивным путём пополнения английского языка неологизмами являются суффиксальный способ (23,4 %) и словосложение (13,9 %), например *globish* <*glob* + *ish*> ‘облегченный вариант разговорного английского языка для кого он не является родным’; *gamespeak* <*game* + *speak* > ‘язык, который используют любители видеоигр

для выражения эмоций во время удач и поражений’. Наименьшую группу составили слова, образованные префиксальным способом (5,3 %).

С точки зрения количества компонентов, словосочетания разделяются на простые (simple phrases) и сложные (complex phrases). В корпусе английских неологизмов простые словосочетания составляют 13 единиц из выборки, а сложные представлены только одним – *Humpty Dumpty language* ‘необычное использование языка, в котором значение определённого слова подразумевается говорящим’.

Ряд словосочетаний в рамках выделенных структурных типов неоднороден, что позволяет провести дальнейшую классификацию по характеру главного слова. В ходе исследования среди простых неологизмов-словосочетаний были выделены подтипы.

Таким образом, среди изученных неологизмов-словосочетаний преобладают тип, образованный в соответствии с моделью Adj + N (53,8 % от общего количества простых словосочетаний).

Использование идеи семантических полей и словарных блоков способствует систематизации более или менее репрезентативных слово-образований, их более глубокому изучению.

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П.Бабушкин. – ВГУ, 1996. – С. 13.
2. Лопатин В.В. Рождение слова: Неологизмы и окказиональные образования. Текст/ В.В.Лопатин. – М.: Наука, 1973. – С. 58.
3. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles / C.T.Onions. – Oxford: Oxford University Press, 1973. (SOED).
4. Paul McFedries. The Word Lover’s Guide to New Words [Эл. ресурс], 2013. – Режим доступа: http://www.wordspy.com/categories/language-general.asp.

УДК 81’373.7:811.111

ОЦЕНОЧНЫЕ КОННОТАЦИИ ГИПЕРБОЛИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Лисовецкая А.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

lisovalina@mail.ru

Данная работа представляет собой исследование оценочных коннотаций гиперболических фразеологических единиц в английском языке, то есть единиц, в семантике которых прослеживается заведомое преувеличение, эмфатически усиливающее выразительность высказывания и придающее фразеологическим единицам гиперболический характер. Примерами подобных единиц могут служить: *can’t see beyond the end of one’s nose* ‘очень ограниченный’; *to take forty winks* ‘вздремнуть’; *(as) fit as a fiddle* ‘стройный, как березка’.

Выбор объекта исследования не случаен, так как фразеологические единицы, объединенные единым смысловым центром, а именно преувеличением, формируют культурно-маркированные образы. Важное место в типологии коннотаций фразеологических единиц, помимо национально-культурных коннотаций, принадлежит оценочным, поскольку в силу своего функционального предназначения фразеологизмы призваны характеризовать, оценивать предметы и явления окружающей действительности. По словам Г.В. Токарева, оценочные коннотации возникают в результате соотнесения внутренней формы фразеологизма с культурными установками, фоновыми знаниями, стереотипами и представляют собой результат вербализации того или иного квалифицирующего стандарта [2, с. 59].

Анализ английских ГФЕ с точки зрения их оценочных коннотаций позволяет выделить среди них следующие группы ГФЕ:

1. ГФЕ с **отрицательными оценочными коннотациями** (231 ГФЕ (46,2 %)). Следует отметить, что большинство ГФЕ данной группы (181 ГФЕ (77,6 %)) семантически ориентированы на человека. Подобные ГФЕ могут обозначать отрицательные черты характера (*can't see beyond the end of one's nose* 'очень ограниченный'; *(as) stubborn as a mule* 'упрямый, как осел'; *(as) proud as a peacock* 'самодовольный, как павлин'), аномальное физическое (*dead to the world* 'очень уставший, изнуренный'; *to feel like a boiled rag* 'как выжатый лимон') или психическое состояние (*(as) crazy as a loon* 'абсолютно сумасшедший'; *(as) mad as a March hare* 'больной на всю голову'*).* Ряд подобных ГФЕ обозначают неприятное поведение: *to wipe up the floor with someone* 'избивать кого-либо'; *to bleed someone white* 'намеренно тратить чьи-либо деньги в огромных количествах'; *to be out for somebody's scalp* 'охотиться за кем-либо'; *to promise somebody the moon* 'обещать золотые горы'.

Определенное число ГФЕ выражают негативную оценку предметов и явлений окружающей действительности (49 ГФЕ (21 %)), например: *between the devil and the blue sea* 'между двух огней'; *stuff and nonsense* 'полная чушь'; *a living death* 'ад на земле'; *(as) funny as a crutch* 'абсолютно несмешной'.

2. ГФЕ с **нейтральными коннотациями** (162 ГФЕ (32,4 %)). Единицы данной группы могут обозначать различные действия человека (*to turn the day against somebody* 'уменьшить чьи-либо шансы на успех'; *to take forty winks* 'вздремнуть'; *to walk on a tightrope* 'быть очень осторожным'; *to cling like grim death* 'вцепиться мертвой хваткой'), а также выражать обстоятельственную характеристику действий (*up to one's neck in something* 'быть по уши в чем-либо'; *armed to the teeth* 'вооруженный до зубов'; *all the rage* 'последний писк моды'; *at all costs* 'любой ценой'*).*

3. ГФЕ с **положительными коннотациями (**88 ГФЕ (17,6 %)). Подобные ГФЕ могут обозначать красивый внешний вид (*(as) fit as a fiddle* 'стройный, как березка'; *fit to kill* 'очень стильно и броско одетый'); положительные качества характера (*(as) cool as a cucumber* 'спокойный, хладнокровный'; *a ball of fire* 'живчик, сгусток энергии'*),* душевное состояние (*head over heels in love with somebody* 'по уши влюбиться в кого-либо'; *to walk on air* 'не чувствовать ног под собой').

4. ГФЕ с **эмоционально-оценочной энантиосемией (**19 ГФЕ (3,8 %))**,** то есть наличие в их семантике значений с противоположными эмоционально-оценочными компонентами (мелиоративным и пейоративным). По мнению В.Н. Цоллера, фразеологизмы в силу особенностей фразеологического значения и их функционального предназначения, в большей степени, чем слова, способны к эмоционально-оценочной амбивалентности [3, с. 56]. Примерами подобных ГФЕ могут служить: *to beat someone's brains out* 1) 'жестоко избивать кого-либо' / – /; 2) 'напряженно работать ради достижения какой-либо цели' */ + /; to take someone's breath away* 1) 'шокировать, неприятно удивить' / – /; 2) 'быть пораженным чьей-либо красотой' / + /.

Анализ оценочных коннотаций английских ГФЕ позволяет сделать вывод о преобладании единиц с негативными оценочными коннотациями, что может быть объяснено более острой речемыслительной реакцией людей на отрицательные факты действительности. Аксиологическая ориентация исследуемых ГФЕ в значительной степени отражает ценностные нормативы английского этноса.

1. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках / Е.Ф.Арсентьева. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. – 110 с.
2. Токарев Г.В. К вопросу о типологии культурных коннотаций / Г.В.Токарев // Филологические науки. – 2003. – № 3. – С.56-60.
3. Цоллер В.Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия фразеологизмов / В.Н.Цоллер // Филологические науки. – 2000. – № 4. – С.56-64.

УДК 81'367.622.14

СТРУКТУРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ПРОИЗВОДНЫХ АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Мишина Е.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
lenamishina@rambler.ru

1. Вступительные замечания. Среди корпуса абстрактных существительных (АС) выделяется семантическая группа единиц, которые обозначают характеристики человека (АСХЧ), проявляющиеся через его отношение к другим людям, поведение, эмоциональный состояниие, например: *honesty* – 'честность'. В работах по вопросам словообразования английского языка [Каращук П.М., 1977; Кубрякова Е.С., 1981; Adams V., 1973; Marchand H., 1969] в достаточной мере исследован вопрос об особенностях различных словообразовательных моделей, однако изучение структурных типов семантической группы АСХЧ не было предметом специального исследования.

Объектом исследования в данной работе являются производные АСХЧ в английском языке. *Предметом* исследования выступает морфологическая структура исследуемых АС. *Цель* исследования – выявление и определение продуктивных структурных типов АСХЧ. Общее количество материала составляет 1160 АС, отобранных методом сплошной выборки из словарей "The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles", "Roget's Thesaurus", "Word Formation".

2. Структурная характеристика АСХЧ. Для структурной классификации АСХЧ необходимо выделить 3 основные группы – АС германского происхождения, заимствованные АС и АС неизвестного происхождения, поскольку происхождение существительных тесно связано с их структурными типами.

2.1. АСХЧ германского происхождения. Группа АСХЧ германского происхождения включает 169 производных АС.

Наиболее многочисленной является группа производных АС, образованных путем аффиксации от непроизводных мотивирующих основ, – 146 AI.

Значительная часть таких АС построена по схеме Adj + Suf → N (61 АС). Подавляющее большинство существительных этой группы создано при участии суффиксов *-ness, -hood* и *-ity,* например: *grave* 'серьезный' – *gravity* 'серьезность, строгость'. Существительные исследуемой группы могут также образовываться от глагольных основ по схеме V + Suf → N (20 АС). Формирование АС этой группы происходит при помощи суффиксов *–ing,* ***-ment***, например: *to acknowledge* 'высказывать признательность' – *acknowledgement* 'благодарность, признательность'. Несколько существительных образовано от субстантивных основ по схеме N + Suf → N (11 АС), а именно, с помощью суффиксов ***-ery/ry***, например: *peacock* 'петух' – *peacockery* 'хвастовство'.

К исследуемой группе относятся также АС, образованные от производных мотивирующих основ (43 АС). Чаще всего АС образовываются по схеме Adj + Suf → N (24 АС), вторым компонентом всегда выступает суффикс *-ness*, а мотивирующей является адъективная основа, которая имеет в своем составе суффиксы: *-y*, *-ish*, *-ful*, *-less*, например: *greedy* 'жадный' – *greediness* 'жадность'. АС могут также образовываться по схеме Adv + Suf → N (15 АС), вторым компонентом является суффикс *-ness*, а мотивирующей выступает адвербиальная основа с суффиксом *-ly*. 4 АС образованы от причастных основ с помощью суффикса *-ness*, например: *guarded* 'осторожный, предусмотрительный' – *guardedness* 'осторожность'.

По схеме Prp + N → N, а именно, при участии префикса *dis-,* образовано 3 АСХЧ.

АСХЧ германского происхождения образовываются одновременно путем как префиксации, так и суффиксации по схеме Prp + Adj/N + Suf → N (8 АС). Мотивирующей основой АС выступает существительное или прилагательное, а частотными являются префиксы *in-*, *im-* и суффиксы *-ness*, *-ment.*

Продуктивной схемой, по которой путем конверсии образовано 23 АС исследуемой группы, является схема V → N, например: *to dread* ‘пугать’→ *dread* ‘страх’.

2.2. Заимствованные АСХЧ. Эта группа включает 714 производных АС.

Наиболее многочисленной является группа производных АС, образованных путем аффиксации от непроизводных мотивирующих основ, – 706 AI.

Продуктивной схемой образования АС данной группы является Adj + Suf → N (284 АС). Большая часть АС образована при участии суффиксов *-ity, -ance* и *-ness*, например*, jealous* ‘ревнивый’ – *jealousness* ‘зависть, ревность’. Существительные исследуемой группы могут образовываться от глагольных основ по схеме *V+ Suf → N* (119 АС). Подавляющее большинство существительных этой группы построены при участии суффиксов *–ion, –ment*, *-y, -ure,* например*: to harass* ‘беспокоиться’ – *harrassment* ‘волнение’. Группа заимствованных АСХЧ образована по схеме *N + Suf→ N* (37 АС). Продуктивными при этом являются суффиксы *-ism* и *-ery/ry*, например*: barbar* ‘варвар’ – *barbarism* ‘грубость, жестокость’.

К исследуемой группе относятся 57 АС, образованных от производных основ. 52 АС построены по схеме *Adj + Suf→ N*. Вторым компонентом выступает суффикс *-ness*, а мотивирующей выступает адъективная основа с суффиксами *-ous*, *-ful*, *-able*, *-ive*, например: *merciful* ‘милосердный’ – *mercifulness* ‘милосердие’. 5 АС образовано по схеме *Adv + Suf→ N*, где первым компонентом является адъективная основа на *-ly*, а вторым – суффикс *-ness*.

С помощью префиксации по схеме *Prp + N → N* образовано 20 заимствованных АСХЧ. Такие АС образованы с помощью префиксов *dis-*, *in-*, *non-*, например: *content* ‘удовлетворение’ – *discontent* ‘неудовольствие’.

Заимствованные АСХЧ могут образовываться одновременно путем как префиксации, так и суффиксации, что является характерным для 142 АС. Подавляющее большинство АС этой группы создано по схеме *Prp + Adj + Suf → N* (94 АС). Частотными элементами указанной схемы являются префиксы *im-/ in-* и суффиксы *-ness, -ity* и *-ance*, например: *active* ‘активный’ – *inactivity* ‘пассивность, апатия’. Кроме того, АС исследуемой группы формируются по схеме Prp + V+ Suf → N (26 АС). Наиболее активным префиксом является префикс *in-* (85 АС), а наиболее активный суффикс – *-ness* (42 АС).

Продуктивной схемой, по которой путем конверсии образовались все 8 АС исследуемой группы, является схема *V→ N*, например: *to doubt* ‘опасаться’→ *doubt* ‘нерешительность’.

2.3. АСХЧ неизвестного происхождения. В группу АСХЧ неизвестного происхождения включено 39 производных АС.

Данную группу АСХЧ представляют существительные, происхождения которых маркируется в словаре как неизвестное (‘*of unknown origin’*) и которые сохранили в течение своего существования первоначальную форму.

Наиболее многочисленной является группа АС, образованных путем аффиксации, – 25 АС, большинство из которых – 22 АС – сформировано

с помощью суффиксов. Продуктивной является схема Adj + Suf → N (16 АС). АС этой группы образованы при участии суффиксов *–ness, -ancy* и *–ity*, например: *gay* ‘радостный’ – *gayness* ‘радость’. Существительные исследуемой группы могут также образовываться по схеме *N + Suf→ N* (6 АС), а именно, - при участии суффикса *-ery*, например: *pedant* ‘педант’– *pedantry* ‘педантичность’.

К исследуемой группе относятся также существительные, образованные от производных мотивирующих основ (3 АС), которыми выступают адъективные основы с суффиксом *-y* и *-ish,* например: *peevish* ‘капризный’ – *peevishness* ‘раздражительность’.

Продуктивной схемой, по которой путем конверсии образовались 14 АС, является схема *V→ N*, например: *to loll* ‘стоять в ленивой позе’→ *loll* ‘леность’.

1. Каращук П.М. Словообразование английского языка / П.М. Каращук. – М.: Высшая школа, 1977. – 303 с.
2. Кубрякова Е.С. Что такое словообразование? / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1965. – 78 с.
3. Adams V. An Introduction to Modern English Word Formation / V. Adams. – London: Longman, 1973. – 286 p.
4. Marchand H. Categories and Types of Present-Day English Word-Formation / H. Marchand. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1960. – 379 p.

УДК 81'373:006.91:811.112.2:811.161.2

МЕТРОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Повторуха Н.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
natalpov@rambler.ru

1. В современной лингвистике находят отражение проблемы метрологии – науки о мерах и весах [3: 522]. Объектом исследования, представленного в данной работе, выступают наименования мер и единиц измерения на материале немецкого и украинского языков. Цель заключается в установлении общих и дифференциальных черт языковой картины мира в системе метрологической лексики (далее – МЛ) сравниваемых языков. Материалом послужили данные сплошной выборки из словарей [3; 5] а также текстов художественных произведений немецких и украинских писателей второй половины XX – начала XXI века общим объемом 10 000 страниц.

Принимая во внимание, что становление метрологии как науки происходило постепенно, с учетом таких экстралингвистических факторов как научно-технический прогресс и развитие международных торговых отношений, можно выделить два основных этапа, которые в хронологическом порядке отражают появление МЛ в исследуемых языках:

1) донаучный – с древних времен до 1795 (до введения Метрической системы мер). Лексика этого периода выходит из употребления и является устаревшей, напр.: нем. *Zoll* ‘veraltete Längeneinheit unterschiedlicher Größe (2,3 bis 3 cm)’ [5: 1862] *дюйм* ‘устаревшая единица длины различной величины (2,3 – 3 см)’, укр. *сажень* ‘давня східнослов'янська лінійна міра, яка вживалася до запровадження метричної системи мір; з 18 ст. дорівнювала 3 аршинам, або 2,134 м.’ [3: 1095] *сажень* ‘древняя восточнославянская линейная мера, применявшаяся до введения метрической системы мер; с 18 в. равна 3 аршинам, или 2,134 м.)’;

2) научный – с 1795 (после введения Метрической системы мер) до наших дней. МЛ данного периода репрезентована терминами – словами или словосочетаниями специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемыми (принимаемыми, заимствуемыми и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов [2: 472]. Метрическая система мер (SI) содержит основные (*метр, килограмм, секунда, ампер, кельвин, моль, кандела*), дополнительные (*радиан, стерадиан*), производные (*герц, ньютон, джоуль, паскаль, фарад, сименс* и др.) и внесистемные единицы измерения (*минута, парсек, диоптрия* и др.).

В предлагаемой работе анализируется МЛ донаучного периода.

2. К одному из базовых понятий когнитивной лингвистики, основные идеи которой изложены в трудах отечественных и зарубежных ученых А. Вежбицкой, А.Н. Баранова, О.Л. Бессоновой, Е.С. Кубряковой, Е.В. Рахилиной, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, М. Минского, Ж. Факонье, Л. Талми и др., относится понятие «языковая картина мира» (далее – ЯКМ).

Согласно Н.Ю. Шведовой, под ЯМК подразумевается «выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира в своем строении и осмысляемых языком связях своих частей, представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком миров и социум» [4: 15].

Исследование ЯКМ осуществляли Ю.Д. Апресян, Л. Вайсгербер, В. фон Гумбольдт, Анна А. Зализняк, Г.В. Колшанский, И.Б. Левонтина, А.Ф. Лосев, М.В. Пименова, З.Д. Попова, А.А. Потебня, Б.А. Серебренников, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Н.В. Черемисина, А.Д. Шмелев и др.

3. ЯКМ, которая противопоставляется научной и носит при этом «донаучный» характер, Ю.Д. Апресян называет наивной [1: 57]. Человек с незапамятных времен соприкасался с измерениями. Существование таких лексических единиц обусловлено необходимостью наименования разных мер еще задолго до введения метрической системы. Поэтому в функции единиц измерения часто употреблялись орудия труда, которые непосредственно окружали человека, отражали род его занятий, а также были связаны с его производительной деятельностью и являлись актуальными для него в определенные исторические периоды. В наивной ЯКМ дометрического

периода исследуемых языков представлены лексемы со значением вторичной номинации. Одними из первых мер служили:

1) части тела (соматизмы), напр.: нем. *Elle* ‘frühere Längeneinheit (etwa 55-85 cm)’ [5: 457] *локоть* ‘древняя единица длины (около 55-85 см)’; укр. *лікоть* ‘старовинна міра довжини, приблизно у півметра’ [3: 490] *локоть* ‘старинная мера длины, приблизительно в полметра’;

2) предметы быта (артефакты), напр.: нем. *Scheffel* ‘altes Hohlmaß von unterschiedlicher Größe (etwa zwischen 50 und 222 l), besonders für Getreide’ [5: 1366] *шеффель* ‘старая мера объема разной величины (приблизительно от 50 до 222 л), в особенности для зерна’; укр. *відро* ‘міра, що дорівнює вмісту відра (близько 12 літрів)’ [3: 138] *ведро* ‘мера, равная объему ведра (около 12 литров)’;

3) физические действия человека, ср.: нем. *Schritt* ‘Maß, das ungefähr die Länge eines Schrittes hat’ [5: 1407] *шаг* ‘мера, приблизительно равная длине шага’; укр. *крок* ‘відстань (приблизно 70-75 сантиметрів) між стопами ніг під час ходіння як міра довжини’ [3: 467] *шаг* ‘расстояние (приблизительно 70-75 сантиметров) между стопами ног во время ходьбы как мера длины’.

4. Наряду с общими чертами, присущими ЯКМ в системе МЛ в немецком и украинском языках, существуют и отличия:

1) одна лексема в немецком языке передается описательно (многословно) в украинском. В немецком языке имена прилагательные-композиты, первый компонент которых обозначает единицу измерения или меру, соответствуют словосочетаниям «наречие + предлог + имя существительное-метроним» в украинском. Примерами служат: нем. *ellenlang* ‘длиной в локоть’; укр. *завдовжки з лікоть* ‘длиной в локоть’;

2) отсутствие некоторых лексических единиц в системе МЛ для наименования одного и того же объекта в одном из исследуемых языков, напр.: укр. *вершок* ‘міра довжини, що дорівнює 4,4 см і застосовувалася в Україні та Росії до запровадження метричної системи мір’ [3: 84] *вершок* ‘мера длины, которая равна 4,4 см и применялась на Украине и в России до введения метрической системы мер’.

5. В результате проведеного исследования можно сделать следующие выводы: 1) МЛ является одним из древнейших слоев лексических систем исследуемых языков и носит антропометрический характер. Она представлена лексемами, обозначающими объекты, которые непосредственно окружали человека, прежде всего, соматизмами, предметами быта (артефактами) и физическими действиями человека; 2) установлены общие и дифференциальные черты ЯКМ в системе МЛ донаучного периода.

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 347 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
3. Великий тлумачний словник сучасної української мови / [уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел]. – К.: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2004. – 1425 с.

4. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 3–16.
5. Duden Deutsches Universalwörterbuch / [hrsg. u. bearb. vom Wissenschaftlichen Rat u. den Mitarbeitern der Dudenredaktion; unter der Leitung von G. Drosdowski. – [5., überarb. Aufl.]. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2003. – 1892 S.

УДК 821.161-1.09 + 929

«ЦИФРОВЫЕ» НОМИНАЦИИ КАК СПОСОБ ОТОБРАЖЕНИЯ МИРА В ПЕРЕВОДАХ И. БРОДСКОГО

Пономарёва Т.А.
ГОУ ВПО «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»
tanya_p-05@mail.ru

Описание созданной физики мира через научную терминологию — яркая черта идиостиля Иосифа Бродского. Научное и, в частности, «геометрическое» и «алгебраическое» мировидение поэта отразилось и в его оригинальных, и в переводных произведениях.

Привлечение терминов математики для описания человеческих чувств и эмоций активно используется Бродским. Яркий пример этого явления в переводах — стихотворение «Прощанье, запрещающее грусть» (перевод Д. Донна):

Как циркуля игла, дрожа,
Те будет озирать края,
Где кружится моя душа,
Не двигаясь, душа твоя.
И станешь ты вперяться в ночь
Здесь, в центре, начиная вдруг
Крениться, выпрямляясь вновь,
Чем больше или меньше круг.
Но если ты всегда тверда
Там, в центре, то должна вернуть
Меня с моих кругов туда,
Откуда я пустился в путь.

И. Шайтанов, сопоставляя перевод Бродского с оригиналом и другими переводами, замечает, что образ циркуля – простой и наглядный аргумент, с безусловной убедительностью подтверждающий доказываемое в начале лирического сюжета: печаль неуместна, поскольку наша любовь не знает разлуки [4, с. 26–27]. Описывая окружность, циркуль завершает путь путешествующего поэта и путь образа в его стихотворении. Образ циркуля, превращаясь в концепт, становится зрительной подсказкой, своеобразной эмблемой, делающей сложное зримым и понятным. Движение по кругу – возвращающееся движение, значит печалиться и грустить не стоит. Доказательство состоялось: концепт циркуля подхватывает и завершает логическое движение мысли. Этим концептом, по мнению Уильяма Эмпсона,

«Донн (и Бродский вслед за ним. – Т.П.) прежде всего хочет сообщить, что все его рассуждение об истинных влюблённых представляет собой не причудливую условность, каковую он не раз высмеивал в своих более ранних стихах, а что-то достоверное, подсказанное ему опытом» [5, с. 64].

Образ спирали, восходящего кругового движения, круговорота воплощён в переводе стихотворения Ч. Милоша «Стенанья дам минувших дней»:

Наши платья втоптала в грязь большаков пехота.
Ленты скрутило пламя с собственные спирали.
Бусы упали на дно исторического водоворота.
Кольца с прозрачных пальцев темные люди сняли.
Рухнули наши прически – зависть любой богини.
Мастер вплетал в них перья. Теперь там кричит ворона.
Мы посыпаем их на ночь пеплом. Когда дневная
розовоперстая вещь из вод восстает, нагими
мы проходим по улицам нового вавилона,
лбы напряженно морща, что-то припоминая.

Повторяющимся круговым движениям подвержены не только человеческие чувства, но и исторические события, ход времени. Ведь само время, в силу своей природы, склонно к спиралеобразному движению.

Стремление «свернуться в клубок», приобрести форму шара присуще любой геометрической фигуре, особенно прямой линии:

Линия – значит, прямая,
Пифагор своим мелом
начертал эту мудрость
в своем дымоходе.
Тысячу лет стоит
линия перед нами,
вытянувшись в струнку,
по стойке смирно.
Невероятно устала.
Ни о чем так не грезит,
как о том, чтоб свернуться
в клубок. (Е. Харасымович. «Геометрия»)

Круг, шар становится недостижимой мечтой, символом спокойствия и избавления от усталости, принесённой нещадным временем.

Если в переводной поэзии круг, окружность и символизируемая ими замкнутость – это, скорее, уверенность, что все проходит и затем снова возвращается, что время циклично и в этой его безжалостной повторяемости и неизбежности и есть его смысл, то в оригинальной поэзии круг — символ одиночества и пустоты:

Навсегда расстаёмся с тобой, дружок.
Нарисуй на бумаге простой кружок.
Это буду я: ничего внутри.
Посмотри на него, и потом сотри. («То не Муза воды набирает в рот…»)

Связь геометрических номинаций с концептом «одиночество», по нашим наблюдениям, более очевидна в оригинальной поэзии Бродского, чем в переводной.

В поэтике Бродского цифры часто предстают как формальные фиксаторы абстрактного времени. Единицы времени – год, месяцы, какая-либо часть суток – получают материальное воплощение в виде цифр:

В Сорок Пятом, когда прогремел «капут»,
Джозеф Стайн, поэт, покинул Дахау… (Д. Чиарди. «Дар»)

В стихотворении «Физик» (перевод Я. Рымкевича) цифры, входящие в формулы, – основа мироздания. Тайны рождения и смерти, сущности человеческой жизни подвластны только числовым формулам:

Он расписывается на стенах
многоэтажных миров, в устьях
электрических рек.
Из чернозема познанья
выводит утлые ветви формул.
С треском лопаются их почки
с цифрами. Кладет ладони
на ошибку в расчете, подносит
волшебную палочку Ватермана.
Мы гуляем под многоцветным небом,
изобретаем святыни, в пепел
обращаем святыни, пляшем
счастливые, не ведая дня и часа.
Он смешивает в колбе рассвет и сумрак
и устами безумными заклинает
свирепые ураганы.
В руки к нему приходят: любовный шепот,
колыбельные песни, похоронные марши.
И на ощупь он ставит им свой диагноз.
Между замыслом и результатом,
между скверным часом и добрым часом
отпечатываются наши судьбы
горстью песка или шумом листьев.

Реалии научного мира тесно переплетаются с миром природы, что представлено в лирическом сюжете следующими языковыми средствами: метафорами (*из чернозема познанья, ветви формул*), эпитетами (*стены многоэтажных миров*, *в устьях электрических рек*), глаголами, создающими процессуальную энергетику стихотворения.

Числа неотделимы от времени и его категорий. Применительно к творчеству Бродского нам кажется справедливым мнение А.Я. Гуревича, который называет категории «время», «пространство» и «число» «системой координат», при помощи которой люди, принадлежащие к той или иной культуре, воспринимают мир и создают его (цит. по [3, с. 71]).

Физическим воплощением времени являются календарь и часы:

Ночь Сильвестра гомон хаос лиц осколки
глаз что прочитали календарь до корки
пропасти гортаней в себя водку льющих
чтоб забыть на время натиск дней грядущих. (В. Незвал. «Новогодняя ночь»)

Нет и Времени. В коросте
Там циферблаты без цифири в стену

Тупые заколачивают гвозди.
Но не событий считыватель точных,
А неизбежности колючий ноготь,
Переводящий стрелки их, источник
Их стрекота и дребезга, должно быть.
Что большая для Вечности потеря:
Минута, год ли? Вскидывая руки,
Самим себе и времени не веря,
Не колокол свиданья, но разлуки,
Они друг другу внемлют, настигая,
Иронии глухой не изменивши:
За каждою минутою — другая.
Хоть век звони, не по себе звонишь ты. (Ц. Норвид. «В альбом»)

Аллюзии, риторический вопрос, сложные синтаксические конструкции, отрицательные сравнения – с помощью таких языковых средств в данных лирических сюжетах реализуется математическое мировидение Бродского.

Анализ показывает, что как в оригинальной, так и в переводной поэзии И. Бродский активно использует научную терминологию, в частности, геометрические и алгебраические термины. Несмотря на некоторые отмеченные выше различия в употреблении математических номинаций в оригинальной и переводной поэзии (например, связь геометрических реалий с концептом «одиночество» в оригинальных стихах и отсутствие такого рода связи в переводных), можно утверждать, что в целом они обладают сходными семантическими характеристиками.

1. Бродский И. В ожидании варваров. Мировая поэзия в переводах. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. – 288 с.
2. Бродский И. Письма римскому другу: Стихотворения. – СПб.: «Азбука-классика», 2001. – 288 с.
3. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
4. Шайтанов И. Уравнение с двумя неизвестными: Поэты-метафизики Джон Донн и Иосиф Бродский // Вопросы литературы, 1998. – № 6. – С. 3–39.
5. Empson W., Donne and the rhetorical tradition. – W. Empson, Essays on Renaissance Literature, v. 1. «Donne and the new philosophy». – Cambridge. 1993.

УДК 801.6; 802.085

МОРФЕМНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ ПРОЗЫ XX СТОЛЕТИЯ)

Розова И.В.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка
irarozoff@mail.ru

Современная лингвистика интегрирует тенденции исследования языковых единиц в русле структурно-семантического и коммуникативно-

функционального подходов, с точки зрения целостности, системности языка и с позиций коммуникативной целесообразности.

Системный характер языка, его динамичность проявляются в процессе его функционирования. Под функционированием регламентируется употребление тех или иных языковых единиц в высказывании, т.е. реализация ними своих функций.

Разноуровневые языковые единицы отражают окружающий человека мир в процессе функционирования, когда максимально проявляются их сущностные характеристики. При этом определенную динамичность проявляет система в целом, через свои отдельные компоненты, которые потенциально способны актуализироваться в процессе функционирования по-новому, вопреки сложившимся стандартам и нормам.

Нетипичное использование компонентов языковой системы может придать сильный эмоциональный заряд акту коммуникации, т.е. происходит изменение функциональных характеристик языковой единицы, ее функциональная переориентация.

Функциональная переориентация рассматривается в лингвистике как особенный деривационный процесс, не связанный со сменой формы языковой единицы, а лишь отражающий выполнение в высказывании не характерных для нее ранее семантических, синтаксических и прагматических функций. Переосмысление традиционной семантики, синтаксических связей, прагматической направленности языковой единицы необходимо для создания ярких образов, для достижения определенного стилистического эффекта, а также для выражения модальности, т.е. точки зрения говорящего на содержание высказывания.

Текстовая категория авторской модальности непосредственно связана с личностью автора, с проблемой особого критического восприятия автором-сатириком окружающей действительности.

На морфемном уровне авторская модальность реализуется окказиональной инновацией. Задача данного исследования заключается в том, чтобы показать, как морфемные средства языка раскрывают специфический план содержания авторской модальности текста.

Разделим окказиональные инновации на простые и сложные, и способы их образования на композитивные и деривативные. Деривативное словообразование представим: суффиксацией; префиксацией; суффиксально-префиксальным способом.

Морфемным средством реализации авторской модальности является также композитивное словообразование. В нашей работе композитивное словообразование представлено словосложением. Общее значение окказиональных сложных сочетаний морфем часто выводимо из значений составляющих их частей, а в смысловом плане взаимоотношения компонентов сложного слова повторяют взаимоотношения слов-членов синтаксического словосочетания, отличаясь от последних в грамматическом плане. В нашем

исследовании окказиональные сложные слова (сочетание морфем) представлены следующими двумя структурными подтипами:

а) сложносоставными словами;

б) сложносокращенными словами.

Таким образом, анализ частотности использования окказиональных инноваций показал, что деривативное словообразование, являясь доминирующим морфемным средством, составляет 67 % от общего числа примеров выборки, в то же время как композитивное словообразование составляет лишь 14 % всей выборки, т.е. специфический план содержания сатирической модальности раскрывается в большей степени деривативными окказиональными инновациями. Ярко выраженная оценочность морфемных средств создания авторской модальности отражает личностную концепцию автора-сатирика, фиксирует общее и индивидуальное в системе этических ценностей. Автор-сатирик своим произведением не только информирует о том, что создано силой его воображения, не только «заряжает» своими умонастроениями, но и этически воздействует на читателей.

УДК 81’373.23:316.74:81=111

КРИТЕРИИ ОТБОРА ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ ИЗ АНГЛИЙСКИХ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

Сысоева Е.С.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
eugeniasysoieva@mail.ru

Языковой материал исследования отобран из английских антропонимических словарей “Oxford Dictionary of First Names” П. Хэнкса и Ф. Ходжес [4], “Wordsworth Dictionary of First Names” [3], составитель Т. Фридман и Словаря английских имен и фамилий под редакцией А.И. Рыбакина [2]. Выбор имено этих источников обусловлен тем, что словарные статьи, которые они содержат, предоставляют более детальное и многоаспектное описание лингвальных и экстралингвальных сведений об имени. Корпус материала исследования формировался с учитыванием социокультурного компонента значения антропонимов, которые содержатся в предметной части лексикографического описания, поскольку, как указывалось выше, именно предметная часть может содержать указание на наличие дополнительных позитивно- или негативно-оценочных компонентов значения. Корпус исследования сформирован согласно с такими критериями отбора антропонимических единиц (см. табл.).

Таблица

Критерии отбора языкового материала

№	Критерии	Лексикографические приемы
1	2	3
1.	Словарные пометы, указывающие на популярность / непопулярность имени	• *bears perennial popularity after…*, • *the name has enjoyed steady popularity since the appearance of the novel…*, • *name popularized by the central character in the novel…*, • *completely out of fashion after X starred in the film…*
2.	Маркеры словарной статьи, указывающие на происхождение антропонимических единиц	*Germanic, Greek, French, Norman, Celtic, from Old English*
3.	Словарные указания на этимологию апеллятивной основы имени	лексемы с определенной оценочной характеристикой во внутренней форме антропонимов
4.	Словарные пометы, указывающие на “географию” популярности имени	• *preferred by relatives proudly conscious of their Welsh roots…,* • *name chosen as a token of Scottish national identity…,* • *a typical Irish name…,* • *name chosen by parents conscious of their ancestral heritage in the continent of Africa…*
5.	Словарные указания на тождественность антропонимических единиц с именами известных носителей, литературных персонажей, вызывающие в сознании англичан позитивные или негативные ассоциации	Графические или пунктуационные приемы

Следует отметить, что главным критерием отдбора материала является наличие оценочного компонента в коннотативном поле личного имени. Нижеприведенные критерии и лексикографичекие приемы актуализируют наличие позитивной или негативной оценки в значении антропонимов.

1. Словарные пометы, указывающие на популярность – непопулярность имени.

Этот критерий реализует аксиологическую оппозицию “популярное – непопулярное” имя, которую можно трансформировать в “+” (популярные) / “–“ (непопулярные) оценку. Лексические единицы, отобранные согласно этому критериею, маркированные в словарях антропонимических единиц рядом помет: ***bears perennial popularity after*** ... ‘много лет сохраняет популярность с появлением ...’, ***the name has enjoyed steady popularity since the appearance of the novel*** ... ‘имя пользуется популярностью с момента появления романа ...’, ***name popularized by the central character in the novel*** ... ‘имя, чья популярность связана с именем центрального персонажа в романе’, ***completely out of fashion after X starred in the film*** ... ‘полностью вышло

из моды после появления X в фильме ...'. Например: *Scarlett, Rhett, Ashley* have enjoyed steady popularity since the appearance of the novel "Gone with the Wind" by M. Mitchell [1, с. 23].

2. Маркеры словарной статьи, указывающие на происхождение антропонимических единиц.

В данном случае актуализируется аксиологическая модель "свое – чужое", т.е. оппозиция имен исконно английских и имен немецкого, французского, норманского, древнееврейского происхождения. Лексикографическими критериями определения происхождения антропонимической лексики являются словарные пометы ***of Germanic, Greek, French, Norman*** 'немецкого, греческого, французского, нормандского происхождения'; ***Celtic, from Old English*** 'со староанглийского'. В условиях растущей глобализации имя – часто единственное, что указывает на национальную приналежность и реализацию национального самосознания. Следовательно, будет логичным маркировать антропонимы древнеанглийского происхождения оценкой "+", имена, чье происхождение связано с историей и культурой других стран, – знаком "–". Например: *Maurice* originates as a French name derived from the Roman Mauritiu; *Emma* is derived from the Germanic word *ermen* meaning whole or universal; *Oswald* found chiefly in Northern England and Scotland, is of Anglo-Saxon origin, and derives from the Old English [1, с. 24].

3. Словарные указания на этимологию апеллятивной основы имени.

Этимология апеллятивной основы имени не является основным мотивом имянаречения, поскольку требует достаточного объема культурно-исторических знаний. Однако, имея этимологическую справку, можно получить представление о семантике общих основ, аффиксов имени, которые соотносятся в сознании носителей языка с позитивной или негативной оценкой. Например: *Loyal* англ. *loyal* 'верный, преданный'; *Felicity* англ. *felicity* 'счастье, блаженство, благословение'; *Dotty* англ. *dotty* 'чудаковатый, странный, бессмысленный' [1, с. 34].

4. Словарные пометы, указывающие на "географию" популярности имени.

Принадлежность антропонима к ирландскому, шотландскому, валлийскому национальному именнику влияет на формирование негативной оценки в сознании англичанина, что связано с межнациональной неприязнью. В этом случае основными классификаторами являются пометы словарной статьи ***preferred by relatives proudly conscious of their Welsh roots…*** 'преимущественно используется родителями, которые гордятся своими валлийскими корнями', ***name chosen as a token of Scottish national identity…*** 'имя, выбранное как символ национального самосознания', ***a typical Irish name…*** 'типичное ирландское имя'. Тот факт, что имя или дериват собственного имени более популярный в США или употребляется преимущественно там, не сделает его популярным и широко употребимым в английской антропонимической системе. Например: *Riodan:* is composed of the Gaelic prefix "O", male descendant of, and "Rioghbhardan"; *Gwendolyn:* a

Welsh female first name, derived from Gwendolen; *Africa*: preferred by relatives proudly conscious of their African roots.

5. Словарные указание на тождественность антропонимических единиц с именами известных носителей, литературных персонажей, которые вызывают в сознании англичан позитивные или негативные ассоциации. Например: *Richard* – Richard the Lionheart; *Ebenezer* – Ebenezer Scrooge; *Dwight* – Dwight D. Eisenhower.

1. Курдина (Сысоева) Е.С. Семантико-словообразовательные особенности оценочных антропонимов с дифференциальной семой «внешность» / Е.С. Курдина (Сысоева) // Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: [наук. журнал / відп. ред. В. Д. Каліущенко]. – Донецьк: ДонНУ, 2010. – Т. 7. – № 3 (21). – С. 22–37.
2. Рыбакин А.И. Словарь английских личных имен / А.И. Рыбакин. – М.: Русский язык, 1989. – 221 с
3. Freedman T. The Wordsworth Dictionary of First Names / T.Freedman, I. Maclead. – Herefordshire : Wordsworth Editions LTD, 1997. – 254 p.
4. Hanks P. A Dictionary of First Names / P.Hanks, F.Hodges. – Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1996. – 444 p.

УДК 81’37:811.111

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДОБРО» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Темная Е.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

invincible-cool@ramber.ru

В данной статье рассматриваются лексические средства объективации концепта ДОБРО в англоязычной картине мире, исследование которых выполнено в когнитивно-дискурсивном ключе.

Не смотря на то, что понятие ДОБРО изучается такими науками, как лингвистика, философия, этика, логика, психология, история его анализа берет свое начало в античности и на данный период времени предстаяленность данного понятия остается темой для обсуждения. Так как концепт ДОБРО относится к числу культурных доминант ценностной картины мира, он включает в себя своеобразие объективной и субъективной оценки мира, с тем, что для субъекта оценки является значимым, и, как результат, содержание концепта ДОБРО неразрывно связано с его аксиологическими параметрами.

Объектом исследования служит оценочная парадигма ДОБРА. Предметом изучения является градуированная шкала концепта ДОБРО, вербализованного в англоязычном художественном дискурсе. Данная статья имеет своей целью описать и установить иерархию аксиологической

парадигмы добра. Материалом исследования служат изречения, в основе которых лежит наименование ДОБРА, отобранные из художественных произведений англоязычных авторов.

Согласно Е.М. Вольф, оценочные значения языковых структур сводятся, как правило, к двум основным противоположным признакам: «хорошо» – «плохо» [2, с. 98; 16, с. 100].

Семантический комплекс «хорошо – плохо» принадлежит к разряду градуированных понятий, в котором каждый антоним указывает направление уходящей в противоположные бесконечности шкалы, разделенные осью симметрии. <…> Нарастание одного признака по шкале добра и худа оборачивается убыванием другого [1, с. 332-333].

В основу аксиологического описания класса ДОБРА положена классификация Н. Гартмана. Как отмечает Н. Гартман, существует 6 классов ценностей (см. рис. 1) Векторы высоты и силы ценности направлены, соответственно, от зоны нормы (N) по осям высоты H (height) и силы I (ideal): (от фундаментальных (1) до специфичных (6)), где последние три класса духовных ценностей могут располагаться по высоте на уровнях (4), (5) или (6) в зависимости от субъекта оценки [3]. При этом в каждом классе есть ценности более и менее базовые:

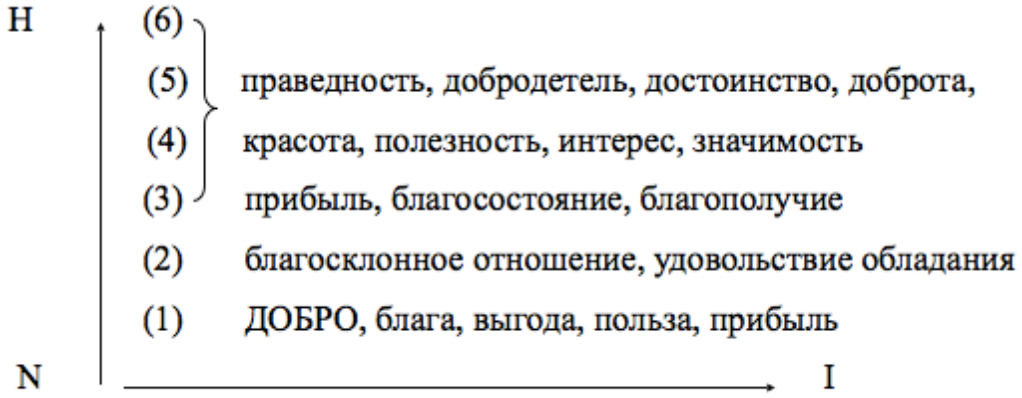

Рис. 1. Шкала ценностей ДОБРА по параметрам высоты и сил

(1) ценности блага (то есть ценности пользы и положения вещей) – блага, выгода, польза, представленные лексемами profit, advantage, value, merit, например:

‘We must ensure that each deal is completed to our client's maximum advantage’ (BNC, HJ5 44)

‘Such an approach, while making the double taxation of profits all too likely, in theory does away with fake transfer pricing within multinational groups and therefore has some merit’ (BNC, CRB 301)

(2) ценности субъективного удовольствия (ценности приятного) – благосклонное отношение, удовольствие обладания, представленные лексемами favour, worth, value, например:

'It shines, it becomes something very precious, a gift you touch, caress and give back to your reader: something worth having' (BNC, CG3 1899)

(3) жизненные ценности (ценности полезного для жизни) – прибыль, благосостояние, благополучие, представленные лексемами benefit, value, success, например:

'In some respects the public library has a unique position amongst libraries in user education and the potential for greater success in teaching the use of libraries and information' (BNC, B3D 941)

(4) познавательные ценности – полезность, интерес, представленные лексемами valuable (knowledge), interesting, например:

'This can be extremely valuable knowledge for an organization, making them aware of special skills and how ideas evolve in their company' (BNC, FAH 675)

(5) эстетические ценности – значимость, красота, представленные единицами valuable, worth seeing, например:

'Obviously the more interesting the inscription, the more valuable the book' (BNC, CCB 805)

(6) нравственные ценности – добродетель, праведность, доброта, представленные лексемами virtue, righteousness, kindness, например:

'They believed that the saints had a divine obligation to rule and to impose righteousness, even if the mass of the people showed no particular desire to live righteously' (AD2 1207)

Согласно классификации Н. Гартмана, критерий высоты ценностей позволяет увидеть, как воспроизводятся принципы реального бытия: в данном случае слои, представленные лексемами good, goodness, являются базовыми и более простыми; специфические слои – это специальные и более конкретные ценности типа доброта, праведность, добродетель, объективированные лексемами kindness, righteousness, virtue. Базовые слои универсальны, фундаментальны и обладают большей степенью принудительности для человека [3, с. 84-87].

Ценностная составляющая концепта ДОБРО градуирована относительно параметров высоты и силы. Примеры, вербализующие данный концепт, из английского художественного дискурса позволяют сказать, что в иерархии высоты на верхних уровнях находятся вневременные духовные ценности, среди которых наивысшими являются христианские ценности: добро, праведность, добродетель, достоинство, в то время как нижние уровни высоты занимают утилитарные ценности, такие как: выгода, польза, прибыль.

1. Арнольдов А.И. Человек и мир культуры. – М.: Изд-во МГИК, 1992. – 273 с.
2. Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков "хорошо/плохо" // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 98-106.
3. Гартман Н. Этика. – СПб: «Владимир Даль», 2002. – 707 с.

УДК 81’373.7

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ НИЗКОЙ СТЕПЕНИ В ИХ ТОЛКОВАНИИ

Ткаченко С.Г.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
curuxa.sabia@gmail.com

1. Проблема категории градуальности и средств ее выражения в языке приобретает все большую актуальность, о чем свидетельствуют труды отечественных и зарубежных лингвистов, среди которых: Э. Сепир (1985), Д. Болинджер (1986), И.И. Туранский (1990), Е.И. Шейгал (1990), С.М. Колесникова (1999, 2010, 2011), Н.Н. Горшкова (2001), Т.В. Подуфалова (2007), Л.М. Марчук (2005, 2008) и др. Интерес к градуированию объясняется тем фактом, что семантическая категория градуальности является одним из универсальных способов отражения знаний о мере, степени, интенсивности и оценке объекта. Фразеологизмы с градуальной семантикой представляют собой устойчивые, воспроизводимые единицы, наделенные целостным значением, в структуре которых обязательно наличие градосемы [2: 5]. Однако, еще Э. Сепир писал, что “каждое исчисляемое, будь то предмет или действие, качество предмета или действия, по природе своей поддается градуированию” [3: 45]. Следовательно, помимо градуируемого признака необходимо также наличие градуатора, то есть (де)интенсификатора, квантифицирующего данный признак. В качестве средств деинтенсификации признака в толковании значения ФЕ используются наречия-даунтонеры (термин введен Дж. Холмсом [4: 349]), т. е. наречия степени, используемого с градуальными прилагательными, наречиями, а также глаголами, если их семантика допускает градации интенсивности. Функция даунтонеров состоит в указании на то, что «какое-либо качество или свойство, синтаксически соотнесенного с ними прилагательного или наречия, присутствует в меньшей степени по сравнению с определенным или ожидаемым стандартом» [1: 30]. В исследуемом материале бы зафиксированы следующие показатели низкой степени: *less, little, slightly, small (amount), not enough, almost, nearly, rather, few, fairly, least, short, quite, just*.

Целью данного исследования является анализ особенностей семантики английских ФЕ, в толкованиях которых зафиксированы показатели низкой степени признака. ***Объектом*** исследования послужили 214 ФЕ английского языка с градуальной семантикой, в толковании значений которых, зафиксированы наречия-даунтонеры. ФЕ были отобраны методом сплошной выборки из специализированных англоязычных словарей [5, 6]. ***Предметом*** изучения являются семантические особенности ФЕ, в толковании которых зафиксированы показатели низкой степени признака.

2. ФЕ в чьих толкованиях зафиксированы показатели низкой степени признака охватывают разнообразные сферы жизни человека и могут обозначать действия, состояния, абстрактные понятия, одушевленные

и неодушевленные предметы, качества предметов или явлений и образ совершения действия.

Наиболее многочисленной группой среди отобранных ФЕ являются фразеологизмы, обозначающие **действия** (75 единиц; 35 %). В зависимости от характера действия можно выделить ФЕ, обозначающие:

- действия, направленные на достижение успеха, например: *play it cool* 'выглядеть бесстрастным' (to pretend to be less interested in something, than you really are), *bet the farm* 'поставить все на кон' (to spend almost all the money you have on something that you think might bring you success);

- действия, приводящие к ухудшению ситуации, например: *spoil the ship for a hap'orth of tar* 'профукать' (to spoil something big or important by refusing to spend a small amount of money or make a small amount of effort), *muddy the waters* 'мутить воду' (to make a situation less easy to understand to deal with);

- действия, направленные на изменение эмоционального состояния адресата, например: *smooth ruffled feathers* 'пригладить перышки, успокоить' (to try to make someone feel less angry or upset, especially after an argument), *take the wind out of somebody's sails* 'выбить почву из-под ног' (to make you feel less confident or determined);

- действия, направленные на экономию средств, например: *pinch pennies* 'экономить каждую копейку' (to spend as little money as possible), *tighten your belt* 'затянуть пояс' (to spend less money);

- ФЕ, характеризующие степень завершенности процесса, фазу действия, например: *come within the ace* 'подойти очень близко' (to almost achieve something), *come within an inch* 'быть на дюйм' (to very nearly do something, especially something dangerous or exciting).

Следующей по количеству является семантическая группа ФЕ, указывающих на **состояние** объекта (50 единиц; 23 %). Среди них можно выделить такие подгруппы:

- положение в социальной группе или организации, например: *be no match for* 'быть не в состоянии сравниться' (to be less powerful or effective than somebody else), *pale in comparison* 'не выносить сравнения' (to seem less serious or important when compared with something or somebody else);

- эмоциональные состояния, например: *be away with the fairies* 'витать в облаках' (to be slightly mad), *be as fast/hot/thin as all get out* 'быть слегка не в себе' (to be slightly crazy);

- финансовое положение объекта, например: *be hard up* 'быть стесненным в средствах' (to have too little money), *not have two cents to rub together* 'не иметь ни гроша' (to have very little money);

- состояние здоровья, например: *be below par* 'чувствовать себя неважно' (to be slightly ill), *be at death's door* 'быть на пороге смерти' (to be nearly dead).

К семантической группе ФЕ, обозначающих **абстрактные явления**, относятся 25 единиц (12 %). Большинство единиц в этой семантической группе указывают на малое количество признака, например: *chicken feed* 'кот наплакал' (a very small amount of money, especially money that is paid for doing

a job), *a drop in the bucket* ‘капля в море’ (a very small amount in comparison to the amount that is needed).

В группе ФЕ, обозначающих **качества** предмета, (23 единицы; 11 %) можно выделить следующие подгруппы:

- ФЕ, описывающие соотношение цены и качества объекта, например: *cheap and cheerful* ‘дёшево и сердито’ (costing little money but attractive), *cheap and nasty* ‘дешево да гнило’ (costing little money and of bad quality);

- ФЕ, указывающие на сравнительную значимость или ценность предмета, например: *penny ante* ‘бросовый, ничтожный’ (of little value or importance), two-bit ‘грош цена́’ (of very little value or not important).

В семантической группе ФЕ, обозначающих **одушевленные объекты** (18 единиц; 9%) можно выделить две основные подгруппы:

- ФЕ, указывающие на лицо по признаку значимости занимаемой им должности в организации, например: *the low man on the totem pol*e ‘младший по званию, пятая спица в колесе’ (somebody who has the least important position in an organisation), *a cog in the machine* ‘винтик в механизме’ (somebody who does a small and possibly unimportant job in a large organisation);

- ФЕ, называющие лицо, отличающееся особенностями своего поведения, например: *a country cousin* ‘родственник из провинции’ (somebody who considered less fashionable or well-informed because they do not live in a city), *somebody is not all there* ‘слегка не в себе’ (somebody seems rather stupid or is not thinking clearly).

Группа ФЕ, обозначающих **неодушевленные объекты**, является немногочисленной и включает всего 15 единиц (7 %). В ней можно выделить две группы единиц:

- ФЕ, называющие предметы, например: *a rubber check* ‘фиктивный чек’ (a cheque that is not worth anything because the person does not have enough money in the bank); *odds and sods* ‘мелочи’ (a group of small objects of different types which are not very valuable or important)

- ФЕ, обозначающие место, например: *a one-horse town* ‘захудалый городишко’ (a small town where very little happen); *there’s not enough room to swing a cat* ‘комната в которой не развернуться’ (the room or house is very small).

Наименьшей по количеству является семантическая группа ФЕ (8 единиц; 3 %), описывающих **образ совершения действия**, например: *on a shoestring* ‘на скудные средства’ (to do something using very little money), *in small doses* ‘в маленьком количестве’ (to like something for short period).

3. Проведенный анализ показал, что семантика ФЕ, в лексикографических толкованиях которых зафиксированы даунтонеры, чрезвычайно разнообразна. Данные ФЕ могут указывать на действия, состояния, абстрактные явления и конкретные понятия (одушевленные и неодушевленные предметы), качества предметов или явлений и образ совершения действия. Самыми большими по количеству и разнообразными по составу являются группы ФЕ, обозначающие действия и состояния. В первой семантической группе можно выделить пять подгрупп, к которым относятся: действия, направленные на достижение успеха, приводящие

к ухудшению ситуации, направленные на изменение эмоционального состояния адресата или экономию средств, а также ФЕ, характеризующие степень завершенности процесса. Во второй семантической группе зафиксировано четыре подгруппы – положение в социальной группе, эмоциональные состояния, финансовое положение и состояние здоровья. ФЕ, обозначающие абстрактные явления, конкретные понятия и качества предмета значительно более малочисленны. Наименьшей по количеству является семантическая группа ФЕ, указывающих на образ действия.

1. Васильева И.Б. Смягчающие операторы степени английского языка: гендерный аспект / И.Б. Васильева // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 20 (311). – Вып. 79. – С. 29–35.
2. Горшкова Н.Н. Фразеологические единицы с градуальной семантикой в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.Н. Горшкова. – М., 2004. – 20 с.
3. Сепир Э. Градуирование. Семантическое исследование / Э.Сепир // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.16 – М.: 1985. – С. 43-78.
4. Holmes, J. Modifying illocutionary force // Journal of Pragmatics. – 1984. – № 8. – P. 345–365.
5. Cambridge Idioms Dictionary. – Cambridge University Press, 2006. – 505 p.
6. Longman Idioms Dictionary. – Pearson Education Limited, 1998. – 398 p.

УДК 81'373.7:159.942

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ, В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Трофимова Е.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

elenatrofimova_vl@mail.ru

В фокусе современных исследований выступает языковая личность в разнообразии форм манифестации ее жизнедеятельности. Одной из важных сторон существования личности является эмоциональная сфера, пронизывающая всю деятельность человека. Не вызывает сомнения актуальность познания особенностей эмоциональной сферы человека, ведь способность переживать эмоции – универсальная черта, присущая человечеству [1].

Анализ фразеологических средств реализации концептов отрицательных эмоций позволяет выявить семантические признаки, формирующие семантический объем концептов во фразеологии английского языка. Анализируемые фразеологические единицы (ФЕ) обозначают разные аспекты переживания отрицательных эмоций.

На основе анализа семантической структуры ФЕ установлены архисемы, позволяющие классифицировать материал исследования на четыре семантические группы: «отрицательное эмоциональное состояние», «отрицательное эмоциональное действие», «отрицательное эмоциональное отношение», «выражение отрицательной эмоции». Кроме того, выявлены

дополнительные семантические признаки, конкретизирующие значение ФЕ. Например, в структуре значения английской ФЕ *avoid smb / smth like the plague* ‘избегать кого-л. или чего-л. как чумы’ – have such a strong fear, or dislike, of smb / smth that one habitually avoids contact with him / it as much as possible сочетаются архисема «отрицательное эмоциональное действие» и дополнительные семы «интенсивность», «длительность».

Анализ материала позволил выделить следующие семантические признаки:

- каузация отрицательной эмоции: *get smb’s back up* ‘рассердить’ – to make someone get angry;
- симптоматические признаки проявления эмоций: *have a lump in one’s throat* ‘чувствовать комок в горле’;
- причина переживания отрицательной эмоции: *be sick to death of smth / doing smth* ‘смертельно устать; надоесть, осточертеть’ – to be angry and bored because something unpleasant has been happening for too long;
- длительность переживания эмоции: *a burr under (in) your saddle* North American informal ‘бельмо на глазу’ – a persistent source of irritation;
- характеристика человека: *an enfant terrible* ‘невыносимый человек’ – a famous or successful person who likes to shock people by behaving badly;
- поведение человека: *step / tread on smb’s corns* ‘наступать на мозоль’ – offend or upset sb by criticizing them or by interfering in things that they are responsible for.

Сложная семантическая структура анализируемых ФЕ отображает комплексный, неустойчивый характер эмоциональных переживаний и стремление носителей языка вербально зафиксировать актуальные аспекты переживания отрицательных эмоций.

1. Wierzbicka A. Everyday Conceptions of Emotion: A Semantic Perspective / In J.A. Russell et al. (eds.). Everyday Conceptions of Emotion. An Introduction to the Psychology, Anthropology and Linguistics of Emotion / A. Wierzbicka. – Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 1995. – PP. 17-47.

УДК 81’22:81+367.622.12:81.112.2

ФЕНОМЕН ПОЭТИЧЕСКОГО ИМЕНИ В ИНТЕРКУЛЬТУРНОМ СОПОСТАВЛЕНИИ

Усова Н.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
ussovanamen@rambler.ru

Анализ функционирования поэтического имени собственного как языкового и культурного феномена требует выхода за рамки текста отдельно взятого художественного произведения, преодоления границ дискурса национальной монокультуры. Доклад посвящен сопоставительному

рассмотрению поэтонима *Lenore* в оригинальном тексте баллады Готфрида Августа Бюргера «Lenore» («Ленора») [1] и его трансформаций вследствие переноса в иную языковую и культурную среду. Онимная единица *Lenore* расценивается, с одной стороны, как языковой знак, имеющий свою фонетическую структуру и входящий в систему конкретного языка (в данном случае немецкого), с другой стороны, как элемент художественной речи (баллады Бюргера), интегрирующийся в семиосферу иной культуры (в данном случае в русскую языковую культуру).

Поэтическое имя *Lenore (Ленор(а))* вошло в мировую литературу с появлением в 1773 году этого произведения, признанного идеальной моделью жанра лирико-драматической баллады. Образ Леноры был заимствован из старинной немецкой народной песни, сюжет баллады отсылает к фольклорному мотиву о мертвом женихе. Фантастический сюжет автор встраивает в пространственно-временные рамки современной ему общественно-исторической жизни, тем самым максимально приближая художественную реальность к действительности. Повествовательная точность деталей, указывающая на конкретное событие – Семилетнюю войну – достигается использованием в качестве временных и пространственных маркеров исторических онимов *Prager Schlacht* (битва под Прагой), *König Friedrich* (король Фридрих), топонима *Ungerlande* (Венгрия), наряду с ними употребляется антропоэтоним *Wilhelm*. Написанная простым языком, стилизованным под фольклорные стиховые формы, наполненная динамизмом и драматизмом, баллада соединяет в себе колорит народной песни (восклицания, обращения, звукоподражательные слова, разные типы повторов), готические мотивы, эффект «реальности нереального» и характерную «штюрмерскую» поэтику.

Переведенное на многие европейские языки, произведение в короткий срок стало невероятно популярным. Вместе с ним широкую известность получило имя героини баллады, постепенно превратившись в символ, материальное воплощение образа. В известном смысле здесь можно говорить о прецедентном поэтониме, ассоциативно связываемом в дальнейшем с системой образов исходного текста, прежде всего с образом главной героини.

На русский язык баллада была переведена В.А. Жуковским и П.А. Катениным и стала предметом литературных споров в России XIX века. У Катенина героиня звалась *Ольгой*. В первом переводе В.А.Жуковского (1808) девушка носила имя *Людмила*, и так же называлась сама баллада. Произведение имело и другие отступления от оригинала, прежде всего, изменения хронотопа: действие происходило в России XVI века. Причиной переименования был, думается, перенос действия на российскую почву, который требовал определённой адаптациии образа к российской действительности. Ведь имя – не просто элемент образа, оно – концентратор его важнейших свойств, его сущности. Образ Людмилы имеет много сходного с образом Леноры, но более лиричен, поэтичен. Создавая образ, близкий и понятный славянской ментальности, надо было привести его в соответствие с ожидаемым восприятием, для этого переложение баллады

следовало начинать с наречения героини подобающим именем. Видимо, в системе русских имен антропоним *Людмила* показался поэту наиболее подходящим и по семантико-этимологическим характеристикам (‘милая людям’), и по «славянскости», и по эвфоничности звучания.

Новый перевод баллады поэт завершил в 1812 году. На этот раз героиня получает имя *Светлана*. Вместе с именем кардинально меняется и образ девушки, и сюжетная линия. В отличие от Людмилы, которая наказана за богохульство, Светлана обретает как награду покой и счастье с милым. Сказочный финал созвучен имени героини, определяющему семантику основного мотива, ассоциативно связанному с семантикой онима: *Светлана* – светлая – свет (радости) – свет (рождественского утра) – светлая судьба — светлый, счастливый финал. Существенные изменения в сюжете и системе образов не оставили от баллады Бюргера камня на камне. Однако реминисценции на оригинал скрыты в семантике имени героини этой интерпретации баллады: ведь оним *Lenore / Ленора (Элеонора)* означает «яркая», «сияющая». Поскольку сияние – это яркий свет, *Светлана* – синоним, семантический двойник *Леноры*.

В 1831 году В.А. Жуковский вновь обращается к балладе А. Бюргера. На этот раз он стремится максимально приблизиться к оригиналу, передать национальный немецкий колорит. Этой цели служит и сохранение посредством транслитерации оригинального имени героини – *Ленора*. В трёх вариантах переложения бюргеровской баллады Жуковским нам открывается поиск автором форм и средств поэтики для решения определённой художественной задачи, и решающая роль в этом принадлежит поэтониму.

В литературной и жизненной практике первых десятилетий Х1Х века было распространено использование исторических, культурных и литературных имён в качестве окказиональных, а затем и постоянных масок как реальных исторических лиц, так и литературных персонажей. Основой такого рода переносов, по мнению Пеньковского, были процессы регулярных семантических преобразований собственных имен. Сущность их заключается в том, что мифологическое имя (resp. имя исторического лица / культурного героя/ литературного персонажа) переносится в иное культурное пространство и либо сохраняет там объём своих значений, либо поднимает их на более высокий уровень обобщения-типизации, а затем, не теряя свое типическое значение, применяется к конкретному лицу в качестве прозвища или антропонимической маски [2, с. 399]. О популярности образа Леноры в этот период свидетельствует обращение к нему А. С. Пушкина в «Евгении Онегине» для сравнения с музой: <…> *Как часто ласковая муза / Мне услаждала путь немой / […]/ Она Ленорой, при луне, / Со мной скакала на коне!* <…> [3, с. 316]. У читателя-современника поэта не возникал вопрос о том, что за спутница-вдохновительница скрывается под именем Леноры, ибо ответ был очевиден: Ленора представляла собой не просто известный литературный персонаж, хорошо знакомый читающей публике первой трети XIX века, но была частью культурного сознания образованных людей России того времени, частью того, что сегодня называют фоновыми знаниями.

Баллада Г.А. Бюргера получила популярность не только в Европе, но также в Англии и США. «Ленора» была переведена на английский язык В. Скоттом. Считается, что Эдгар Аллан По создал романтический образ умершей девушки по имени *Lenore,* вдохновленный этой балладой. В этом убеждают тематическое “созвучие” и перекличка сюжетов стихотворения По «Lenore» и баллады Бюргера (скорбь по умершей невесте / мёртвому жениху). Коннотации имени закрепляются “шлейфом” соответствующих ассоциаций. Этот же образ вновь вызывается появлением поэтонима *Lenore* в поэме «The Raven» («Ворон»).

В процессе переноса в иную культурно-языковую среду художественная реальность первоисточника претерпевает определённые трансформации, необходимые, с точки зрения переводчика, для адаптации к семиотической системе иной культурной реальности. Наречение именем героини вынуждает автора к ограничению инвентаря художественных средств, который избирается так, чтобы не диссонировать, не нарушать гармонию целого. Трансформации касаются в первую очередь ключевого поэтонима, посредством которого происходит предъявление главной героини (в заглавии), формирование её образа, создание поэтонимосферы и всего художественного пространства произведения. Вместе с переименованием героини меняются черты образа. Интертекстуальность даёт ему новую жизнь, наделяет новыми именами, окружает новыми контекстами. От произведения к произведению образ может не только существенно меняться, но и зашифровываться, прячась под разными именами. И все же благодаря устойчивым ассоциативно-семантическим связям он сохраняет постоянные черты, оставаясь узнаваемым.

1. Жуковский В.А. Избранные сочинения / [вступ. статья, сост. и примеч. И. Семенко.]. – М.: Худож. лит., 1982. – 431 с.
2. Пеньковский А.Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: Индрик, 2003. – 640 с.
3. Пушкин А.С. Сочинения в трёх томах. Том второй. – М.: Художественная литература, 1986.

УДК 81’37:811.111

АКТУАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ И ИХ ВЕРБАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Фатьянова И.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
irafatianova@mail.ru

Изучение политического дискурса является одним из актуальных проблем современного языкознания, раскрывая основные принципы

политической коммуникации в определенном социуме и акцентируя важность анализа центральных концептов дискурса.

Объектом исследования выступают номинативные единицы, с помощью которых абстрактные концепты POLITICS, POWER, WAR, TERRORISM и эмоциональный концепт FEAR получают языковую объективацию в современном англо-американском политическом дискурсе.

Предметом анализа являются особенности вербализации концептов с помощью нейтральных лексем, конвенциональных словосочетаний, фразеологизмов, а также лексикой, принадлежащей разным регистрам современного английского языка, выявление и анализ которой дали возможность установить лингвокультурологическую специфику исследованных концептов.

Целью исследования является раскрытие лингвокультурологической специфики и обоснование актуализации концептов POLITICS, POWER, WAR, TERRORISM и FEAR в англо-американском политическом дискурсе.

Поставленная цель обусловила необходимость решения таких задач:

1) дать определение абстрактным концептам POLITICS, POWER, WAR, TERRORISM и эмоциональному концепту FEAR;
2) определить содержание вербализованного в современном английском языке понятийного компонента концептов POLITICS, POWER, WAR, TERRORISM и FEAR путем анализа словарной семантики имен концептов – лексем *politics*, *power*, *war*, *terrorism*, *fear*;
3) раскрыть внутреннюю структуру понятийного компонента концептов POLITICS, POWER, WAR, TERRORISM и FEAR с помощью фреймовой модели;
4) обосновать взаимозависимость изученных концептов и актуальность употребления в современном англо-американском политическом дискурсе.

Материалом исследования послужили 25000 фрагментов британского и американского политического дискурса равных высказыванию, которые содержат лексические единицы, относящиеся к разным уровням языка (5080 слов, 4709 свободных словосочетаний, 2500 фразеологических словосочетаний и 1093 идиомы), которые представляют концепты POLITICS, POWER, WAR, TERRORISM и FEAR в современном англо-американском политическом дискурсе. Фрагменты получены методом сплошной выборки из 155 британских и американских изданий СМИ, которые содержат репортажи BBC News и CNN News, освещающие политические события.

Методологической базой исследования является когнитивно-дискурсивный подход, а именно: постулаты семантико-когнитивного анализа, который предусматривает в процессе лингвокогнтивного исследования переход от содержания значения к содержанию концепта при условии особого типа описания – когнитивной интерпретации; выделение понятийного, образного и ценностного компонентов в полевой модели концепта; фреймового представления конститутивных признаков концепта и связей между ними [9, с. 409-419]

Основываясь на понимании дискурса как ментально-речевой деятельности в совокупности процесса и результата, актуального и

виртуального, лингвального и экстралингвального, политический дискурс определяется как совокупность всех речевых актов в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, которые сформировались согласно существующих традиций и получили проверку опытом.

Описание коммуникации в политическом дискурсе основывается на теории дискурсивного анализа (А.Д. Белова, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, А.П. Мартынюк, Е.И. Морозова, И.С. Шевченко, Е.И. Шейгал), согласно которой политический дискурс определяется как тип институционального дискурса, который имеет общие зоны с юридическим, экономическим, религиозным, авторитарным видами дискурса.

В.В. Красных выделяет в зависимости от лингвокультуры, к которой принадлежит языковая личность национальный дискурс [5]. Таким образом, в нашем исследовании, анализируется англо-американский политический дискурс [10].

Система концептов политического дискурса – сложная многоуровневая система, созданная концептами политической онтологии, идеологии, аксиологии, имиджелогии. Концепт понимается как многоуровневое ментальное образование, в составе которого выделяются понятийный, образный и ценностный компоненты [9, с. 412]. Концепт – это конгломерат лексико-семантических полей, расширенных культурно-философским значением так, что лексемы в структуре концепта объединены не одной, а несколькими связанными между собой семами. Концептом могут стать только такие лексико-семантические поля, которые называют социально значимые для определенного этноса и человечества в целом понятия, которые дают возможность значениям перейти от соответствующего им фрагмента действительности к сфере идеального, т.е. духовно-ментального.

Ученые исследовали концептуальное пространство политического дискурса, определив дискурсообразующие концепты ГОССУДАРСТВО, НАРОД, смоделирована фреймовая модель для описания их семантической структуры, выявлены универсальные и специфические черты в характере структурирования концептуального пространства политического дискурса и особенности вербализации базовых концептов, установлено, что концептуальное пространство политического дискурса образовывают концепты: ГОССУДАРТВО, НАРОД, ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИСКУССТВО и эмоциональные концепты СТРАХ, НЕНАВИСТЬ, СЧАСТЬЕ [4; 5; 7–9; 13; 14]. В рамках изученной группы концептов выделяются три базовых концепта ПОЛИТИКА, ГОССУДАРСТВО и НАРОД, которые образовывают основу политического дискурса.

Мышление является одним из критериев определения особенностей политического дискурса. В целом, это разные концепты, которые получают роль базовых культурных концептов в дискурсе определенной политической партии, отражая и формируя ее политическую программу. Такими являются (кроме общих, универсальных концептов, таких как ВЛАСТЬ, ПОЛИТИК) этноспецифические, социально-политически обусловленные концепты,

которые представляют ведущие ценности политического дискурса: ДЕМОКРАТИЯ, МОНАРХИЯ, ШАРИАТ, ХРИСТИАНСТВО, РАВНОПРАВИЕ, НАЦИЯ, ТЕРРОРИЗМ и др. С одной стороны, такие концепты являются этноспецифическими в смысле их доминирования в дискурсах определенных политических партий, о чем свидетельствуют данные контент-анализа, социологические опросы и т.д. С другой стороны, эти концепты, используясь в дискурсах различных партий, получают разную оценку, тем самым акцентируя образные и ценностные компоненты культурного концепта [13, с.11]. К дискурсообразующим концептам относят также концепты СВОБОДА, ВОЙНА, АМЕРИКА, ПРЕЗИДЕНТ [3].

Мы рассматриваем абстрактные концепты POLITICS, POWER, WAR, TERRORISM и эмоциональный концепт FEAR как актуальные концепты современного англо-американского политического дискурса, исходя из того, что «на каждом культурно-историческом этапе жизни социума разнообразные концепты, наличествующие в национальной концептосфере, имеют не одинаковую степень социальной актуальности и информативной активности» [11, с. 71]. В связи с этим, говорят о локализации тех или иных концептов в светлой и темной зонах сознания этноса. Термины «светлая зона сознания» и «темная зона сознания» употребили В. В. Морковкин и А. В. Морковкина при описании функционирования ментально-лингвального комплекса и его ипостасей – мышления, сознания и языка как самоорганизующейся информационной системы, действующей «на основе человеческого мозга» и обеспечивающей «восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование, порождение и передачу информации» [6]. Принимая это, полагаем, что в коллективном сознании этноса также присутствует светлая и темная зоны, в которых локализуются разные по своей социокультурной значимости, а значит, и по своей информативной востребованности концепты.

В светлой зоне сознания наличествуют и функционируют такие концепты, которые являются коллективно осознаваемыми, отражают те экстралингвистические реалии, которые вызывают общественный интерес, отличаются актуальностью и адекватностью конкретной социокультурной ситуации. В темной зоне сознания – концепты, которые, несмотря на их наличие в национальной концептосфере, в определенный культурно-исторический момент коллективно не осознаваемы, социально не востребованы в связи с нерелевантностью тех явлений действительности, которые они отражают. Считается, что информативное содержание светлой и темной зон коллективного сознания подвижно и изменчиво. На разных исторических этапах информационная база этноса видоизменяется, социокультурные концепты, прежде локализованные в темной зоне этнического сознания, попав в фокус социального внимания, могут переместиться в его светлую зону, и, наоборот, утратив социальную значимость, уйти в темную зону сознания этноса [11, с. 71-72].

Проведенное нами исследование показало, что в данный период жизни общества ряд социокультурных концептов, таких как POLITICS, POWER,

WAR, TERRORISM, включая эмоциональный концепт FEAR актуализируется в англо-американском политическом дискурсе. Эти актуализированные смыслы входят в число ключевых ментальных единиц, формирующих национальную концептосферу на данном историческом этапе жизнедеятельности этноса. Их вербальным коррелятам в данный синхронный срез свойственна повышенная речевая частотность.

Выбор лексем *politics*, *power*, *war*, *terrorism*, *fear* как имен соответствующих концептов обосновывается в процессе анализа их синонимического ряда. Результаты дефинитивного и компонентного анализа значений синонимов номинативных единиц свидетельствуют о наличии определенных отличий между членами их синонимического ряда, в семантической структуре которой вместе с совпадением денотативного значения выделяются дифференциальные компоненты [2, с. 8; 10, с. 8; 11, с.8].

При выборе имени концепта необходимо учитывать частотность функционирования лексемы-имени концепта в дискурсе. Так, например, контекстный анализ фрагментов современного англо-американского политического дискурса свидетельствует, что лексема *terrorism*, имя концепта TERRORISM, реализуется в большем разнообразии ситуаций по сравнению с членами синонимического ряда, а именно лексема *terrorism* актуализируется в дискурсе в 42 % случаев от общего количества 10 000 примеров по сравнению с 21,33 % *terror*, 16,02 % *violence*, 5,87 % *war*, 2,98 % *warfare*, 2,76 % *reign of terror*, 2,65 % *assassination*, 1,21 % *massacre*, 1,21 % *rebellion*, 0,91 % *assault*, 0,71 % *intimidation*, 0,52 % *coercion*, 0,51 % *insurrection*, 0,39 % *atrocity*, 0,35 % *manslaughter*, 0,26 % *fight*, 0,15 % *disorder*, 0,03 % *revolution*, 0,03 % *struggle*.

Указанные критерии, а именно полисемантичность лексем *politics, power, war, terrorism, fear*, их полифункциональность в англо-американском политическом дискурсе, подтверждают адекватность выбора соответствующих номинаций как имен концептов POLITICS, POWER, WAR, TERRORISM, FEAR, поскольку эти номинации позволяют передать содержание исследуемых концептов как целостных феноменов в совокупности всех проявлений и аспектов.

Концепт рассматривается как конгломерат, состоящий из ядра, приядерной зоны и периферии. Все именные номинативные единицы, употребляемые для обозначения исследуемых концептов, по-разному выражают основные когнитивные дефиниции. Именные репрезентанты, которые наиболее последовательно раскрывают основные когнитивные дефиниции концепта составляют его ядро. Так, например, номинативное пространство микроконцептосферы TERRORISM, сформированное по принципу полевой организации лексики, представляет собой один из обширных фрагментов современной англо-американской картины мира, отличаясь своей целостностью и структурированностью. Выделение ядерной и периферийной зон базового концепта TERRORISM проанализированной микроконцептосферы отражает сложную ядерно-периферийную конфигурацию знаний о феномене «терроризм», представленную в виде качественно-

референционной модели семантической структуры концепта TERRORISM. Данная модель выступает матрицей построения семантики номинаций терроризма. Между конституентами рассматриваемого пространства выявлены гиперо-гипонимические отношения как разновидность действующей в его границах синонимии. Выделение основных доминант *terrorism, violence, war*, *lawlessness* в синонимических рядах номинативного пространства *terrorism* позволяет говорить о комплексной природе микроконцептосферы TERRORISM, структурированной концептами TERRORISM, VIOLENCE, WAR, LAWLESSNESS [10].

Таким образом, номинативное пространство актуальных концептов сформировано по принципу полевой организации лексики, которая представляет собой один из обширных фрагментов современной англо-американской картины мира, отличаясь своей целостностью и структурированностью.

Представление содержания понятийного компонента концептов осуществляется на основании данных полученных путем когнитивной интерпретации семантических признаков имен концептов – лексем *politics, power, war, terrorism, fear* и включает 6 лексико-семантических вариантов. Анализ семантики слов-идентификаторов, которые используются в словарных дефинициях, свидетельствуют о наличии в семантической структуре слов таких дифференциальных сем:

1. «наличие субъекта политики – политика / власти – руководителя / войны – воина / терроризма – террориста / страха – наводящего страх (человека или явления)» – экзистенциальный признак, вербализованный словами *politician, leader, president, warrior, terrorist, guerrilla, intimidator, scaremonger*;
2. «наличие объекта политики / власти / войны / терроризма / страха – гражданского общества» – экзистенциальный признак, про который сигнализируют слова society, government, people, civilians, world, property;
3. «использование методов, тактик и стратегий» – гносеологический признак, выраженный словами *tactics, strategy, methods, policy*;
4. «интенция завоевания власти / обеспечения общественных благ / захвата власти / обеспечения мира / победить терроризм / запугать мирное население» – телеологические признаки, на которые указывают словосочетания *“aimed at obtaining power / ensuring the general welfare / ensuring peace and freedom”, “with the aim of combating terrorism / intimidating and coercing society”*;
5. «использование политики / власти / войны / терроризма / страха» – инструментальный признак, который подтверждается словосочетаниями *“with the use of policy / power / terror / coercion / intimidation”*;
6. «политическая сфера» – локативный признак, выраженный словосочетанием “political sphere”.

Когнитивная интерпретация результатов структурно-семантического анализа лексем позволила выявить конститутивные признаки концептов и связи между ними, которые формируют их понятийное ядро, и подать их в виде фрейма.

Анализ словарных дефиниций, выделенный содержательный минимум и опора на здравый смысл, что является допустимым во время описания наивной картины мира, позволяет представить изучаемые концепты в виде такого фрейма:

СУБЪЕКТ политики / власти / войны / террористической деятельности / устрашения	Организации	
	Индивидуальные субъекты	
ОБЪЕКТ политики / власти / войны / террористической деятельности / устрашения	Человек	
	Неживые объекты	
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: **ПОЛИТИКА / ВЛАСТЬ** **ВОЙНА / ТЕРРОРИЗМ** **УСТРАШЕНИЕ / ЗАПУГИВАНИЕ**	Причины	
	Цели	
	Виды деятельности	Финансирование
		Техническая поддержка
		Моральная поддержка
		Пропаганда
		Рекрутинг
		Обучение
		Акт
РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	Промежуточный результат	Мир / стабильность / благополучие
		Жертвы / разрушения
		Психологический эффект
	Конечный результат	Достижение / недостижение цели

Таким образом, фрейм концептов TERRORISM, VIOLENCE, WAR, LAWLESSNESS, FEAR имеет иерархически сложную структуру, которая состоит из вершинных узлов и добавляемых к ним слотам и подслотам, и, в то же время, может рассматриваться как система концептов с определенной лексической репрезентацией. Вершинные узлы фрейма представлены концептами СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (Политики / Власти/ Войны /Терроризма / Устрашения / Запугивания). Каждый из выделенных вершинных узлов в свою очередь представлен системой слотов, и таким образом представляет собой вложенный фрейм. Слоты связаны функциональными отношениями с вышестоящими и нижестоящими слотами. Совокупность нижестоящих слотов (подслотов) обеспечивает детализированную концептуализацию и номинативную расшифровку своего вышестоящего слота. Следует отметить, что моделирование достаточно относительное, поскольку даже при условии детального конструирования что-то остается неучтенным. В данном случае, фрейм анализируемых концептов, был смоделирован на основе словарных дефиниций слов-номинантов концептов, он представляет наиболее типичную информацию про явления политики, власти, войны, терроризмы и страха, т.е. представляет соответствующие концепты в наиболее общем виде. Для представления фрейма в более детальном виде, а также для исследования

лексического наполнения его слотов, мы обращаемся к текстам политического дискурса, которые являются основной сферой реализации концептов POLITICS, POWER, WAR, TERRORISM.

Проведенное нами исследование показало, что в данный период времени этот ряд абстрактных концептов, включающих в свою структуру эмоциональный концепт FEAR, актуализируется. Эти актуализируемые смыслы входят в число ключевых ментальных единиц, формирующих национальную концептосферу на данном историческом этапе жизнедеятельности англо-американского этноса. Их вербальным коррелятам в данный синхронный срез свойственна повышенная речевая частотность.

Наиболее важными, на наш взгляд, являются следующие признаки:

1. принадлежность концептосфере не отдельного человека, а всего этнического сообщества;
2. отражение таких социально значимых явлений, которые на конкретном историческом этапе привлекают к себе повышенное внимание социума;
3. помимо понятийного ядра (константной, архетипической части), обладают мощным социокультурным фоном (динамической частью), где сфокусированы актуальные концептуальные смыслы, социальная интерпретация содержательного ядра концепта в виде оценочных суждений, мнений всего этнического сообщества, его различных социальных слоев, групп и отдельных представителей;
4. в политическом дискурсе материализуются в языковых знаках, в первую очередь в лексических единицах, которые образуют активный лексикон этноса и, следовательно, являются высокочастотными в речевой практике.

Таким образом, абстрактные концепты POLITICS, POWER, WAR, TERRORISM и эмоциональный концепт FEAR являются актуальными концептами современного англо-американского политического дискурса, открытыми многоуровневыми единицами человеческого сознания, которые постоянно конструируются в ситуации общения и представляют индивидуальный и коллективный опыт, связанный с интерпретацией соответствующих феноменов политики, власти, войны, терроризма и страха в англо-американском социуме, благодаря настоящей социально-политической обстановке в мире, которая обусловила частотность их употребления в национальном дискурсе.

1. Борисов О.О. Мовні засоби вираження емоційного концепту страх: лінгво-когнітивний аспект (на мат-лі англомовної художньої прози): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 «Германські мови» / О.О.Борисов. – Донецьк, 2005. – 20 с.
2. Васильєва М.О. Метафорична реалізація концепту ПОЛІТИКА в сучасному англомовному політичному дискурсі: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 «Германські мови» / М.О.Васильєва. – Харків, 2008. – 20 с.
3. Даньшина О.В. Ключові концепти електорального дискурсу республіканців США / О.В.Даньшина // Вісник ХНУ. – 2007. – № 773. – С.32-34.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002б. – 477 с.
5. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В.В. Красных – М.: Гнозис, 2001. – 270 с.

6. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) / В.В.Морковкин, А.В.Морковкина. – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С.Пушкина, ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова РАН, 1997. – 414 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивно-семантический анализ языка / З.Д. Попова, И.А.Стернин. – Воронеж: Изд-во "Истоки", 2006. – 226 с.
8. Приходько А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А.М. Приходько. – Запоріжжя: Прем'єр, 2008. – 232 с.
9. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: підручник / О.О.Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2008. – 712 с.
10 Фатьянова І.В. Мікроконцептосфера TERRORISM у сучасному англо-американському політичному дискурсі: дис. … кандидата філол. наук: 10.02.04 / Фатьянова Ірина Валеріївна. – Одеса, 2013. – 275 с.
11. Черникова Н.В. Актуальные концепты и их лексические репрезентанты / Н.В.Черникова // Филологические науки. – 2007. – №6. – С. 71-79.
12. Чорновол-Ткаченко О.О. Вербалізація концепту ВЛАДА у сучасному британському газетному дискурсі: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 «Германські мови» / О. О. Чорновол-Ткаченко. – Харків, 2007. – 20 с.
13. Шевченко І.С. Когнітивно-комунікативна парадигма і аналіз дискурсу: [монографія] / І.С.Шевченко // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен. – Харків: Константа, 2005. – С. 9-20.
14. Шейгал Е.И. Культурные концепты политического дискурса / Е.И. Шейгал // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: Материалы междунар. Научно-практической конференции. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – С.24-26.

УДК 81`322.6` 367.4

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ОБЪЁМ СИНТАГМ В РУССКОЙ, УКРАИНСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ

Филатова Е.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
taranushchenko@mail.ru

Любая сегментация текста как **речевого** явления предполагает его естественное членение на однотипные **речевые единицы**, свойственные письменной речи – порождающие её или традиционно её оформляющие.

Возможны как речевой, так и языковой аспекты исследования текста. В зависимости от подхода в нём выделяются разные сегменты и разные единицы – как речевые, так и языковые.

Для языка характерны свои единицы, а для речи естественны свои – типичные **речевые структуры**.

Исходной единицей речи является *синтагма,* минимальная индивидуально-авторская креативная структура, появляющаяся в сознании человека в процессе речи как результат его психоречевой реакции на ситуацию или передаваемую информацию.

Синтагма включает несколько слов, объединённых грамматически, интонационно и по смыслу и выступает в качестве исходной единицы речи.

Важными характеристиками синтагм являются их **структура** и **объём;** структура синтагмы отражает взаимоположение и связь всех её компонентов, спонтанно объединившихся в сознании человека в минимальную речевую единицу, объём синтагмы является её количественной характеристикой, отражая число входящих в неё компонентов.

Все речевые единицы самостоятельны, коммуникативны, структурно, грамматически и интонационно оформлены. Коммуникативность синтагмы не всегда очевидна, тем не менее она проявляется во многих ситуациях. Ср.:

– Часто / сестра навещала больного? *–* ***Только сегодня***.

Выделение в тексте слов – форма традиционного его представления, а вовсе не показатель того, что, дескать, он и каждое его предложение непосредственно составлены из отдельных слов.

Самостоятельного сегмента речи с квалификацией **слово** нет, так как слово не имеет непосредственного отношения к построению речи.

Чтобы получить речевой статус, оно должно в сочетании с другими словами создать единый компонент с ситуативным значением – синтагму или само выполнять функцию синтагмы.

Будучи составной, синтагма, тем не менее, **недискретная** речевая единица, её нельзя разделить на более мелкие **речевые** компоненты.

Синтагма, как и любая речевая единица, не существует в качестве заданного компонента, она результат речевого творчества, ибо возникает спонтанно, как индивидуально-креативная составляющая речи.

Синтагма – целостная, одномерная единица, представляющая собой лингвистическое отражение простейшей конкретной ситуации, отдельной реалии в единстве с её актуальными акцидентными признаками, она предполагает наличие – эксплицитное или имплицитное – других синтагм.

Развитию связной речи и её содержания способствует не только объединение и связь синтагм, но и их чёткое и последовательное разграничение.

Инвариантные особенности строения синтагм сводятся к двум видам:
1) структуры, объединяющие несколько компонентов,
2) однокомпонентные структуры.

Сопоставительный анализ структуры и объёма синтагм в разных языках рассматривался нами на материале художественной, разговорной и научной речи. При этом появилась необходимость введения понятия **условной синтагмы**, под которой подразумевается среднестатистическая исходная речевая структура, которая способствует отражению однотипных речевых явлений в разных языках.

Объём условной синтагмы можно определить по формуле:

$$O = \frac{K}{C},$$

где O – объём условной синтагмы; K – общее количество компонентов в структуре всех синтагм контекста; C – количество синтагм в контексте. Объём условной синтагмы равняется частному от деления числа, отражающего общее количество компонентов в структуре всех синтагм, на число синтагм в нём.

Исследование оставшейся части текста лишь подтверждает полученный результат. Погрешности не превышают 2 %.

В русской художественной речи наиболее активны 3-компонентные синтагмы (они составляют почти 40 % текстов); 2-компонентные (их 20 %), 4-компонентные (15 %), 5-компонентные (12 %), на 5 месте 1-компонентные синтагмы (их 10 %). Синтагмы с шестью и более компонентами единичны. Объём условной синтагмы здесь составляет 2,4 % (т.е. 3 полных компонента).

В русской разговорной речи активность синтагм разной структуры несколько иная: 2-компонентные синтагмы составляют 33 % её структуры, 1-компонентные – 26 %, 3-компонентные – 23 %, 4-компонентные – 10 % и 5-компонентные – 8 %. Синтагмы с бóльшим числом компонентов единичны.

В русской научной речи 2-компонентных синтагм 25 %, 3-компонентных – 22 %, 4-компонентных – 16 %, 5-компонентных – 13 %. Синтагм, включающих от 6 до 9 компонентов, здесь около 15 %. И, наконец, 1-компонентных синтагм около 10 %. Объём условной синтагмы в русской научной речи равен 3,6 компонентов, т.е. 4 слова или словоформы.

В украинской художественной речи объём условной синтагмы составляет 2,3 компонента, в разговорной – 2,5 и научной – 3,3 компонента.

Условная синтагма в украинской речи составляет 2,7 компонента.

В английской художественной речи объём условной синтагмы включает 4,5 компонента. Объём условной синтагмы в разговорной речи – 4,8 компонента, и в научной речи – 4,9 компонента.

В русской речи **однокомпонентные синтагмы** наиболее часто используются в разговорной речи, здесь их в два с половиной раза больше, чем в художественном или научном тексте.

Преобладают однокомпонентные синтагмы и в разговорной речи украинского языка. Здесь такие же, как и в русской речи – расхождения незначительные.

Сопоставительные данные активности синтагм в русской, украинской и английской речи в зависимости от их объёма отражают, что для русской речи в целом наиболее актуальны трёхкомпонентные синтагмы. Они составляют 27,5 % от общего числа всех употребляемых в ней синтагм. Им несколько уступают двухкомпонентные (их 26 %), на третьем месте по частоте использования – однокомпонентные синтагмы (15,4 %).

Эти три структурных типа синтагм представляют 70 % русской речи.

Для украинской речи наиболее актуальны такие же по объёму синтагмы: 2-компонентные – 32,8 %, 3-компонентные – 30,7 % и 1-компонентные – 14,2 %. Общее их количество в речи – примерно 77 %.

В английской речи в целом преобладают 3-компонентные (их 18,6 %), 4-компонентные (17,8 %), 5-компонентные (13,2 %), 2-компонентные (12,9), 6-компонентные (11,4 %) и 7-компонентные (10,5 %) синтагмы. Их 84,4 %.

Условная синтагма в английской речи включает 5 компонентов, тогда как в русской и украинской речи она меньше почти на два компонента.

Эти различия обусловлены тем, что русский и украинский – языки синтетические, тогда как английский – аналитический. У них разные способы образования грамматических форм слов. По этой причине синтагмы с

шестью, семью и восьмью компонентами в английской речи используются в 4–5 раз чаще, чем в русской или украинской речи.

Знания различий в объёме исходных единиц речи разных языков весьма важны для формирования умений и навыков разграничения авторских синтагм, что будет способствовать адекватному пониманию содержания.

1. Вихованець І.Р. Нариси з функціонального синтаксису української мови / І.Р. Вихованець. – К. – 1992. – 224 с.
2. Филатова Е.В. Синтагма как реальная единица порождения и восприятия речи / Монография / Е. В. Филатова. – Донецк: ДонНУ, 2013. – 330 с.
3. Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1972. – С. 242.
4. Шмелёв Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке / Д.Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1976. – 152 с.
5. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974.– 428 с.
6. Aarts B. English Syntax and Argumentation / 2nd ed. – (Modern linguistics series). Great Britain, Aarontype Ltd, Easton, Bristol, 2001.
7. Filatova Elena. Syntagma in the English speech: structure, meaning and functions / Elena Filatova // Лінгвістичні студії. Вип. 27. – Донецьк, 2013. – С. 117–122.

УДК 81’373.7:811.111:811.161.2

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕЛОСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ТОПОНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В АНГЛИЙСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Хохлова В.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

victoriakhokhlova26@gmail.com

В последние десятилетия в лингвистике при исследовании вопросов функционирования языка все большее значение приобретает фактор человека как активного субъекта познания, обладающего индивидуальным и социальным опытом, системой знаний о мире, отраженной в его сознании концептуальной картиной окружающей действительности. Антропоцентрическая переориентация языкознания свидетельствует о смене приоритетов, о переходе от лингвистики традиционной с ее доминирующим вниманием к языковым формам, рассматриваемым вне связей с разнообразными аспектами бытия языка, к лингвистике антропоцентрической, предполагающей исследование языка в непосредственной связи с индивидуумом [1: 230].

При исследовании фразеологического состава языков в рамках антропологической парадигмы, одним из наиболее актуальных считается лингвокультурологический подход, который позволяет выявить языковое воплощение культурных концептов, особенностей национального менталитета, национальной культуры того или иного языкового сообщества [2: 284].

Лингвокультурологический подход применяется для выявления влияния национально-культурных факторов на формирование целостного значение

фразеологических единиц с топонимическим компонентом (далее ФЕТК) и описания специфики английской и украинской ценностной картины мира. В результате анализа были выявлены ценностные приоритеты и стереотипы англичан и украинцев в процессе составления и употребления (воспроизведения) ФЕТК. Анализ ФЕТК в английском и украинском языках показал, что в составе ФЕ топонимический компонент претерпевает определенные изменения благодаря языковым и экстралингвистическим факторам: стилистическим приемам метафоры, метонимии, синекдохи, перифраза, каламбура, сравнения, факторам социо-культурной и исторической значимости. ФЕТК *Angel of France* ‘французский ангел, талисман’ путем синекдохи передает социо-историческую информацию о существовании монеты без которой капитан корабля не выходил в море, пилоты не поднимаясь в небо. Даже существует исторический факт о том, что Наполеон Бонапарт постоянно носил эту монету в своей жилетке. Также известно, что он выбросил свою монету-талисман в реку перед сражением в 1815 году. Легенда монеты такова: во времена Французской революции дворянина Огюста Дюпре приговорили к казни через гильотину. За мгновение до смерти случилось знамение: в колокольню, что была неподалеку, ударила молния и казнь отменили. В это время он держал монету «Французского ангела» в кармане. ФЕТК *Як з Америки приїхав* благодаря стилистическому приему сравнения характеризует любого человека, по отношению к которому употребляется данный фразеологизм, как состоятельного человека, приехавшего с зароботок. Во времена экономического коллапса в Украине, многие эмигрировали на постоянное место жительства или временно в Америку, Канаду в поисках хорошей роботы, лучших условий жизни.

Сопоставительный анализ национально-культурной семантики топонимической фразеологии современного английского и украинского языка свидетельствует о том, что у каждого народа есть свои традиции, свое восприятие и видение мира, свой социально-исторический опыт. Национальная самобытность элементов опыта, свойственная той или иной лингвокультуре, обусловливает неповторимость индивидуального облика этой культуры. Изучение роли топонима как экспонента национально-культурной семантики фразеологических единиц играет важную роль для понимания его влияния на формирование национально-маркированного значения английских и украинских фразеологических единиц с топонимическим компонентом. Топонимический компонент в составе фразеологических единиц является социо-культурным онимом, аккумулирующим информацию об истории, национальных традициях и обычаях, мировоззрении того или иного народа, что позволяет рассматривать фразеологические единицы с топонимическим компонентом в качестве трансляторов особенностей национальной психологии, менталитета, мировосприятия, ценностных ориентаций, сформировавшихся и формирующихся под влиянием особенностей исторического развития, климатических и географических факторов, религиозных верований того или иного народа, находящих отражение в его языке и коммуникативном поведении. Лингвокультурологический аспект исследования английских и украинских фразеологических единиц с топонимическим компонентом

детерминируется тем фактом, что этот компонент является актуализатором национально-культурной семантики изучаемых единиц, добавляя определенный колорит в значение ФЕ, так как именно этот компонент является неотъемлемой частью фоновых знаний носителей данного языка и культуры, и отражает самобытность национального мировосприятия народа.

1. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. – М.: Наука, 1995. – 265 с.
2. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 317 с.

УДК 81'1

ЯЗЫК РЕКЛАМЫ КАК ГИПЕРЖАНР ИСКУССТВЕННОЙ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

Юрьева Е.В.
Донецкий государственный институт городского хозяйства
uriev79@mail.ru

Н.Б. Лебедева в работе «Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования» выделила четыре вида речевой деятельности: естественная устная речь (ЕУР), естественная письменная речь (ЕПР), искусственная письменная речь (ИПР) и искусственная устная речь (ИУР) [6]. Терминами естественная устная речь и естественная письменная речь автор называет устные и письменные варианты «народной» речи (устную и письменную речь городского и сельского населения). Следующие два вида речи (ИУР и ИПР) – это подготовленная, профессиональная письменная и соответственно устная речь. По мнению Н.Б. Лебедевой, ИУР в настоящее время представлена парламентским, судебным, преподавательским и т. д. красноречием, её место в общественной жизни стало значимым, а, следовательно, её исследование – особенно актуальным. ИПР реализуется в художественном, научном, газетно-публицистическом, официально деловом (и некоторых других, в частности, в рекламном) видах языкового творчества и в настоящее время остаётся приоритетным объектом филологических дисциплин [6]. Исходя из вышесказанного, рекламные сообщения – это образцы как ИУР, так и ИПР по причине того, что они являются профессионально подготовленными и функционируют как в устной речи (например, реклама на радио), так и в письменной речи (реклама в газетах, журналах, интернете, на билбордах и автобусных остановках). Поэтому целью данного исследования является попытка определить место рекламного дискурса в системе жанров искусственной устной и письменной речи и описать его базовые характеристики. Неоспоримым является тот факт, что количество рекламных сообщений с каждым днём увеличивается. Проблема изучения языка рекламы становится актуальной для исследований

в ракурсе многих наук (социология, статистика, экономика и др.), среди которых, в первую очередь, следует выделить языкознание. Реклама – одна из отраслей массовой коммуникации, в рамках которой создаются и распространяются рекламные тексты, которые адресованы группам людей с целью побудить их к нужным рекламодателю действиям или выбору [9, с. 8]. Таким образом, объектом исследования лингвистов является рекламный дискурс, его описание с точки зрения прагмалингвистики.

Далее попытаемся определить место рекламного дискурса в системе жанров речи. Речевые жанры в коммуникативном пространстве не существуют независимо, между ними выстраиваются довольно сложные отношения. Поэтому появляется возможность и необходимость говорить о формировании в различных дискурсах целых жанровых сообществ (конгломераций) [10, с. 132]. Данные сообщества жанров в рамках одного дискурса представляют собой иерархию из нескольких моделей. В отечественном и зарубежном языкознании существуют попытки дать наименование этому феномену. Так, например, К.Ф.Седов говорит о гипержанре, жанре и субжанре [8]. А. Вежбицкая также предлагает три модели: речевой жанр, речевой акт, иллокутивный компонент [2, с. 109]. А.Г. Баранов рассматривает пять моделей: текстотип, субтип, жанр, когниотип, текст [1]. Существуют и другие наименования: сверхтекст, гипертекст, текстовое единство, сложное речевое событие, сложное коммуникативное событие, жанровое сообщество, жанровый тип, макро-речевой акт. Каждое из таких определений соотносится с особым уровнем или аспектом рассмотрения: либо уровень прагматики (сложное коммуникативное событие, макро-речевой акт), либо синтактики (сверхтекст, текстовое единство, гипертекст), либо проблематика жанровой организации коммуникативного пространства и эволюции жанров в нем, либо какие-то другие лингвистические аспекты [10, с. 133]. Такие понятия как «гипертекст», «текстовое единство» сужают область употребления искомого нами термина. В таком случае, мы имеем право рассматривать лишь фиксированные завершённые речевые фрагменты. Определение «сложное коммуникативное событие» может быть только лишь коммуникативным параметром данного феномена. На наш взгляд, наиболее удачной является система, предложенная К.Ф. Седовым. Более того, опираясь на классификацию К.Ф.Седова, по нашему мнению, рекламный дискурс следует считать не просто жанром, а гипержанром, так как он объединяет в своём составе несколько жанров.

Определившись с местом рекламного дискурса в жанровом разнообразии, рассмотрим его основные жанровые характеристики.

С позиции социолингвистики, В.И. Карасик выделяет два основных типа дискурса: персональный (личностно-ориентированный) и институциональный. Институциональный дискурс – это общение в рамках статусно-ролевых отношений [4, с. 190–191]. В.И. Карасик считает возможным в рамках современного общества выделить следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, мистический, медицинский, деловой, научный,

сценический, спортивный, массово-информационный и, в конце концов, рекламный [3, с. 10]. Термин «Институциональный дискурс» автор объясняет следующим образом: «Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума». Шаблонность и стереотипность общения являются принципиальным отличием институционального дискурса от персонального. Кроме того, институциональный дискурс характеризуется двумя системообразующими признаками: целью и участниками общения. Основными участниками институционального дискурса являются представители института, то есть отправитель рекламы (адресант) и люди-потребители рекламы (адресат). Цель рекламного сообщения – не только привлечь внимание аудитории, но и побудить некоторую её часть – желательно наибольшую – к действию. Мы поддерживаем точку зрения В.И.Карасика и вслед за ним определяем рекламный дискурс как тип институционального общения, которому свойственны все присущие институциональной интеракции характеристики с элементами персонального (бытийного) дискурса, позволяющими адресантам в некоторых случаях создавать тексты, отражающие внутренний мир автора. Безусловно, рекламный дискурс является «прагматическим дискурсом» на том основании, что в нем актуализируются определенные коммуникативные стратегии и тактики. Прагматика изучает все условия, в которых человек использует языковые знаки [5, с. 127], то есть условия адекватного выбора и употребления речевых единиц для получения конечной цели коммуникации – воздействия адресанта сообщения на адресата в процессе их речевой деятельности. Следовательно, эффективность рекламной коммуникации зависит от того, насколько удачным является влияние на адресата.

1. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста / А.Г.Баранов. – Ростов-на-Дону, 1993. – 182 с.
2. Вежбицка А. Речевые жанры / А.Вежбицка // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С.99-111.
3. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И.Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С.5-20.
4. Карасик В.И. Язык социального статуса: монография / В.И.Карасик. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 390 с.
5. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В.Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 176 с.
6. Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь как объект исследования / Н.Б.Лебедева // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. Барнаул, 2001. Вып. 1. – С.4-10.
7. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. − С. 22-129.
8. Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности / К.Ф.Седов // Жанры речи: Сб. науч. статей. Саратов, 1999. – С. 13-26.
9. Ученова В.В.Философия рекламы / В.В. Ученова. – М.: Гелла-принт, 2003. – 208 с.
10. Шарифуллин Б.Я. «Гипержанры и гипержанровые сценарии в вербальной и невербальной коммуникации» / Б.Я.Шарифулин // Гуманитарные и социальные науки №6 Филология, Лесосибирский педагогический институт филиал сибирского федерального университета 2012. – С. 132-144.

УДК 811.112.2:81'38

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Алдошина А.Г.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
an.aldoshyna@gmail.com

1. В последнее время лингвисты проявляют все больший интерес к изучению языка в его функционировании – в межличностной и массовой коммуникации. Реклама является одним из видов массовой коммуникации, а ее влияние на аудиторию выходит за пределы сферы коммерческой деятельности и вызывает немалый интерес и психологов, и лингвистов (Кара-Мурза, 2004:5). Как отмечал А.Н. Леонтьев, «проблемы, связанные с эффективной организацией массовой коммуникации и, шире, с теорией и практикой целенаправленного речевого воздействия» являются самой значимой прикладной областью, где используется или может использоваться психолингвистика (Леонтьев,1975: 6). Данный доклад посвящен исследованию лингвостилистических особенностей создания рекламных текстов в современном немецком языке. Материалом исследования послужили 200 текстов печатной рекламы продуктов питания, косметики, электро- и автоиндустрии, отобранных методом сплошной выборки из немецкоязычных журналов Glamour, Nr.5, 2014; Cosmo, Nr.1, 2014; Joy, Nr.12, 2012.

2. На лексическом уровне наиболее продуктивным средством создания рекламных текстов оказались фигуры прибавления, а именно, эпитеты (*Je zärter die Milka, desto lila die Pause.* ‘Чем нежнее Милка, тем фиолетовей пауза’). Данный стилистический прием активно используется не только при описании качеств и свойств предлагаемого продукта, но и при характеристике результата. Во всех исследуемых рекламных текстах обнаружено 292 случая употребления эпитета.

3. В группе фигур замещения наиболее продуктивной оказалась метафора, призванная выполнять свою главную функцию в рекламе – привлечь внимание потребителя. Данный стилистический прием встречается 29 раз в исследуемом материале. Метафора, зафиксированная, например, в рекламе товаров марки энергетических напитков Red Bull (*Red Bull verleiht Flügel* ‘Рэд Бул подарит крылья’) призывает покупателя поверить в чудодейственный эффект данного напитка.

4. Одним из излюбленных стилистических приемов составителей рекламных текстов является персонификация: *Schokolade mit Charakter.* ‘Шоколад с характером’. В анализируемом материале данное средство встречается 23 раза.

5. Наиболее продуктивным средством на синтаксическом уровне является слоган: *Vichy. Weil Gesundheit auch Hautsache ist.* ‘Виши. Потому что здоровье – дело кожи’. Рекламодатели решили обыграть здесь фонетическое и орфографическое сходство слов *Hautsache* ‘дело кожи’

и *Hauptsache* ‘главное (дело)’. Таким образом, у реципиента невольно возникает связь между этими словами, и слоган уже воспринимается как другой слоган – *Здоровье – главное*.

6. Обращение к потребителю в форме побудительных предложений – *Erleben Sie perfekten Komfort* ‘Почувствуйте идеальный комфорт’, *Entdecke die Herbstneuheiten im Handel* ‘Открой для себя новинки осени в торговле’ – также является часто используемым приемом при составлении рекламного текста. В исследуемом материале данный прием встречается 192 раза. В данном случае речь идет об эффекте непосредственного речевого контакта рекламодателя с потребителем: реклама, в которой используется вежливая форма императива (Sie-Form), адресована, в первую очередь, взрослому покупателю, а обращение на «ты» может, по мнению составителей рекламных текстов, сократить расстояние и «интимизировать» диалог с молодежной «аудиторией», что является одной из тактик рекламодателей. С помощью данного приема составители рекламы «рушат» барьеры во времени и пространстве между рекламодателем и реципиентом, тем самым пытаются воссоздать иллюзию живого общения.

7. Проанализировав функциональное наполнение стилистическими средствами компонентов структуры рекламных текстов, можно утверждать, что наибольшее их количество содержится в заголовках и подзаголовках. Такой выбор объясняется психологическими особенностями восприятия информации человеком. В первую очередь, реципиент обращает внимание на текст, написанный более крупным шрифтом. Следовательно, целесообразнее распределить наиболее яркие стилистические средства именно в этих компонентах структуры.

8. Проанализировав материал исследования, можно сделать вывод, что стилистические средства играют первостепенную роль в создании рекламных текстов, т. к. именно они, бросаясь в глаза и закрепляясь в памяти, рисуют яркий образ товара или услуги, тем самым побуждая приобрести их. Правильно используя данную палитру средств и грамотно распределяя их в компонентах структуры рекламного сообщения, рекламодатель на подсознательном уровне действует на реципиента, тем самым побуждает его совершить выгодную для продавца покупку.

1. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием : [учеб. пособ.] / Кара-Мурза С.Г. – М. : Алгоритм, 2004. – 528 с.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. / Леонтьев А.Н. − М.: Политиздат, 1975. – С.6.

УДК 803:808.4

СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕДУПЛИКАТИВНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ

Басыров Ш.Р.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Редупликация является одной из универсальных лингвистических категорий (Бекташ Локман 2015: 3). Многие стороны данного явления

остаются по-прежнему актуальными и малоизученными, в частности определение характера данного явления и степень его распространения в изучаемом языке, выявление фонологических, морфологических, лексических, структурных и семантических особенностей редупликации, установление закономерностей функционирования редупликативных слов (РС).

В настоящей работе предпринята попытка всестороннего описания редупликации в современном немецком разговорном языке, т.е. слов типа *der Perpel* ʻгрязный носовой платокʼ, ʻнеумытый ребенокʼ, ʻнеухоженная женщинаʼ, *das Sing-Sing* ʻтюрьмаʼ, ʻисправительное учреждениеʼ и др.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ слов, образованных путем редупликации с точки зрения их формальной, семантической структуры, а также функционирования в современном немецком разговорном языке.

Материалом исследования послужили свыше 200 РС, извлеченные из немецких разговорных словарей, текстов художественной и публицистической литературы, а также из специальных работ.

Редупликация представляет собой фоно-морфологическое языковое явление, в основе которого лежит полное или частичное повторение корня, основы или целого слова без изменения их звукового состава и которое служит средством словообразования и формообразования (Минлос 2004:6; Бекташ Локман 2015:7).

В современном немецком разговорном языке редупликация представлена различными типами:

1) *полная редупликация*, т.е. полное удвоение редупликанта – слога, морфемы, основы или слова, ср.: нем. *der /das Tamtam* ʻшум'; ʻпропаганда'; ʻвыкрики на рынке' (от *Tamtam, n* ʻтамтам' – ударный музыкальный инструмент азиатского происхождения); *der Hundehund* с.-нем. ʻсобака';

2) *неполная редупликация*, возникающая в ходе частичного повторения редупликанта в редупликаторе, например: нем. *der/das Heckmeck* ʻчушь, бессмыслица, болтовня';

3) РС, построенные на основе *синонимического* (*das ist gehüpft wie gesprungen* ʻэто одно и то же; результат одинаковый') и *антонимического повторов* (*wie Katze und Hund zusammenleben*/ *sich wie Katze und Hund vertragen* ʻсильно враждовать друг с другом' (букв. жить как кошка с собакой) (Бекташ Локман 2015: 14).

С точки зрения смысловой связи компонентов у немецких РС различаются мотивированная и немотивированная редупликация (Минлос 2004: 3).

У *мотивированной редупликации* имеет место повтор существующего (мотивирующего) знака типа *der Mischmasch* ʻнеразбериха, беспорядокʼ.

Немотивированная редупликация не образована ни от какого знака и в общем случае вычленяется лишь как поверхностное явление, например: *toi-toi-toi* нар. (межд.) ʻна удачу, к счастьюʼ.

В плане семантики немецкие РС обнаруживают, в частности, следующие основные типы значений:

1) ʻерундаʼ, ʻчушьʼ, ʻболтовняʼ: *der Kiki, das Kikelkakel, der/das Heckmeck, das/der Fickfack, das/der Trallala, das Larifari*;

2) ʻбеспорядокʼ, ʻнеразберихаʼ: *der Mischmasch, Hack und Mack*;

3) ʻочень быстроʼ, ʻтотчасʼ: *ruckzuck, rumsbums, zackzack, hui-hui*;

4) ʻочень медленноʼ, ʻпостепенноʼ: *etepetete, zickzackzive*;

5) ʻпревосходныйʼ, ʻотличныйʼ, ʻвеликолепныйʼ: *primaprima, primaprimissima, eff-eff, tipptopp (tiptop), pipapo;*

6) команды различным животным, которые выражаются сдвоенными междометиями типа *tuck-tuck/ put-put* ! приманка кур;

7) различные значения «детских» слов»: *Nicht anfassen, das ist baba* (*bäbä*); *wehweh* (например, о царапине, ушибе) (Шабанова 2011: 20-21).

В функциональном плане РС употребляется:

1) для *усиления сообщения*: *der Extrabonbon* ʻвесьма привлекательное делоʼ(букв. особые леденцы);

2) для выражения *множественности*: *pickepackevoll* ʻнабитый дополнаʼ (например, о транспорте, помещении);

3) как *стилистический прием* для передачи эмоционально-психического состояния человека, негативной оценки говорящим определенного лица, предмета, явления, процесса (Бекташ Локман 2015: 12-13): *Vater doof, Mutter doof, Kind ballaballa* ʻОтец глупый, мать глупая, ребенок очень глупыйʼ.

1. Бекташ Локман. Структура и семантика редупликации в турецком и таджикском языках автореф. дис. … канд. филол. наук / Локман Бекташ. – Душанбе, 2015. – 20 с.
2. Минлос, Ф. Р. Редупликация и парные слова в восточно-славянских языках: автореф. дис. … канд. филол. наук / Ф. Р. Минлос. – М., 2004. – 20 с.
3. Симутова О.П. Языковая игра в словообразовании (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук / О.П.Симутова. – Уфа, 2008. – 18 с.
4. Филимоненко С.А. Звукоизобразительная лексика в немецком языке: автореф. дис. … канд. филол. наук / С.А. Филимоненко. – Санкт-Петербург, 2008. – 18 с.
5. Шабанова Н.А. Субстандартное словообразование в немецком языке (на материале коллоквиальной лексики): автореф. дис. … канд. филол. наук / Н.А. Шабанова. – Белгород, 2011. – 24 с.

Словари

6. Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики: Свыше 12 000 слов. 2-е изд., стереотип. / В.Д. Девкин. – М., РУССО, 1996. – 768 с.
7. Küpper Dr. Heinz. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache /Dr.Heinz Küpper. – Stuttgart : Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung GmbH., 1987. – 989 S.

УДК 803:808.4

ПАРТИТИВНЫЕ СТК-КОМПОЗИТЫ И СЛОВОСОЧЕТАНИЯ В ГЕРМАНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ.

Беспамятная Л.В.

Севастопольский государственный университет

lilya_pavlova23@mail.ru

В настоящей работе рассматриваются партитивные субстантивные термины кораблестроения (СТК), описывающие ситуацию родо-видовых отношений «целое – часть целого».

Типичной парафразой для рассматриваемых СТК является генетивная конструкция, в которой базовый компонент В является синтаксическим ядром [1, с. 333]. В английском языке, из-за отсутствия падежной системы, данная парафраза выражается предложной группой «of + имя существительное».

Материалом для данного исследования послужили 1494 партитивных СТК, построенных по модели словосочетания и словосложения (нем. – 618 ед., англ. – 554 ед., рус. – 167 ед., укр. – 155 ед.).

Анализируемый семантический тип является наиболее продктивным в немецкой терминологии кораблестроения (ТК) (первое место) и занимает второе место по продуктивности в английской ТК. В славянских языках партитивный тип занимает третье место по продуктивности. Германские и славянские языки обнаруживают отличие не только в степени продуктивности рассматриваемого типа, но и в наборе его структурных типов. В то время как большинство сложных СТК в германских языках построены по модели N+N (нем. – 469 ед.; англ. – 540 ед.), в славянских – абсолютное количество единиц представлены моделью Adj + N.

В партитивном семантическом типе выделяются два смысловых подтипа:

1) К первому субтипу относятся СТК-композиты и словосочетания общего вида ‘[B] имеет часть [A]’ или ‘[A] является частью [B]’. Смысловые связи компонентов этого подтипа строятся на родо-видовых (или гипер-гипонимичных) отношениях, т.е. компонент А выступает родовым (собирательным) наименованием, а компонент В – видовым номеном (составным конституентом А). Зависимый компонент А номинирует, например, *корпус, борт, нос, скулу, палубу* и т.п., а главный компонент В – составные элементы этих конструкций (*секция, стрингер, бимс, часть, выступ, ребро, лист* и т.д.), ср.:

рус. *скуловой* (А – обобщенное/коллективное/родовое название) *киль* (В – составная часть/видовое название), т.е. киль (В), который является частью скулы (А), аналогично: *бортовой* (А – целое) *стрингер* (В – часть), *якорь* (А – целое) *многолапый* (В – часть), т.е. якорь (А), который имеет много лап (А) (75 ед.).

укр. *судно* (А – целое) *парусне* (В – часть), т.е. судно (А), яке має парус (В); *якір* (А –целое) *штоковий* (В – часть), т.е. якір, який має штоки (В) (98 ед.);

нем. *Schiffsaufbau* (*m*) ‘надстройка судна’ → *Aufbau* (В – составная часть/видовое название) *des Schiffes* (А – обобщенное/коллективное/родовое название), *Schottenbeplattung* (*f*) ‘обшивка переборки’ → *Beplattung* (В – часть) *des Schottes* (А – целое), *Schattendeckstringer m* ‘стрингер тентовой палубы’ → *Stringer* (В – часть) *des Schattendecks* (А – целое) (453 ед.);

англ. *bullnose* ‘носовая киповая планка’ → *a nose* (В – составная часть/видовое название) *of a bull* (А – обобщенное/коллективное/родовое название), *counterplate* ‘лист обшивки кормового подзора’ → *a plate* (В – часть) *of a counter* (А – целое), *hull appurtenances* ‘выступающие части (корпуса судна)’→ *appurtenances* (В – часть) *of the hull* (А – целое (453 ед.)

2) Второй подтип образуют партитивные СТК с парафразой общего вида ‘А является носителем признака В’. Данный подтип партитивных СТК,

подобно выше рассмотренному, обнаруживает семантическую близость с орнативными СТК с формулой толкования ‘А является частью/признаком понятия, выраженным компонентом В’, ср.:

рус. *корма* (А – носитель признака) *эллиптическая* (В – признак), т.е. *корма* (А), которая имеет *элиптическую (ø форму)* (В), *судно* (А – носитель признака) *стандартное* (В – признак), т.е. *судно* (А), которое имеет *стандартное (ø водоизмещение)* (В), *двигатель* (А – носитель признака) *быстроходный* (В – признак), т.е. *двигатель* (А), *который имеет быстрый ход (*92 ед.);

укр. *антена* (А – носитель признака) *довгохвильова* (В – признак) *антена (А), яка має дві хвилі (В), генератор* (А – носитель признака) *високочастотний* (В – признак), т.е. *генератор* (А), *який має вискокі частоти* (В), *скула* (А – носитель признака*) ламана* (В – признак), т.е. *скула* (А), *яка має ламану (ø структуру)* (В) (57 ед.);

нем. *Tanklänge* (*f*) ‘протяженность [длина] цистерны’ → *Länge* (В – признак), *die der Tanker* (А – носитель признака) *hat, Schiffbaukonstruktion f* ‘корпусная конструкция’ → *Baukonstruktion* (В– признак) *des Schiffs* (А– носитель признака)/ *die Baukonstruktion* (В), *die ein Schiff* (А) *hat* (165 ед.);

англ. *hold capacity* ‘вместимость трюма’ → *capacity* (В – признак) *of a hold* (А – носитель признака)/*capacity* (В), *which has a hold* (А), *hull height* ‘высота борта’ → *height* (В – признак) *of a hull* (А – носитель признака)/ *height* (В), *which has a hull* (А), *ship rigidity* ‘жесткость корпуса судна’ → *rigidity* (В – признак) *of a ship* (А – носитель признака)/ *rigidity* (В), *which has a ship* (А) (101 ед.).

Рассмотренные выше субтипы партитивных СТК характеризуются наличием в их парафразах: а) придаточных определительных предложений; б) смыслового глагола *иметь/haben/have/мати*; в) в качестве субъекта выступает зависимый компонент А; г) в позиции объекта выступает базовый компонент В [1, с. 319].

Немецкие СТК-композиты с адъективным или адвербиальным зависимым компонентом являются эллиптическими конструкциями, в их парафразах появляются обычно дополнительные лексемы, означающие «судно/корабль», например:

нем. *Leertonnage* (*f*) ‘эксплуатируемый [отстойный] тоннаж, судна в эксплуатации’ → *Tonnage* (В – признак), *die das leere ø Schiff* (А – носитель признака) *hat*; *Leermasse* (*f*) ‘водотоннажность (судна) порожнем; масса порожнем (напр., контейнера)’ → *Masse* (В – признак), *die das leere ø Schiff* (А – носитель признака) *hat.*

1. Ortner L. Substantivkomposita (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen 1) // Deutsche Wortbildung : Typen und Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache ; eine Bestandsaufnahme des Instituts für Deutsche Sprache, Forschungsstelle Innsbruck. Vierter Hauptteil Sprache der Gegenwart, Bd. LXXIX / Lorelies Ortner, Elgin Müller-Bollhagen. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1991. – 863 S.

УДК 811.111’373.611

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ В СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ С ПОСТПОЗИТИВАМИ *ON* И *OFF*

Воробьева О.С.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
oksanka27@yandex.ru

1. Общие положения. Отличительной чертой глагольного словообразования современного английского языка является функционирование особого рода производных глагольных единиц типа *to turn on* ‘включать’, *to turn off* ‘выключать’, традиционно именуемых «фразовые глаголы». Сложные по структуре, они состоят из монолексемного глагола, являющегося структурно-семантическим ядром сочетания, и особых послеглагольных (постпозитивных) компонентов предложно-наречной природы, модифицирующих или коренным образом изменяющих значение исходного глагола. Производная структурно-семантическая природа рассматриваемых глагольных комплексов позволяет отнести их к разряду словообразовательных или деривационных лексических единиц [1-2, 4-5]. В связи с этим, целесообразно анализировать семантику английских фразовых глаголов в рамках словообразования и теории языковой деривации, которая связана с формированием языковых единиц (основ, словоформ) из более простых языковых элементов (лексических и грамматических морфем) [3:5].

В данном исследовании осуществляется попытка на материале одной из наиболее продуктивных пар фразовых глаголов, а именно глаголов с постпозитивными компонентами (постпозитивами) *on* и *off,* выявить словообразовательные потенции английских фразовых глаголов.

Цель данной работы заключается в том, чтобы определить и проиллюстрировать на конкретном эмпирическом материале наиболее продуктивные словообразовательные модели, функционирование которых позволяет расширять таксономию фразовых глаголов в английском языке.

2. Словообразовательные модели в системе глаголов с постпозитивами *on* и *off.* Английские фразовые глаголы, в том числе глаголы с постпозитивными компонентами *on* и *off* (далее ГПК-*on* и ГПК-*off*), будучи словообразовательно производными единицами, образуются по модели «монолексемный исходный глагол (ИГ) + постпозитивный компонент (ПК)», семантические корреляции между составляющими частями которой, т.е. между ИГ и ПК, могут выражаться эксплицитно, имплицитно или быть немотивированными.

Объектом данного исследования являются такие словообразовательные модели, которые имеют эксплицитную форму выражения, а именно в которых четко отражается семантика исходной глагольной основы и ПК, выполняющего функцию деривационного форманта.

В результате проведенного на материале ГПК-*on* и ГПК-*off* исследования (общий объем проанализированных единиц составил 1112 лексико-семантических вариантов, из которых ГПК-*on* составляют 408 единиц, а ГПК-*off* – 708 единиц), были выделены словообразовательные модели, особая ценность которых заключается в возможности образования по ним новых фразовых глаголов.

Следует отметить, что, несмотря на семантическую вторичность по отношению к ГПК-*on*, ГПК-*off* являются более продуктивными в количественном отношении в общем и в отношении качественной и количественной репрезентации исследуемых словообразовательных моделей. В этой связи, в данной работе они будут представлены первыми.

2.1. Эксплицитные модели образования ГПК-off. Анализ словообразовательных и семантических особенностей ГПК-*off* позволяет констатировать, что в системе данных фразовых глаголов исключительную продуктивность в отношении эксплицитности словообразовательных моделей представляют собой глаголы, имеющие конкретно-пространственную семантику.

2.1.1. К таким глаголам, в первую очередь, относятся глаголы движения (51 единица), которые образуются по модели "оставлять, покидать какое-либо место, двигаясь так, как обозначено ИГ", напр.:

to walk off 'уходить, покидать какое-либо место пешком (часто в раздраженном состоянии)' ← *to walk* 'ходить, идти пешком';

to drive off 'отъезжать (в автомобиле и т. п., об автомобиле и т.п.)' ← *to drive* 'ехать (в автомобиле и т. п.)';

to run off 'убегать' ← *to run* 'бегать'.

Словообразовательная эксплицитность данной модели заключается в том, что она представляет собой по сути сумму значений входящих в ее состав компонентов, а ее продуктивность, в свою очередь, обусловлена возможностью образовывать новые фразовые глаголы, обозначающие движение, а именно, удаление, объединяя прямые значения постпозитива *off* и любого глагола движения, также ср.: *to shufle off* 'уйти, покинуть какое-либо место, волоча ноги, шаркая'← *to shuffle* 'волочить ноги, шаркать'; *to stalk off* 'уйти, покинуть какое-либо место незаметно, (по сути) крадучись' ← *to stalk* 'идти крадучись, подкрадываться'; *to trudge off* 'уходить, покидать какое-либо место медленно, устало' ← *to trudge* 'идти медленно, устало; плестись, брести' и т.п.

2.1.2. Вторая по продуктивности словообразовательная модель в составе ГПК-*off* выделяется в рамках еще одного продуктивного типа глаголов конкретно-пространственной семантики, а именно локативных глаголов, осложненных дополнительной каузативной характеристикой. Данную словообразовательную модель "каузировать что-либо переставать находиться где-либо (на какой-либо поверхности, в какой-либо емкости), выполняя действие, выраженное ИГ", насчитывающую 24 единицы, можно проиллюстрировать ГПК-*off* типа *to wash off* 'смывать что-либо (напр. грязь)' ← *to wash* 'мыть', *to rub off* 'стирать что-либо (напр. краску)' ← *to rub* 'тереть', *to pour off* 'сливать что-либо (напр. жидкость)' ← *to pour* 'лить', *to blow off* 'сдувать что-либо (напр. пыль)' ← *to blow* 'дуть'.

В особую, семантически производную от вышеупомянутой модели, можно выделить модель, по которой образуются единицы типа *to throw off* 'сбрасывать (одежду)' ← *to throw* 'кидать, бросать', *to pull off* 'стягивать (одежду)' ← *to pull* 'тянуть', объединенные общим толкованием "каузировать что-либо (одежду) переставать находиться где-либо (на теле), выполняя действие, выраженное ИГ".

Следует подчеркнуть, что значения представленных выше каузативных локативных ГПК-*off*, образованных по данным моделям, модифицируются

также и дополнительной терминативной семой, т.е. семой, обозначающей прекращение (действия).

2.1.3. Третью и четвертую словообразовательные модели ГПК-*off* объединяет значение разрыва локативных отношений. Третья модель (5 единиц) со значением “отделять одну территорию от другой, выполняя действие, выраженной ИГ”, напр.: *to wall off* ‘отделять, отгораживать стеной’ ← *to wall* ‘ставить стену, обносить стеной’, *to fence off* ‘отделять, отгораживать забором’ ← *to fence* ‘устанавливать забор, обносить забором’, *to rail off* ‘отделять, отгораживать оградой’ ← *to rail* ‘устанавливать ограду, обносить оградой’, представлена ГПК-*off,* обозначающими каузацию разрыва локативных отношений, а именно каузацию отделения.

Продуктивность данной модели выражается в возможности создавать по этой модели другие подобные ГПК-*off,* в семантике которых значение отделения является характерным для постпозитивного компонента *off*, а способ отделения эксплицируется в семантике любого отыменного исходного глагола, обозначающего установление такого типа преграды, которая выражается, в свою очередь, в его исходном существительном (ср.: *wall* ‘стена’ → *to wall* ‘устанавливать, ставить стену’ → *to wall off* ‘отделять, отгораживать стеной’).

2.1.4. В рамках четвертой словообразовательной модели, предполагающей разрыв локативных отношений (4 единицы), выделяются единицы типа *to break off* ‘отламываться’ ← *to break* ‘ломаться’, *to fall off* ‘отпадать’ ← *to fall* ‘падать’, *to drop off* ‘отпадать’ ← *to drop* ‘падать’, *to split off* ‘откалываться’← *to split* ‘раскалываться; разбиваться, трескаться’, которые, в отличие от предыдущей модели, объединяются толкованием “отделяться от целого (о части), выполняя действие, выраженной ИГ”. Данное толкование лишено каузативной семы, но, с другой стороны, кроме разрыва локативных отношений, предполагает также и разрыв посессивных отношений (отделение части от целого). Продуктивность данной модели заключается в том, что разрыв локативных и одновременно посессивных отношений по этой модели может совершаться посредством любого другого способа, кроме указанных, который, в свою очередь, может выражать исходный глагол.

2.2. Эксплицитные модели образования ГПК-on. Глаголы с постпозитивным компонентом *on* значительно уступают ГПК-*off* в плане так называемых эксплицитных словообразовательных моделей, как в качественном, так и в количественном отношении.

2.2.1. Самую продуктивную словообразовательную модель в их системе образуют фазовые ГПК-*on* (11 единиц), объединенные толкованием “продолжать выполнять действие, выраженное ИГ”, напр.:

to live on ‘продолжать жить’ ← *to live* ‘жить’;

to work on ‘продолжать работать’ ← *to work* ‘работать’;

to ride on ‘продолжать ехать верхом’ ← *to ride* ‘ехать верхом’;

to read on ‘продолжать читать’ ← *to read* ‘читать’;

to box on ‘продолжать боксировать’ ← *to box* ‘боксировать’.

Реализация этой словообразовательной модели происходит за счет фазового значения постпозитивного компонента *on* и, главным образом, глаголов со значением перемещения в пространстве и социально активной деятельности человека.

2.2.2. С семантической точки зрения, вторая по продуктивности словообразовательная модель ГПК-*on* “говорить долгое время так, как обозначается ИГ” (9 единиц), ограничивается для постпозитива *on* значением способа действия ‘долгое время’ и принадлежностью исходного глагола к разряду ментально-психических глаголов, а именно глаголов говорения, которые, в свою очередь, могут быть достаточно многочисленными, напр.: *to rattle on* ‘говорить быстро и громко долгое время’ ← *to rattle* ‘говорить быстро и громко’; *to witter on* ‘долгое время болтать’ ← *to witter* ‘болтать’.

2.2.3. Еще одну, третью словообразовательную модель образуют ГПК-*on* с общим толкованием (4 единицы), “каузировать что-либо (одежду) начинать находиться где-либо (на теле), выполняя действие, выраженное ИГ”, напр.: *to pull on* ‘натягивать (одежду)’ ← *to pull* ‘тянуть’; *to throw on* ‘набрасывать (одежду)’ ← *to throw* ‘бросать’.

Фразовые ГПК-*on*, образуемые по данной модели, выступают в семантической оппозиции по отношению к ГПК-*off,* обозначающим каузацию прекращения нахождения одежды на теле (см. также 2.1.2). Антонимичность значений рассматриваемых ГПК-*on* и ГПК-*off* обусловлена, в первую очередь, антонимичностью пространственных значений постпозитивов *on* и *off* ‘на поверхность’ – ‘с поверхности’.

3. Выводы. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

3.1. Рассмотренные словообразовательные модели ГПК-*on* и ГПК-*off,* хотя и обладают разной степенью продуктивности, являются источником расширения и обогащения системы фразовых глаголов в английском языке.

3.2. Качественный состав компонентов анализируемых словообразовательных моделей зависит от семантики входящих в ее состав исходного глагола и постпозитивного компонента. Так, глаголы движения и локативные глаголы легко сочетаются с конкретно-пространственными значениями постпозитивов (для ПК-*off* – ‘удаление’, ‘отделение’ и ‘с поверхности’; для ПК-*on* – ‘на поверхность’) (см. 2.1.1-2.1.4. и 2.2.3.), а фазовые значения (исключительно ПК-*on* ‘продолжать’) и значения способа действия ‘долгое время’, которое также характерно для ПК-*on* могут сочетаться с более широким семантическим спектром глаголов, среди которых как глаголы физического действия, именно, глаголы движения, так и ментально-психические глаголы (глаголы говорения) и глаголы, обозначающие социально активные действия человека (ср. ‘работать’ ‘заниматься определенным видом спорта’, ‘читать’ и т.п.) (см. также 2.2.1.-2.2.2.).

3.3. Анализ эмпирического материала показывает, что ГПК-*off*, по сравнению с ГПК-*on*, проявляют большую словообразовательную продуктивность, что связано, главным образом, с наречной природой постпозитива *off*, в то время, как природа постпозитивного компонента *on* больше тяготеет к предлогу.

3.4. Исследование качественного состава словообразовательных моделей позволяет также выделить некоторые виды межъязыковых соответствий в словообразовательных системах английского и русского языков. Так, было установлено, что пространственное значение удаления, характерное для постпозитивного компонента *off,* передается в русском языке с помощью префиксов *у-, от-* в рамках глаголов движения (см. 2.1.1.),

префикса *с-* в составе локативных глаголов (см. 2.1.2.), а также префикса *от-* в составе локативных глаголов (см. 2.1.3.) и глаголов, в семантике которых имлицируется разрыв локативно-посессивных отношений (см. 2.1.4.).

Что же касается структурно-семантических эквивалентов постпозитива *оп*, то, исходя из его более четко выраженной предложной природы и семантической абстрактности, к ним, главным образом, могут относиться словарные эквиваленты ‘продолжать’ ‘долгое время’ (см. 2.2.1.-2.2.2.), реже – префикс *на-*, отражающий не слишком продуктивное для системы ГПК-*оп* наречное значение *оп* ‘на поверхность’ (см. 2.2.3.).

1. Жлуктенко Ю.А. О так называемых «сложных глаголах» типа stand up в современном английском языке / Юрий Алексеевич Жлуктенко // Вопросы языкознания. – М., 1954. – № 5. – С. 105-113.
2. Зильберман Л.И. Семантика наречной частицы up в составе глагольных образований типа to stand up / Лариса Исаевна Зильберман // Романо-германская филология. – М.: Изд-во АН СССР, 195.8 – Вып. 2. – С. 110-131.
3. Каращук П.М. Словообразование английского языка / Павел Михайлович Каращук. – М., 1977. – 303 с.
4. Ненюкова А.С. Предлоги и обстоятельственные наречия в древнеанглийском (по материалам Англо-Саксонской хроники) / Анна Сергеевна Ненюкова: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Горький, 1950. – 535 с.
5. Ніколенко А.Г. Лексико-семантичні та функціональні особливості взаємодії компонентів фразових дієслів сучасної англійської мови / Андрій Георгійович Ніколенко: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Київськ. держ. лінгв. ун-т. – Київ, 1999. – 21 с.

УДК 811.133.1’(37+39)

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО СТАТУСА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В АФРИКЕ

Гапотченко Н.Е.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
kafedra.romanskih@mail.ru

В двадцать первом столетии французский язык является пандемичным и коммуникативно мощным средством общения. В Африке феномен франкофонии является довольно распространенным, поскольку французский имеет статус единственного государственного языка в ряде стран, к которым относятся, например, Бенин, Буркина Фасо, Габон, Гвинея, Конго, Кот-д’Ивуар, Мали, Сенегал, Того. В отдельных странах французский выполняет роль одного из двух государственных языков. Таким образом, в Камеруне государственными являются французский и английский, в Чаде и в Джибути – французский и арабский языки. В некоторых странах французский язык имеет статус государственного наряду с одним из местных языков, ареал распространения которых ограничен африканским континентом. В качестве примера можно привести Бурунди, где официальными являются французский и кирунди, Руанду (французский и скиньяруанда), Мадагаскар (французский и малагасийский языки).

Уникальна коммуникативная специфика французского языка в нескольких странах Магриба, а именно, в Алжире, Тунисе, Мавритании

и Марокко. Эти бывшие колонии Франции сохранили французский язык как средство повседневного общения, франкофония в Магрибе присуща сфере культуры, образования, межкультурной коммуникации с соседними странами, но государственным языком является арабский. Этот факт связан с тем, что французский язык долгое время ассоциировался с колонизацией и на этой территории воспринимался не всегда позитивно. Овладение французским языком в Африке во время колониального периода и после его окончания, когда в 1960 г. бывшие колонии получили независимость, воспринималось местным населением как необходимая составляющая социальной жизни, не всегда соответствующая их симпатиям. Основы устного общения и письма на французском были нужны, например, для обращения в официальные органы. Кроме того, с течением времени франкофония была ассимилирована на территории всех колоний путем введения обязательного изучения французского языка в школах и высших учебных заведениях, а традиция франкоязычного образования сохранена во многих учебных заведениях до сих пор.

Каждый язык является уникальной системой, а различные африканские национальные варианты современного французского языка могут быть представлены в качестве самостоятельных культурно и этнически обусловленных подсистем французского, объединенных общей лексико-грамматической основой. Безусловно, каждая из национальных африканских культур влияет на используемый на ее территории французский язык, обогащая его, прежде всего, на уровне лексики. В.Т. Клоков указывает на тот факт, что языки и культуры взаимодействуют в рамках определенных лингво-культурологических макросистем в условиях конкретных лингво-культурологических ситуаций.

При расширении ареала распространения языка на новые территории в первую очередь его лексическая система претерпевает очевидные изменения (Ж. Багана, В.А. Виноградов, В.Т. Клоков, Ж.-П. Макута-Мбуку, Н.М. Фирсова и др.). Таким образом, французский язык в Африке накладывается на самобытную и неповторимую культуру, сформированную и существовавшую ранее национальную ментальность африканских народов, а значит, изменения и неологизмы в лексико-семантической системе французского языка в каждом случае африканской франкофонии индивидуальны.

Африканцы в первую очередь ассимилируют и используют в устном общении общеупотребительную лексику и простые грамматические структуры, присущие французскому языку, позволяющие выразить мысль и получить желаемый коммуникативно-прагматический эффект. Следует заметить, что на отбор лексических единиц и изменения в их семантике значительное влияние оказывают национальные картины мира африканских стран. Процесс метафоризации в африканских подсистемах французского языка указывает на активное использование и развитие франкофонии на континенте. Ж. Багана и В.Р. Галиаскарова подчеркивают, что оригинальная символика африканских культур получает возможность актуализироваться во французском языке благодаря полным и частичным эквивалентам, отражающим самобытные образы Африки.

Несомненно, положительным фактором развития франкофонии на африканском континенте является активизация письменной (печатной)

франкофонии – франкоязычных сайтов, СМИ, появление художественных произведений африканских авторов, текстов песен итд.

Со своей стороны, французская метрополия поддерживает развитие территориальных вариантов французского языка в Африке, укрепляя систему двуязычия, в том числе, начиная с дошкольного и младшего школьного образования. Но, все же, выбор будущего франкофонии в Африке остается только за африканскими странами.

1. Багана Ж., Галиаскарова В.Р. Культурно значимые фаунонимы французского языка Африки. URL://psibook.com/linguistics/kulturno-znachimye-faunonimy-frantsuzskogo-yazyka-afriki.html (дата обращения: 16.04.2016).
2. Клоков В.Т. Французский язык в Африке. Лингвокультурологическое исследование / В.Т. Клоков. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000.
3. Calvet L.-J. Les bi-grammaires pour enseigner le français en contexte multiligue // L.-J.Calvet. – Le français dans le monde. – № 30. – 2012. – P. 24-25.

УДК 81’373.42:811.811

АНГЛИЙСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «РОДИТЕЛИ–ДЕТИ» ПОНЯТИЙНОЙ СФЕРЫ «СЕМЬЯ»

Гордиенко Е.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
helen2407@i.ua

Данная статья посвящена исследованию семантических особенностей неологизмов английского языка начала XXI века, составляющих тематическую группу «Родители – дети» понятийной сферы «Семья».

Изучение особенностей неологической вербализации понятийной сферы «Семья» представляет интерес для современной лингвистики в силу непрекращающихся изменений, затрагивающих различные аспекты семейной жизни носителей английского языка под влиянием определенных социокультурных факторов, что обусловливает **актуальность** настоящей работы.

Объектом исследования выступают английские неологизмы, являющиеся средством вербализации понятийной сферы «Семья», обозначающей группу людей, объединенных узами брака, кровным родством или усыновлением, ведущих общее хозяйство и связанных определенными социальными ролями.

Предмет исследования составляет семантика английских неологизмов, входящих в состав изучаемой тематической группы.

В ходе формирования корпуса языкового материала из лексикографических источников отобрано 526 неологизмов, вербализирующих понятийную сферу «Семья», из которых к тематической группе «Родители – дети» относятся 147 неологизмов [1; 2; 3].

Критерием отбора и классификации языкового материала является наличие в словарных дефинициях изучаемых единиц лексем *mother* ‘мать’, *mom* ‘мама’, *father* ‘отец’, *dad* ‘папа’, *parents* ‘родители’, *child* ‘ребенок’.

Анализ материала показывает, что в исследуемой понятийной сфере группа «Родители – дети» является наиболее неогенной. В нее входят

единицы, представляющие собой номинации родителей, матерей, отцов и детей, в том числе взрослых.

I. Первую подгруппу в составе тематической группы «Родители – дети» составляют номинации матерей (41 ед., 27,9 %). Появляющиеся инновации показывают, что для женщин важна не только семья, но и карьера, поэтому они стараются не задерживаться в декретном отпуске – *stay-at-work mom* ‘мама, которая возвращается на работу сразу после рождения ребенка’. Данное утверждение подтверждают и неологизмы, в толковании которых содержатся указания на рабочую деятельность мам – *momager* ‘мама, работающая менеджером’, *momtrepreneur* ‘женщина, одновременно занимающаяся бизнесом и воспитывающая ребенка’, *chef mom* ‘замужняя женщина, которая работает шеф-поваром в ресторане (хотя раньше это считалось исключительно мужской профессией)’.

Несмотря на значительное количество неологизмов, подтверждающих, что современные мамы предпочитают работу семье, такое понятие, как *SAHM (stay-at-home mother)* ‘мама, предпочетшая уделять внимание семье и детям вместо работы’ указывает на то, что данное утверждение не всегда верно. Неологизмы *soccer mom* ‘женщина, посвящающая большую часть своего времени спортивной деятельности своих детей’ и *hockey mom* ‘женщина, дети которой играют в хоккей, и большинство времени которой проходит в поездках на хоккейное поле и за просмотром их игр и тренировок’ показывают, что воспитание и забота о детях все так же важны для современной женщины, как это было раньше.

II. Вторая подгруппа в рамках тематической группы «Родители – дети» включает номинации отцов (10 ед., 6,8 %): *babydaddy* ‘папа, решивший проводить все свое свободное время с ребенком, чаще дочерью’, *cake daddy* ‘щедрый и добрый папа’, *dad dad* ‘твой настоящий отец, в том случае, если у тебя есть отчим или приемный отец’.

III. В следующую подгруппу, которая выделяется в составе изучаемой тематической группы, входят номинации родителей (16 ед., 10,9 %), например, *parentals* ‘мама и папа (в то время как слово *parental* означает ‘относящийся к родителям’, это слово обозначает самих людей)’, *rents* ‘сокр. родители’, *domy* ‘мама и папа’. Неологизмы *forever family* ‘приемные родители’ и *bonus parent* ‘отчим / неродной отец; мачеха / неродная мать’ указывают на некровное родство между родителями и их детьми.

IV. Подгруппа, объединяющая номинации детей, наиболее многочисленна и разнообразна (80 ед., 54,4 %).

Во-первых, она характеризуется большим количеством номинаций маленьких детей, например, *boylet* ‘маленькая “версия” мальчика’, *dimplet* ‘маленькая, миленькая девочка’, *littlein* ‘младенец или маленький ребенок’, *embaby* ‘младенец’, *chidlet (child + tiddler)* / *kidlets* ‘маленькие дети’.

Во-вторых, к ней относятся неологизмы, называющие ребенка “предподросткового” возраста (*tween* ‘ребенок, который еще не являетя подростком (11–12 лет)’, *pretween* ‘ребенок в возрасте от 10 до 11 лет’); подростков (*yoot* ‘человек в возрасте 13–17 лет’, *gutterflower* ‘подросток, который находится в поиске своей роли в жизни, или в поиске своей внутренней и внешней красоты’) и учеников определенных классов (*foursers*

‘дети в четвертом классе’, *sixlet* ‘ученик шестого класса’, *elementarian* ‘ребенок, который учится в начальной школе’).

В-третьих, данная подгруппа включает неологизмы, связанные со стойко укрепившимся в языковом сознании современного англоязычного лингвосообщества понятием «взрослый ребенок». Сюда относятся неологизмы типа *chidult (child + adult)* ‘взрослый ребенок’, *adid (adult + kid)* ‘взрослые дети в семье’, *chad* ‘взрослый отпрыск; повзрослевшие дети’ и неологизмы, обозначающие взрослых детей, которые продолжают жить вместе со своими родителями: *boomeranger* ‘взрослый ребенок, который возвращается в родительский дом после получения высшего образования’, *homing pigeon* ‘взрослый ребенок, возвращающийся в отчий дом для того, чтобы жить с родителями, испытавшими синдром “опустевшего гнезда”’, *kipper (Kids in Parents’ Pockets Eroding Retirement Savings)* ‘взрослый сын или дочь в возрасте от 30 лет, которые до сих пор живет со своими родителями’.

Таким образом, можно сделать вывод, что на данном этапе развития в английском языке продолжают активно появляться единицы, вербализирующие уже такие известные и знакомые понятия, как «родители», «мама», «папа», «ребенок».

1. Macmillan Dictionary: Open Dictionary Online with Thesaurus. URL: http://www.macmillandictionary.com/open-dictionary/latestEntries.html.
2. Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus. URL: http://nws.merriam-webster.com/opendictionary.
3. McFedries P. The Word Lover’s Guide to New Words. URL: http://www.wordspy.com.

УДК 811.133.1’373.7

МОНО – И ПОЛИХАРАКТЕРИОЛОГИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ АРГОТИЗМЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Жебеленко О.Г.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
zhebelenko_olga@mail.ru

По количеству передаваемых значений французские фразеологические арготизмы подразделяются на моно- и полихарактерологические единицы [1, с. 33].

Монохарактерологическими фразеологическими арготизмами принято считать единицы, которые имеют только одно значение, заключающее в себе характеристику человека по какому-либо одному параметру [1, с. 34]. Например: «*vache laitière* (или *à lait*)» – букв. ‘молочная корова’ – ‘женщина с пышной грудью’; «*avoir les ongles en deuil* (или *demi-deuil*)» – букв. ‘иметь ногти в трауре (или в полутрауре)’ – ‘ходить с грязными ногтями’; «*avoir la barbouse* (или *barbouze*) *mal étrillée»* – ‘иметь нерасчёсанную бороду’.

Фразеологические арготизмы, имеющие два и более значений, в которых содержится характеристика человека, понимаются как полихарактерологические единицы [1, с. 34]. Они могут быть двух типов:

1) собственно полихарактерологические фразеологизмы;

2) полихарактерологические фразеологизмы [2, с. 74].

Первый тип составляют единицы, которые в одном своём значении передают сразу несколько характеристик человека [1, с. 35]. Например: «*un poids mort*» – букв. ‘мёртвый груз’ – ‘бесполезный и надоедливый человек’; «*tête de bois* (или *de mule, de boche, de pioche*)» – ‘глупый и упрямый человек’; «*yeux de merlan frit*» – букв. ‘глаза жареного мерлана (рыбы)’ – ‘бесцветные и тусклые глаза’.

Второй тип полихарактерологических фразеологизмов составляют полисемичные единицы, имеющие несколько отдельных значений, в которых заключена характеристика человека. Следует отметить, что существование полисемии обусловлено прежде всего законом языковой экономии [1, с. 76].

Так, образ барабанных палочек, заключенный в характерологической арготической фразеологической единице «*avoir des baguettes de tambour*», явился основой для создания у нее двух параллельных значений, в которых заключена характеристика внешнего облика человека: а) ‘иметь тонкие, хилые ноги’, б) ‘иметь прямые, короткие и жёсткие волосы’; а образ змеи «*avoir des épaules de serpent*» явился основой для полихарактериологического фрезеологического арготизма, имеющего значения: а) ‘иметь узкие, покатые плечи’; б) ‘быть сутулым’.

Таким образом, в результате анализа можно прийти к выводу, что фразеологическая характеристика человека совокупно акцентирует сразу целый ряд признаков и привлекается как наиболее «экономное» средство такой характеристики. Из этого следует, что французскому фразеологическому-арготическому фонду присуща полисемия.

1. Синельников Ю.Г. Андросова С.А. Характериологические фразеологизмы французского арго // Синельников Ю.Г. Андросова С.А. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2012. – 128 с.
2. Степанова О.В. Культурологический аспект фразеологии французского арго: 10.02.05: дис. ... канд. филол. наук/ Ольга Валериевна Степанова; [Ин-т языкозн. РАН]. – М., 2002. – 174 с.

УДК 811.112.2’42

ОРНАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ И В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Калиущенко В.Д.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
donnu.science@mail.ru

1. В данной работе рассматриваются так называемые орнативные глаголы (ОГ), то есть глаголы, мотивированные именами существительными и обозначающие «снабжать тем, что обозначено мотивирующим именем существительным» (МИ) [1–3]. Объектом исследования были ОГ в средневерхненемецком (свн) языке, например: *holzen* ‘mit Holz versehen’ – ‘снабжать древесиной’ ← *holz* ‘древесина, лес’, *landen* ‘mit Land versehen’ – ‘снабдить землёй’ ← *land* ‘земля’ и в современном, или нововерхненемецком языке (нвн), например: *bewaffnen* ‘mit Waffen versehen’ – обеспечить оружием

← *Waffe* ‘оружие’, *schäften* ‘mit einem Schaft versehen’ – ‘снабдить ручкой’ ← *Schaft* ‘ручка (лопаты и т.п.) ’.

В существующих исследованиях отыменные глаголы изучались отдельно в нвн и в свн преимущественно в словообразовательном аспекте, при этом выделялись инструментальные глаголы (МИ обозначает инструмент, предмет с помощью которого выполняется действие: *Säge* ‘пила’ → *sägen* ‘пилить’, *Bürste* ‘щетка’ → *bürsten* ‘чистить щеткой’), локативные (МИ обозначает место которое в/на котором находится субъект, например: *Zelt* ‘палатка’ → *zelten* ‘жить в палатке’, *Baum* ‘дерево’ → *baumen* ‘сидеть на дереве – о животных’ и др. [4]. Выделяются два типа ОГ: 1) МИ первого типа выполняет семантическую функцию посессивного объекта в ситуациях, описываемых формулой толкования (ФТ): 1) «X каузирует Y иметь Z», где Z обозначает посессивный объект – предмет, понятие, которые X передает Y, при этом Z выражается мотивирующим именем, X обозначает агенса, а Y – реципиента, например: *jmdn. bewaffnen* ‘вооружать кого-л’ ← *Wafte* ‘оружие’, *jmdn. bevorraten* ‘снабжать кого-л запасами’ ← *Vorrat* ‘запас’; орнативные ОГ этого типа представляют собственно посессивные глаголы; 2) ОГ второго типа выражают каузирование локативного отношения или отношения «часть-целое», они описываются ФТ «X каузирует Z находиться в/на Y» или «X каузирует Z являться частью Y» где Z обозначает объект, который X перемещает в/на место Y или присоединяет в качестве части к Y»: *bebildern* ‘иллюстрировать’ ← *Bild* ‘картина, иллюстрация’, *verglasen* ‘стеклить’ ← *Glas* ‘стекло’. ОГ от этого типа квалифицируются как квазипосессивные [3; 24].

2. ОГ первого типа составляют незначительное количество в нвн (15 из 476, т.е. ≈ 3 % от общего количества орнативных ОГ в нвн), например: *Kost* ‘пища’→ *beköstigen, verköstigen* ‘снабдить пищей’, *Uniform* ‘форма’ → *uniformieren* ‘одеть в униформу’, *Korb* ‘корзина’ → *bekorben* ‘дать корзину (в знак отказа при сватовстве’), см.также приведенные выше ОГ *bevorraten*, *bewaffnen*.

3. Остальные ОГ (не менее 58 из 291, т.е. ≈ 20 % от общего числа ОГ в свн.) принадлежат к квазипосессивным, выражающим каузирование локативных отношений или отношений «часть-целое», например: *wīn* ‘вино’ → *be-wīnen* ‘mit Wein versehen’ – ‘снабдить вином’, *maere* ‘ломать’ → *be-maeren* ‘mit einem Pferd versehen’ – ‘снабдить лошадью’, hēr ‘Herr’ → *ver-hērn ‘jmdn.* mit einem Herrn begaben’ –‘назначить кому-либо господина’ → *trōn* ‘трон’ → *be-trōnen* ‘mit einem Thron versehen, auf den Thron setzen’ – букв.‘снабдить троном, посадить на трон’, *wāfen* ‘оружие’ →*wāfenen* ‘bewaffnen’ – ‘вооружать’, *vriund* ‘друг’ → *vriunden* ‘mit Freunden versehen’ – букв.‘снабжать друзьями’, *bote-lōn* ‘плата, вознаграждение посыльному’ → *ver-botenlōnen* ‘als Botenlohn ausgeben’ – ‘выдать плату, вознаграждение посыльному за доставку’, *zoll* ‘пошлина’ → *zollen* ‘Zoll geben, zahlen’ – ‘заплатить пошлину’, *morgen – gābe* ‘Geschenk des Mannes an die Frau am Morgen nach dem Beilager’ – ‘подарок мужчины женщине утром после обручения’ → be-morgen – gāben ‘Geschenk des Mannes an die Frau am Morgen nach dem Beilager reichen’ – ‘подарок мужчины женщине утром после обручения’.

4. Таким образом, состав ОГ в нвн значительно изменился по сравнению с свн. В нвн практически исчезли собственно посессивные ОГ, которые в свн обозначали «передавать в собственность кому-либо то, что

обозначает МИ (лошадь, земля, деньги, трон, люди)». Напротив, почти все ОГ в нвн составляют квазипосессивные глаголы, выражающие локативное отношение или отношение «часть-целое».

1. Erben J., Einführung in die Wortbildungslehre. Berlin: Schimdt 1975. – 673 S.
2. Kaliuščenko V.D. Deutsche denominale Verben. Tübingen: Narr, 1988. (Studien zur deutschen Grammatik; Bd. 30) – 180 S.
3. Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. – Tübingen: Niemeyer, 2000. (Linguistische Arbeiten; 419). – 253 S.
4. Prell H.-P., Schebben-Schmidt M. Die Verbableitung im Frühneuhochdeutschen. Studia linguistika Germanistica. Bd.41. Berlin, New-York: de Gruyter, 1996. 458 S.
5. Hans W. Verbbildung durch Suffixe. In: Deutsche Wortbildung. Erster Hauptteil. Das Verb. Sprache der Gegenwart. Bd. XXIX. Düsseldorf,1973. – S. 17-140.

УДК 811.112.2’04:81’373.23

ИДИОМАТИЧЕСКИЕ ОТЫМЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Карасенко Е.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
elena_karasenko@mail.ru

1. Данное исследование посвящено анализу идиоматических образований среди наименований лиц мужского пола, образованных с помощью суффикса -er, в средневерхненемецком языке. На протяжении последних десятилетий историческое словообразование средневерхне-немецкого (дальше – свн.) языка находится в центре внимания отечественных и зарубежных ученых, которые проводят исследование на материале лексикографических источников и аутентичных рукописей [1; 3; 5]. Многочисленной группой среди свн. суффиксальных производных наименований мужчин являются такие, что образованы с помощью суффикса *-er*, поэтому детальное изучение их структурных, семантических и функциональных особенностей как отдельной лексико-семантической группы является **актуальным** на сегодняшний день.

Идиоматические образования (термин П.-О. Мюллера [5, 51]) представляют собой лексемы, семантика которых не выводится в пределах деривационных правил. В лингвистике подобные слова называют по-разному – “демотивированные производные” [2, 244], “семантически неделимые образования” [1, 67].

2. Среди 1275 свн. производных наименований мужчин с суффиксом *-er*, выбранных из трехтомного словаря свн. языка М. Лексера и свн. текстов разных типов и жанров (религиозные тексты, героический и куртуазный эпосы, грамоты), выявлено четыре идиоматизированных существительных – *burgære* в значении ‘житель города’, *diehter* ‘внук’, *ôrenmëlker* ‘подхалим’ и *rîtere* ‘рыцарь’. Эти слова потеряли или почти потеряли семантическую связь с их словообразовательной базой, тогда как морфологическая связь с ней все же остается прозрачной, что позволяет отнести вышеназванные лексемы к определенным словообразовательным типам.

Отыменными производными являются первые два существительных – *burgære* и *diehter*, образованные от существительных *burc* ‘замок’ и *dieh* ‘бедро’.

2.1. Наименование *burgære* зафиксировано в словаре свн. языка, в эпических текстах “Das Nibelungenlied” и “Parzival”, а также в свн. грамотах. В большинстве анализированных примеров из текстов (14 в эпических текстах, 34 в грамотах) это существительное является идиоматическим образованием, поскольку его словообразовательная база – существительное *burc* – обозначает согласно контексту уже не средневековый замок, а именно город.

Согласно словарному толкованию данной лексемы [4, 395] она определяется как агентивное отыменное наименование на *-er* со значением ‘житель замка’. Идентичная семантика *burgære* наблюдается частично и в куртуазно-рыцарском эпосе (12 примеров), при этом словообразовательная база *burc* ‘замок’ употребляется в том же тексте, что и производное слово, ср.:

(1) <...> ***burg*** *und stat sô vor im lac* [Parz, 15: 249] – ‘***замок*** и город были перед ним’.

В таком же значении существительное *burgære* дважды употребляется в грамотах – новом типе текста, который появился именно в свн. период. Грамоты присущи последнему этапу развития свн. языка и одиночные примеры употребления *burgære* в значении ‘житель замка’ дают возможность сделать вывод о постепенной идиоматизации данного наименования в свн. период. Немецкие дериватологи Т. Кляйн, Г. Зольмс и К.- П. Вегера [8, 85] в исследовании свн. именного словообразования на материале аутентичных рукописей также обращают внимание на суффиксальный дериват *burgære* и также отмечают, что в свн. текстах он может употребляться в двух вышеуказанных значениях, более того, иногда даже невозможно сделать чёткое разграничение, т.к. в Средневековье уже и город мог называться словом *burc.* В лингвистических студиях, посвященных ранненово-верхненемецкому периоду [3, 244; 12, 244], наименование лица *burgære* считается уже полностью идиоматическим образованием.

Следует также отметить, что именно в свн. грамотах производные существительные на *-er*, которые именуют человека по его месту происхождения или пребывания (словообразовательная база – существительное, которое обозначает место (город, деревню) или местность, несмотря на их большое количество, также считаются десемантзированными наименованиями так как обозначают уже не жителя данного места/местности, а являются фамилиями мужчин [13, 223], ср.: *Ingolstädter* и др.

2.2. Существительное *diehter* ‘внук’ выявлено только в словаре свн. языка М. Лексера [9, 424]. Это мужское наименование является производным от существительного *dieh* ‘бедро’. Его появление мотивировано, скорее всего, тем фактом, что в древние времена было принято именовать членов семьи как часть тела, по принципу её важности.

Следовательно, в ходе исследования свн. идиоматических наименований лиц мужского рода на *-er*, образованных от существительных, установлено, что они являются частично мотивированными образованиями, их семантическая связь с базовой лексемой является потерянной, тогда как морфологическая связь с ней остается прозрачной. Идиоматические наименования лиц зафиксированы в словаре свн. языка, эпических текстах и

грамотах. Изменение семантики производных лексем происходит постепенно, в большинстве случаев – в конце свн. периода.

Объём тезисов не позволяет осветить все вопросы, которые связаны с образованием и функционированием идиоматических суффиксальных наименований мужчин в свн. языке, поэтому проблема исследования их структурных, семантических и функциональных особенностей остается актуальной и в дальнейшем.

1. Ягупова Л. М. Іменниковий словотвір у середньоверхньонімецьких діалектах : префіксальна система у динамічному аспекті : дис. ... доктора філол. наук : 10.02.04 / Ягупова Лариса Миколаївна. – Донецьк, 2008. – 506 с.
2. Brendel B. Wort- und Begriffsbildung in frühneuhochdeutscher Wissensliteratur. Substantivische Affixbildung / B. Brendel, R. Frisch, St. Moser, N.R. Wolf. — Wiesbaden : Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1997. – 707 S. – (Wissensliteratur im Mittelalter, 26).
3. Klein Th. Mittelhochdeutsche Grammatik / Th. Klein, H.–J. Solms, K.–P. Wegera — Tübingen: Niemeyer, 2009. – Teil III : Wortbildung. – 684 S. – (Mittelhochdeutsche Grammatik).
4. Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch: In 3 Bd-n / M. Lexer. – Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. – Stuttgart: S. Hierzel, 1992. – Bd. I. – 2262 S.
5. Müller P. O. Substantiv-Derivation in den Schriften Albrecht Dürers : Ein Beitrag zur Methodik historisch-synchroner Wortbildungsanalysen / Peter O. Müller. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1993. – 531 S. – (Wortbildung des Nürnberger Frühneuhochdeutsch; Bd. 1).

Источники примеров и принятые сокращения

6. Parz : Wolfram von Eschenbach. Parzival. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу до тексту: http://armazi.fkidg1.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/mhd/Parzzival

УДК 811.133.1’373.7

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ГИПЕРБОЛИЗИРУЮЩИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Крамаренко Е.К.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

herinspiration@rambler.ru

Под гиперболой в современном литературоведении и языкознании понимают «образное выражение, содержащее непомерное преувеличение размера, силы, значения и т.д. какого-либо предмета, явления» [2, с. 47]. Таким образом, в данной работе исследуются структурно-грамматические особенности английских гиперболизирующих фразеологических единиц (ГФЕ) как единиц, в семантике которых прослеживается заведомое преувеличение или преуменьшение актуального для говорящего признака предмета, явления или действия.

Примерами могут служить *a walking encyclopedia* ‘ходячая энциклопедия’, *as blind as a bat* ‘слепой как крот’, *to cry one’s eyes out* ‘выплакать все глаза’, *at the ends of the earth* ‘на краю света’.

Материалом для исследования послужили 544 английские ГФЕ, отобранные из одноязычных и двуязычных фразеологических словарей, а также словарей пословиц и поговорок.

План выражения фразеологической единицы (ФЕ), по мнению Е.Ф. Арсентьевой, представляет собой определенное структурно-грамматическое построение, сконструированное по моделям свободных словосочетаний или предложений, анализ которого осуществляется с учетом следующих признаков: 1) структурно-грамматическая организация ФЕ (словосочетание или предложения); 2) морфологическое выражение стрежневого компонента ФЕ со структурой словосочетания (субстантивные, глагольные и адъективные) [1, с. 73].

Структурно-грамматический анализ английских гиперболизированных фразеологических единиц (ГФЕ) показывает, что среди них имеются как единицы со структурой словосочетания – 506 ФЕ (93 %), например: *a bag of bones* – ‘кожа да кости’; так и со структурой предложения – 38 ФЕ (7 %), например: *too many cooks spoil the broth* – букв. ‘слишком много поваров портят похлебку’ – ‘у семи нянек дитя без глазу’.

Согласно морфологическому выражению стержневого компонента, английские ГФЕ со структурой словосочетания представлены глагольными, субстантивными, адъективными и адвербиальными единицами, среди которых наибольшей частотностью употребления отличаются глагольные ГФЕ – 266 ФЕ (48,9 %). Внутри класса глагольных единиц было выделено 6 структурно-грамматических моделей организации, среди которых наиболее частотно представленными являются модели: V + N + prep + N – 54 ГФЕ (10 %): *to set the Thames on fire* – букв. ‘поджечь Темзу’ – ‘достать луну с неба’; *to carry water in a sieve* – ‘носить воду решетом’ и V + N – 48 ГФЕ (8,9 %): *to remove mountains* – ‘горы своротить’; *to cast pearls before the swine* ‘метать бисер перед свиньями’.

На втором месте по продуктивности находится класс субстантивных ГФЕ – 117 ГФЕ (21,5 %), внутри которого было выделено 4 структурно-грамматические модели организации. Наиболее продуктивными структурно-грамматическими моделями образования являются следующие: N + prep + N – 58 ГФЕ (10,7 %): *a bag of bones* ‘кожа да кости’; *a storm in a teacup* – букв. ‘шторм в чайной чашке’ – ‘буря в стакане воды’ и N + N – 47 ГФЕ (8,6 %)*: a spring chicken* – ‘букв. цыпленок’ – ‘сущий младенец’; *the cloven foot* (или *hoof*) – букв. ‘раздвоенное копыто’ – ‘дьявол во плоти’.

Группа адъективных ГФЕ, представленных моделью as + Adj + as + N – 87 ГФЕ (15,9 %), характеризуется меньшей частотностью. Особенностью данного класса ГФЕ является употребление прилагательных в буквальном значении. Примерами могут служить *as clear as a day* – ‘ясно как божий день’, *as easy as ABC* – букв. ‘ясно как АБВ’ – ‘проще простого’.

Наименьшей частотностью употребления характеризуется группа адвербиальных ГФЕ – 75 ФЕ (13,7 %): *in the twinkling of an eye* – ‘в мгновение ока’; *at breakneck speed* – букв. ‘на бешеной скорости’ – ‘сломя голову’.

Что касается ГФЕ английского языка со структурой предложения, то исследуемые единицы представлены следующими типами: утвердительные повествовательные – 33 ГФЕ (6 %): *One’s eyes are bigger than one’s belly* – букв. ‘Глаза больше, чем живот’ – ‘Брюхо сыто, да глаза голодны’ и отрицательные повествовательные – 5 ГФЕ (0,9 %): *The lion is not so fierce as he is painted* – букв. ‘Не так яростен лев как его изображают’ – ‘Не так страшен черт, как его малюют’.

Таким образом, в результате структурно-грамматического анализа изучаемых единиц можно прийти к выводу, что исследуемые единицы представлены двумя различными структурными типами: словосочетанием – 506 единиц (93 %) и предложением – 38 единицы (7 %). Изучаемые единицы со структурой словосочетания количественно значительно преобладают. Среди исследуемых единиц со структурой словосочетания было выделено 4 различных класса: глагольные, субстантивные, адъективные и адвербиальные. Внутри класса глагольных единиц было выделено 6 структурно-грамматических моделей организации, внутри класса субстантивных единиц – 4 структурно-грамматические модели организации. Далее следует класс адъективных единиц, а классу адвербиальных единиц присуща наименьшая плотность вербализации.

Высокая продуктивность класса утвердительных повествовательных ГФЕ закономерна – единицы со структурой предложения обычно представлены пословицами и поговорками, которые выражают определенную истину либо общепризнанное утверждение, а форма повествовательного предложения наиболее подходит для этой цели.

1. Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков) / Е.Ф.Арсентьева. – Казань: Казан. гос. ун-т., 2006. – 172 с.
2. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э.Розенталь, М.А.Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – 544 с.

УДК 81

ВАРИАНТЫ МОДЕЛЕЙ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ВРЕМЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Кухарь О.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Традиционно к сложным предложениям с временным значением во французской грамматике относят такие синтаксические единицы, в которых одна из соотносимых ситуаций (представленная в придаточном предложении с союзом) играет роль временного ориентира. С помощью указания на совпадение с ним, предшествование или следование характеризуется временной признак другой ситуации. Функцию связочных средств при этом выполняют семантически окрашенные союзы и союзные обороты *pendant que, avant que, jusqu'à ce que, après que, dès que, depuis que, en attendant que,* а также менее «закрепленные» за определенной семантической направленностью союзы *quand* и *lorsque.* В примерах:

Quand l'homme est arrivé, Pierre s'est éloigné avec lui (Simenon); Lorsqu'on écoute parler Robert, on souhaite que beaucoup puissent l'entendre (Gide) действия в постпозитивных компонентах происходят в промежутках времени, указанных в придаточных предложениях.

В сферу данного анализа включены сложные предложения, отношения между частями которых оформляются лексически опустошенным союзом *que.* Убедительным в этом плане представляется мнение тех лингвистов, для которых *que* – только асемантическое связочное средство (que de liaison, pure copule, cheville syntaxique), не специализирующееся в выражении определенных семантических отношений между частями сложной конструкции (см., например, F.Deloffre, J.et R.Le Bidois, R.-L.Wagner et J.Pinchon, J.Damourette et E.Pichon и др.). Вместе с тем, *que* (союз или местоимение) соединяет компоненты предложений с самыми разнообразными семантическими оттенками:

- подлежащными – Que ce travail fût mal rétribué, ne le préoccupait nullement (Troyat);
- изъяснительными – Mathieu se dit que le compagnon doutait encore de lui (Clavel);
- определительными – J'ai besoin d'elle comme de l'air que je respire (Japrisot);
- относительными – Il n'y avait rien que je connusse mieux au monde (Camus);
- причинными – Est-ce que ces drôles sont dans un bénitier qu'ils font ce bruit d'enfer ? (Hugo);
- целевыми – Asseyez-vous là que nous causions (Flomentin);
- гипотетичными – Qu'elle fût bien ou mal coiffée, je l'admirais. C'était ma fée (Hugo);
- следственными – Il tousse qu'il en secoue toute la maison (Flaubert).

Служебное слово *que* может быть составной частью сравнительного оборота:

J'ai trois vies plus précieuses pour moi que la vôtre à préserver (Bazin) или субститутом исходного союза в сложном предложении с любым значением:

Si elle est jolie et que vous ne l'aimiez pas (Musset) ; Ils s'étaient vus trois fois, le lundi justement, parce que les boutiques étaient fermées, qu'il n'y avait pas le marché, que la rue était moins passante et que le père allait voir d'anciens amis (Mallet-Joris).

Не менее заметную роль выполняет *que* в оформлении сложных предложений с временным значением:

1. Le jeune Lapointe entra qu'il avait encore le récepteur à la main (Simenon) ;
2. J'étais à peine entré que Renée apparut à l'autre bout du couloir (Aymé);
3. Le commissaire n'avait pas fait cent mètres dehors qu'un passant s'approchait vivement de lui (Simenon) ;
4. Il n'avait pas encore réalisé qu'il habitait chez elle, que, déjà, il conduisait la voiture, accompagnait Edith (Berteaut).

Примеры 1–4 иллюстрируют формально-грамматическую организацию предложений со связкой *que*: их основой является модель *P1 que P2*, где *P1* – препозитивный компонент относительно союза, а *P2* – предложение, находящееся в постпозиции. Анализ показывает, что синтаксическая формула *P1 que P2* имеет два основных варианта: первый из них представлен соединением утвердительных предложений *P1af que P2af.* В конструкциях

второго варианта соединяются утвердительное и отрицательное предложения: *P1nég que P2af* или *P1af que P2nég.* Подавляющее число структур с моделью *P1 que P2* составляют их усложненные варианты, возникающие в результате появления в одной или обеих частях временных наречий *encore, déjà, à peine, plus tôt.* Коррелятивные обороты *encore – déjà, déjà – encore, ne…pas – déjà, ne...pas encore – déjà, à peine – déjà* выступают в качестве двух- или трехместного средства связи, компоненты которого входят в каждую из соединяемых частей. Значение сложных предложений, построенных по простой или усложненной формуле, не вытекает непосредственно из значения образующих их компонентов, а возникает, подобно смыслу фразеологических единиц, как свойственное всей конструкции и не расчленяемое на семантические элементы (См. В.А. Белошапкова). На этом основании в русской грамматике предложения с сочетаниями типа *«не успел…как», «едва…как», «не…как уже»* и т.п. имеют статус сложных предложений фразеологизированного типа.

Для структурного описания французских предложений с моделью P1 que P2 важен критерий потенциального количественного состава. Конструкции с синтаксической моделью *P1 que P2* представляют собой закрытые структуры, которые могут быть минимальными: *P1 que P2:*

5. Ces chansons aigres-douces cherchait encore un éditeur, que nous en répétions les strophes (Dorgelès) ; и расширенными : *P1 que P2 que P3 que P4* :

6. Ils n'étaient pas depuis cinq minutes dans le café que les répliques s'espaçaient, que les rires mouraient, que la gêne faisait place au bluff (Simenon).

Несмотря на то, что синтаксическая организация предложений типа (6) включает в свой состав более двух частей, конструкции в целом сохраняют бинарный характер, так как семантические отношения времени возникают между первой, с одной стороны, и последующими частями – с другой.

1. Шендельс Е.И. Функционально-семантическое поле, сетка, текст / Е.И. Шендельс // Коммуникативно-функциональная грамматика (состояние и перспективы). – М.: Изд-во университета Дружбы народов, 1988. – Вып. 318. – С.11-16.
2. Damourette J., Pichon E. Des mots à la pensée / J. Damourette, E. Pichon // Essai de grammaire française. P. – 1970. – Vol. V.
3. Wagner R.-L., J. Pinchon. Grammaire du français classique et moderne / R.-L. Wagner, J. Pinchon. – P.: Librairie Hachette, 1974. – 648 p.

УДК 811.111.01

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ СЕМЫ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ‘СТРОИТЬ’

Подгайская И.М.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
i.podgaiskaya@mail.ru

Настоящий доклад посвящен анализу особенностей семантики глаголов, объединенных в древнеанглийский период значением ‘строить’. Исследование проводится на материале данных словарей и тезаурусов древнеанглийского языка [2–6].

Изучение словарных дефиниций глаголов строительства показывает, что наряду с интегральными семами ‘строить’ (‘build’) и ‘сооружать’ (‘construct’) исследуемое древнеанглийское значение содержит несколько дифференциальных сем. Эти зафиксированные словарями интегральные и дифференциальные семы указывают на постоянные признаки процесса, который передается глаголом, и могут рассматриваться как ядерные семы значения ‘строить’ [1, с. 82].

В процессе исследования выделены следующие дифференциальные семы:

1. Направление строительства: вертикальное или горизонтальное.

В словарных дефинициях сема вертикального направления передается при помощи таких семантических компонентов, как ‘to erect’ (‘возводить’), ‘to raise’ (‘поднимать’), ‘to build high’ (‘строить высоко’), ‘to build up’ (‘надстраивать’), ‘to set erect’ (‘ставить вертикально’). Данное значение наблюдается у глаголов *(ge)bytlian*, *ræran*, *a-ræran*, *(ge)settan*, *a-settan*, *gestaþolian*, *(ge)stepan*, *a-timbran*, *ofer-getimbran*, *a-hebban*, *a-stemnian*.

На горизонтальное направление строительства в дефинициях указывает компонент ‘horizontally’ (‘горизонтально’): *lecgan*, *a-lecgan*.

2. Место строительства:

- ‘перед чем-либо’ (‘before or in front of’ – ‘перед или напротив’): *for-timbrian*;
- ‘вокруг чего-либо’ (‘round’ – ‘вокруг, кругом’): *be-wyrcan*.

3. Цель строительства:

- ‘для проживания’ (‘for a dwelling’): *(ge)bytlian*;
- ‘для укрепления сооружения’ (‘of fortification’ – ‘об укреплении’, ‘to fortify’ – ‘укреплять’, ‘for defence’ – ‘для защиты, обороны’, ‘to strengthen’ – ‘укреплять’, ‘strongly’ – ‘крепко, прочно’): *ge-timbran*, *be-wyrcan*, *ge-wyrcan*, *(ge)trymman*.

4. Способ строительства:

- ‘подгоняя части друг к другу’ (‘by fitting parts together’): *ræran*;
- ‘соединяя части строения’ (‘by joining parts of a structure’): *ge-fegan*;
- ‘на фундаменте’ (‘on a foundation’): *a-stemnian*, *gestaþolian*, *(ge)timbrian*, *(ge)settan*;
- ‘на прочном фундаменте’ (‘on a firm foundation’): *ge-grundstaþelian*;
- ‘путем нагромождения’ (‘by piling up’): *hladan*;
- ‘накладывая слой чего-либо на что-либо’ (‘by overlaying’): *ofer-wyrcan*.

5. Характер действия:

– повторное действие (‘restore to original state’ – ‘возвращать в прежнее состояние’, ‘repair’ – ‘ремонтировать’, ‘rebuild’ – ‘отстроить заново, восстановить, перестроить’): *gestaþolian*, *ed-staþelian*, *ge-timbran*;

– недовыполненное действие (*incompletely* ‘не полностью’): *samwyrcan*.

Как показывает анализ материала, некоторые из перечисленных дифференциальных сем повторяются в определениях отдельных глаголов, являясь основой для образования синонимических рядов:

– *(ge)bytlian*, *ræran*, *a-ræran*, *(ge)settan*, *a-settan*, *gestaþolian*, *(ge)stepan*, *a-timbran*, *ofer-getimbran*, *a-hebban*, *a-stemnian* ‘строить, возводить’;

– *ge-timbran*, *be-wyrcan*, *ge-wyrcan*, *(ge)trymman* ‘строить для защиты, для укрепления сооружения’;

– *a-stemnian*, *gestaþolian*, *(ge)timbrian*, *(ge)settan, ge-grundstaþelian* ‘строить на (прочном) фундаменте’;

– *gestaþolian*, *ed-staþelian*, *ge-timbran* ‘перестраивать, восстанавливать’.

Таким образом, дифференциальные семы древнеанглийского значения ‘строить’ отражают специфику строительного процесса в древнеанглийский период. Повторение этих сем в семантических определениях разных глаголов указывает на наиболее важные аспекты данного процесса – в этот период возводятся вертикальные строения, строительство осуществляется с целью укрепления сооружения для защиты от внешних врагов, техника строительства включает постройку фундамента, существует необходимость перестройки и восстановления строений.

1. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / Стернин Иосиф Абрамович – Воронеж: [б. и.], 1985. – 171 с.
2. An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth ; Ed. and Enlarged by T. Northcote Toller. – Oxford University Press, 1898. – 1302 p.
3. An Anglo-Saxon Dictionary Supplement ; Ed. by T. Northcote Toller. – Oxford University Press, 1921. – 768 p.
4. Dictionary of Old English Corpus. – Режим доступа : http://www.doe.utoronto.ca
5. Historical Thesaurus of the Oxford English Dictionary // Режим доступа: http://libra.englang.arts.gla.ac.uk/historicalthesaurus/menu1.html
6. Thesaurus of Old English / University of Glasgow // Режим доступа: http://libra.englang.arts.gla.ac.uk/oethesaurus

УДК 81

НАЧИНАТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Селиванова О.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
Oxano4ka.selivanova@yandex.ua

Анализ отдельных глагольных разрядов с точки зрения их способностей указывать на те или иные аспекты действий (акциональные значения) навёл на мысль о существовании наряду с видом особой аспектуальной категории, для обозначения которой используют термин «способы глагольного действия». Тем не менее, и содержание, и объём понятия «способы действия» продолжает оставаться предметом непрекращающихся споров, которые обусловлены неоднородностью обнаружения акциональных значений как во французском, так и в русском языках [2, с. 30].

В работах лингвистов способы действия трактуются как морфемно характеризованные или морфемно нехарактеризованные значения отдельных групп глаголов, выражающие особенности протекания действия во времени предельных / непредельных глаголов [5, с. 88].

Начинательный способ действия как в русском, так и во французском языке относят к временным способам действия.

Начинательный способ действия как во французском, так и в русском языке может выражаться посредством глагольно-аналитических конструкций, в состав которых входит глагол с семой «начинать» [5–7].

Следует отметить, что аналитические конструкции выражают инхоативную начинательность действия, т.е. наступление начального момента в длительном времени.

Подтип инхоативной начинательности имеет значение расчлененности в начале действия, приступа к длительному действию, «начального момента в длительном времени признака» [3, с. 278]. Сравним: фр. *se mettre à faire qch, commencer à faire qch, se prendre à faire qch.*, русск. *начинать делать, приниматься за, браться за*. Например: *L' enfant commença à s'agiter dans le berceau*. – `Ребенок начал шевелиться в колыбельке`.

Помимо аналитических конструкций инхоативный способ действия в русском языке образуется при помощи приставок *за-*, *по-*, а во французском языке, например, при помощи приставки *entre-*: русск. *зазвенеть, засвистеть*; франц. *entreprendre-* предпринять.

Инхоативные глаголы «вырезают» начальный отрезок ситуации, по которому можно идентифицировать всю ситуацию в целом. Поэтому глаголы, относящиеся к данному способу действия, должны описывать относительно «простые» ситуации – такие, которые могут быть идентифицированы на этом небольшом отрезке своего протекания [3, с. 280].

Так, обращая внимание на особенности русского языка, Шмелёв А.Д., Зализняк А.А. трактуют понятие «способ действия» (способ глагольного действия, совершаемость), как тип модификации глагольного действия, выраженный определенными словообразовательными средствами (приставками, суффиксами, комбинацией приставки и суффикса или приставки и постфикса) [3, с. 98].

К ингрессивной начинательности действия в русском языке относятся глаголы с приставкой *по-*: пойти, побежать, полететь, покатиться. Во французском языке ингрессивная начинательность выражается при помощи глагольного времени Passé Simple: *Il courut* – `Он побежал`.

Также стоит отметить, что ингрессивный способ действия может включать в свою активность одновременно три стадии протекания процесса во времени: значение начала действия, некоторую его продолжительность и достижение определенного результата [5, 7].

Начинательный способ действия как во французском, так и в русском языке может выражаться семантически.

Основным признаком для выделения категории начинательного способа действия служит сема *premier* во французском языке и *первый* – в русском, которая встречается в дефиниции всех глаголов этой группы и указывает на начинательность действия, выражаемого глаголом. Например: фр. *commencer* – faire la *première* partie d'une chose ou d'une série de choses; русск. *начать* – проявить *первые* признаки какого-нибудь действия, состояния [4, 9].

Способы выражения начинательности действия в русском и французском языках имеют некоторые сходства и различия, обусловленные разноструктурностью этих языков.

Как во французском, так и в русском языке начинательность действия выражается аналитическими конструкциями (*se mettre à faire qch, commencer*

à faire qch, se prendre à faire qch. – во французском языке и *начинать делать, приниматься за, браться за* – в русском), но в русском языке большей функциональной нагрузкой отмечены словообразовательные средства выражения начинательности действия.

Семантический критерий определения начинательного способа действия является характерным как для французского языка, так и для русского. В двух языках в дефинициях глаголов наблюдаются семы, указывающие на начинательный характер действия.

Для исследования представляется интересным дальнейшее выявление и описание особенностей выражения подтипов категории начинательного способа действия в разноструктурных языках.

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М., 1976. – 327 с.
2. Гак В. Г. Сравнительная типология французского языка / 2-е издание / В.Г.Гак. – М., 1983. – 580 с.
3. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. – М: Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2010 г. – 736 с.
5. Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. – М., 2001. – 288 с.
6. Dubois J. Lagane R. La nouvelle grammaire du français. – P., 1973. – 364 с.
7. Grevisse M. Le Bon Usage – P., 2007 – 1584 с.
8. Léon-Dufour M., Teyssier B. Nouvelle grammaire du français. – P., 2004 – 368 с.
9. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – P. 2001 – 2841.

УДК 81-112

ПОДХОДЫ К ДИАХРОНИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ ЛЕКСИКИ

Хейхель М.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

kheikhelmaiia@gmail.com

Одним из основных направлений когнитивной лингвистики является исследование языка в тесной связи с концептосферой народа, связь между семантическими и когнитивными процессами. При этом, как отмечает Е.С. Кубрякова о ранних лингвокогнитивных исследованиях: «существенным ограничением являлось нежелание когнитологов рассматривать языковые явления в их широкой исторической перспективе и т.п. Между тем последующие исследования в данной области выявили явные преимущества синхронно-диахронного изучения фактов языка как позволяющего придать всему анализу очевидный объяснительный характер» [2, с. 6]. Таким образом изучение диахронической семантики является одним из основных этапов изучения концептосферы.

Основными методами диахронического исследования языка являются метод компонентного анализа, квантитативный метод, историко-этимологический метод, социолингвистический метод. Однако для того, чтобы увидеть реальные исторические изменения семантики конкретной единицы недостаточно формальной реконструкции корня слова, для построения диахронной семантики необходимо провести современный диахронный

анализ лексической единицы с помощью этимологических словарей, провести внутреннюю реконструкцию корня слова, а также изучить ареально-историческую характеристику слова с типологическим обоснованием [1]. Только комплексное использованием вышеперечисленных методов даст возможность увидеть более глубинные концептуальные перестройки в значении лексической единицы.

Следует отдельно отметить важность текстологического метода для диахронических исследований. Разные исторические этапы неравномерно представлены в текстах как в количественном, так и в качественном (жанровом) смысле, однако на современном этапе практически все они подверглись лексикографической проработке. Исторические словари отмечают время фиксации языковой формы, ее значение, типичные контексты, в то же время следует помнить, что время фиксации языковой единицы не свидетельствует о том, что до этого момента этой единицы в языке не существовало.

Таким образом, можно сделать вывод, что диахроническое исследование языков является важным как само по себе, так и как этап концептуального анализа.

1. Дронова Л.П. Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку [Текст] / Л.П.Дронова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 2 (22). – С. 22-39.
2. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. – С.5–12.

УДК 811.112.2'04

ИСТОРИЯ СЛОВ: *GESELLE* vs. *GEVERTE* В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИХ РУКОПИСЯХ

Ягупова Л.Н.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
l.yagupova@donnu.ru

1. Доклад посвящён исследованию сходств и различий в употреблении имён существительных *geselle* и *geverte* (с социативным значением) в средневерхненемецких (далее – свн.) рукописях (1050–1350 гг.). Под социативом понимается производное наименование лица в его отношении к другому лицу. Принадлежность к данному классу имён устанавливается при помощи словообразовательной парафразы ‘*x* является помощником *y* / *x* пребывает с кем-то в *y*’, где *x* – социатив, *y* – наименование лица, места и т. д. [1, с. 383].

Обе лексемы являются отыменными дериватами, которые в одинаковом контексте (эпизоде из Евангелия) обнаруживают одинаковое лексическое значение, – ‘товарищ’: *geselle* – в рукописях первой половины XIV века, написанных на баварском и восточно-средненемецком диалектах, *geverte* – в эпизоде из Евангелия, датированного серединой XIII в., относящегося к гессенско-тюрингскому (восточно-средненемецкому) диалектному ареалу [3, с. 22-24, 27, 29].

Имя существительное *geverte* отмечено в рукописях, начиная со второй половины XII в., однако 50 % словоупотреблений приходится на первую

половину XIII в. – период расцвета рыцарско-куртуазного эпоса, написанного как на алеманнском (южнонемецком), так и на гессенском и тюрингском (средненемецких) диалектах. В данном жанре *geverte* употребляется в основном в значении ‘спутник’.

Лексема *geselle* имеет более широкую географию распространения, встречается во всех диалектных ареалах и внутренних временных отрезках свн. периода. Сферы употребления данного деривата не ограничиваются религиозными и эпическими текстами. Примеры *geselle* отмечены также в исторических хрониках, исторических грамотах, сводах городского, земельного и ленного права.

В зависимости от тематики рукописей *geselle* актуализирует разные значения. В эпических и религиозных текстах *geselle* употребляется в своём прямом значении – ‘товарищ’ (по отношению к человеку). В дидактическом тексте Hugo von Trimberg. Renner (первая половина XIV в., восточнофранкский диалект) данная лексема употребляется как в значении ‘товарищ’ в метафорическом (образном) смысле (по отношению к дьяволу) и имеет негативную оценочную коннотацию, так и как аллегория (по отношению к животному) в значении ‘друг’, приобретая доверительный стилистических оттенок. В своде городского права второй половины XIII в. (г. Аугсбург, швабский диалект) *geselle* используется в значении ‘компаньон’, а в библейском тексте о царе Соломоне, написанном во второй половине XIII в. на рейнско-франкском диалекте, – в значении ‘пращур’.

Обе лексемы сохранили в целом сферы употребления в современном немецком языке, лексема *Geselle* – и соответствующие стилистические коннотации, о которых шла речь выше [2]. Имя существительное *Gefährte* относится сегодня к возвышенному стилю употребления.

«Судьба» мотивирующих слов анализируемых обозначений различна. Несмотря на то, что словообразовательная база *sal* ‘(небесный) храм; зал; двор’ довольно часто эксплицируется в религиозных и эпических текстах, она не зафиксирована в исторических грамотах и других деловых текстах свн. периода, что свидетельствует о постепенной идиоматизации соответствующего деривата в указанное время. С другой стороны, мотивированность лексемы *Gefährte* существительным *Fahrt* является очевидной и в современном немецком языке, не вызывая никаких сомнений.

Вышеуказанные положения иллюстрируются в докладе многочисленными примерами из аутентичных рукописей исследуемого периода.

1. Ягупова, Л.М. Мовно-географічна варіативність системи середньоверхньонімецьких префіксальних іменників / Л. М. Ягупова. – Донецьк : ДонНУ, 2007. – 605 с. – (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження ; т. 4). – ISBN 978-966-639-321-3.
2. Duden-online-Wörterbuch [Электронный ресурс]. – URL : www.duden.de (дата обращения : 24.04.2016).
3. Klein, Th. Mittelhochdeutsche Grammatik / Thomas Klein, Hans-Joachim Solms, Klaus-Peter Wegera ; unter Mitarbeit von Ingrid Andersen u. a. – Teil III : Wortbildung. – Tübingen : Niemeyer, 2009. – XVII, 684 S. – ISBN 978-3-484-11003-8.

УДК 811.161.1:81`373:61+001.4

ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Якобчук А.В., Косенкова-Дудник Е.А., Парамонова Т.И.
Донецкий национальный медицинский университет им. М.Горького
eldudnyk@mail.ru

Программа обучения студентов медицинских ВУЗов включает изучение латинского языка с основами медицинской терминологии. Новые лексические единицы незнакомого языка, как правило, представляют определенные трудности. Для оптимизации запоминания новых слов целесообразно заинтересовывать студентов, анализируя этимологию того или иного термина, а также определенные ассоциации, связанные с лексической единицей. Метафора – распространенный способ образования терминологических единиц в науке. Явление метафоры базируется на ассоциациях, перенесении характеристик. Метафора – вид тропа, в основе которого лежит ассоциация по сходству или аналогии, перенос признака с предмета на предмет на основе субъективно воспринятого сходства [2, с. 840]. Цель метафоры – вызвать представление. Мир метафоры – это мир образного мышления [5, с. 32].

В медицинской терминологии используются различные виды метафор. Исследователями выделяются следующие виды: биоморфные (ботанические, зооморфные, антропоморфные), социоморфные, географические, метеорологические, онтологические и др. Мы остановимся на явлении зооморфной метафоры.

Целью данной работы является исследование явления зооморфной метафоры, т.е. основанной на перенесении особенностей внешнего вида, строения или других свойств животного на явления, обозначаемые терминами в различных разделах медицинской терминосистемы, особенностей ее употребления в анатомической, клинической и фармацевтической терминологии.

Нами были проанализированы наиболее часто употребляемые в медицине термины, образованные на основе зооморфной метафоры. В процессе работы над темой были использованы исторический и этимологический анализ.

В анатомической терминологии чаще всего встречаются метафоры, основанные на ассоциации по форме. Петушиный гребень (лат. crista galli) – сагиттально расположенное возвышение на пластине решетчатой кости, к которому прикрепляется серп большого мозга. Клык (лат. dens caninus – собачий зуб) по форме напоминает волчьи или собачьи клыки [4, с. 36]. Крыло (лат. ala, ae f) – изначально парная часть тела животных, обычно используемая для полета. В анатомической терминологии используется термин ala nasi – крыло носа [3, с. 158]. Coccyx, ygis m (греч. cokkyx – «кукушка») – копчик, нижний конец позвоночного столба, который грекам показался похожим на клюв кукушки. Lacertus, i m (лат. lacerta «ящерица») – связка, фиброзное растяжение. У римлян так называлась часть руки, соответствующая тому, что теперь именуется плечом, и длинная мышца, сокращение которой очень заметно. Своим движением эта мышца грекам напоминала мышь, а римлянам – ящерицу. Os hyoideum (греч. hyos, hys-

«поросенок», oides- «похожий») – подъязычная кость. Греки видели сходство этой кости со свиным пятачком, свиным рылом.

Термины, образованные на основе зооморфной метафоры, встречаются и *в* клинической терминологии. Системная красная волчанка (лат. lupus erythematosus) – аутоимунное заболевание, сопровождающееся поражением соединительной ткани. Болезнь названа так из-за характерного признака – сыпи на переносице и щеках (пораженный участок напоминает по форме бабочку), которая, как считали в Средневековье, напоминает места волчьих укусов. Элефантиаз (elephantiasis), слоновость (лат. elephantus, i m – латинизированное греч. elephantos – слон) – заболевание, поражающее преимущественно нижние конечности, характеризующееся значительным утолщением пораженных участков [6, с. 205]. Леонтиаз (leontiasis) (лат. leo, onis m – лев) – чрезмерное разрастание костей черепа, в результате чего голова человека начинает напоминать голову льва. Возникновение клинического термина рак (cancer, cri m) объясняется сходством внешнего вида опухоли при запущенном раке молочной железы с контурами речного рака.

Фармацевтическая терминология, в частности ботаническая, богата терминами на базе зооморфной метафоры. Латинское название растения пустырник (Leonurus) – (лат. leo, onis m – лев) связано с тем, что пучок верхушечных листьев отдаленно напоминает кисточку львиного хвоста [1, с. 168]. Видовое название растения хмель обыкновенный (вьющийся) – Humulus lupulus происходит от лат. lupus, i m – волк, указывая на то, что растение обвивает дерево, словно хищник. Облепиха (Hippophaë, es f) – латинизированная форма греческого названия растения происходит от греч. hippos – лошадь и phaos – блеск: считалось, что лошади, выкормленные листьями облепихи, имели особо блестящую шкуру и другие.

В результате проведенных исследований можно сделать следующие выводы: при изучении латинского языка и основ медицинской терминологии важно обращать внимание студентов на этимологию различных терминов. Это улучшает процессы запоминания новой лексики и формирование навыков использования их в профессиональной речи.

1. Вермейлен Н. Полезные травы. Иллюстрированная энциклопедия. – М.: Лабиринт Пресс, 2002. – 320 с.
2. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / Под редакцией проф. Горкина А.П. – М.: Росмэн, 2006. –1680 с.
3. Синельников Р.Д. Атлас анатомии человека. Том 1. – М.: Медицина, 1973. – 469 с.
4. Синельников Р.Д. Атлас анатомии человека. Том 2. – М.: Медицина, 1973. – 468 с.
5. Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Ребенок и язык: овладение метафорой // Вопросы филологии. – М.: Институт иностранных языков, 2003. – С. 30-38.
6. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А.Ефрона. Том 82. – СПб., 1890-1907. – 408 с.

УДК 821.161.2 – 31.09

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО ФИЛОСОФСКОГО И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РОМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ В.ДОМОНТОВИЧА «ДОКТОР СЕРАФИКУС» И А.ФРАНСА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ СИЛЬВЕСТРА БОНАРА»)

Белоконь С.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
clairsv@mail.ru

Оговоримся сразу, что нам вполне понятно: анализируемые произведения принадлежат разным эпохам и разным культурам. Социально-философское произведение А. Франса «Преступление Сильвестра Бонара» появилось еще в 1881 году, тогда как роман В.Домонтовича «Доктор Серафикус» датируется 1927 годом. Следовательно, расстояние между этими двумя произведениями представляет больше чем 50 лет. И если, А.Франс является всемирно-известным писателем-интеллектуалом конца XIX века, то имя Виктора Петрова, который писал под псевдонимом "Домонтович" было сравнительно недавно возвращено в украинскую литературу. Глубокий философско-интеллектуальный подтекст произведений Домонтовича отмечают С.Павлычко, В.Агеева, Ю. Шерех-Шевелев, С.Матвиенко.

Нас интересует вопрос, есть ли что-то типологически общее между героями анализируемых философского и интеллектуального романов, невзирая на то, что эти герои принадлежат разным эпохам, нациям, странам. Сразу отметим, что достоверных сведений о том, что В.Петров-Домонтович читал произведение Анатоля Франса у нас нет. Однако, известно, что украинский писатель был высокообразованным филологом, следовательно, вполне возможно, что он был знаком с этим произведением.

Герои в обоих произведениях являются учеными-филологами. Сильвестр Бонар – ученый, филолог с мировым именем, который изучает памятники древности, в частности старинные рукописи. Профессор Василий Хрисафонович Комаха (который получил прозвище "доктор Серафикус" из-за своего серафического обращения с женщинами) также является ученым-филологом, который изучает мифологию. Таким образом, не только профессия ученого у них общая, но даже и специализация очень близка.

Интересным является отношение героев к чужому пространству, которое лучше всего проявляется в их отношении к перемещениям в пространстве. Бонару интересно путешествовать, хоть в его возрасте это уже не легко. Зато Серафикус не любит путешествия. Анекдотическим является случай, когда ученый решил выехать из удушающего Киева в какой-то провинциальный городок, при этом он спутал один провинциальный городок

с другим, после чего немедленно вернулся домой. Анекдотические приключения случаются и с Сильвестром Бонаром из-за его рассеяности. Например, однажды Бонар был очень удивлен, когда увидел, что его встречают на вокзале, хотя и договаривался об этом предварительно. Следовательно, оба героя являются настоящими учеными-чудаками, которые попадают в разные анекдотические ситуации из-за того, что живут в мире своих мыслей, а не в реальном мире.

У героев нет личной жизни. Однако это случилось по различным причинам. Сильвестр Бонар был влюблен в юности, но его невесту отдали замуж за другого, с тех пор он больше не влюблялся и на всю жизнь остался одиноким. Профессор Комаха сам обрек себя не серафическое существование, так как считал, что отношения с женщинами ему не нужны.

Так случилось, что Серафикус знакомится с пятилетней девочкой в скверике, в котором он обычно отдыхает после посещения библиотеки. Общение с девочкой становится для него душевной потребностью. Ему даже приснился сон, в котором он купает эту девочку, моет ей голову и рассказывает сказку. Следовательно, Серафикус из сна узнает о своем желании иметь ребенка, в чем он сознается своему другу Корвину. Однако понятно, что это потребность не столько непосредственно в ребенке, сколько в живой душе, о которой можно было бы заботиться, можно было бы вылить всю свою нерастраченную любовь и нежность. Этот момент можно считать одним из переломных в произведении.

Так же, теряет спокойствие и Сильвестр Бонар, когда узнает, что после Клементины осталась внучка. В разговоре с госпожой де Габри он чистосердечно сознается, что не хотел бы оставаться одиноким, что мечтает о близком человеке, который бы вечером сидел в кресле напротив него.

Следовательно, героев объединяет ощущение пустоты собственного внутреннего пространства – потребность иметь человека, о котором можно было бы заботиться и с которым общаться. Оказалось, что все их научные достижения не могут заменить живого общения. Что их стремление жить без близких отношений с другими людьми является напрасным. Что внутренняя жизнь определяется именно наличием близкого человека.

Сильвестр Бонар чувствует себя действительно счастливым, когда спасает Жанну. А доктор Серафикус так и остается одиноким, ведь не может наладить отношений с другими людьми. Он глубоко из-за этого страдает, но его серафичность настолько застыла, что уже не может быть изменена.

Прежде всего роднит героев обоих произведений отсутствие у них интимного, близкого общения с людьми, что они сами от себя старательно скрывают. А заполнить такую опустошенность может только человек, о котором можно заботиться, на которую можно направить свою любовь. Сильвестр Бонар находит такого человека в лице Жанны Александр, в то время как доктор Серафикус, не принимая во внимание ощущение потребности в близком человеке, так и остается одиноким.

Здесь мы можем выйти на рассмотрение жанровой природы произведений, ведь философский и интеллектуальный роман

близкородственные жанры. Существует даже теория, что интеллектуальный роман – это философский роман XX века (В. Бикульчус).

Но в данном частном случае сравнения двух произведений (социально-философского произведения А.Франса "Преступление Сильвестра Бонара" и интеллектуального романа В.Домонтовича "Доктор Серафикус") мы видим определенное типологическое подобие этих двух романов на уровне главных героев. Конечно, в определенной степени такая близость обусловлена тем, что выведен здесь общий тип – ученый-чудак. Однако роднит произведения и тот круг бытийных проблем, который поднят авторами. Прежде всего – это проблема человеческих отношений и трудности налаживания контакта, о принципиальной разобщенности людей, которая была актуальной уже во второй половине XIX века и не утратила своей актуальности, а только еще более обострила ее в первой половине XX века.

УДК 821.111

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОМАНА ДЖ. КОНРАДА “ЛОРД ДЖИМ”

Герасименко Е.Е.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
iya-rosh@yandex.ru

Как известно, неоромантизм в английской литературе появляется в 80-90-е гг. XIX века. Исследователи причисляют к неоромантикам Стивенсона, Конрада, отчасти Хаггарда, Конан Дойла, иногда Киплинга и даже Уайлда, писателей очень разных по мировоззрению и по месту, занимаемому в литературном процессе. Как отмечает Д. Царик, в неоромантизме отчетливо различаются две разновидности: гуманитарная и онтологическая. Исследователь констатирует, что родоначальниками гуманитарного неоромантизма, возникшего в конце XIX – начале XX в., являются английские писатели Р. Стивенсон и Дж. Конрад. К онтологическим неоромантикам Д. Царик относит А. Мачадо, Ф. Гарсиа Лорка, У. Б. Иетса. Неоромантизм, как пишет А. Бельский, – не только реакция на определенное литературное явление. Он, прежде всего реакция на современную ему действительность: «Неоромантизм…это реакция на безгероичную и бездуховную прозу буржуазного бытия. В нем воплотилось стремление противопоставить идеал будничности и серости повседневного бытия» [2, с.91]

В монографическом исследовании "Типология неоромантизма" Д. Царик подчеркивает, что некоторых гуманитарных неоромантиков, в частности Дж. Конрада, интересует и проблема внутренней активности героя, в связи с чем возникают мотивы эволюции, духовного совершенствования, т.е. эмансипации подлинно человеческого, через преодоление пассивности, вялости, разных эгоистических соблазнов, через очищение души – служению

людям, гармонии (роман Дж. Конрада "Лорд Джим"). Интересно отметить и синтез романтических и реалистических тенденций в творчестве Конрада – "неоромантика" и вместе с тем одного из виднейших мастеров критического реализма. В этой связи А. Бельский констатирует, что в романе "Лорд Джим" отчетливо выраженная антиколониальная проблематика трактуется последовательно реалистически. Тем не менее, характер конрадовского героя Джима, одинокого мечтателя, взявшего на себя роль реформатора в туземном королевстве Патюзан, – в известной мере романтичен. В существующей литературе о неоромантизме зачастую подчеркивается, что специфика творческого метода неоромантизма – в использовании тех или иных романтических приемов при ведущей роли реалистического метода. Для понимания феномена неоромантизма чрезвычайно важен не только идейно - смысловой, но и формотворческий поиск. В своем стремлении как можно более адекватно передать сложность, многоплановость человеческого бытия, неоромантик Конрад искал новую повествовательную форму, которая служила бы художественным эквивалентом неисчерпаемого богатства жизненной реальности. Роман "Лорд Джим" являет собой наглядный пример интенсивности этих поисков. Писателя не удовлетворяла поэтика традиционного романа, представлявшая автора всемогущим и всеведущим демиургом, а читателю отводившая лишь пассивную роль. Он старался активизировать отношение читателя к изображаемому, вовлечь его в процесс душевных переживаний, возбудить в нем интерес к проблемам этики и духовной жизни. Поэтому особая роль в романе принадлежит сложному сюжетно – композиционному построению произведения, где повествовательная стратегия отражает соответствия/несоответствия сюжетного и фабульного действий. Л.С. Левитан и Л.М. Цилевич приводят следующие определения сюжета и фабулы: «Фабула – это то, что воспринимается читателем как изображаемая цепь действий и перемен, как то, что было в действительности, точнее – было бы, если бы происходило на самом деле. <…> Сюжет – это единство изображаемого и изображающего, это та же цепь действий и перемен, но в развитии, совместном с развитием авторского взгляда от начала к концу произведения [3, с. 36]. Сюжет – способ художественного осмысления, организации событий (т.е. художественная трансформация фабулы). Если рассматривать сюжетное и фабульное построение романа Конрада "Лорд Джим", то становится очевидным, что роман можно условно разделить на две части, в одной из которых рассказывается о службе Джима на "Патне", катастрофе на суднеи поступке героя, вследствие которого он подвергается судебному расследованию. Во второй части романа рассказывается о жизни главного героя на острове Патюзан и о его трагической смерти.

Отметим, однако, что прямая (фабульная) линия событий из жизни героя зачастую не совпадает с их сюжетным расположением. Прежде всего, сюжет романа отличается от фабулы порядком повествования: о событиях рассказывается не в той последовательности, в какой они происходят в жизни главного героя. Различие между фабулой и сюжетом заключается в

перестановке событий, в прерывности изображения эпизодов катастрофы на "Патне" и судебного разбирательства. По мнению А.Аникина, «такое нарушение хронологической последовательности в повествовании служит целям аналитического осмысления трагедии человека» [1, с. 346]. Повествовательная романная стратегия характеризуется постоянным чередованием: забеганием в будущее (проспекция) и возвратом в прошлое (ретроспекция), что свидетельствует о значительном несовпадении сюжетного и фабульного времени. Главный рассказчик, Марлоу, с легкостью движется по вектору времени, обнаруживая знание предпосылок и результатов событий изображаемого настоящего. Несоответствие сюжетного и фабульного действий актуализировано в романе множественностью временных позиций (прошлое – настоящее), постоянно сменяющих друг друга.

Один из важнейших композиционных приемов временного смещения событий – прием повтора (или полуповтора, вариаций), который служит выделению и акцентированию наиболее значимых моментов произведения. Реализации этого приема способствует введение в повествование системы рассказчиков. С помощью приема «полуповтора» организуется возврат к уже обозначенному событию благодаря точке зрения иного повествователя / персонажа, но уже на новом витке – с дополнениями и уточнениями. Таким образом, композиционная организация произведения осуществляется и через прием «точки зрения». Прием полуповтора, многократно использующийся в романе, позволяет выразить множественность точек зрения на одно и то же событие. Освещение событий через изменение, совмещение и противопоставление «точек зрения» усложняет композиционное построение произведения и свидетельствует о несовпадении фабульного и сюжетного развития действия. В романе Конрада акцент сделан не на фактах из жизни героя, а на нравственном смысле поступков Джима. Носителем «психологической» точки зрения выступает рассказчик Марлоу, который оценивает поступки Джима «изнутри». Одним из основных видов сюжетных инверсий являются отступления Марлоу от процесса изложения событий и его многочисленные обращения к слушателям. Такие перебивы повествования также позволяют осветить событие с психологической – («внутренней») точки зрения.

Введение образа безымянных слушателей и комментарий Марлоу, сопровождающий его рассказ о судьбе Джима, способствует и постепенному изменению темпа повествования, который то убыстряется, то замедляется.

Множественность точек зрения в романе образует достаточно сложную систему: некоторые из них частично совпадают (точки зрения Марлоу, всезнающего повествователя и др.), другие могут противопоставляться им как противоположные (точки зрения Брауна, Корнелиуса) и т.д. В итоге сюжетное освещение событий дается с различных точек зрения, которые не подчинены одна другой, а равноправны. Это дает возможность интерпретировать роман Дж. Конрада как полифоническое «многоголосое» произведение.

1. Аникин Г.В., Михальская Н.П. История английской литературы. Учеб. пособие для студентов / Г.В. Аникин, Н.П. Михальская. – М.: Высш. школа, 1975. – 525с.
2. Бельский А. Неоромантизм и его место в английской литературе конца XIX века / А. Бельский // Из истории реализма в литературе Англии. Сб. науч. трудов. – Пермь: Изд –во Пермского ун –та, 1980.
3. Левитан Л.С., Цилевич Л.М. Сюжет в художественной системе литературного произведения / Л.С. Левитан, Л.М. Цилевич. – Рига: Зинатне, 1990. – 511с.
4. Царик Д.К. Типология неоромантизма / Д.К. Царик. – Кишинев: Штиинца, 1984. – 166 с.
5. Conrad J. Lord Jim / Conrad J. Everyman's library 1992. – 396 p.

УДК 81'255.2:82

ОПЫТ ОБУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПЕРЕВОДУ В ВУЗЕ

Матвиенко О.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
matvizar@gmail.com

Спецкурс по художественному переводу предусмотрен не во всех университетских программах. Донецкому университету в этом отношении повезло: здесь курс читался на регулярной основе, хоть и с длительным перерывом в 1990-х гг. и под разными названиями («Особенности художественного перевода», «Жанровые теории перевода»), он предусмотрен нынешней программой обучения в магистратуре. Среди форм отчетности, наряду с сообщением/рефератом и тестом, значится и творческое задание – самостоятельно выполнить прозаический/поэтический перевод.

Переводчик художественной прозы и поэзии – «штучный продукт», его производство нельзя поставить на конвейер. Успехи студентов в прочих отраслях перевода – устном и письменном, научно-техническом, деловом, публицистическом и пр. – «обнуляются», когда студент вступает в сферу художественного слова. Зато здесь пригождаются студентам-переводчикам знания отечественной словесности, любовь к классической литературе, хорошо поставленная, грамотная родная речь.

В 1990-е гг. существенным стимулом к пробе собственных сил стал открытый конкурс художественного перевода, объявленный Британским Советом в Донецке. В нулевых годах факультет иностранных языков ДонНУ стал инициатором проведения всеукраинского конкурса художественного перевода и в течение нескольких лет служил базой для его проведения. Сначала конкурс носил заочный характер и предполагал только перевод прозаического или поэтического текста, впоследствии добавился научный аспект – написание реферата на переводоведческую тематику, но решающую роль в оценивании результатов все же играло качество выполненного на финальном этапе художественного перевода. Переводы победителей конкурса публиковались в факультетском альманахе «Отражения».

Помимо конкурсных работ, в «Отражениях» печатаются на постоянной основе лучшие студенческие переводы. Согласно наблюдениям автора статьи,

работающей уже четверть века на двух факультетах, ФИЯ и филологическом, больше инициативы в выборе текстов для перевода, свободы прочтения, чувства стиля и вкуса проявляют студенты-филфаковцы (русисты и украинисты). Среди них чаще встречаются авторы целых переводческих циклов, оригинальных стихотворений на литературные темы. Студенты ФИЯ в основном откликаются на предложения преподавателей о переводе устойчивой классической «обоймы» текстов: из курса латинского языка – «К Мельпомене» Горация, «Метаморфозы» Овидия, «Энеиды» Вергилия и т.д.; из германистики – стихотворения Й.В. Гете, Г. Гейне, Р.М. Рильке.

Интересом к конкурсу и к художественному переводу в целом прониклись, наряду со студенчеством, и преподаватели: так в альманахе были опубликованы авторские подборки В.С. Марача, Л.П. Кофановой, Н.А. Серебряковой, автора данного доклада. Диапазон участников проекта расширяется: в материалы следующего выпуска планируется включить присланные на онлайн-конкурс лучшие тексты переводов с английского, немецкого, французского, сделанных старшеклассниками Донбасса.

Если поначалу альманах «Отражения» воспринимался, по выражению проф. Л.А. Мироненко, как «семейный альбом», то в последнее время он стал заметным и признанным в университетской среде изданием, где публикуются материалы ежегодных всеукраинских конкурсов художественных переводов, с широкой географией участников. Начиная с 2003 г. вышло 5 номеров альманаха, и, хотя в связи с военной ситуацией возник вынужденный перерыв, в настоящее время готовится к публикации шестой выпуск.

Большинство переводов в альманахе «Отражения» («Віддзеркалення») – на русский и украинский языки, причем переводы публикуются параллельно с текстами оригиналов, предоставляя читателям возможность оценить качество переводов, их точность и художественность. Гораздо реже студенты берутся за переводы на иностранный язык, и это естественно, ведь степень владения языковыми ресурсами языка перевода априори выше, чем исходного языка.

Неплохой школой для начинающих переводчиков-«художников» стала «переводческая мастерская» при кафедре зарубежной литературы. В процессе шлифовки представленных переводов выяснилось, что ключевой проблемой прозаического перевода является «гладкопись», слишком правильный, книжный (а нередко и «нерусский», калькированный) синтаксис предложений и тяготение к нейтральному («дистиллированному») стилю даже там, где в оригинале разговорный стиль и просторечье. В поэтическом переводе студенты не всегда в состоянии отличить подстрочник от собственно перевода, который призван отражать версификационные особенности первоисточника (метр, рифму, размер и пр.). Помимо «словесной нечуткости», неумения отыскать верный стилистический ключ к оригиналу, неестественного построения фраз, студенческие переводы поэзии изобилуют «поэтическими вольностями». Таким образом, главной задачей школы оказывается воспитание переводческой дисциплины, приближение перевода к оригиналу по смыслу и стилю, но ни в коем случае не в ущерб художественности. Отмеченная выше любовь начинающих переводчиков

к добавлениям «от себя», лирическим «красивостям», в определенной мере характеризует их эстетические вкусы, круг чтения, уровень филологической эрудиции. Вместе с тем эта особенность иллюстрирует предпочтение, отдаваемое в украинской переводческой традиции «вольному переводу» (переспіву) перед переводом классическим, которое парадоксально проявляется даже в русскоязычных переводах Донбасса.

УДК 821.411.09

СТРАТЕГИЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В «ИСТОРИИ МОЕЙ ЖИЗНИ» ЖОРЖ САНД

Попова А.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
avp70@inbox.ru

«История моей жизни» (1855) Жорж Санд – один из фундаментальных автобиографических текстов в истории французской литературы. Приступая к работе над воспоминаниями, автор оказывается перед проблемой выбора между двумя уже сложившимися на тот момент моделями повествования о себе – мемуарной и автобиографической. Фактически, Жорж Санд определяется по отношению к «Исповеди» (1770) Ж.-Ж. Руссо и «Замогильным запискам» (1848) Ф.-Р. де Шатобриана. И если опыт Шатобриана получает оценку преимущественно в письмах писательницы, то сочинение Руссо становится объектом полемики непосредственно в автобиографическом пакте, открывающем «Историю моей жизни». Обращение к «Исповеди» Руссо актуализирует и еще одну «Исповедь» – богословский трактат Блаженного Августина, лежащий у истоков европейской традиции автобиографической интроспекции Литературная и религиозная исповедь становятся теми формами светского и религиозного дискурсов, в диалоге с которыми автор выстраивает собственную повествовательную стратегию: она пишет «книгу нужную, безопасную и благопристойную, не тщеславную, равно как и не подлую» (из письма Ш. Пеги, 14 декабря 1847 г.).

Исповедальность становится ключевым элементом авторской стратегии повествования, которая обусловливает отбор фактов, структуру самоописания, и фигуру адресата. При этом исповедь в интерпретации Жорж Санд оказывается весьма далекой от церковного ритуала самоотчета, сопряженного не только с самообнажением, но и с покаянием. По сути, в «Истории моей жизни» нет ни того, ни другого. Ценность этой своеобразной исповедальной практики заключается в ее публичности, целью которой является не самобичевание, а польза, которую может извлечь из нее читатель. Автобиографическое слово имеет значение лишь в той мере, в какой оно дает возможность делиться с аудиторией универсальным опытом, страданиями и надеждами.

Для реализации такой авторской стратегии необходим соответствующий читатель. Исповеди изначально присуща установка на «другого», поэтому здесь столь важно мнение воспринимающей стороны. Поиск идеального реципиента представлен в тексте историей непростых взаимоотношений героини с ее исповедниками, к личности которых, как и к своим потенциальным читателям, она предъявляет высокие требования. Автобиографическое повествование Жорж Санд ориентировано на «читателя-друга», обладающего мирочувствованием, близким автору или совпадающим с ним – благовоспитанного, с чувствительным и добрым сердцем. В то же время, т.н. «публике», гнусной в своем чрезмерном любопытстве («le public est trop ignoble» (из письма Ш. Марлиани, 22 декабря 1847 г.)), решительно отказано в праве посягать на сокровенное.

В «Истории моей жизни» исповедальная интенция выражается не в обнажении чего-то постыдного или тайного, сопряженного с интимной сферой, не в воспроизведении личного травматического опыта, а в открытости автора читателю, в искренности описываемых автором чувств и суждений, которыми он готов поделиться с читателем для всеобщего блага.

Вместе с тем, личный авторский опыт универсален только в пределах определенной исторической эпохи. Как и Шатобриан, она обращается к современникам, вписывая свою индивидуальную судьбу в культурно-историческую ситуацию своего времени.

УДК 821.11

ЛИРИКА Г. БЕННА: ЭСТЕТИЗМ И ВАРВАРСТВО

Попова-Бондаренко И.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
bondkn@yandex.ru

Творчество Готфрида Бенна в зарубежном и отечественном литературоведении остаётся до сих пор недостаточно изученным. Чаще всего вспоминают об экспрессионистской эстетике, которой автор отдал дань вначале [3, с. 9-11]. Не обходят стороной и житейскую позицию самоизоляции, сочетавшуюся со свидетельствами современников о его врачебном благородстве (бесплатное лечение пациентов) [1]. Справедливо указывают на своеобразное антиисторическое мышление Бенна и его понимание искусства как феномена «иррационального и метафизического» [3, с. 17-18], на «поиск эстетического соответствия принципиально негуманистической реальности – войне, насилию как таковому» [2, с. 174]. Наконец, все исследователи сходятся на том, что период увлечения Бенна нацистской идеологией был бурным, но кратким, однако почти никто не ищет типологических закономерностей и ответа на вопрос: почему такое увлечение стало возможным? А ответ, похоже, лежит на поверхности, и путь к идеологическому искушению нацизмом видели многие немецкие писатели

(Э. Толлер, Т. Манн, Г. Гессе и др.), тщетно предостерегавшие от него творческих соплеменников. Самой страшной ловушкой для немцев с их ментальной интеллигибельностью стала романтизированная на государственном уровне нацистская идея чистоты во всех сферах жизни – той самой холодной, горней, бесчеловечной и без-Божной чистоты, метафору которой встречаем в романах Т. Манна «Волшебная гора» и «Доктор Фаустус». Некоторые преодолели это искушение (временное увлечение Т. Манна шопенгауэровским волюнтаризмом и ницшеанским неистовым самостоянием; поворот Г. Гессе от концепции небожителей с их «Glasperlenspiel» к человеческим пределам бытия). Г. Бенн не только спроецировал и поэтический эксперимент, и олимпийскую классическую холодность на личную жизнь и историю (немецкую и мировую), но сделал и их поводом для эстетизма, забывшего о человеческом тёплом несовершенстве и примкнувшем, по словам Т. Манна, к варварству.

1. Вебер В. «Того, кто углублён, вбирает вечность» / Вальдемар Вебер // Иностранная литература. – 2005. – № 8. [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://magazines.russ.ru/inostran/2005/8/vv2.html.
2. Зиновьева А.Ю. Битвы прошедшие и грядущие в поэзии Осипа Мандельштама и Готфрида Бенна («Стихи о неизвестном солдате» и «Потерянное «Я») / А.Ю. Зиновьева // Литература и война: век двадцатый: Сб. статей к 90-летию Л.Г. Андреева. – М.: МАКС Пресс, 2013. – С. 174-186.
3. Топоров В. Предисловие / В. Топоров // Готфрид Бенн. Собрание сочинений. – СПб.: Изд. группа «Евразия», (Ultima Thule). – 1997. – С. 7-21.

УДК 821.111

ПОЭТИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ В РОМАНЕ К. МАККЕНЗИ «ГАЙ И ПОЛИНА»

Сапегина Л.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
lilsapeg18@mail.ru

Одним из лучших произведений раннего творчества Комптона Маккензи (1883–1972) является роман «Гай и Полина» (1915). Четвёртый роман цикла «Театр молодости», «Гай и Полина», составляет разительный контраст с предшествующим ему романом воспитания «Зловещая улица». После «Зловещей улицы» с её эпическим размахом, «Гай и Полина» предстаёт камерной пасторальной интерлюдией, лирической историей любви.

Парное именное заглавие произведения вполне оправданно отсылает к традиции любовно-буколического повествования «Дафниса и Хлои» Лонга, поскольку в центре романа Маккензи – история любви, разворачивающаяся в рамках пасторально-идиллического хронотопа. Обращение к пасторальному жанру в 1915-м году, в разгар военных событий, симптоматично: пастораль всегда несла в себе идею эскапизма, связанную с неприятием реальной действительности.

История Гая и Полины посвящена вовсе не торжеству любви вопреки всем преградам и даже смерти, как в любовном романе предыдущих эпох («Тристан и Изольда»; «Поль и Виржини» Бернардена де Сен-Пьера). Это скорее рассказ об умирании любви двух прекрасных молодых людей, казалось бы, обречённых на счастье. Сам характер описываемых событий весьма далек от авантюрности. Поскольку внешние события сведены к минимуму и связаны с обыденной повседневной жизнью – это визиты, обеды, музицирование, прогулки, работы в саду, редкие поездки за пределы Уичфорда, – акцент в романе переносится на внутреннее движение – чувств и переживаний персонажей, динамику их отношения друг к другу, что определяет выраженный психологический уклон романа.

Своеобразие поэтики «Гая и Полины» определяется вовлечением интертекстуальных и интермедиальных средств. Многочисленные поэтические, живописные и музыкальные аллюзии в произведении Маккензи – программный момент для автора, в духе синтеза искусств рубежа XIX-XX веков стремившегося использовать в своих ранних романах поэтические приёмы, музыкальные и живописные средства. В тексте «Гая и Полины» в том или ином контексте упоминаются имена и произведения многих выдающихся английских поэтов – Шекспира, Донна, Мильтона, Поупа, Колриджа, Китса, Шелли, Теннисона, Браунинга, Россетти, Суинберна. Это как аллюзии биографического характера, так и прямое цитирование стихотворений. Поэтические аллюзии и цитаты имеют определенные параллели с ситуацией самого героя. Например, историю 14-летней помолвки Теннисона Гай вспоминает, чтобы убедить себя, что два или три года ожидание брака с Полиной – это не так уж долго. Песня шута из «Двенадцатой ночи» Шекспира, которую Гай поёт, плывя на лодке из Оксфорда в Уичфорд, напоминает об основной теме цикла: скоротечности молодости, о том, что нужно ценить ее каждый миг:

What is love? 'tis not hereafter;
Present mirth hath present laughter;
What's to come is still unsure:
In delay there lies no plenty;
Then come kiss me, sweet and twenty,
Youth's a stuff will not endure. [1, 155]

Кроме того, таким образом Маккензи изящно обыгрывает использование в пасторальном романе стихотворных вставок. Песня шута в данном случае выполняет роль пастушеской песни-монодии.

Поэтические произведения зачастую выступают проекцией дальнейшего развития сюжета. Например, после удивительной встречи с сёстрами Грей на фоне романтического лунного пейзажа, Гай читает «Канун Святой Агнессы» Китса. Сюжет поэмы «предвещает» ту историю любви, которую придётся пережить самому Гаю.

Поэтические образы выступают порой психологической параллелью героев. Полина, живущая в мире сказки, грезы, мечты, вызывает у Гая ассоциации с Благословенной девой (*The Blessed Damozel)* Д. Г. Россетти. Свою любовь к Гаю она сама определяет как *‘half-dream’*. Ей нравится

мечтать о Гае, но реальный Гай ее пугает. Однако, когда нежное и трепетное чувство любовного восторга перерастает в чувственную страсть, образ Полины в сознании Гая трансформируется в образ Безжалостной красавицы из баллады Китса *La Belle Dame Sans Mercy*.

Поэтические аллюзии в романе «Гай и Полина» придают в целом тривиальному сюжету объём и глубину. Любовная история Гая и Полины предстаёт, с одной стороны, одной из многих подобных историй, уже рассказанных в мировой литературе. С другой стороны, «поэтическое сопровождение» наделяет повествование лиризмом, и история гибели любви Гая и Полины обретает своё индивидуальное лицо, свежесть и пронзительность.

1. Mackenzie C. Guy and Pauline. – London: Martin Secker, 1915. – 395 p.

УДК 821.111

ДВЕ «СЦЕНЫ В ТЕАТРЕ»: РОМАНЫ Э.М. ФОРСТЕРА «КУДА БОЯТСЯ СТУПИТЬ АНГЕЛЫ» И Х. УОЛПОЛА «ТАИНСТВЕННЫЙ ГОРОД»

Теличко Т.Г.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
telitan903@gmail.com

В начале XX века впервые в мировой истории со всей остротой встала проблема понимания. Необходимость диалога, не отрефлектированная пока в философской, научной мысли, тем не менее, была уже прочувствована многими писателями начала века. Для анализируемых в данной работе произведений – Э.М. Форстера «Куда боятся ступить ангелы» (1905) и Х.Уолпола «Таинственный город» (1919) – проблема *понимания* – себя, своего (английского), чужого (неанглийского), всечеловеческого – основная проблема.

Исходной схемой для развития сюжета в обоих романах становится ситуация «англичанин на чужбине». Пространственные перемещения героев, закрепленные топосами вокзала и дороги, соотносимы с темой испытания и проверки «чужим». В романе Форстера Италия «испытывает», «проверяет» Англию, как в зеркале «отражает» природу английскости. В романе Уолпола драматизм жизненной конкретики (русская революция в Петрограде) до предела обостряет изначальный конфликт «англичанина на чужбине» и способствует актуализации экзистенциальных проблем. Россия в романе «Таинственный город» «испытывает» душу – всечеловеческую – на стойкость.

Образы Италии и России, которые формируются в романах писателей, конечно, разные, но пути к постижению «другого», очерченные в каждом из романов, все-таки одинаково ведут к общечеловеческому. Искусство и религия оказываются теми силами, которые удерживают от разрушения, а разрушенную Вавилонскую башню пытаются восстанавливать.

Примечательными в этой связи являются «сцены в театре»: опера «Лючия ди Ламмермур» Доницетти в романе Форстера и премьера

мейерхольдовского спектакля «Маскарад» в романе Уолпола. Оба автора используют известную со времен Шекспира «проявительную» способность искусства. «Сцены в театре» представлены в параметрах «великого мгновения» («Куда боятся ступить ангелы» Форстера) и «откровения» («Таинственный город» Уолпола). Суггестивная сила искусства в обоих случаях приводит героев к пониманию «другого» и открывает возможности для приближения к осознанию «первичного всеединства».

УДК 821.111

ОБРАЗ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В РАССКАЗЕ С. РУШДИ «ЙОРИК»

Чуванова О.И.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
lambent87@gmail.com

Европейская литература уже давно позиционирует Восток как явление, совершенно противоположное культуре Запада. Однако с появлением произведений культурного «пограничья» писатели, воспитанные в лоне двух (а порой и более) культур, вносят свою долю и в переосмысление образа Запада. Таков рассказ Ахмеда Салмана Рушди «Йорик» («Yorik») из сборника «Восток, Запад» («East, West», 1994), в котором декларируются приметы исчерпанности западной цивилизации, педалируются «симптомы» распада западного мира (гниение как метафора внутреннего разложения нравов, нивелирования ценностей). Рассказ представляет собой постмодернистскую вариацию шекспировской пьесы «Гамлет, принц Датский». Взятый за основу знаковый образчик английского культурного наследия иронично акцентирует интерес постмодернизма к проблеме текста, к интертекстуальным связям, к разрушению границ между реальностью и вымыслом. С учётом основной дихотомии в творчестве С. Рушди («лик и личина» как отношение реальности и вымысла [1]) в рассказе осуществляется пересмотр истории Запада, развенчивание образа западной цивилизации.

Хотя рассказ в целом отсылает к трагедии «Гамлет», в нем имеются переклички и с другими произведениями Шекспира. Автор играет с «шекспировским текстом» как симулякром некогда великой западной культуры. Именно игра раскрывает утрату этого богатства, а также помогает Рушди «поставить под сомнение использование английского культурного наследия» («to question the use of English cultural heritage» [3, с. 117; пер. наш – О.Ч.]).

1. Салганик М. О благотворности сомнений. Сальман Рушди – «Стыд» и другие романы / Иностранная литература. – № 9. – М.: Известия, 1989. – С. 225-233.
2. Rushdie S. East, West / S. Rushdie. – London: Vintage, 1995. – P. 61-83.
3. Meyer M. Swift and Sterne revisited. Postcolonial parodies in Rushdie and Singh-Toor / Michael Meyer // Cheeky Fictions: Laughter and the Postcolonial. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://qoo.by/j7e

УДК 378.147:811.11

ИНТЕГРАЦИЯ ПРЯМОГО И КОММУНИКАТИВНОГО МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ НА БАЗЕ АНГЛИЙСКОГО В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Барабанщикова А.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк
fotonya28@mail.ru

В данной статье рассматриваются принципы сочетания прямого и коммуникативного методов обучения немецкому языку, основанных на функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка. Главным вектором сочетания таких методов является разработка целостной системы обучения студентов речевому общению на профессиональные темы.

В методике преподавания иностранного языка понятие «метод» имеет два значения: метод как методическая система или принципиальное направление в обучении предмету в конкретный исторический период развития науки и метод как путь и способ достижения определенной цели в преподавании и обучении [1, с. 15].

Сегодня перед преподавателем иностранного языка в неязыковом вузе стоит задача согласовать социальный заказ общества с требованиями учебной программы и минимальным количеством часов в действующем учебном плане. Так, преподаватель ставит перед собой цель научить студента в течение ограниченного учебными рамками периода говорить о проблемах своей специальности и понимать речь носителей языка. Добиться поставленной цели, однако, можно делая решительный упор на принцип коммуникативности как в обучении, так и в построении используемых учебных материалов и учебных пособий. Изучение особенностей устной научной речи должно учитывать новейшие данные психологической и методической науки, с одной стороны, и коммуникативные особенности языка специальности в соответствии с профилем обучения, с другой [2, с. 64-65].

Коммуникативным методом руководствуются британские и американские языковые школы Bell International, OISE, Rennert Bilingual, NESE. Все результаты достигаются за счет сведения к минимуму использования родного языка обучаемого во время проведения занятий. При использовании такого подхода очень важно научить человека думать на иностранном языке, чтобы он воспринимал иностранную речь без каких-либо ассоциаций с родным языком. Кроме этого, изучение теоретических моментов сведено к минимуму или вообще отсутствует, а главное внимание уделяется живому общению, т. е. разговорной речи.

«Прямой» (direct) метод известен как метод Берлица, основной принцип состоит в полном исключении родного языка студента из процесса обучения, цель – научить студента думать на иностранном языке [3, с. 160-162].

На старте изучения второго иностранного языка, например, немецкого, основным барьером является, как ни странно, знание английского языка. В тоже время английский является своеобразной опорой для студента, ранее не изучавшего немецкий язык. Таким образом, имея точку опоры в виде камня преткновения, необходимо подобрать такое сочетание методов преподавания второго иностранного языка, чтобы актуальными оставались основные цели процесса обучения: формирование коммуникативной компетенции у студента и его профессиональных качеств. Однако, с учетом всех условий и требований к компетенции и подготовке студента, добиться максимального эффекта можно путем попадания студента непосредственно в языковую среду, либо, при отсутствии такой возможности, создавать для него эту среду искусственно.

Сочетание метода Берлица и коммуникативного метода может обеспечить благоприятные условия для создания и погружения в языковую среду, для формирования навыка переключения с одной языковой системы на другую, для открытия динамических составляющих порождения речи на иностранном языке, для обеспечения быстрого обучения новым грамматическим и лексическим особенностям построения речи на новом иностранном языке, а также для совершенствования коммуникативной компетенции студента (лингвистической, социокультурной), для побуждения студента находить коммуникативные решения в определенной ситуации, для формирования навыка самостоятельного поиска решения.

Основными условиями достижения поставленных целей является создание искусственной языковой среды на занятиях, где на старте изучения второго иностранного языка (немецкого), звучала бы только английская либо только немецкая речь, т.е. полностью исключить объяснение и толкование правил немецкого языка на родном языке. Таким образом, студент окунается в языковую среду, где он автоматически заставляет себя находить языковое и коммуникативное решение для понимания и усвоения нового материала и нахождения обратной связи с преподавателем. Основная задача такого преподавания языка в начале его изучения является показать второй иностранный язык через призму уже имеющихся знаний о другом иностранном языке, а потом выстраивать вертикали и горизонтали в структуре второго иностранного языка, взаимоотношения деталей языка и их работу. Недостаток языковой компетенции по отношению к немецкому языку компенсируется знаниями английского языка.

Таким образом, попадая в искусственно созданную языковую среду, где в качестве рабочего языка выступает неродной язык, студент вынужден сконцентрировать свое внимание на поиске решения коммуникативных задач путем быстрого анализа и сопоставления грамматических и лексических структур двух иностранных языков. Т.е. знания английского языка выступают в качестве посредника в процессе обучения второму иностранному языку.

1. Миролюбов А.А., История отечественной методики обучения иностранным языкам. – М.: Ступени, 2002. – 448 с.
2. Барабанщикова А.А. Инновационные технологии преподавания второго иностранного языка (немецкий) в техническом вузе / Проблемы и пути совершенствования учебной, учебно-методической и воспитательной работы. – Донецк, 2016. – 679 с.
3. Сурженко О.Ю. Коммуникативная методика против традиционного метода обучения иностранному языку [Текст] // Педагогика: традиции и инновации: материалы VI междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2015. – С. 160-162.

УДК 378

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Воеводина А.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
avvoyevodina@mail.ru

В настоящее время в условиях расширяющихся деловых контактов возрастает необходимость в специалистах в сфере экономики, владеющих английским языком на высоком профессиональном уровне. Крупные компании нуждаются в экономистах, маркетологах, финансистах, которые могут не только работать с иноязычными источниками для получения информации, но и осуществлять качественный перевод с/на английский язык. Одной из основных целей обучения переводу студентов-экономистов является умение выполнять письменный перевод текстов по специальности и достигать при этом смысловой и стилистической адекватности. В связи с данными требованиями во многих вузах в вариативный блок учебных дисциплин включен курс теории и практики перевода. В отличие от студентов, обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение», где предусмотрена работа с текстами разной направленности, обучение студентов-экономистов должно быть ориентировано на тесное взаимодействие с профессиональными экономическими дисциплинами, то есть тексты для перевода должны иметь узкую профессиональную направленность. К сожалению, в связи с быстрым развитием экономической науки, актуальность текстового материала быстро теряет свою информационную ценность. Поэтому перед преподавателем, прежде всего, ставится задача подобрать тексты, которые должны отвечать определенным требованиям: 1) валидность (т.е. актуальность представленной в нем информации); 2) неперегруженность терминологией; 3) сравнительно небольшой объем (до 5 тыс. печатных символов). Чтобы помочь студенту лучше ориентироваться в материале, необходимо правильно ввести в употребление терминологию фундаментального значения, связанную с самыми различными видами

экономической деятельности. Вводу активной лексики могут предшествовать упражнения для самостоятельного выполнения с последующим кратким обсуждением. Проверка усвоения активной экономической терминологии может осуществляться с помощью различных упражнений: перевод с английского на русский и обратно; подбор нужной дефиниции к термину; самостоятельное определение термина. Задания данного типа помогают выработать у студентов навык работы с различными словарями: англо-русским, русско-английским, англо-английским толковым словарем.

Активизация новой терминологии осуществляется с помощью упражнений на перевод с английского на русский язык и с русского на английский (Vocabulary Practice).

Тексты, предлагаемые для перевода, должны быть насыщены переводческими трудностями (грамматическими и лексическими) и обязательно содержать в себе лексические единицы, представленные в предтекстовых упражнениях.

Следует отметить, что ввиду недостаточной сформированности у студентов экономических специальностей лингвистического понятийного аппарата, необходимо в ходе занятий по практике перевода сосредоточиться на конкретных переводческих приемах (транскрипция, транслитерация, калькирование и т.д.), избегая общих лингвистических терминов. Примеры лексических и грамматических трансформаций при переводе следует приводить, основываясь на специально-тематических текстах.

Итак, следует сформулировать основные принципы работы при обучении переводу студентов экономических специальностей:
1) содержательная сложность текста, а также предтекстовых и послетекстовых упражнений должна увеличиваться постепенно, «от простого к сложному»; 2) тексты для перевода (даже в рамках одной тематики) должны быть разнообразны по жанру и стилю; 3) объем текста увеличивается постепенно; 4) для перевода с русского языка на английский предлагаются тексты меньшего объема; 5) тексты для устного перевода должны быть более легкими и сопровождаться специальными упражнениями; 6) тексты для самостоятельной работы должны включать в себя по возможности весь лексико-грамматический материал, пройденный во время занятия в аудитории.

1. Алимов В.В. Явление лингвистической интерференции при изучении специального перевода (на прим. рус., англ. и фр. яз в воен., техн. и юрид. пер.) Текст.: дис... канд. филол. наук: 10.02.04 / В.В.Алимов. – М., 1998. – 196 с.
2. Борисова Л.И. Лексические особенности англо-русского научно-технического перевода. Теория и практика перевода. Текст.: учеб. пособие / Л.И.Борисова. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2005. – 216 с.
3. Бузина Ю.Н. Обучение работе над английскими текстами студентов экономических факультетов Текст: дис... канд. пед. наук: 13.00.02 / Ю.Н.Бузина. – М., 2000. – 142 с.

УДК 81'253

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ГИДА-ПЕРЕВОДЧИКА

Войницкий Д.Н.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
kafedra.romanskih@mail.ru

Развитие инфраструктуры и организации въездного туризма немыслимо без должной и качественной подготовки соответствующего персонала, в т.ч. владеющего иностранными языками. Одно из важных мест в сфере международного туризма, в первую очередь въездного, занимает личность гида-переводчика, выполняющего функцию посредника в межкультурном общении, так как от него и от его профессионального уровня в значительной степени зависит полнота восприятия туристами информации о данной стране и степень их удовлетворенности предоставляемыми туристическими услугами.

Гид-переводчик – это необходимый работник местного туристического агентства или компании-туроператора, который находится при группе от 2 часов (в случае простой пешеходной экскурсии по одному объекту) и до 16 часов в сутки (при сопровождении группы на круизах или в автобусных или железнодорожных турах), испытывая при этом не только физическую, но и большую психологическую нагрузку.

Очень часто к профессии гида-переводчика приходят не только уже состоявшиеся переводчики-профессионалы, но и выпускники языковых вузов и факультетов. Поэтому во время обучения студентам, кроме языковой подготовки, следует прививать психологические навыки, обязательные при работе с иностранцами, особенно на старших курсах и в период переводческой практики. Можно отметить, что программы подготовки гидов в различных учебных центрах и на курсах обычно рассчитаны на 150-300 академических часов, иногда с последующей стажировкой при турагентстве. Все программы в большей или меньшей степени содержат обучение по дисциплинам *Психология делового общения. Деловой этикет. Культура речи* [1], на которых слушатели знакомятся, в частности, с некоторыми психологическими аспектами своей работы.

Опытные преподаватели, ведущие подготовку будущих переводчиков, должны передавать им достаточный уровень знаний о реалиях и традициях стран изучаемого языка, знакомить их с культурными достижениями данных стран. Будущему переводчику недостаточно простого владения лексическим материалом и грамматическими знаниями в области изучаемого языка. Он должен владеть элементарными знаниями по литературе, истории, народным традициям, как своего народа, так и народа, представляемого туристами, что достигается, в первую очередь, путем самостоятельного изучения соответствующего материала, ввиду того, что нередко учебные планы выделяют недостаточно часов на данную тематику.

Основой будущей профессиональной деятельности переводчика является его языковая компетенция, которая относится ко всем аспектам владения языком, характерным для любого носителя языка или участника языковой коммуникации, она включает большой массив знаний о системе языка, его словарном запасе и грамматическом строе, основах теории и практики перевода [2].

Важно отметить наличие в процессе перевода и психологической компоненты, которая связана с оценкой переводчиком своей работы через реакцию реципиентов перевода. Неприятие ими качества перевода, отсутствие у переводчика, особенно начинающего, поведенческих навыков работы с публикой могут отрицательно сказываться на его психологическом состоянии. Возникающая при этом внутренняя неуверенность в себе, в своей профессиональной компетенции способны существенно поколебать выполнение переводчиком процесса перевода или выступления на иностранном языке.

В процессе перевода речевая деятельность гида-переводчика в меньшей степени связана с аудированием, в ней акцент перемещается на говорение, представленное хорошо заученными наизусть монологическими текстами экскурсий. В течение нескольких часов опытный гид-переводчик ведет экскурсию, не пользуясь никаким вспомогательным материалом. При этом уверенность в своих знаниях и языковой компетенции отражается и на его психологическом состоянии, когда уровень и качество перевода не страдают, невзирая на вероятные сбои в программе экскурсии и на частые вопросы туристов, задаваемые, в том числе, не по теме проводимой экскурсии.

Преподавателю, на всех уровнях подготовки переводчика, следует объяснять студентам (слушателям), что успешность их будущей работы с иностранной публикой напрямую зависит от многих психологических качеств личности, таких как коммуникабельность, быстрая реакция, доброжелательность, расположенность и готовность идти навстречу запросам клиента, чувство юмора, умение заинтересовать своим рассказом. Как отмечают специалисты, в лексиконе переводчика необходимо избегать использования слов с отрицательными коннотациями. В противном случае переводчик рискует потерять расположение и доверие туристов группы, что неизбежно отразится на его дальнейшем психологическом состоянии и выполнении профессиональной деятельности.

Кроме того, еще на теоретических занятиях будущий переводчик должен получить представление о любых конфликтных ситуациях, которые могут возникнуть между ним, с одной стороны, и его иностранным клиентом или группой туристов, с другой. Данные негативные ситуации должны постоянно моделироваться самим переводчиком, особенно накануне ответственной работы, с тем, чтобы внутренне избежать возможных психологических стрессов и настроиться на позитивное восприятие любых конфликтных факторов.

К отрицательным факторам, которые создают психологические трудности и могут повлиять на качество перевода и на работу начинающего

переводчика в целом, следует отнести страхи и опасения в отношении недостаточного уровня своей языковой и общекультурной компетентности ввиду малого опыта работы, вероятные стрессы от неожиданной реакции публики (перебивающие громкие вопросы, недовольные реплики, смех), неуверенность и неопытность при работе с группами людей, отсутствие навыков вести себя перед аудиторией (в т.ч. при работе с микрофоном).

Из данной предпосылки можно сделать вывод, что психологическое состояние гида-переводчика при работе с иностранной публикой зависит, в первую очередь, от его стрессоустойчивости, способности и умения уравновешивать свои внутренние психические процессы. К положительным качествам переводчика следует отнести также спокойствие, общительность, умение сохранять выдержку на публике в любых конфликтных и стрессовых ситуациях, находить выход из сложных ситуаций, просчитывать возможную реакцию аудитории, избегая слов и выражений, способных обидеть слушателя.

Ввиду вышеизложенного следует отметить, что профессиональная компетенция гида-переводчика, которая обеспечивает оптимальные результаты его деятельности, включает следующие направления:

- языковая компетенция, со знанием основ теории и практических навыков перевода;
- общекультурная (экстралингвистическая) компетенция, т.е. наличие специфических знаний культурного, исторического и страноведческого характера, необходимых для выполнения данного вида деятельности;
- знание психологических основ общения, принципов этикета, понимание этнического менталитета данной группы туристов, владение культурой речи;
- уверенность в себе, выдержка, находчивость, доброжелательность, общительность, психологическая устойчивость к стрессовым ситуациям, наличие ораторских и организаторских способностей.

Таким образом можно заключить, что формирование личности переводчика в широком смысле необходимо начинать со студенческой скамьи, как на теоретических занятиях, так и во время переводческой практики, когда роль преподавателя, или руководителя практики, направлена, кроме формирования навыков перевода, на преодоление всех явных и вероятных негативных факторов, проявляющихся в личных и профессиональных качествах будущего переводчика. Со своей стороны, сам переводчик должен постоянно стремиться расширять пределы своей как языковой, так и экстралингвистической профессиональной компетенции.

1. Положение о единой системе подготовки и аккредитации экскурсоводов и гидов-переводчиков в Санкт-Петербурге. Утверждено постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 27.10.2008 N 1330. URL: http://www.bestpravo.ru/leningradskaya/dg-pravo/m4w.htm
2. Деятельность и личность переводчика. URL: http://www.ukraine-diplom.com/33/16113-deyatelnost-i-lichnost-perevodchika.html

УДК 378.091.274:81’243

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Волкова Е.А., Новоградская-Морская Н.А.
ГОУ ВПО «Донецкий государственный университет управления», г. Донецк

Обучение иностранному языку (ИЯ) нужно рассматривать как процесс личностного развития человека в контексте диалога культур. Знание иностранных языков – важная предпосылка личных, культурных, профессиональных контактов специалистов, залог их успешности в жизни.

Специфика ИЯ как предмета обучения и его место в системе дисциплин экономических и управленческих вузов определяется профессиональной направленностью. В методике большое внимание уделяется основным методическим принципам, положениям и подходам в обучении иностранным языкам в неязыковом вузе (Давыдов, 1986; Пассов, 1989; Савченко, 1990; Скалкин, 1986; Роман, 2001; Тарнопольский, 2004 и др.).

Основные дидактические особенности в обучении ИМ в неязыковом вузе включают: 1) современные общие образовательные и методические положения в обучении ИМ; 2) специфику специальности и ее задачи в контексте преподавания ИМ; 3) вопросы, связанные с технологией обучения профессионально направленному ИЯ и с формами контроля знаний.

Образовательные стандарты, рабочий учебный план и рабочая учебная программа подготовки специалиста обобщают требования к содержанию образования и обучения. Современный специалист должен с помощью информационных технологий, непосредственного общения исследовать деловые возможности зарубежных партнеров, поддерживать деловые контакты, подбирать литературные источники, при необходимости использовать общенаучные и специфические методы сбора информации.

Анализируя современные методические положения, мы ориентировались на общеевропейские компетенции владения иностранными языками – Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment (CEFR), которые определяют современные методические положения в обучении ИЯ. Эти рекомендации нацелены на преодоление барьеров в общении между людьми разных национальностей, достижение более глубокого понимания их жизнедеятельности, форм мышления, культурного наследия. Рекомендации обеспечивают создание общей основы для разработки учебных планов по языковой подготовке; типовых программ, учебников и других нормативных документов. Рекомендации определяют уровни владения речью, которые позволяют измерить успехи учащихся на каждой ступени обучения или в течение всей жизни [7].

Общение пронизывает все человеческое существование. Различные виды компетенций взаимодействуют комплексно в процессе развития каждой отдельной личности. Коммуникативную компетенцию мы определяем как

способность человека понимать и воспроизводить иностранный язык не только на уровне фонологических, лексико-грамматических и страноведческих знаний и речевых умений, но и в соответствии с различными целями и спецификой ситуации общения. Коммуникативная компетенция состоит из ряда компетенций: лингвистической, социолингвистической и прагматической [1].

Коммуникативность рассматривается не как методический принцип, а как принцип методологический, что подчиняет себе все стороны обучения: соотнесение знаний, умений и навыков, отбор приемов обучения и контроля, содержание общеобразовательных и воспитательных задач, а также объем и характер связей с другими учебными предметами. Главное же в коммуникативном обучении – это направленность учебного процесса на развитие практических умений владения языком как средством общения в различных жизненных ситуациях в зависимости от цели, то есть на формирование коммуникативной компетенции определенного уровня. Следовательно, вся организация учебной деятельности должна определенным образом воспроизводить процесс моделирования принципиально важных параметров общения, таких как: личностный характер коммуникативной деятельности субъектов общения, отношения и взаимодействие речевых партнеров. В процессе обучения мы должны опираться на ситуацию как форму функционирования общения, содержательную основу процесса общения, а также на систему речевых средств, обеспечивающих коммуникативную деятельность, функциональный характер усвоения и на использование речевых средств и эвристичность [3].

Конечной целью обучения иностранным языкам в рамках названного подхода является формирование и развитие иноязычной коммуникативной компетенции, готовности и способности студентов к общению в различных повседневных, академических и профессиональных сферах.

Языковая (речевая) система студента развивается на основе учебной коммуникации и основана на решении коммуникативных заданий. Способ презентации заданий решительно влияет на характер обсуждения и решения заданий, а также на результаты усвоения языкового материала [4].

Важнейшей целью является создание преподавателем языковой среды, в которой процесс овладения иностранным языком будет происходить менее формально. Этому может способствовать:

а) спонтанное участие во всех видах речевой деятельности, что приближает учебные условия к реальным;

б) участие в видах деятельности, спланированных с учетом профессиональных интересов и целей студентов;

в) участие не просто в выполнении профессионально направленного задания, но и в его подготовке, анализе и оценке;

г) эксплицитное осознание целей, природы и структуры профессионально направленных заданий [2].

Перечисленные выше положения должны быть учтены при проектировании системы профессионально направленного обучения иностранному

языку студентов высших учебных заведений для реализации задачи получения ими высокого уровня квалификации.

1. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. – М Педагогика, 1986 – 240 с.
2. Роман С.В., Новоградська–Морська Н.А. Умови формування мотивації до вивчення іноземної мови у немовному вищому навчальному закладі / Нариси досліджень у галузі гуманітарних наук у педвузі / С.В.Роман, Н.А.Новоградська–Морська // Збірник наукових та науково–педагогічних праць. Випуск 4. т.1 – К.: Либідь, 2001. – С. 133–138.
3. Скляренко Н.К. Сучасні вимоги до вправ для формування іншомовних мовленнєвих навичок і вмінь / Н.К. Скляренко // Іноземні мови. – 1999. – №3. – С. 3–7.
4. Скалкин В.Л. Основы теории обучения устноречевой коммуникативной деятельности (вузы розширенных программ по иностранному языку): Автореф. дис.…канд.пед.наук: 13.00.02. – М.,1986. – 36 с.
5. Савченко Г.П. Обучение профессионально ориентированному иноязычному общению студентов: автореф.канд.дис. – М, 1990. – 16 с.
6. Тарнопольский О.Б. Методика обучения английскому языку для делового общения / О.Б. Тарнопольский–К: Ленвит, 2004. – 192 с.
7. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment (CEFR) [Электронный ресурс] / Council of Europe 2014 –Режим доступа: http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/cadre1_en.asp, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

УДК 378.091.274:81’243

РОЛЬ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПРИНЦИПА ДЛЯ МЕТОДИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АКТА РЕЧИ

Гаврилина Е.И., Воловик Н.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского»
inozmov@kaf.donnuet.dn.ua

Применение функционального принципа для методического анализа акта речи дает два главных результата: а) членение акта речи по операциям, которые совершаются с определенными категориями языкового материала в процессе естественной речи и б) собственно методические критерии типологии и системы упражнений.

Членение языкового материала на фонетический, лексический и грамматический аспекты, с весьма давних пор применяемое в методике, служит, во-первых, в качестве «меры счета» учебного материала при планировании учебного процесса и, во-вторых, в качестве основы для разработки упражнений по иностранному языку.

Опора на аспекты языка при разработке упражнений была оправдана в те времена, когда преобладающее место в целевой установке занимало развитие логического мышления учащихся, чему служили всевозможные грамматические экзерсисы. Но аспектные упражнения не дают

положительных результатов, если ставится цель усвоения языка как практической коммуникативной деятельности. Они не отвечают этой цели, так как членение языкового материала на аспекты само по себе есть нарушение тех связей, в которых единицы языка употребляются в речи.

Осуществление естественного акта речи, особенно на начальном этапе изучения иностранного языка, скрывает в себе много трудностей, преодолеть которые сразу не представляется возможным. Поэтому требуется вычленение, изолирование трудностей и преодоление их в определенной последовательности. Таким образом, методика имеет дело с двумя состояниями акта речи – целостным, естественным, и расчлененным для учебных целей.

В целостном, естественном акте речи имеет место сложная операция комбинирования (рецептивного и продуктивного). Языковым материалом этой операции являются слова и словосочетания. Обнаружение учебных трудностей в соответствии с функциональным принципом означает, с одной стороны, вычленение частных операций, входящих в операцию комбинирования и обусловливающих ее, с другой стороны, выделение в материале слов и словосочетаний тех языковых явлений, с которыми упомянутые операции совершаются. Слова и словосочетания, будучи постоянными комбинациями звуков или букв (в связи со значениями), должны опознаваться и воспроизводиться, и выполнение этих операций есть необходимое условие для выполнения операций комбинирования слов и словосочетаний относительно контекста и ситуации. По мере введения новых слов и словосочетаний в ходе упражнений вступают в действие модели.

Модель языка, которую можно эффективно использовать для обучения языку, обладает постоянными методическими свойствами независимо от того, получается ли она в результате интерпретации традиционных правил морфологии, синтаксиса и словообразования или является продуктом лингвистической теории. Существенным методическим свойством модели является способность служить базой для употребления по аналогии с ней другого языкового материала. Вводимое в ходе обучения явление языка, если оно не включается в рамки уже знакомой модели, само по себе не может действовать как модель до тех пор, пока у учащегося не будет накоплено определенное количество аналогичных явлений языка.

В модели синтезированы разнородные явления языка так, как они функционируют в естественной речи, и при которых словообразовательные, морфологические и фразеологические модели являются в то же время и синтаксическими моделями. Однако наибольшее значение должно придаваться не аспектной принадлежности моделей, а операциям, которые совершаются с ними и при помощи их (опознавание, воспроизведение, комбинирование).

В разных видах речевой деятельности одна и та же операция, будь то опознавание, воспроизведение, рецептивное или продуктивное комбинирование обладает специфическими особенностями, которые должны найти отражение в составе учебных операций и, следовательно, в характере конкретных упражнений.

Рассмотренное выше членение акта речи с точки зрения функционального принципа представляет собой основу для разработки упражнений двух типов – подготовительных и речевых – соответственно двум состояниям акта речи. Овладение операциями с категориями языкового материала в расчлененном акте речи осуществляется в подготовительных упражнениях. Для речевых упражнений акт речи не расчленяется, трудности их выполнения связаны, главным образом, с содержанием речи.

Типы упражнений есть наиболее общие группы упражнений, объединяемые на основе признаков, вытекающих из методического членения акта речи по операциям. Признаки подготовительных упражнений:

а) расчлененность языкового материала по операциям;
б) расчлененность речевых умений и навыков;
в) замедленный темп речи;
г) раздельность акта речи вне лингвистической речевой ситуации;
д) наличие учебных трудностей, связанных с расчленением акта речи.

Признаки речевых упражнений:

а) слитность языкового материала;
б) слитность речевых умений и навыков;
в) естественный темп речи;
г) слитность акта речи с соответствующей речевой ситуацией;
д) наличие учебных трудностей, связанных с осуществлением целостного акта речи.

Для того чтобы какое-либо упражнение считалось подготовительным, ему надо обладать хотя бы одним из соответствующих признаков. Всякое речевое упражнение характеризуется наличием всего комплекса признаков, свойственных речевым упражнениям. Речевая направленность каждого упражнения состоит в том, что выполняемые в данном упражнении операции соответствуют реальным операциям в акте речи, воплощают их или являются их частью.

Определение методической значимости лингвистических данных, методическое членение акта речи, выведение типологических признаков упражнений и возможности построения системы упражнений на основе учебных операций не исчерпывает всего содержания функционального принципа. Отбор и преобразование лингвистических данных, осуществляемые с помощью функционального принципа, в значительной мере предопределяют и психологическую сторону усвоения языка.

1. Тер-Минасова С.Г. Традиции и инновации языкового образования в России / С.Г.Тер-Минасова // Инновационные проекты в языковом образовании: сборник научных статей / под ред. Ю.Б. Кузьменковой. – М.: Центр по изучению взаимодействия культур ФИЯР МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007. – С. 5–10.
2. Щемелева, И.Ю. Применение инновационных методов обучения иностранным языкам в школе: учебно-методическое пособие / И.Ю.Щемелева, Ю.С.Васильева, А.О.Наследова, И.В.Нужа. – Орск: Издательство ОГТИ, 2009. – 118 с.

УДК 378.091.274:81’243

УПРАВЛЕНИЕ УЧЕБНЫМ ПРОЦЕССОМ: ОШИБКИ СТУДЕНТОВ И ПРОВЕДЕНИЕ РАБОТЫ НАД ОШИБКАМИ

Герасименко Е.Е.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
iya-rosh@yandex.ru

Ученые – методисты Пол Блэк и Дилан Уильям считают, что важность ответной реакции преподавателя на работу студента трудно переоценить. Только формирующее, созидательное оценивание является основой эффективного преподавания. Их выводы сделаны на основе многочисленных исследований, проведенных в разные годы. Другие методисты, в частности Ричард Каллен, соглашается с тем, что оценка преподавателем работы студента играет ключевую роль в дальнейшем формировании правильного ответа студента. Очень важно для преподавателя убедиться, в том, что его ответная реакция соответствует конкретной группе студентов, их уровню знаний, а также виду деятельности, в которой были заняты студенты. Необходимо признать, что ответная реакция преподавателя является важнейшей составляющей учебного процесса.

Одной из проблем, с которой каждый преподаватель неизбежно сталкивается в процессе своей деятельности, это попытка найти объяснение, почему студенты продолжают совершать те же ошибки, даже если им на это неоднократно указывают. Однако, не все ошибки одинаковы, иногда они кажутся глубоко укоренившимися, тем не менее, в другой раз студент с легкостью может сам себя исправить, не прибегая к помощи преподавателя. В своей книге, посвященной исследованию ошибок, совершаемых студентами и их исправлению, Джулиан Эдж предлагает разделить наиболее частые ошибки на три категории: оговорки – незначительные ошибки, которые сам студент в состоянии исправить, как только указать на них. Заблуждение или оплошность – эти ошибки требуют более внимательного подхода и детального пояснения, в этом случае студент даже не знает, как исправить свою ошибку. Попытка – в этом случае студент пытается дать правильный ответ, но он пока не знает, как нужно сформулировать правильный ответ. Из этих категорий наибольшее количество сложностей вызывает именно заблуждение, в то время как попытки студента расскажет о его реальных знаниях на данный момент. Среди возможных причин, вызывающих заблуждения, выделяют основные: вмешательство или взаимное влияние – студенты, которые изучают английский язык как второй иностранный, уже имеют четко сформированное представление о системе другого языка. Когда один язык начинает накладываться на другой, возникает путаница, которая в свою очередь и вызывает различные заблуждения. Эти заблуждения могут возникать на уровне фонетики: в арабском языке, например, нет фонетической разницы между [f] и [v] и

студенты, чьим родным языком является арабский, могут сказать "ferry" когда имеют ввиду "very". На уровне грамматики сложности возникают, когда грамматическая система родного языка в незначительной степени отличается: студенты французы испытывают сложности с Present Perfect, потому что во французском языке есть похожая форма, но она имеет немного другое значение и применение. И, наконец, сложности могут встречаться на уровне словоупотребления, когда слово на родном языке созвучно слову на языке иностранном, однако они имеют абсолютно разные значения: librería по – испански означает "книжный магазин", а не "библиотека" , embarasada означает "беременная" а не embarrassed "смущенный".

Второй возможный источник трудностей это – заблуждения, связанные с процессом развития, получения опыта. Исследователи в области языковых способностей детей выделяют феномен чрезмерного обобщения. Лучше всего этот феномен описать следующим образом, когда ребенок, совершенно правильно произносивший простые слова типа: Daddy, went, they, came вдруг начинает говорить: Daddy goed, they comed. Это явление можно объяснить тем, что ребенок слишком обобщает новое правило, которое он подсознательно выучил и, как результат, делает ошибки в простых вещах, которые, как казалось ему уже давно хорошо известны. Позднее все приходит в норму, и ребенок начинает строить даже более сложные конструкции, используя правильные окончания Past Simple. Студенты, изучающие иностранный язык, совершают такие же ошибки, что указывает на совершенно естественный процесс изучения языка. Эти заблуждения указывают на попытку студента создать язык – посредник, который в дальнейшем видоизменяется в стремлении студента безупречно владеть языком.

Оценка работы студента может быть как определенной и точной, четко выраженной, так и подразумеваемой. Чаще всего студенты получают оценку преподавателя в похвалы или неодобрения. Одной из неотъемлемых функций преподавателя является поощрение студентов за хорошо выполненную работу. Похвала – это очень важный компонент мотивации студента, который может включать в себя два компонента, непосредственно само одобрение работы студента и указания, которые в дальнейшем помогут им улучшить свои достижения. Все студенты одинаково любят слышать слова одобрения, однако, злоупотребление комплиментами, может вызвать совершенно противоположные результаты. Студенты могут стать зависимыми от похвалы и начнут постоянно требовать признания их достижений, даже осознавая, что они незначительны. Адекватная оценка работы студента требует определенной искусности и проницательности. Сочетание обоснованной похвалы и полезных предложений как улучшить результаты в будущем, будет способствовать дальнейшему успешному продвижению студента в изучении иностранных языков. Чаще всего преподаватели оценивают работу студентов с помощью замечаний и комментариев, как во время занятия, так и после него. Здесь необходимо всегда помнить, что вначале нужно признать старание студента, а затем указать, что пошло не так и пояснить, что необходимо сделать, чтобы

избежать в дальнейшем ошибок. Наряду с комментариями используются оценки и баллы, когда студент получает хорошую оценку, это положительным образом сказывается на его мотивации, плохие оценки могут напротив лишать энтузиазма. Когда преподаватель ставит оценку, он должен решить, на основе каких критериев он будет это делать и пояснить это студенту. Это особенно важно в тех случаях, когда преподаватель оценивает работы с творческой составляющей или проверяет устный ответ.

1. Black P. and William D. // Inside the black box: raising standards through classroom assessment. Longman, 1998.
2. Cullen R. // Supportive teacher talk: the importance of the F-move. Elt Journal, 2002.
3. Edge J. // Mistakes and correction. Longman, 1989.
4. Harmer J. // The practice of English language teaching. Pearson Longman, 2007. – 138 p.

УДК 378.147

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ФОРМИРОВАНИИ МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

Глоба Т.Н.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
tat-globa@yandex.ru

Качество овладение студентом иноязычной деятельностью в значительной мере предопределяет мотивация, которая вызывает целенаправленную активность, стимулирует выбор средств и приемов, их упорядочение для достижения цели. Психологи называют мотивацию «запускным механизмом» любой человеческой деятельности, в том числе и процесса овладения языком. Почти все студенты хотят овладеть иноязычной речью, но одного желания мало. Этот процесс предполагает преодоление разнообразных языковых трудностей и личностных недостатков, что в значительной степени задерживает достижение цели. Как результат – снижение мотивации и активности студента, ослабление воли, направленной на овладение иноязычной речью, ухудшение успеваемости в целом.

Рассматривая мотивацию как важнейшую пружину в процессе изучения иностранного языка, следует помнить, что мотивация относится к субъективным качествам студента, она определяется его личными побуждениями и потребностями. Это вызывает трудности в формировании мотивации. Преподаватель может повлиять на нее только опосредованно, создавая предпосылки, на основе которых у учащихся возникает личная заинтересованность в работе. Для этого преподавателю необходимо знать мотивы деятельности учащихся, быть способным поставить себя на их место. Педагог должен также владеть всем арсеналом мотивационных средств, знать типы, подтипы мотивации и их резервы.

Среди основных видов мотивации овладения иностранным языком различают внешнюю и внутреннюю мотивации. Внешняя мотивация находится под влиянием потребностей общества и имеет два подвида: широкую социальную и узколичностную мотивацию. Примером внешней социальной мотивации может быть желание принимать участие в международных форумах, конференциях молодежи, а узколичностной – приобретение престижной профессии, для которой необходимо владение иностранными языками.

Внутренняя мотивация обусловлена характером самой деятельности и её основным подвидом считается мотивация успешности. Она предопределяется самим процессом овладения иностранным языком, например: получение удовольствия от чтения текстов на иностранном языке или переписки с ровесниками из других стран. Внутренняя мотивация делится также на коммуникативную (желание учащихся общаться на иностранном языке в устной и письменной формах), лингвопознавательную (положительное отношение к самой языковой материи, к овладению языковым материалом) и инструментальную (позитивное восприятие учащимися определенных форм работы).

Самый высокий интерес и успешность в изучении иностранного языка достигается при соотношении внешней и внутренней мотивации 70 % к 30 %. Учёт различий в мотивационной сфере студентов может осуществляться с помощью «мотивирующей» индивидуализации, основными приемами которой являются: подбор речевых партнеров и групп с учетом общности их интересов и контекста деятельности; подбор вариативных речевых заданий, текстов для аудирования и чтения с учетом сферы интересов, желаний и предпочтений учащихся. Определение вариативной последовательности опроса учащихся во время выполнения ими речевых заданий зависит от их жизненного опыта, контекста деятельности и статуса личности в учебно-речевом коллективе.

Основным средством реализации мотивирующей индивидуализации есть тексты для аудирования, тексты и книги для чтения, комплексы упражнений для обучения устной и письменной речи, как те, что отвечают индивидуальным интересам и запросам учащихся, так и те, что способствуют формированию у них ценностных ориентаций на овладение иноязычной речью. Приведём пример задачи с учётом особенностей мотивационной сферы студентов. Инструкция: У вас три варианта магнитофонной записи текста: 1) с двумя паузами для отдыха; 2) в нормальном темпе иностранной речи без пауз для отдыха; 3) в быстром темпе иностранной речи без пауз. Третий вариант записи самый сложный. Определите, с какой записью текста вы будете работать, прослушайте текст и выполните тестовое задание.

От профессионализма и осведомленности преподавателя зависит очень много. Каждый педагог должен знать, что заинтересованный студент учится лучше. Для решения этой задачи необходимо четкое планирование структуры занятия, использование различных форм обучения, методов и приемов подачи учебного материала. Чтобы воспитать у студента стремление

достичь поставленных целей, преподаватель сам должен иметь искренний интерес к своей деятельности, объективное отношение к успехам и неудачам обучающихся и знать педагогические факторы, которые влияют на формирование положительной мотивации к учебной деятельности. Среди них:

1) Содержание учебного материала.

2) Организация учебной деятельности.

3) Педагогический стиль.

4) Коллективные и групповые формы учебной деятельности.

5) Оценка учебной деятельности студента в безличной форме и в сравнительной динамике.

Существует определенный мотивационный цикл, позволяющий преподавателю наполнить психологическим содержанием каждый этап занятия.

1-й этап. Возникновение мотивации. На данном этапе нужно зафиксировать у студентов мотивы предыдущих достижений. (Например: Мы хорошо поработали над предыдущей темой). Вызвать мотив относительной неудовлетворенности (Но не усвоили еще одну важную сторону этой темы). Усилить мотивы ориентации на предстоящую деятельность (Все это вам понадобится для...).

2-й этап. Закрепление и усиление мотивации. На этом этапе используется чередование разных видов деятельности, материала различной степени трудности и оценивание, вызывающее положительные или отрицательные эмоции, удовлетворение или неудовлетворенность результатом своей деятельности. Необходимо также активизировать познавательный интерес через поисковую деятельность учащихся и привлечения их к самоконтролю и самооценке.

3-й этап. Мотивация завершения. Здесь важно, чтобы каждый студент вышел из деятельности с положительным личным опытом, чтобы в конце занятия возникла позитивная установка на дальнейший процесс обучения. Для этого необходимо усилить оценочную деятельность самих учащихся.

Позитивное восприятие преподавателем студентов и самого себя – один из важнейших факторов эффективности его труда, так как это способствует развитию у обучающихся положительной самооценки и внутренней учебной мотивации. Преподаватель-профессионал должен иметь следующие личные качества для эффективной работы:

• Стремление к педагогической гибкости.

• Способность к сопереживанию, умение видеть потребности учащихся.

• Умение придать оригинальность процессу обучения.

• Владение стилем неформального общения с учащимися.

• Эмоциональная уравновешенность, уверенность в себе, жизнерадостность.

Таким образом, констатируем, что от преподавателя иностранного языка зависит, будут ли перечисленные виды и подвиды мотивации превращены в реальную движущую силу процесса овладения иноязычной речью на протяжении всех лет обучения в высшем учебном заведении. Современные исследования в области психологии свидетельствуют о том,

что в учебном процессе должны учитываться не только отдельные психологические качества студентов, но и весь их комплекс.

1. Лихачёв Б.Т. Педагогика: курс лекций / Б.Т. Лихачёв. – М.: Юрайт, 1998. – 464 с.
2. Максимова В.Н. Межпредметные связи в процессе обучения / В.Н. Максимова. – М.: Просвещение, 1988. – 191 с.
3. Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации человека / П. М. Якобсон. – М., 1969. – 317 с.
4. Епифанова С. Формирование учебной мотивации / С. Епифанова // Высшее образование в России. – 2000. – №3, С. 106–107.

УДК 81'253:371.315

УПРАЖНЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ ПАМЯТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Гудова О.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
skyo@mail.ru

1. Общие положения. Перевод является древним видом человеческой деятельности. Как только в истории человечества образовались группы людей, говорящих на разных языках, появились и переводчики, облегчающие это общение. С возникновением письменности к таким устным переводчикам присоединились и переводчики письменные, переводившие различные тексты официального, религиозного и делового характера. С самого начала перевод выполнял важнейшую социальную функцию, делая возможным межъязыковое общение людей.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью систематизации упражнений на развитие памяти, которые являются принципиально важной составляющей подготовки будущих переводчиков.

Цель данной работы заключается в том, чтобы рассмотреть различные типы упражнений на развитие памяти, которые могут быть использованы на занятиях при подготовке переводчиков в высших учебных заведениях.

Изучением памяти и ее местом в учебном процессе занимались многие ученые, среди которых Е.И. Рогов, А.Р. Лурия, Л.С. Выготской, Э. Гилфорд и педагог-новатор Б.В. Беляев.

По словам Блонского П.П. изучение иностранного языка способствует улучшению памяти, концентрации внимания, что очень важно и дает дополнительные возможности практически в любой сфере жизни.

Изучению как теоретических, так и практических аспектов перевода, в частности, методики обучения переводу и выработке необходимых профессиональных навыков у будущих переводчиков, уделяли большое внимание такие ученые-переводоведы, как Алексеева И.С., Комиссаров В.Н., Латышев Л.К., Миньяр-Белоручев Р.К. и др.

2. Упражнения на развитие памяти при обучении английскому языку и переводу. Все упражнения, направленный на развитие памяти, следует условно разделить на две большие группы. К первой группе можно отнести упражнения, ориентированные на запоминание отдельных слов, фраз и предложений, а ко второй группе – упражнения, предполагающие работу с текстом.

В рамках первой группы следует рассмотреть, в первую очередь, мнемические упражнения (т.е. упражнения на запоминание ряда цифр или списка слов). Приведем несколько примеров данного рода упражнений:

2.1. Преподаватель зачитывает ряд слов (цифр, географических названий, имен), а студентам необходимо повторить их в том же порядке.

– Бангкок – Куала-Лумпур – Дели – Пном-Пень
Токио – Джакарта – Мадрас – Калькутта
Манила – Ханой – Осака – Гонконг
– 10 shops – 78 books – 4 bees
7 eggs – 81 butterflies – 13 rats
12 cats – 68 dogs – 15 mice

В данном упражнении можно предложить студентам не только повторить слова, но и по памяти перевести их на русский и/или другой язык, изучаемый студентами.

2.2. В широко известном упражнении под названием «Снежный ком» можно использовать как цифры, так и разные части речи, имена собственные, причем в конце упражнения, когда список слов уже достаточно длинный, можно попросить студентов назвать их в обратном порядке, что усложнит задание, однако заставит студентов напрячь память.

2.3. Упражнение, направленное на развитие памяти и быстрое переключение с языка на язык: преподаватель готовит карточки с цифрами и/или с датами, написанными цифрами, каждый студент берет карточку и называет цифру на английском языке, другой – сразу же называет её на русском языке, третий – на втором изучаемом иностранном языке.

2.4. Упражнение по типу «Снежный ком» можно также применить и для отработки запоминания всего предложения и небольшого текста, и тогда оно приобретает следующую форму: преподаватель читает предложение, а студенты повторяют, запоминая предложение слово в слово: *Название вина происходит от провинции Шампань.*

(1) Название вина происходит от провинции Шампань, где виноград стали выращивать еще в 3 столетии.

(2) Название самого знаменитого, благородного французского вина происходит от провинции Шампань, где виноград стали выращивать еще в 3 столетии.

(3) Название самого знаменитого, благородного французского вина происходит от провинции Шампань, где виноград, как сообщают исторические источники, стали выращивать еще в 3 столетии.

(4) Название самого знаменитого, благородного французского вина происходит от провинции Шампань, где виноград, как сообщают

исторические источники, стали выращивать еще в 3 столетии, хотя культура виноделия начала развиваться здесь через тысячу лет.

(5) Название самого знаменитого, благородного французского вина происходит от провинции Шампань, где виноград, как сообщают исторические источники, стали выращивать еще в 3 столетии, хотя настоящая культура виноделия начала развиваться здесь почти через тысячу лет.

После этого студентам предлагается сделать письменный перевод данного предложения по памяти.

На начальном этапе в упражнениях, направленных на запоминание текста, не следует требовать от студентов запоминания абсолютно всех деталей прослушанного или прочитанного текста. Стремление удержать в памяти все детали, порядок слов и структуру предложений часто приводит к недопониманию, потере концентрации и смысла текста. Поэтому на первых занятиях установка на запоминание должна формулироваться следующим образом: *Кто? Что сделал? Почему? Где происходят события?* На следующем занятии можно немного усложнить установку, добавив больше деталей.

Для целостного запоминания очень важным является умение удержать в памяти основную нить изложения. В переводе на слух особенно важно производить в процессе рецепции и усвоения текста нечто вроде реферирования. Материал, превышающий по объему 100 слов, редко поддается целостному запоминанию при однократном прослушивании. Студент должен осуществить смысловую группировку текста с записью слов, взглянув на которые, он сможет воспроизвести все детали по памяти. Нужно научить студента записывать то основное звено, которое лучше всего может потянуть за собой остальную цепочку слов. В данном случае на младших курсах каждый студент находит для себя наиболее удобную форму записи. Важно, чтобы эти записи включали в себя возможно более полное содержание. В большинстве случаев роль таких опорных пунктов памяти лучше всего играют имена существительные, особенно собственные, также числительные и наречия. Формы записи могут быть произвольными. Главное, чтобы они отвечали своему назначению – служить опорными пунктами памяти. На старших курсах, в свою очередь, можно пользоваться переводческой скорописью, которая помогает переводчикам в их профессиональной деятельности. Самое главное в работе с текстом – это запоминать основной смысл и детали, а не порядок слов в исходном тексте.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что регулярное использование на занятии вышеупомянутых и подобных им типов упражнений позволяют развивать память, совершенствовать навыки запоминания и воспроизведения иноязычной речи на языке.

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. – СПб.: Союз, 2004. – 288 с.
2. Блонский П.П. Память и мышление. Соч. – М., 1979. – Т. 2. – С. 118-340.
3. Зимняя И.А. Психология обучения иностранному языку в высшей школе. – М.: Просвещение, 1991. – 222 с.

4. Комиссаров В.Н. Теоретические основы методики обучения переводу. – М.: Рема, 1997. – 111 с.
5. Латышев Л.К., Проворотов В.И. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 135 с.

УДК 81-13

ТЕХНОЛОГИЯ ВЕБ-КВЕСТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ (АНГЛИЙСКОМУ) ЯЗЫКУ

Епифанцева Л.А.
Донецкий лицей «Коллеж»
laepifanceva@mail.com

Стремительное изменение окружающего мира изменяет и требования к будущей социализации обучающихся. Учебные предметы перестают иметь четкие границы. Подразумевается, что в течение жизни человек будет несколько раз менять род своей деятельности. Возрастает роль быстрого переучивания с одного вида профессиональной деятельности к другому в течении трудовой карьеры. Сегодня работодатели предъявляют требование к умению работать в команде как к одному из критериев при приеме на работу. Скорость получения информации увеличилась многократно. Это означает, что выпускник должен выносить из учебного заведения не только определенный объем знаний, но и умение учиться.

Задача учителя – активизировать деятельность каждого обучающегося, создать ситуации для его творческой активности в процессе обучения. Использование информационных технологий в сочетании с методом проекта позволяет обучающимся практически применять свои знания, умения и навыки, потому и является одной из форм организации исследовательской и познавательной деятельности обучающихся, при изучении иностранного языка, когда успешно реализуется коллективная деятельность, позволяющая повысить мотивацию к изучению иностранного языка. Для учителя английского языка такой метод открывает безграничное поле деятельности для организации работы над самыми разнообразными темами на разных этапах обучения с обучающимся разных возрастных категорий.

Невозможно представить работу современных учебных заведений без доступа в глобальное информационное пространство. Неоспоримое преимущество Всемирной паутины в том, что она представляет собой неиссякаемый источник информации по любому вопросу. И обучающиеся должны овладеть определенными навыками – навыками сбора, обработки и анализа информации

Проектная методика позволяет решать эти задачи. Работа над телекоммуникационными проектами кроме всего прочего помогает обучающимся овладевать навыками работы на компьютере.

Работа над телекоммуникационным проектом – это сложный процесс, требующий значительных усилий, как со стороны педагогов, так и со стороны обучающихся. Одно из возможных решений данной проблемы связано с использованием структурного подхода, который дает ученикам возможность использовать свой труд более продуктивно, соединяя и комбинируя различные информационные ресурсы новыми способами, а также применяя творческие способности и навыки проблемного мышления. Эта технология называется *веб-квест.* Филипп Бенц так описывает веб-квест: «Это конструктивный подход к обучению. Ученики не только собирают и организуют информацию, полученную из Интернета, они направляют свою деятельность на поставленную перед ними задачу, часто связанную с их будущей профессией».

Веб-квест (webquest) как технология обучения — проблемное задание с элементами ролевой игры, для выполнения которого используются информационные ресурсы Интернета.

Главная особенность веб-квеста состоит в следующем: вместо того чтобы заставлять обучающихся бесконечно блуждать по Сети в поисках необходимой информации, учитель предлагает им заранее подготовленный список web-сайтов, соответствующих тематике проекта и уровню знаний. Обучающиеся должны будут зайти на эти сайты в поисках необходимых сведений, однако благодаря предоставленному заранее списку нужных ресурсов они не затеряются в Интернете и не станут бесцельно блуждать в нем, вместо того чтобы заниматься своим проектом.

Таким образом, технология веб-квестов ориентирована на эффективное формирование целостной системы универсальных знаний, умений и навыков, а также опыта самостоятельной деятельности и личной ответственности обучающихся, т.е. ключевых компетенции, определяющие качество современного образования. Она направлена на максимальную практическую деятельность и является актуальным механизмом включения студентов в процессы, способствующие развитию их информационных и коммуникационных компетенций.

Что же такое веб-квест? «*Quest* в переводе с английского языка – *продолжительный целенаправленный поиск, который может быть связан с приключениями или игрой*. Образовательный веб-квест – это сайт в Интернете, с которым работают обучающиеся, выполняя ту или иную учебную задачу». Впервые веб квест был использован в 1995 году Берни Доджем. Веб-квест является веб-проектом, в котором все материалы, предъявляемые обучающимся, исходят из Интернета. Дизайн веб-квеста предполагает рациональное планирование времени учащихся, сконцентрированного не на поиске информации, а на ее использовании. Основное отличие веб-квеста от простого поиска информации заключается в следующем:

- наличие проблемы,
- поиск информации по проблеме осуществляется в Интернете,
- решение проблемы принимается всей группой.

Работа над веб-квестом развивает такие умения как умение сравнивать, анализировать, классифицировать, мыслить абстрактно. Обучающиеся не просто собирают информацию, но и трансформируют ее, чтобы выполнить задание. У обучающихся повышается мотивация, они воспринимают задание как нечто реальное, что ведет к повышению эффективности учебного задания. Меняется и роль преподавателя на занятии. Он становится консультантом, наставником, старшим партнером.

Рассмотрим этапы работы над проектом на примере веб-квеста, который был проведен в группах 1 курса при изучении темы «США».

1-й этап – предварительная подготовка. Преподаватель определяет для себя

- тип веб-квеста – для кратковременной (1-3 урока) или длительной работы (четверть, семестр, учебный год);
- как будет выполняться веб-квест – индивидуально или в группах;
- каков будет конечный результат;
- система оценивания результатов.

На этом же этапе преподаватель отбирает ресурсы сети Интернет. Очень важно критически оценить найденные ресурсы, в том числе и с целью безопасности для подростков.

2-й этап – преподаватель оформляет веб-квест, придерживаясь определенной структуры, которая сложилась за время его существования: введение, задание, процесс работы, информационные ресурсы, оценивание. Конечно, это не означает, что педагог не может делать какие-либо изменения в зависимости от возможностей и потребностей конкретной группы обучающихся.

Веб-квест для учащихся 10 классов может иметь следующую структуру:

I. Название. Веб-квест «США»

II. Введение

На этом этапе ставится проблема, и четко описываются роли участников. Например: «Вы журналисты, работающие над статьей о штатах США для географического журнала. Вас попросили подготовить презентацию об одном из штатов США. Для выполнения задания вам нужно в течение 5 дней посетить один из штатов. Вы можете вести дневник путешествия на странице блога.

III. Задание

В этом разделе объясняется, что обучающиеся должны сделать в процессе работы. Например: «Помните, что вы изучаете этот американский штат, чтобы рассказать о нем людям, которые хотят туда съездить. Вы должны посетить несколько мест: столицу штата; один из памятников истории; одно из мест для отдыха (парк развлечений, пляж, горный курорт); одну достопримечательность (музей, галерея, театр)».

IV. Процесс работы

Описание процедуры работы, которую необходимо выполнить каждому участнику. Выполнив все задания, обучающиеся смогут успешно

подготовить итоговую работу. «Соберите информацию и фотографии о вашем штате. Сохраните фотографии на компьютере для подготовки финальной работы. Запишите ответы на эти вопросы в ваш дневник наблюдений:

- Географические особенности (реки, горы, озера).
- Особенности климата.
- Какие исторические события там произошли?
- Что там выращивают и производят?
- Чем привлекателен этот штат для туристов?

Когда вы закончите свое исследование, подготовьте отчет о штате. Будьте готовы ответить на вопросы преподавателя и аудитории»

V. Информационные ресурсы

Это список ресурсов, необходимых для выполнения задания, например:
www.infoplease.com/states.html
www.enchantedlearning.com/usa/states
www.globalcomputing.com/states.html.

3-й этап – самостоятельная работа обучающихся над заданиями веб-квеста. Заполнение «Дневника путешествий».

4-й этап – промежуточное оценивание работы, в том числе и оценивание учащимися работ друг друга. «Посетите страницу (имя обучающегося) и отметьте в своем бланке, на какие вопросы ваш товарищ смог ответить».

5-й этап – отчет о проделанной работе. На итоговом занятии обучающиеся рассказывают о своем штате и показывают подготовленную ими презентацию.

Анализируя результаты работы обучающихся, можно сделать следующие выводы. Использование технологии веб-квеста на уроках иностранного языка позволяет решать целый ряд дидактических задач:

- сформировать навыки просмотрового чтения и чтения с целью извлечения информации;
- развивать письменную речь обучающихся;
- пополнять словарный запас обучающихся;
- формировать устойчивую мотивацию к изучению английского языка и применению языковых знаний, расширять кругозор студентов.

Веб-квест имеет ряд преимуществ, способствующих решению задач при изучении иностранного языка:

- обеспечивает автономность и самостоятельность обучающихся;
- развивает коммуникативную компетенцию;
- дает возможность осуществить индивидуальный подход;
- позволяет использовать большое количество актуальной аутентичной информации;
- помогает организовать активную самостоятельную или групповую поисковую деятельность обучающихся, которой они сами управляют;

• развивает критическое мышление, тренирует мыслительные способности.

Однако следует отметить, что использование веб-квестов в обучении языку требует от обучающихся соответствующего уровня владения иностранным языком для работы с аутентичными ресурсами Интернета.

1. Сердюк Е.В., Канева Д.С. «Использование Web-quest технологии при обучении письменной речи на старшей ступени обучения в школах с углубленным изучением иностранного языка», сборник материалов II межрегиональной научно-практической конференции, Сыктывкар, 2010.
2. March T. What's on the Web? Sorting Strands of the World Wide Web for Educators. 1995-2001.http://www.ozline.com/learning/webtypes.html.
3. March T. Working the Web for Education. Theory and Practice on Integrating the Web for Learning. 1997 – 2001.http://www.ozline.com/learning/theory.html.
4. Dodge B. A Rubric for Evaluating WebQuests. 2001. http://webquest.sdsu.edu/webquestrubric.html.

УДК 378.147:811.111:81'253

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОДГОТОВКА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ

Жерденовская А.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

strega82@mail.ru

Роль перевода в профессиональной деятельности специалиста в настоящее время приобретает всё большее значение и наиболее существенные причины этого явления следующие:

• развитие средств информации и коммуникации;

• повысившаяся потребность межкультурной коммуникации;

• необходимость в обмене научной и технической информацией;

• необходимость взаимопонимания при научном сотрудничестве;

• поиск путей и средств решения глобальных проблем современности.

Пол Ингл отмечает по этому поводу, что "Однажды может случиться так, что жизнь каждого существа на Земле будет зависеть от мгновенного и точного перевода одного слова" [3].

Поэтому важное место в подготовке будущих специалистов в области изучения иностранного языка отводится формированию лингвистической компетенции.

В содержании лингвистической компетенции одни авторы видят: знание системно-структурного аспекта языка, знание функционально-коммуникативного аспекта, правил построения речевых произведений как ориентировочной основы речевой деятельности [1]. Другие же уточняют понимание этого вида компетенции, вводя в него также: "владение методом лингвистического анализа, умение выделять определенные ступени в языке, способность обобщать основные единицы языка и пользоваться моделями

при выделении внутренних свойств этих единиц, умение самостоятельно определять системные отношения между языковыми формами и переносить приемы анализа на новый материал" [2].

Когда говорят о значимости в переводе литературной составляющей, специальный (технический) перевод обычно противопоставляют художественному. Однако специальный технический перевод требует не только точного воспроизведения терминологии, но и обязательной передачи смысловых связей, а иногда и стиля – для учредительных документов фирмы, официальных договоров.

Качественный перевод требует адекватной передачи текста на всех уровнях языковой системы.

Не стоит полагать, что любой профессиональный переводчик переведет технический текст достоверно. Хороший специалист, не являющийся профессиональным переводчиком, тоже не сможет качественно перевести на родной язык научную статью из своей области.

Качество перевода специальных (научно-технических текстов) может обеспечиваться схемой, состоящей как минимум из трех самостоятельных звеньев:

- квалифицированный технический переводчик-филолог;
- редактор (специалист в данной области);
- контрольный редактор.

Специальный перевод (как устный, так и письменный), как правило, изучают на старших курсах. Основная причина в том, что общие навыки, такие как чтение, письмо, анализ текста преподаются в течение первых двух лет. Первые упражнения, которые используются в ходе тренировки перевода, с листа непосредственно связаны с этими навыками.

Профессиональные компетенции будущего специалиста рассматривается как знания будущего специалиста, позволяющие ему эффективно взаимодействовать с профессиональной средой, в том числе в области иностранного языка, выступают ведущим регулятором профессионального и социального развития личности; предполагают глубокое понимание профессиональной деятельности и своей роли в ней.

1. Джонассен Д.Х. Компьютеры как инструменты познания: изучение с помощью технологии, а не из технологии/ Д.Х.Джонассен // Информатика и образование, 2006. – №4 – С. 117-131
2. Полякова Т.А. Формирование информационной культуры специалиста в системе высшего профессионального образования как социально-педагогическая технология. – М., 1999. – 25 с.
3. Хомский Н.А. Аспекты теории синтаксиса. – М., 2001. – 49 с.
4. Curvers, P., Klein, J., Riva, N. & Wuilmart, C. La traduction à vue comme exercice préparatoire et complémentaire à l'interprétation de conférence. Cuadernos de Traducció e Interpretació, 1986, no. 7, 97-116.
5. Falbo, C. Interprétation consécutive et exercices préparatoires. The Interpreters' Newsletter, 1995, no. 6, 87-91.
6. Gile, D. Basic Concepts and Models For Interpreter and Translator Training. Amsterdam: John Benjamins, 1995.

УДК 378.14

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Каверина О.Г.
ГУВЗ «Донецкий национальный технический университет»
chugunova1973@mail.ru

Роль дисциплины «Иностранный язык» на неязыковых факультетах вузов значительно возрастает в связи с тем, что иноязычное общение в современных условиях становится существенным компонентом профессиональной деятельности специалиста технического профиля. Отсюда, особую актуальность приобретает профессионально-ориентированный подход к обучению иностранному языку, который признается в настоящее время приоритетным направлением в обновлении содержания образования. При изучении профессионально-ориентированного лингвистического учебного материала устанавливается двусторонняя связь между стремлением студента приобрести специальные знания и успешностью овладения языком. Иностранный язык считается эффективным средством профессиональной социализации будущего специалиста, располагает большим потенциалом формирующих воздействий. Изучение языка должно быть не самоцелью, а средством достижения цели повышения образованности, эрудиции в рамках своей узкой специальности. Учет специфики профилирующей специальности должен проводиться по следующим направлениям: работа над специальными текстами, изучение специальных тем для развития устной речи, изучение словаря-минимума по специальности, создание преподавателем методических пособий для активизации грамматического и лексического материала.

В данном контексте особое внимание уделяется координации обучения иностранному языку с обучением профилирующим дисциплинам. Система координации должна исключать возможность прохождения студентами материала на иностранном языке до того, как они прослушают курс по профилирующим дисциплинам.

В целях получения более прочных профессиональных знаний предлагается использовать на занятиях по иностранному языку материалы страноведческого характера, которые не только способствуют расширению кругозора студентов, но и обнаруживают связь практики обучения иностранному языку с содержанием других дисциплин и оказывают положительное воздействие на приобретение студентами более глубоких профессиональных знаний.

В последнее время в технических университетах повышается интерес к дисциплине «Иностранный язык», а именно к проблеме самостоятельной работы студентов с целью увеличения объема своих профессиональных знаний, умений и навыков средствами иностранного языка. Такой интерес

объясняется тем, что в условиях возрастания объема профессиональных знаний, необходимых будущему специалисту, важно научить его ориентироваться в потоке информации по выбранной специальности. Отсюда, большое внимание должно уделяться подбору высокоинформативных профессиональных текстов и разработке системы упражнений и тем. Основной целью обучения иностранному языку на данном этапе является обучение чтению литературы с учетом профессиональных потребностей будущего специалиста.

В связи с изменением политико-экономической ситуации в мире в настоящее время целью изучения иностранного языка в технических университетах становится обучение иностранному языку как средству общения между специалистами разных стран. Развитие всех языковых компетентностей приобретает профессионально-ориентированный характер.

Обучение нуждается во внедрении профессионально ориентированных технологий, адекватность процесса обучению реальному процессу коммуникации становится одним из методических требований к профессионально-ориентированному английскому языку.

Отметим, что в настоящее время нет общепринятого определения термина «английский язык для специальных целей», однако, большинство исследователей сходятся во мнении, что специальный язык не существует отдельно от общего языка, а является его составной частью и в полном объеме с ним взаимодействует.

В научно-исследовательской литературе активно используется понятие профессиональная компетентность. В толковом словаре терминов и понятий данное словосочетание трактуется как глубокое, доскональное знание своего дела, сущности выполняемой работы, способов и средств достижения целей, а также соответствующих умений и навыков. Иными словами, компетентность – не только и не сколько наличие и значительный объем знаний и опыта, сколько умение их активизировать в нужное время и использовать в процессе реализации своих служебных функций. Под компетентностью специалистов мы понимаем результат профессиональной подготовки, характеризующий квалификацию специалиста, которая представлена умениями и знаниями, необходимыми для осуществления профессиональной деятельности.

Большинство авторов, работая над моделями специалиста и его профессиональной деятельности, выделяют две главные составляющие: профессиональные знания (квалификационные требования, разработанные в государственных стандартах) и личностные качества.

Профессиональные знания представляют собой целостную, динамически развивающуюся систему, состоящую из цикла учебных дисциплин. Основной целью изучения иностранного языка в техническом вузе является формирование умений и навыков ведения профессиональной коммуникации.

Отсюда, целью изучения иностранного языка является овладение лингвистической и коммуникативной компетентностью, достаточной для

квалифицированной творческой информационной деятельности в различных областях и сферах технического производства. Важной особенностью построения курса «Иностранный язык» должна быть параллельность с изучением специальности.

Первые четыре семестра изучение должно осуществляться на базе материала, изучаемого в средней школе. На данном этапе акцент должен делаться на достижении такого уровня овладения иностранным языком, который предполагал бы формирование лингвистической и коммуникативной компетентности (особенно это необходимо для делового иноязычного общения) в рамках профессиональной коммуникации. Основная деятельность этого периода должна быть сосредоточена на чтении, говорении (диалог, монолог), письме.

Второй этап носит профессионально-ориентированный характер, так как к этому времени возникают две основные предпосылки: 1) создается речевая база в пределах словаря повседневного языка; 2) студенты приступают к изучению профессеобразующих дисциплин.

Начиная со второго этапа происходит развитие коммуникативных умений и навыков, которое идет параллельно развитию профессиональных умений. Сложность данного этапа заключается в переходе от повседневного языка к специальному. Формирование профессиональной личности инженера идет посредством формирования профессиональной иноязычной компетентности, которая оказывает влияние на содержание и формирование основ технических дисциплин.

Особенностями содержания курса «Иностранный язык (профессионально направленный)» являются:

1) проецирование на весь процесс обучения иностранному языку особенностей культуры страны изучаемого языка;

2) строится построение обучения на сквозном диалоге речи иностранного языка и русской речи;

3) последовательность изучаемого материала осуществляется на общественном принципе доступности;

4) обучение на каждом курсе базируется на основе диалога и монолога вокруг основных лексических тем;

5) в обучении используются аутентичные тексты культуры страны изучаемого языка.

Отметим, что акцент в изучении иностранного языка делается не на грамматическом материале. Грамматика способствует изучению языков в связи с деятельностью и необходимостью использования. Лексические темы, предлагаемые студентам, дают возможность каждому из них приобрести определенные знания, умения и навыки для самореализации в сфере профессиональной коммуникации.

Большое значение для процесса формирования профессиональной коммуникации имеет введение спецкурсов. Например, на третьем курсе может быть введен спецкурс на английском языке «Деловая переписка», который позволяет сформировать навыки письменной речи на основе

изученных лексических тем. Задачами спецкурса являются: знакомство с правилами деловой переписки, формирование умений и навыков деловой переписки на английском языке (структура и схема написания делового письма, пунктуация и орфография при написании деловых писем, его оформление, виды деловых писем, оформление заказов, запросов, коммерческих предложений, рекламаций и т.д.). Для формирования достаточного уровня профессиональной коммуникации может быть предложен спецкурс «Деловой этикет», который является проектом поведения будущих специалистов в различных ситуациях профессиональной деятельности (искусство вести беседу, составление делового сообщения, правила ведения переговоров, этика служебных отношений, этика бизнесмена и т.д.).

Итак, профессиональная коммуникация, являясь интегрированной частью подготовки специалистов технического профиля, является основной формой педагогического процесса в техническом вузе, продуктивность которого обусловлена целями и ценностями общения, принятыми всеми субъектами образовательного процесса за нормы индивидуального поведения.

1. Андреев А.Л. Компетентностная парадигма в образовании: опыт философско-методологического анализа / А.Л. Андреев // Педагогика. – 2005. – №4. – С. 19-27.
2. Белоновская И.Д. Формирование инженерной компетентности специалиста: предпосылки, тенденции и закономерности // Вестник ОГУ: [Гуманитарные науки]. – № 1. – 2006. – Т.1. – С. 95-100.
3. Добудько Т.В. Формирование профессиональной компетентности учителей информатики в условиях информатизации образования. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – 340 с.

УДК 81’322.4

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ПИСЬМЕННОМУ ПЕРЕВОДУ

Корнилова Т.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк

tatyana-untd@mail.ru

На факультете экономики и менеджмента Донецкого национального технического университета большое внимание уделяется формированию переводческой компетенции у студентов. В цикл языкового обучения включена дисциплина «Теория и практика перевода» (ТПП). Целью ее преподавания является создание достаточной теоретической базы для формирования навыка перевода (устный, письменный перевод, реферирование, аннотирование, обзор, пересказ и т.д.); развития умения

передавать содержание профессиональной информации с иностранного языка (ИЯ) средствами родного языка. По окончании курса ТПП студенты получают дополнительную квалификацию «Переводчик в профессиональной сфере». Главными методическими подходами преподавания являются личностно-ориентированный и деятельностный [1, с. 52-53]. Исходя из чего, типы текстов, с которыми работают студенты, тематически отвечают их специализации и представляют собой типичные образцы профессионального подъязыка (научные публикации по экономике, статьи из профессиональных журналов, контракты, и т.п.). Важными критериями отбора иноязычных материалов (как письменных, так и устных), являются их функциональная необходимость, аутентичность, неадаптированность. Такая организация обучения отвечает дидактическим принципам контекстности, системности, осознанности, опоры на опыт обучающегося; способствует установлению межпредметных связей.

В ходе выполнения письменного перевода современные студенты не ограничиваются традиционными бумажными лексикографическими источниками и справочниками, активно используя с разной степенью эффективности электронные ресурсы. Здесь возникает проблема разумного применения информационных технологий. Несмотря на то, что преподаватели ориентируют учащихся на самостоятельную, осознанную работу, иногда случается так, что минуя важные логические этапы переводческой деятельности (подготовка, предпереводческий анализ текста, планирование), студенты сразу приступают к машинному переводу. Поскольку они стремятся скорее понять смысл текста-оригинала, получить конечный результат с наименьшей затратой времени. Таким образом, поставленные цели и задачи обучения не достигаются, а польза применения информационных технологий студентами сводится к нулю.

Студенты-экономисты и менеджеры, являясь нелингвистами, подходят к ИЯ не как к объекту изучения (что свойственно филологическому образованию), а как важному атрибуту их профессиональной деятельности, одному из средств ее осуществления. Они нацелены на практическое овладение ИЯ. Поэтому перевод для них также является больше средством и актом межъязыковой профессиональной коммуникации, чем лингвистическим процессом [1, с. 51-52]. При этом стоит отметить, что без глубокого понимания структуры языка невозможно достичь высокого уровня владения ИЯ. Дисциплина ТПП помогает органично соединить языковую теорию и практику. С одной стороны, выполняя перевод, студенты на практике применяют теоретические знания, полученные на занятиях ТПП. С другой стороны, учащиеся продолжают развивать свою языковую компетенцию, углублять знания через анализ сложных грамматических, лексических, стилистических и др. явлений. Следует подчеркнуть, что это возможно только при правильном методическом подходе.

Решить вопрос мотивации к письменному переводу и привлечь внимание студентов к переводческой деятельности можно с помощью рационального использованию электронных ресурсов [2]. Они будут делать

процесс перевода более интересным и продуктивным, а также продвигать процесс изучения ИЯ. В первую очередь интерес представляют электронные лексикографические источники: толковые, тематические, многоязыковые переводные, словари синонимов и др. Здесь стоит предостеречь студентов от использования таких ресурсов, которые допускают свободное редактирование их содержания (например, Мультитран), что существенно снижает кредит доверия к источникам. Преимуществами использования электронных словарей по сравнению с бумажными версиями являются легкий доступ, удобство работы, высокая скорость поиска и обработки информации и т. д. Чаще всего они обладают такими важными критериями как наличие специальных терминов и тематически ориентированной лексики, примеров для проверки лексической сочетаемости, грамматической справки и т. д. Изучение словарной статьи, обладающей гиперссылками, способствует многосторонней работе с лексикой. В силу перечисленных достоинств, электронные словари облегчают процесс обучения переводу, позволяя экономить время и усилия учащихся.

Заинтересовать процессом перевода студентов-экономистов и менеджеров возможно с помощью средств автоматизированного перевода (Computer-Aided Translation Tools), который выполняется на компьютере с использованием информационных технологий. От машинного перевода он отличается тем, что процесс перевода осуществляется самим студентом, компьютер лишь помогает ему произвести готовый текст за меньшее время и с лучшим качеством (человеко-машинный перевод [3, с. 128]). Такая оптимизация процесса не исключает его осознанности и ориентированности на самостоятельную работу. Программы типа TRADOS, MemoQ, OmegaT, и др. обладают так называемой Translation Memory (накопление переводческой памяти), которая позволяет создавать личную переводческую базу, тематический глоссарий, содействует единообразию перевода больших или однотипных текстов и т.д. Несомненно, такая работа будет содействовать развитию переводческой интуиции, глубокому анализу языковых явлений.

Таким образом, использование электронных средств в обучении профессиональному переводу должно способствовать развитию логики, «чувства языка», стимулировать интерес к интеллектуальному труду, а не исключать или ослаблять его.

1. Корнилова Т.В. Методологические принципы обучения переводу студентов специальностей «Международная экономика» и «Внешнеэкономическая деятельность предприятия» // Актуальные проблемы переводоведения в XXI столетии: Материалы Республик. науч.-практ. семинара (25 февр. 2016 г.). – Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – 204 с. – С. 50-53.
2. Убин И.И. Современные средства автоматизации перевода: надежды, разочарования и реальность // Перевод в современном мире. – М.: ВЦП, 2001. – С. 60-69.
3. Шевчук В.Н. Электронные ресурсы переводчика: Справочные материалы для начинающего переводчика. – М.: Либрайт, 2010. – 131 с.

УДК 378.031:34-057.875:796

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТИВНЫХ ВУЗОВ

Ливенцова В.А.
Донецкий институт физической культуры и спорта

Молодое подрастающее поколение – основа и будущее государства. Сегодня система образования постоянно видоизменяется, пытаясь соответствовать современному состоянию общественности, дополняется школьная программа. Перед высшими учебными заведениями ставятся новые задачи при подготовке будущих специалистов. Одной из таких задач является формирование личности, которая осознаёт важность знания закона и правовая культура уже должна являться образом мышления для «нового человека». Существует достаточное количество учебного материала правоведческого характера: учебники Иванова В.М. «История государства и права». Шпиталенко Г.А. “Основы правоведения”, Самолюка В. “Основы правоведения”. В работах освещены темы, которые изучаются в курсе “Основы правоведения”. Несмотря на большой выбор учебного материала, проблема развития правосознания студентов спортивных факультетов остаётся и требует поиска более совершенных подходов практической направленности обучения. Эта проблема в системе образования отображена в работах как российских, так и зарубежных исследователей. Авторы статей анализируют разные способы решения проблемы правового и нравственного воспитания студентов неюридических факультетов.

Вместе с тем, остается не полностью решенной проблема формирования современной личности, готовой опираясь на знания закона и права, отстаивать свою гражданскую позицию. Прежде всего, для решения поставленной проблемы нам бы хотелось дать определения «правовая культура», «правовое сознание», так как они являются основой нашего исследования. Существует масса различных подходов к определению понятия «правовая культура». Правовая культура рассматривается как «определенное качественное состояние правовой ипостаси общественного бытия, сущностные характеристики которого выражаются в у ровне развития правотворческой, особенно законодательной, деятельности. степени совершенства системы правовых норм, у ровне развития правосознания отдельной личности и общества, степень воплощения в законодательство и правоприменительную практику прав и свобод человека и гражданина, их обеспеченности и защищенности со стороны государства, степени взаимной ответственности государства и личности, наличия, места и роли гражданского общества в данном государстве и в целом ряде других показателей».

В более широком смысле культура вообще это всё что создано человеком, право так же является продуктом деятельности человека, для того, чтобы вычленить правовую культуру из всего комплекса культурной

жизни, достаточно определить сферу творческой деятельности, порождающую её. «Правовая культура есть процесс и результат творчества человека в сфере права, характеризующейся созданием и утверждением правовых ценностей», – пишет один из исследователей в области правовой культуры Тодоров И.Я. и это определение в полной мере отражает суть правой культуры.

Зародилась правовая культуры общества, когда, собственно, зародилось право, а именно в период перехода от присваивающего хозяйства к производящему, то есть в эпоху «неолитической революции». В ходе развития личности формировались основные правовые понятия и категории, принципы права и правосудия и другие понятия, необходимые для развития правовой системы, зарождающейся государственности. Одновременно с этим процессом, формированием правовой культуры общества, человек переосмысливает ценности и таким образом формируется правовая культура личности. Правовая культура личности – это уровень овладения правом в своей деятельности, а также уровень правосознании индивида, то есть совокупность его представлений, взглядов, чувств, в которых выражено отношение к действующему праву. Из этого следует, что «правовая культура» имеет два основных значения: правовая культура общества и правовая культура личности. Любые исследования правовой культуры ориентированы на анализ хотя и различных, но естественно предполагающих друг друга объектов — правовой культуры личности и правовой культуры всего общества, такое разграничение важнейший методологический принцип.

Правовая культура является неотъемлемой частью общей культуры народа, она определяет его менталитет и уровень развития государства и общества в целом. Развитие правовой культуры комплексная проблема, которая связана с развитием политической, нравственной, моральной культу рой, а также имеет своё отображение в системе современного образования. Общей задачей, которая объединяет эти виды культурного развития личности, является создание морально-правового климата в обществе, который гарантирует реальную свободу поведения личности, котором осознаёт свою ответственность перед обществом, обеспечивающем её права, социальную защищённость, уважение её достоинства. Государство, где общество обладает высоким уровнем правовой культуры, ставит человека в центр экономических, социальных, политических, культурных процессов. Правовое государство, где законодательная система работает на практике, способствует развитию правового сознания гражданина, созданием соответствующего климата, где личность чувствует свою защищённость, и опирается на закон, который гарантирует права гражданина и в тоже время налагает определённые обязанности перед государством и обществом.

Одной из задач образования является – развитие правового сознания, которое необходимо для развития правовой культуры. Уровень развития правового сознания характеризует уровень развития правовой культуры общества. Правовое воспитание – целенаправленная деятельность по передаче достигнутого уровня правовой культуры, правового опыта поколений, а также идеалов и ценностей правосознания. Правовое обучение и правовое

воспитание – неотъемлемые составляющие системы современного образования. Необходимо активизировать ценностно-мировоззренческие элементы в структуре правосознания для правового воспитания и когнитивно-рациональные для обучения. Исследователи сходятся на мнении, что уровень правовой культуры современного человека остаётся на очень низком уровне. При этом выдвигается тезис о безуспешности или торможении построения правого государства, так как у большинства граждан по-прежнему не сформировано правовое сознание, они не знают своих прав и обязанностей, а правосознание «знающих» граждан и элиты оперирует по большей части псевдоправовыми категориями. В этой связи надежды возлагаются на позитивное развитие правосознания и оформление правовой культуры. Взаимосвязь «государство- личность» показывает, что формирование правового государства и правовой личности процесс не односторонний, в чём и заключается основная проблема. Развитие правового государства «тормозит» общество лишённое правовой культуры, в свою очередь современное государство не может обеспечить достойную правовую защиту своим гражданам и не работает над программами, способствующими развитию правового сознания личности. Право в системе образования на словах занимает важное место, а на практике положительные изменения минимальны, что соответственно сказывается на уровне правовой культуры молодого гражданина, ученика или студента неюридического ВУЗа, формировании представлений о его правах и обязанностях. Часто наши граждане, сталкиваясь с повседневными проблемами, чувству ют свою незащищённость, которая, с одной стороны основывается на его собственном незнании законов и на отсутствии какого либо правового опыта (ясно, что не каждый обычный гражданин знает наизусть закон или поправку к нему, но и не каждый захочет, ознакомится с правовой основой того или иного дела, обычный гражданин просто принимает всю «несправедливость»), а с другой стороны на несовершенной системе законодательства нашей страны. То, что гарантирует закон и конституция не всегда имеет практическое продолжение, а иногда одна статья закона отменяет другую статью закона, и чтобы доказать свою правоту нужно вступить на путь «изматывающей» борьбы. Хотя, в свою очередь законодательную базу и конституцию принимают граждане страны, поэтому личность-гражданин является более важным компонентом в системе «государство-личность», государство формируют «личности».

В обыденных дискуссиях о проблеме правовой культуры зачастую можно столкнуться с высказыванием о том, что правовая культу отсутствует, что правовая культура присуща только обществу с развитым правовым государством.

Согласиться с этим с позиции науки нельзя. Правовая культура, как уже отмечалось ранее, не есть нечто обособленное, она, являясь частью культуры в целом, органично переплетена с последней, и, следовательно, в той или иной степени присуща как обществу в целом, так и отдельным индивидам. Исследователь Левитан К.М. отмечает, что «ни в одном из многочисленных исследований разных возрастных групп, включая подростков, не было обнаружено ни одного испытуемого, который не имел

бы определённых правовых представлений, оценочных отношений к явлениям правовой жизни».

1. Дыбовская Н.В. Правовая педагогика: Актуальные проблемы / Н.В. Дыбовская, В.Н. Бурлаков // Правоведение. – 1989. – N 2. – С. 64-67.
2. Иванов В.М. История государства и права Украины / В.М. Иванов. – К.:МАУП, 2002. – 264 с.
3. Кашанина Т.В. Особенности преподавания советского права в неюридических вузах / Т.В. Кашанина // Правоведение. – 1983. – N 4. – С. 65–62.
4. Левитан К.М. Юридическая педагогика: учебник / К.М.Левитан. – М: Норма, 2008. – 432 с.
5. Самолюк В., Филипеев А. Основы права: начинающее пособие / В.Самолюк, А.Филипеев. – Острог: Издательство Национального университета “Острозька академія”, 2006. – 253 с.
6. Тодоров И.Я. Основы государства и права / И.Я. Тодоров. – Донецк: Центр подготовки абитуриентов, 1997. – 255 с.
7. Шпиталенко Г.А. Основы права: начинающее пособие / Г.А.Шпиталенко, Р.Б.Шпиталенко. – К.: Каравела, 2006. – 376с.
8. Современные методы преподавания правоведения в вузе / II.А. Багрова (доступна с сайта http://www.t.2).

УДК 378.147

«ДЕБАТЫ» КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ЭКОНОМИСТОВ

Луценко Е.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк

lenalucenko73@gmail.com

В Донецком национальном техническом университете кафедра международных образовательных и деловых коммуникаций факультета экономики и менеджмента реализует преподавание дисциплины по выбору студента «Аргументация и полемика». Предметом изучения учебной дисциплины является аргументация и полемика как инструмент делового убеждения. Курс «Аргументация и полемика» («АП») – это логическое продолжение курса «Деловое общение», цель преподавания которого – освоение студентами основ аргументации и убеждения в письменной и устной форме, культуры деловой полемики, письменного и устного общения. Основные задачи изучения дисциплины «АП»: формирование у студентов способности анализировать и комментировать аргументацию, навыков поиска и анализа необходимых источников и литературы для создания эффективного аргументативного эссе, работы в группе по коллективному выполнению задания, умения подготовиться и провести дебаты.

Реализации поставленных задач способствует проведение дебатов как одной из форм практического занятия. Согласно «Словарю иностранных

слов», дебаты – это «прения, обмен мнениями на каком-либо собрании, заседании» [4, с. 147]. В современном обществе дебаты происходят в парламентах и на телеэкранах, в учебных заведениях, а зачастую и в повседневной жизни. Такие дебаты, как правило, носят неформальный характер и ведутся без правил.

Дебаты ведут свое начало из Древней Греции, где они были неотъемлемой частью демократии. В средние века дебаты и курсы ораторского мастерства входили в подготовку студентов университетов. С этого времени в большем или меньшем объеме дебаты включаются в систему университетского образования стран Западной Европы и США. На территории России программа реализуется с 1994 года. В этом же году была создана Международная образовательная ассоциация «Дебаты» [1, с. 89].

Существуют различные стили проведения дебатов:

1) дебаты Линкольна-Дугласа смоделированы по принципу знаменитых дебатов между Стивеном Дугласом и Авраамом Линкольном. Это – дебаты «о ценности». Участники концентрируют внимание на ценностях, противопоставление которых присутствует в теме;
2) политические дебаты рассматривают практическое применение конкретной позиции. Если доказательства в Дебатах Линкольна-Дугласа носят философский и литературный характер, в политических дебатах они основаны на практических и статистических данных;
3) парламентские дебаты построены по принципу дебатов в Британском Парламенте. Одна команда представляет правительство, а другая – Лояльную Оппозицию. Спикер палаты управляет ходом действия и является судьей;
4) программа дебатов Карла Поппера представляет собой комбинацию дебатов Политических и Линкольна-Дугласа. Этот тип дебатов предназначен для развития работы в командах по три человека (в каждой), чтобы студенты работали вместе как над подготовкой к дебатам, так и на самих дебатах [2, с. 6].

На занятиях по «АП» в ДонНТУ используется программа дебатов Карла Поппера. Суть дебатов заключается в том, что две команды выдвигают свои аргументы и контраргументы для защиты и опровержения предложенного тезиса, чтобы убедить члена жюри (судью) в своей правоте и опыте риторики. В «Дебатах» имеется определенный регламент, который включает в себя: выступление каждого из трех спикеров, раунд перекрестных вопросов, таймаут, который может взять команда для подготовки выступления. У каждого члена команды имеются свои определенные обязанности, которые, согласно правилам, они выполняют в ходе занятия. Выступления первых спикеров носят конструктивный характер, речи вторых спикеров носят опровергающий (развивающий) характер, речи третьих спикеров заключительные (сравнительный анализ позиций сторон).

Первый шаг в любых дебатах – формулировка темы. Преподаватель, подбирая темы, должен обязательно учитывать, что «хорошая тема» должна: затрагивать значимые проблемы, представлять интерес (быть актуальной), иметь чёткую формулировку, быть сбалансированной и давать одинаковые возможности командам в представлении качественных аргументов, стимулировать исследовательскую работу [1, с. 16].

Для того чтобы подготовиться к дебатам, студентам необходимо осуществить информационный поиск, используя все доступные источники: библиотеки, компьютерную сеть, мнения специалистов, опросы общественного мнения и т.д. Успешный информационный поиск требует от студентов овладеть рядом умений: пользоваться библиографическим и справочным аппаратом книги, обрабатывать найденную информацию, использовать рациональные способы работы с текстами и т.д.

Дебаты развивают:

- логическое и критическое мышление;
- навык в организации своих мыслей;
- навыки устной речи;
- терпимость к различным взглядам;
- уверенность в себе;
- способность работать в команде;
- способность концентрироваться на сути проблемы;
- стиль публичного выступления [1, с. 8].

Таким образом, «Дебаты» развивают у их участников навыки, необходимые для эффективного общения, что составляет содержание коммуникативной компетенции. Коммуникативная компетенция – комплексное применение языковых и неязыковых средств с целью коммуникации, общения в конкретных социально-бытовых ситуациях, умение ориентироваться в ситуации общения, инициативность общения [3, с.62]. «Дебаты» формируют у студентов-экономистов устную речь, лидерские качества, умения слушать и слышать не только своё, но и другое мнение, корректно общаться, работать сообща ради достижения общей цели, учебная деятельность осуществляется в межличностном общении студентов, обучение происходит в процессе совместной деятельности. Все эти навыки, несомненно, важны в работе будущих экономистов.

1. Дебаты: Учебно-методический комплект. – М.: Бонфи, 2001. – 296 с.
2. Калинкина Е.Г., Наумов С.А. Формат дебатов Карла Поппера с элементами политического кейса / Методическое пособие. – СПб, 2002. – 38 с.
3. Луценко Е.А. Формування мовної компетенції студентів технічного вишу на заняттях з української мови за професійним спрямуванням. – Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія: педагогіка, психологія і соціологія. Випуск 2(14). – Донецьк: ДонНТУ, 2013. – С. 60-63.
4. Словарь иностранных слов. – М.: Русск. яз., 1988. – 608 с.

УДК 811.133.1:81’342:378.091.3

ОБУЧЕНИЕ ИНТОНАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ АУДИРОВАНИЯ

Маслёнкина Н.Г.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
maslenkinanataliya@yandex.ru

Владение иностранным языком предусматривает не только умение думать на этом языке и высказывать свои мысли, грамматически верно оформляя их. Содержание высказывания может быть нарушено, если его произносить с ошибками артикуляционного характера, или не уметь правильно пользоваться средствами просодии, то есть синтагматическим ударением, которое позволяет выделять нюансы содержания высказывания. Так, например, представленные ниже предложения могут приобретать разную семантическую окраску, если обучающийся умеет правильно пользоваться синтагматическим ударением.

1. *‘C'était la veuve d'un pia "niste | mort" jeune et célèbre’* – «Это была вдова одного пианиста, который умер молодым и известным».
2. ‘*C’était la veuve d'un pianiste "mo:rt" 'jeune et cé lèbre.’* – «Это была вдова одного умершего пианиста, молодая и известная».

Таким образом, в зависимости от того, какие слова выделяются в предложениях интонационно, последние (предложения) приобретают то или иное содержание. Поэтому уже с первых фонетических занятий необходимо обращать внимание студентов не только на важность правильного произношения звуков, но и на правильную интонацию во время аудирования или чтения [1, с. 60]. Если во время чтения вслух студенты нарушают ритмику, свойственную французскому языку, делая хезитатиную паузу перед словами, которые трудно читаются, в таком случае, следует предложить обучающимся еще раз прочитать предложения, обращая их внимание на правильное интонирование [2, с. 25].

С целью предотвращения дальнейших ошибок интонационного характера, необходимо уделять внимание работе, связанной с формированием интонационных навыков. Реализации этой цели способствует выполнение упражнений, которые соотносятся с целевыми задачами нескольких этапов.

Первый этап (перцептивно-ознакомительный) должен включать упражнения с последующим слушанием коротких диалогов. Эти упражнения направлены на различение в использовании конкретной интонационной модели.

Второй этап (дифференциация-осмысление) включает рецептивные упражнения на узнавание, резличение и индентификацию. Он способствует формированию интонационного слуха. В упражнениях на узнавание должен присутствовать образец изученной ранее интонационной модели.

Третий этап (репродуктивный) должен использовать рецептивно-репродуктивные упражнения по имитации, подстановке и трансформации. Упражнения по имитации требуют при повторном слушании диалога реакции на реплику собеседника в адекватный языковой форме, с адекватным отношением к высказыванию. В упражнениях с подстановкой необходимо изменить реплику собеседника на другую, сходную по содержанию, но с сохранением того же интонационного рисунка.

Четвертый этап (рецептивно-продуктивный) должен включать рецептивно-продуктивные упражнения. В этом случае студенты самостоятельно отвечают на вопросы, выбирая такие интонационные модели, которые соотносятся с высказыванием.

При обучении интонации полезно прослушивать аутентичные отрывки прозы, начиная с первого практического занятия, отводя на это 5-10 минут. Если на занятии прослушивание не сопровождается никакими специальными задачами и имеет целью ознакомить студентов со звучащим текстом, то на следующих занятиях перед студентами ставятся специальные задачи, а именно: определение количества пауз, сделанных диктором; определение количества слов; определение количества слов с неизвестными звуками; определение количества слов с известными звуками; определение количества предложений с убывающей или восходящей интонацией.

1. Артёмов В. А. Об интонации / В сб.: Труды военного института иностранных языков. – М., 1963. – С.3-251.
2. Ильина В.И. Аудирование / В сб.: Материалы 8 и 9 международных методических семинаров преподавателей русского языка стран социализма. – М., 1969. – С.3-260.

УДК 378.174.43

ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ МЕТОДИК ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ

Моисеева Ф.А., Усиков В.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк
inozmov@kaf.donnuet.dn.ua

Подходы и методики обучения иностранному языку являются предметом научных исследований филологов не одно столетие. За это долгое время были сформированы десятки концепций и теорий, спор о преимуществах и недостатках которых невозможен без их телеологического анализа, т.е. исследования целей и конечных результатов их применения.

Очевидно, что обозначенные выше цели со временем трансформировались: от базового элемента воспитания до формирования

конкурентоспособного участника рынка труда. Таким образом, вполне целесообразным будет рассмотрение наибольших достижений всех сформированных концепций и имплементация их в учебный процесс с целью достижения студентами максимальных результатов.

Базовой методикой обучения иностранному языку является *фундаментальная*, предполагающая изучение языка по строгому плану: изучение основ фонетики, формирование первичного словарного запаса, изучение синтаксиса, постепенное расширение лексикона с внедрением более сложных синтаксических конструкций. Фактически, система направлена на формирование *native speaker*, имея один значительный недостаток – значительную продолжительность обучения вне изучаемой языковой среды. Поэтому данный подход с незначительными отклонениями внедряется только в филологических ВУЗах, обладающих достаточным количеством аудиторных часов для обучения иностранному языку.

В основе *классического* подхода лежит понимание языка как реального и полноценного средства общения, а значит, все языковые компоненты – устная и письменная речь, аудирование и др. – развиваются у обучающихся планомерно и гармонично. Такой комплексный подход направлен, в первую очередь, на то, чтобы развить у студентов способности понимать и создавать речь. Методика предполагает занятия с русскоговорящими преподавателями, но такой порядок (хотя и не совсем «модный») нельзя считать минусом: преподаватель, не являющийся носителем языка, имеет возможность анализировать и сопоставлять две языковые системы, сравнивать конструкции, лучше доносить информацию, пояснять грамматические правила, предупреждать возможные ошибки. В то же время, применение такого метода превращает язык в самоцель, что недопустимо для студентов нефилологических специальностей, для которых знание иностранного языка является, скорее, средством для достижения поставленных перед собой профессиональных задач.

Наиболее популярным среди изучающих английский сегодня является *коммуникативный* метод, предполагающий усиленное развитие навыков устной речи и аудирования в ущерб (в сравнении и предыдущими методами) письму и чтению. Данный подход доказал свою состоятельность при подготовке начального и среднего уровня при условии наличия доступа к изучаемой языковой среде. Именно коммуникативный подход используется для быстрого обучения языку непрофессионального характера. Стоит заметить, что механизм адаптации в новой языковой среде построен также на коммуникативном методе, то есть, обучению письму и чтению предшествует постановка устной речи. Следует отметить, что именно на этом методе построены курсы обучения британскому английскому от мировых монополистов – университетов Кембриджа и Оксфорда. Цель этих курсов – научить студента думать на изучаемом языке после обучения на нем говорить.

К сожалению, язык не подобен математике, в которой смысл выражений и формул является постоянным и незыблемым, а формальная правильность обязательно приводит к правильности содержательной. Очень

часто, особенно при дословном переводе, люди, недостаточно осведомленные в тонкостях осваиваемого языка, допускают курьезные для знатока содержательные ошибки, хотя и полностью соблюдают языковые правила перевода. Для борьбы с подобными проявлениями и разработан *лингвосоциокультурный* метод.

Один из самых серьезных и всеобъемлющих методов изучения иностранного языка, данный метод предполагает апелляцию к такому компоненту, как социальная и культурная среда. Сторонники этого метода твердо уверены, что язык теряет жизнь, когда преподаватели и студенты ставят целью овладеть лишь «безжизненными» лексико-грамматическими формами. Некто заметил, что «личность – это продукт культуры». Язык – тоже. И убедительнее всего это подтверждают наши языковые ошибки. Так, широко употребимое в русском языке слово «Проблема» в английском имеет 2 принципиально отличных перевода: «Problem» и «Issue», причем первый вариант имеет резко негативный оттенок, что приводит к большому количеству смысловых ошибок при сохранении формальной правильности перевода.

Лингвосоциокультурный метод принимает в расчет тот простой факт, что 52 % ошибок совершаются под влиянием родного языка, а 44 % кроются внутри изучаемого. Раньше следили за правильностью речи; теперь, помимо этого, стремятся повышать ее содержательность. Важен смысл передаваемой информации, то есть коммуникативный уровень, потому что в любом случае конечная цель общения – быть понятым.

Лингвосоциокультурный метод включает два аспекта общения – языковое и межкультурное. наш лексикон пополнился новым словом бикультурал – человек, легко ориентирующийся в национальных особенностях, истории, культуре, обычаях двух стран, цивилизаций, если хотите, миров. Для студента ВУЗа важен не столько высокий уровень чтения, письма, перевода (хотя это отнюдь не исключается), а «лингвосоциокультурная компетенция» – способность «препарировать» язык под микроскопом культуры.

Отдельно следует остановиться на вопросе вспомогательных методов обучения. Одним из самых эффективных и интересных из них является чтение английских газет. На самом деле о пользе чтения иностранной периодики говорить можно бесконечно долго. Они не только держат в курсе всех последних новостей и событий в мире, но и помогают расширить словарный запас, улучшить грамматику и письмо. Но самое главное, они способствуют развитию речевых навыков, созданию собственного стиля и манеры речи. Также я, как преподаватель с многолетним стажем, могу смело утверждать, что газеты имеют одно главное преимущество перед различными пособиями и учебниками – это «живой» язык, язык, используя который, вы не будете выглядеть смешно и нелепо в среде его носителей. Кроме того, как показывает практика, использование газет и журналов на занятиях – это очень увлекательный процесс, который вдохновляет студентов постоянно совершенствовать свои знания иностранного языка.

Многообразие газет и журналов позволяет заниматься со студентами различного уровня знания иностранного языка, а разнообразные статьи смогут удовлетворить студентов самых различных интересов и пристрастий. Вплоть до желания изучать американский, а не британский английский язык.

Немаловажную роль играет тот факт, что сейчас практически любое иностранное периодическое издание можно найти в интернете, и даже, живя в далекой российской глубинке, можно читать последние британские или американские издания, и к тому же бесплатно.

Исходя из опыта, газетная статья – это огромное количество самых интересных заданий, которые наверняка понравятся как преподавателям, так и студентам.

Таким образом, изучение иностранного языка – сложный и многогранный процесс, ключевую роль в построении методики обучения которому лежит цель и предполагаемый конечный результат. Очевидно, что независимо от поставленных целей подготовка студентов должна включать элементы фундаментальной подготовки, совмещенные с коммуникативными методиками, уделяющими достаточное внимание степени развития современного иностранного языка, что, несомненно, приведет к формированию всесторонне развитого выпускника ВУЗа, в совершенстве владеющего иностранным языком.

1. Черенкова Н.И. Инновационные технологии в преподавании английского языка для «нефилологов» // Инновации. – 2006. – № 2.
2. Черенкова Н.И., Вессарт О.В. Принципы создания адаптивного учебного пособия по деловому английского языку для студентов экономических специальностей // Вопросы методики преподавания в вузе. – СПб.: Изд-во Политехи, ун-т, 2005. – Вып. VIII.

УДК 811.111: 371.26:33

К ПРОБЛЕМЕ КОНТРОЛЯ И ОЦЕНИВАНИЯ ПРЕЗЕНТАЦИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ СТУДЕНТОВ НЕСПЕЦИАЛЬНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ ДОННУ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Назаренко Е.Н.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
o.boi@yandex.ua

Актуальной проблемой современной методики преподавания иностранного языка, в частности немецкого является проблема контроля и оценки навыков и умений студентов по тому или иному виду языковой деятельности. Правильность решений по определению этого уровня в определенном виде речевой деятельности зависит от критериев, применяемых для достижения решения, и процедур, по которым эти критерии разрабатываются [7: 177]. Решить проблему контроля уровня

навыков и умений продуцирования презентации на немецком языке студентами неспециальных факультетов в вузовской системе подготовки возможно только при условии их четкого выделения в качестве объекта оценки, определения научно обоснованных критериев и их показателей, а также разработки адекватных данным факторам контрольных приемов.

Вопросу определения критериев оценки умений говорения посвящены исследования таких ученых, как Авсюкевич Ю.С., Бориско Н.Ф, Гурвич П.Б., Драб Н.Л, Николаева С.В., Мусницкая Е.В. и других [1–3, 6, 7, 10, 13]. (Авсюкевич Ю.С., 2006: 3-7; Авсюкевич Ю.С Критерии оценивания уровня сформировнности навыков и умений продуцирования презентации на английском языке студентами экономических специальностей.

Но в связи с тем, что вопросы обучения презентации на иностранном языке начали исследовать в методике преподавания иностранных языков недавно [5, 8–10, 12], процедура контроля навыков и умений продуцирования презентации на немецком языке и определения критериев оценки еще остается не до конца решенной.

Цель исследования – дополнить критерии оценки уровня навыков и умений продуцирования презентации на немецком языке студентами разных специальностей неязыковых факультетов ДонНУ. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: конкретизировать объекты оценки; обосновать критерии оценки; определить показатели для измерения данных критериев. Объекты контроля должны совпадать с конечными целями обучения и отражать основные параметры, на которые направлено это обучение [13: 34].

Целью обучения презентации по дисциплине «Немецкий язык» для студентов неспециальных факультетов ДонНУ является формирование профессионально-направленной коммуникативной компетенции в говорении (главным образом, в монологической речи), необходимой и достаточной для подготовки и проведения презентации на иностранном языке [1].

Поскольку коммуникативную компетенцию в говорении составляет вся система навыков и умений, необходимых для создания устных речевых высказываний, адекватных с точки зрения языковых, речевых, социо-культурных норм, требований ситуации, собственных намерений, отношений собеседников и т.д. [11: 5], поэтому объектом исследования будет система умений и навыков, которая составляет коммуникативную компетенцию в монологической речи, необходимой и достаточной для подготовки и проведения презентации на немецком языке.

Вслед за Авсюкевич Ю.С [2] на основе специальных исследований по проблеме контроля и оценки умений говорения [3– 5, 10, 11, 13] были выделены качественные и количественные критерии оценки уровня навыков и умений продуцирования презентации. Полученные данные позволили выделить презентацию-информирование и презентацию-убеждения основными типами презентаций для обучения. Показатель соответствия презентации студентов критерия соблюдения жанрово-структурной организации презентации измеряется коэффициентом, то есть отношением количества имеющихся

компонентов жанровой структуры в презентации студента к общему числу частей, свойственных соответствующему виду презентации.

Коэффициент по показателю соответствия презентации студента жанрово-структурной организации соответствующего типа презентации переводится в баллы путем умножения полученного студентом коэффициента на максимальное количество баллов по данному критерию (10 баллов). Все количественные показатели умений и навыков продуцирования презентации исчисляются по общепринятым методикам [3]. Под критерием темпа и скорости речи мы понимаем такой темп речи, который соответствует среднему темпу носителей немецкого языка. Для публичной речи этот темп составляет 120-160 слов в минуту. Показатель по данному критерию измеряется коэффициентом, то есть отношением темпа высказывания студента минимально установленному темпу (120 слов в минуту). Полученный коэффициент переводится в баллы путем его умножения на максимальное количество баллов по данному критерию (10 баллов). По критерию объема говорения выдвигаются следующие требования: объем текста презентации-убеждения и презентации-информирования должен быть 600–800 слов. Данная цифра была получена путем умножения среднего темпа говорения (120–160 в минуту) на 5 минут, которые предоставляются студентам для ответов. Показатель соответствия объема презентации студента в необходимом объеме измеряется отношением объема высказывания студента минимальном установленном объема (600 слов). Перевод коэффициента в баллы происходит по аналогии с предыдущим критерием. Максимальное количество баллов по критерию объема говорения составляет 10 баллов. Дополнительными критериями являются такие, как грамматическая компетенция – 2 балла, произношение – 1 балл, употребление лексики – 2 балла, интерактивная связь – 1 балл, соответствие содержания теме презентационной работы – 2 балла, способность аргументировать – 1 балл, структурная и содержательная связность – 1 балл. Максимальное количество баллов по критерию объема говорения составляет 10 баллов.

Таким образом, дополненные качественные и количественные критерии дают возможность объективно оценить уровень навыков и умений продуцирования презентации на немецком языке студентами неспециальных факультетов ДонНУ. Дальнейшей задачей в решении проблемы является разработка адекватных определенным критериям контрольных приемов и методических рекомендаций по организации обучения презентации.

1. Авсюкевич Ю.С. Обучение презентации на английском языке: цели и содержание // Вісн. Чернигов. гос. пед. ун-та. Сер. Педагогические науки. – Чернигов: Изд.центр ЧГПУ. – Вып.43. – 2006. – С. 3-7.
2. Авсюкевич Ю.С Критерии оценивания уровня сформировнности навыков и умений продуцирования презентации на английском языке студентами экономических специальностей.
3. Бориско Н.Ф.Критерии оценки устного монологического высказывания в процессе обучения иностранному языку интенсивным методом // Методика преподавания иностранных языков: Республ. метод. сб.- 1988. – Вып.17. – С. 46-50.

4. Гурвич П.Б. Теория и практика эксперимента в методике преподавания иностранных языков. – Владимир: Владимир.гос. пед. ин-т, 1980. – 104 с.
5. Драб Н.Л.Обучение будущих экономистов иноязычной профессионально направленной монологической речи (монолога-презентации на немецком языке). – М., Ленвит, 2005. – С.10
6. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка / Наук. ред. укр. издание докт. пед. наук, проф.С.Ю. Николаева.– М.: Ленвит, 2003. – 273 с.
7. Мусницкая Е.В. Контроль в обучении иностранным языкам: Книга для учителя. – М.: Дом педагогики, 1996. – 192 с.
8. Попова О.Ю. Модель обучения иноязычным презентационным навыкам и умениям студентов-менеджеров: [Электрон.ресурс] // Лемпертовские чтения.
9. Соколова С.В.Методика обучения будущих учителей английского языка использовать паралингвистические средства в устном общении. – К., 2006. – 316 с.
10. Тарнопольский О.Б., Кожушко С.П. Методика обучения английскому языку для делового общения: Учеб.пособие. – К.: Ленвит, 2004. – 192 с.
11. Тарнопольский О.Б.Методика обучения иноязычной речевой деятельности в высшем языковом учебном заведении. – Днепропетровск: ДУЭП, 2005. – 246 с.
12. Федорова И.А. Обучение будущих экономистов-международников профессионально направленного англоязычного монолога-сообщения. – М., Ленвит, 2006. – 20 с.
13. Шипицо Л.В.Контроль устной речи: (на начальном этапе обучения). – М., Ленвит, 2007. – 80 с.

УДК 378.147:811

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

Никулина И.Н.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
inna.cherni@bk.ru

Целью освоения дисциплины «Латинский язык» является подготовить высококвалифицированного специалиста, владеющего специализированной терминологией, способного самостоятельно ее использовать.

Преподавание латинского языка всегда вызывает определенные трудности разного порядка.

Большинству студентов в соответствии с учебными планами предлагается изучать латинский язык на первом курсе (1–2 семестр). Следовательно, они ориентируются в основном на знания, полученные при изучении иностранных языков в школе или в первом семестре университета. При тотальном убеждении, что латинский язык «мертвый», достаточно сложно побудить студентов к его изучению. При этом степень мотивации отличается в рамках разных профессиональных направлений: от общеобразовательного до специфического узкоспециального.

Мы разделяем латинский язык на несколько образовательных циклов: филологический, культурологический, естественнонаучный и юридический.

Однако для всех специальностей разрабатывается общий блок знаний, позволяющий «встроить» латинский язык в единую систему цивилизационных принципов, позволяющий расширить общекультурный кругозор. Сначала необходимо определить место предлагаемой дисциплины как составляющей цивилизационного пространства, как результат человеческой деятельности и мысли, взглянуть на проблему «sub specie aeternitatis». Такой подход оправдывает себя с первых занятий, поскольку студент начинает осознавать свою сопричастность к истории (не побоимся такой формулировки) человечества.

К сожалению, современные студенты обладают низким культурным опытом, а порой и полным его отсутствием. Для многих первокурсников латынь – это абсолютно terra incognita, они воспринимают ее как некий артефакт, изучение которого поднимает их самооценку. Следовательно, преподаватель, в первую очередь, обязан пробудить устойчивый интерес к изучению такого языкового материала, который не всегда будет востребован как средство межнационального общения, но, безусловно, может стать «межкультурным мостом».

Именно такую роль играет *культурологический цикл* обучения латинскому языку. Это уникальная возможность проследить латинские реминисценции в произведениях различных авторов, отражение античных сюжетов в живописи, изучить богатый паремиологический фонд латинского языка. Например, роман В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» изобилует латинскими выражениями. Грегуар цитирует выражение Гиппократа о секрете вечного здоровья: «*…id est cibi, potus, somni, venus, omnia moderata sint – именно: еда, питье, сон, любовь – все пусть будет в меру*» [1, с. 341]; Для культурологов мы предлагаем в процессе обучение творческое задание.

Обучение иностранным языкам предусматривает описание социокультурного портрета страны изучаемого языка и обсуждение проблем, актуальных для поликультурного мира. Обучение латинскому языку, на наш взгляд, позволяет изучить, может быть в общих чертах, социокультурный портрет европейской цивилизации.

Филологический цикл предполагает овладение латинским языком, позволяющим читать, писать и переводить с латинского языка на русский. В плане говорения владеть продуктивной устной речью в монологической форме (монологическая подготовленная речь представлена предложенной для заучивания группой латинских афоризмов специального и общекультурного характера). На филологическом и факультете иностранных языков латинский язык квалифицируется как базовая дисциплина. Изучение лексики открывает студентам лексические соответствия в группе романских и в английском языках обеспечивает формирование навыка выявления общих корней, что положительно сказывается на глубоком восприятии иностранного языка.

Изучение грамматики облегчает восприятие падежных парадигм в славянских и немецком языках. Система образования глагольных времен латинского языка проясняет структуру времен иностранных языков, поскольку можно всегда опереться на базовые элементарные знания грамматики.

Синтаксис, как правило, ограничивается изучением простого предложения (это связано с ограниченным количеством часов) и синтаксических конструкций и оборотов (ablativus absolutus, accusativus cum infinitivo, nominativus cum infinitivo). Собственно изучение синтаксических конструкций существенно упрощают восприятие аналогичных явлений в иностранных языках. Обособленный оборот ablativus absolutus был распространен в латинском языке настолько, что впоследствии, в III и IV в н.э., когда падежи стали сливаться, подготовляя переход к беспадежному французскому языку, в латинской прозе появлялись самостоятельные и дательный, и родительный, и винительный, и даже именительный падежи. Оборот, подобный латинскому ablativus absolutus, существовал в древнегреческом языке (genetivus absolutus) и в старославянском (дательный самостоятельный). Обособленные причастные обороты есть во французском языке (la proposition participe absolue) и в английском языках (the Absolute Nominative Participle Construction). Ср.: *лат.*: *Tarquinio Superbo regnante Pythagoras in Italiam venit. – Когда царствовал Тарквиний Гордый, Пифагор прибыл в Италию; фр.*: *Henri IV regnant, l'edit de Nantes fut proclamé. – Когда царствовал Генрих IV, был провозглашен Нантский эдикт. лат.*: *Discipulis bene Latine scientibus, examen non lange curat. англ.*: *The students knowing Latin well examination does not long. – Если студенты знают хорошо латынь, экзамен длится недолго.*

Для облегчения восприятия латинской грамматики мы разработали специальное пособие, в котором вся грамматика излагается в схемах, таблицах и упражнениях. Как показала, практика, такой подход изложения грамматики значительно ускоряет процесс обучения и способствует инициированию самообразования [2].

Естественнонаучный цикл имеет свою специфику и предполагает овладение терминологическим аппаратом биологического направления, правилами образования названий семейств растений и животных. Формирование устойчивых навыков чтения латинских букв и буквосочетаний становится для этого цикла профилирующим компонентом. Грамматический материал дается в минимальном объеме, необходимом для понимания и перевода элементарных предложений. Необходимо подчеркнуть, что принципиально новый способ наименования растений и животных предложил шведский ученый-натуралист Карл Линней, в своем труде Systema naturae (1735) он узаконил бинарную (биноминальную) номенклатуру на латинском языке, в которой первое название – родовое, второе – видовое. Это имело огромное значение в дальнейшем развитии систематики животного и растительного мира, такой системой наименования пользуются и поныне ученые-биологи разных стран. Например: *Cricetus cricetus – хомяк обыкновенный*; *Equus africanus – лошадь африканская*; *Betula populifolia – береза тополелистная.*

Юридический цикл занимает особое место в преподавании латинского языка. Это связано, прежде всего, с тем, что современная юридическая терминология полностью основана на терминах Римского права,

первоисточники которого были написаны на латинском языке. Грамматика предлагается в достаточном объеме, который позволяет читать специальные юридические тексты: Capĭtis deminutio, Ius civile et ius gentium, Leges Solonis, Digesta (Pandectae), Novellae (Leges), Leges XII tabularum = L XII T и др. Мы предлагаем заучивать наизусть специальные юридические формулы: *Persona de facto*. *– Лицо без гражданства*; *In dubio pro reo*. *– При сомнении – в пользу подсудимого*; *Regina probationum*. *– Царица доказательства (явка с повинной)*. Общекультурные афоризмы: *Veni, vidi, vici*. *– Пришёл, увидел, победил*; *Amor caecus est*. *– Любовь слепа*, а также афоризмы специального содержания: *Sine legĭbus nulla est civĭtas*. *– Без законов нет государства*; *Nulla lex satis commŏda omnĭbus est*. *– Нет такого закона, который удовлетворял бы всех*.

Таким образом, в современном мире, необходимо позиционировать латинский язык как средство межкультурного общения, что значительно повышает его статус. Не секрет, что в некоторых странах существуют общества любителей латинского языка, участники которых переводят на латинский язык популярные произведения (например, детективы А. Кристи); создают комиксы, то есть «реанимируют» латынь. Нам кажется, что такой подход к обучению латинскому языку позволяет в значительной степени повысить уровень мотивации студентов.

1. Гюго, Виктор «Собор парижской Богоматери». – Киев: Высшая школа, 1981. – 464 с.
2. Никулина И.Н., Сенив М.Г. Latina clarescens: Латинский язык в схемах, таблицах, упражнениях: Учебник. – Донецк: ДонНУ, 347 с.

УДК 378.4

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕО И АУДИО РЕСУРСОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Полтавская О.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
studentspot@mail.ru

Постановка проблемы в общем виде. В данной статье рассматривается значение аспекта "Аудирование" в процессе обучения студентов языковых ВУЗов, а также проводится анализ различных типов заданий, нацеленных на развитие навыков восприятия речи на слух.

Аудирование на начальном этапе работы со студентами является одним из актуальных навыков в процессе изучения иностранного языка, так как без аудирования невозможно речевое общение. Поэтому исследуемая проблема является актуальной и имеет большое практическое значение.

Анализ источников и публикаций, посвященных проблематике работы. Термин «аудирование» был внедрен в литературу американским

психологом Роджером Брауном, который сформулировал следующее определение: «Аудирование – это понимание речи, воспринимаемое на слух» [4, e-doc.].

В методике прослеживаются два направления обучения аудированию. Первое направление предлагает обучение аудированию в процессе выполнения специальных упражнений, т.е. аудирование выступает как цель обучения, поэтому, согласно этому направлению, студентов следует обучать аудированию как виду речевой деятельности. Сторонники же второго направления указывают на необходимость сочетания упражнений по аудированию с элементами речи, чтения и письма. Таким образом, аудирование здесь выступает как средство обучения другим видам речевой деятельности. Для этого предлагаются неспециальные упражнения.

Целью данной статьи является обзор современных тенденций развития методов преподавания иностранных языков на примере авторського учебного пособия «Learning with authentic video».

Изложение основного материала. Овладение коммуникативной компетенцией на иностранном языке, не находясь в стране изучаемого языка, задача весьма сложная. Для решения этой задачи большое значение имеют аутентичные видеофильмы, аудио- и видео курсы.

Рассмотрим эффективность использования видео и аудио материалов в процессе обучения аудированию на примере методического пособия «Learning with authentic video», предназначенного для студентов второго и третьего курсов языкового факультета. Пособие содержит подборку упражнений направленных на развитие навыков восприятия на слух, говорения, а также приобретение базовых знаний по устному и письменному переводу.

Пособие состоит из 19 разделов. В начале каждого урока данного пособия предложены подготовительные упражнения. Данные типы заданий помогают заинтересовать студентов, определить наличие фоновых знаний по заданной теме, ввести тематическую лексику. Непосредственно при работе с видео и аудио материалом, упражнения анализируемого пособия можно разделить на предтекстовые, текстовые и после текстовые.

На начальном этапе работы с видеоматериалом используются видеосюжеты общего и научно-популярного направления, длительность которых не превышает 2–3 минуты. На данной стадии работы с видеоматериалом преподавателям рекомендуется проработать первые два сюжета (урока) «предложение за предложением» (sentence by sentence), что дает студентам возможность привыкнуть к иноязычной речи, а также, овладеть затруднительными моментами сюжета.

По мере развития навыков аудирования у студентов постепенно усложняются как видео сюжеты, так и задания к ним.

Среди заданий, направленных на развитие навыка перевода есть также упражнение на перевод песен (например, «Песня о Медведях»), что требует определенных навыков, умений и творческого подхода. В аудио материалы пособия прилагается запись песни оригинала и фонограмма. Поэтому,

студенты имеют возможность записать свой собственный вариант перевода песни в собственном исполнении.

Выводы. Благодаря современным технологиям и развитию методики преподавания мы имеем широкие возможности для обучения и тренировки аудирования. Подбор упражнений учебного пособия «Learning with Authentic Video» обеспечивает возможность комплексной тренировки аудирования с привлечением аутентичного аудио- и видеоряда. В рассматриваемом методическом ресурсе также представлены тексты для перевода, вопросы для обсуждения, тесты и подбор картинок и творческих проектов по изученной теме. Данный комплекс заданий помогает студентам закрепить пройденный материал, получить дополнительные фоновые знания, а также расширить словарный запас по заданной теме, что способствует приобретению навыка восприятия иноязычной речи на слух, базовых навыков устного и письменного перевода, а также развитию навыков чтения и говорения.

1. A framework for planning listening skills. – URL: https://www.teachingenglish.org.uk/ article/a-framework-planning-a-listening-skills-lesson / (дата обращения: 13.04.2016).
2. Methodology: new ways to teach listening. – URL: http://www.onestopenglish.com/ methodology/ask-the-experts/methodology-questions/methodology-new-ways-to-teach-listening/146394.article / (дата обращения: 13.04.2016).
3. Полтавская О.А. Учебное пособие для обучения аудированию. Learning with authentic video / О.А. Полтавская. – Донецк: ДонНУ, 2015. – 139 с.
4. Хаперський В.Н. Роль аудіювання у розвиваючому навчанні / В.Н. Хаперський.URL:http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/IV/uch_2008_IV_00046.pdf/ (дата обращения: 13.04.2016).

УДК 378.147.001.76:811.111:330.1

КЕЙС-МЕТОД И ПОДКАСТЫ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ ЭКОНОМИСТАМ

Сидорова А.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк

as.ukr@mail.ru

В неязыковых вузах (принимая во внимание недостаток аудиторного времени, отведенного на изучение иностранного языка) наиболее эффективным в преподавании английского языка является использование в интеграции следующих технологий: кейс-технологий (одной из разновидностей игровых технологий) и подкастинга.

Кейс-метод – это инновационный метод обучения, который учитывает все особенности предмета «Иностранный язык» и формирует необходимые знания, умения и навыки. Кейс-метод направлен на решение определенной проблемы, но данная проблема не дается в готовом виде, а формулируется преподавателем, исходя из условий реальной учебной ситуации, которая

позволяет преподавателю-профессионалу определить проблему при организации процесса обучения аспекту языка или виду коммуникации [1, с. 538].

Интегрируя продуктивные технологии на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе на примере обучения английскому языку студентов экономических специальностей, основное внимание уделяется развитию навыков работы с профессиональной лексикой, а также умению использовать данный лексический материал в различных коммуникативных ситуациях.

Изучение и закрепление профессиональной лексики на занятиях цикла производится путем интегрированного использования кейс-метода и имитационных игр. В начале каждого кейса упоминается требующая решения проблема, дается краткая характеристика содержания кейса, а также методика работы с данным кейсом [1, с. 539].

Использование данного метода на занятиях по английскому языку позволяет развить помимо языковых компетенций, также и общие компетенции, которые играют немаловажную роль в формировании грамотного специалиста. Так, например, при работе в подгруппах студенты могут совершенствовать общие компетенции – принимать решения в стандартных и нестандартных ситуациях, работать в коллективе, эффективно общаться с коллегами, руководством, потребителями, осуществлять поиск и использование информации необходимой для эффективного выполнения поставленных задач.

Кейс-метод является универсальным средством для реализации педагогических целей и задач в процессе обучения студентов. Преподаватель предлагает конкретную проблемную ситуацию, дает толчок студентам для ее дальнейшего самостоятельного и творческого развития. Студенты проводят академические совещания, деловые переговоры, встречи, общаясь при этом на английском языке. Соответственно коммуникативная функция максимально реализуется и как результат – у обучаемых совершенствуется навык говорения на иностранном языке.

В современном мире интернет предоставляет своим пользователям многочисленные возможности для получения знаний в различных областях. Формы работы могут быть различны. Однако хотелось бы рассказать о новом явлении – подкастинге – и о возможности применения посткастов на занятии по английскому языку, а именно о возможности использования подкастов в качестве одного из средств формирования навыков аудирования. Явление подкастинга достаточно новое, поэтому сначала обратимся к самому определению «подкаст». Английский термин *Podcasting* образован из частей двух слов: “iPod” (фирменное название MP3-плейера фирмы Apple) и “broadcasting”, то есть «трансляция» передач, повсеместное вещание, широковещание – способ публикации медиа-потоков (как правило – звуковых или видео-передач) в глобальной сети Internet обычно, в формате MP3 [2].

Подкасты можно подобрать любой степени сложности, любой тематики, различной продолжительности, что позволяет использовать подкастинг студентам с различным уровнем подготовки в области

иностранного языка. Использование подкастов как средства формирования навыков аудирования открывает большие возможности.

Работа с подкастами возможна как групповая, так и индивидуальная. Однако индивидуальная работа является более эффективной формой. Студент сам имеет возможность участвовать в процессе, распределять время и свои возможности, при необходимости повторно прослушать вызывающий затруднения фрагмент. При прослушивании совершенствуется речевой слух (аудитор знакомится с фонетическими особенностями иноязычной речи, определенным интонационным рисунком), а также лексические и грамматические навыки [2].

Важной особенностью подкастов является тот факт, что они не только обучают аудированию, но и дают знания о многообразии самого языка и культуры изучаемого языка в удобной для слушающего обстановке. В качестве примера можно привести задания, разработанные для студентов 5 курса по теме «Successful Business». Подкаст «8 traits which lead to success» имеет продолжительность звучания 6:15 минут. Перед прослушиванием (предтекстовый этап) были предложены задания, направленные на снятие языковых трудностей: ассоциограмма к фрагменту «8 traits which lead to success», упражнения, направленные на выявление этимологии данного предложения. К подкасту «8 traits which lead to success» было разработано упражнение, выполнение которого происходило во время прослушивания (текстовый этап). На послетекстовом этапе студенты выполняли тест, направленный на выявление понимания прослушанного.

Очевидно, что подкасты не могут стать полной заменой аудиторным занятиям по иностранному языку, направленным на обучение слушанию естественной речи. Однако они являются важным дополнением при обучении аудированию. Кроме того, использование подкастов в обучении демонстрирует мобильность современной системы образования в целом, ее адаптивный характер, т.е. своевременное приспособление к новым информационным технологиям.

В заключение уместен вывод: интегрированное использование продуктивных технологий помимо развития специальных навыков и умений (знания профессиональной иноязычной лексики, умения применять ее в различных коммуникативных ситуациях и т. д.) способствует развитию у студентов аналитического мышления, а также формирует профессиональную коммуникативную компетенцию будущих экономистов.

1. Сидорова А.А. Технологии формирования профессиональной коммуникативной компетентности на иностранном языке будущих экономистов и менеджеров в высших технических учебных заведениях // Проблемы и пути совершенствования учебной, учебно-методической и воспитательной работы. – Донецк, 2016. – С. 537-541.
2. Новые образовательные технологии: подкасты / И.Г. Вольвачева, О.С. Горицкая. Режим доступа URL: http://www.world.russianforall.ru/upload/iblock/3eb/volvachova goritskaya.doc
3. Современная организация самостоятельной работы изучающих иностранный язык / Н.Ф. Коряковцева. – Москва, 2002. – 175 с.

УДК 378.091.274:81’243

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ АУДИО-ВИДЕО ВОСПРИЯТИЯ

Смазной В.В., Соловьев С.Г.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк
inozmov@kaf.donnuet.dn.ua

Аудио-видео восприятие иноязычного материала – неотъемлемая составляющая устной речевой деятельности, имеет значительное влияние на формирование навыков устного монологической высказывания. Она является достаточно сложным видом аудиторной и внеаудиторной работы и по этой причине требует плотного планирования, кропотливой предварительной работы, активного мониторинга процесса проведения и глубокого анализа и осмысления результатов.

Опыт проведения упомянутой выше работы говорит о том, что на всех этапах аудио-видео восприятия преподаватель может применить навыки менеджера по осуществлению четырех функций. Речь идет о планировании и принятии решения (planningand decision-making), организации выполнения (organizing), непосредственном проведении и руководстве работой (leading), контроле и анализе результатов (controlling).

Этап о планировании и принятиям решения предусматривает: диагностику имеющихся навыков и умений и их всесторонний анализ (сильных и слабых аспектов, возможностей и препятствий – свое города мини SWOT-analysis) и принятия решения о цели этой деятельности, что должно обеспечить желаемые изменения.

Этап организации выполнения нацеливает преподавателя на выбор форм и методов, которые обеспечат реализацию произведенных планов и целей. Речь идет о выборе иноязычного видео материала, общих форм работы с ним; преподаватель знакомит аудиторию с особенностями аудио-видео восприятия, конкретными принципами и приемами работы с аудио текстом. Текстовый материал требует к себе особого внимания. В зависимости от этапа обучения, он должен охватывать общечеловеческую тематику, что касается различных сторон студенческой жизни, или иметь отношение к будущей профессиональной деятельности. Отбор лексики и грамматики должен опираться на предыдущий опыт учащихся: в случае студентов первого этапа обучения – на базовую школьную программу, для тех, кто на втором этапе – на базис, усвоенный в течение первого языкового этапа в ВУЗе.

Непосредственное проведение и руководство работой предусматривает использование ТСО – видео оборудования или мультимедийного компьютера, компьютера и носителей информации. Большое значение приобретает не количество повторов материала, а качество «передтекстовой работы» – введение ключевых лексических единиц и фраз, непосредственная активизация имеющихся фоновых знаний студентов о воспроизводимом сюжете, постоянный мониторинг процесса восприятия и понимания материала. Вовремя

работы целесообразно делать остановки и поддерживать обратную связь с аудиторией. Важно следить за тем, чтобы процесс восприятия не перешел в пассивную фазу (просмотр картинок) и учебные цели были достигнуты.

Контрольная фаза должна помочь как проверке понимания просмотренного материала, так и оценке эффективности принятых методов и приемов. Обычно после просмотра видеоматериалов эмоциональное состояние студентов практически безошибочно свидетельствует о степени восприятия и понимания ими сюжета и его языкового оформления: радость и удовольствие говорят об успехе, а обеспокоенность и смущение – об обратном. Дальнейшее обсуждение может выявить некоторое превосходство и преждевременную «эйфорию» первых и беспочвенность «страха» и стыдливости вторых. Исходя из психологических соображений, желательно, чтобы преподаватель «обнародовал» свое отношение в обоих случаях: в первом – необходимо нацелить на серьезную дальнейшую работу, во втором – поддержать морально и подсказать пути для устранения недостатков. Часть аудитории часто считает, что достаточно посмотреть сам материал для понимания его содержания, а аудио часть можно «додумать» и самому. Перед просмотром стоит напоминать аудитории о важности серьезного, вдумчивого подхода и о том, что видеоматериал предназначен не для viewing pleasure (удовольствие от просмотра), но он выступает как эффективное средство усиления мотивации и развития навыков понимания иноязычного текста.

Безусловно, аудио-видео восприятие иноязычного материала – один из самых интересных и перспективных направлений аудиторной и внеаудиторной работы. Но он не является автономным и требует комплексного подхода к его организации и проведения. Стоит взвешенно подойти к выбору места, времени и целесообразности применения аудио-видео восприятия на определенном этапе обучения. Потенциал этого вида работы далеко не исчерпан и поэтому указанные выше аспекты требуют дальнейшего творческого осмысления как специалистов-языковедов, так и специалистов-психологов.

1. Harmer J. How to teach English. – Longman, 2010. – 195 p.

УДК 378.147

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СПОСОБЫ РАБОТЫ С НЕЗНАКОМОЙ ЛЕКСИКОЙ

Суслова И.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
Академия внутренних дел МВД ДНР
irina.al.su@mail.ru

Обучая студентов иностранному языку, вводя незнакомую лексику, преподаватель опирается на следующие признаки овладения навыком:

- студенты умеют правильно произнести слово;
- студенты умеют правильно написать слово;
- студенты знают значение слова / основные значения многозначного слова;
- студенты помнят наиболее точный эквивален слова в родном языке / эквиваленты для многозначных слов.

Встречая незнакомое слово в тексте, преподавателю необходимо удостовериться:

1) какие синонимы слова они уже знают (слова близкие по значению)

2) какие антонимы слова они знают (слова противоположные по значению)

3) объяснить, когда употребляют это слово в разговоре, заменить в разговоре слово на русское

4) в каких ситуациях употребляют это слово (смоделировать эти ситуации)

Отвечая на эти вопросы, студенты как бы «помогают» мозгу определить место слова в их собственной базе иностранных слов, что в дальнейшем облегчит нахождение в базе нужного слова.

Необходимо отметить следующие способы работы с незнакомой лексикой:

○ Способ установления родственных связей (нахождение общих корней) по созвучию слов. Многие языки когда-то давно начали самостоятельно развиваться от одного общего праязыка, т.е. имеют общий язык прародитель. В современных языках сохранились корни слов, которые восходят к этому общему языку-прародителю. Конечно, в разных современных языках корни эти могут сильно отличаются по произношению и написанию, но все же иногда родственность корней установить довольно легко. Ценность этого способа заключается в том, что студенты слово как бы вспоминают, а не заучивают. Правда, чувство родственности корней и даже вроде бы и совсем несхожих по звучанию, приходит не сразу, с практикой.

○ Соединение слова и его значения. В современной лингвистике существует интересная теория, что каждый звук имеет свое значение, т.е. слова вовсе не случайно прикреплены к вещам, и форма, звучание слова имеет непосредственную связь с предметом, явлением, которое оно означает. Люди просто-напросто разучились распознавать эту связь. Так, сама форма и звучание слова указывает на характеристики обозначаемого предмета: его форму, цвет, звук, другие ощущения от предмета.

Возьмите какое-нибудь незнакомое русское слово, свяжите все ощущения от слова (цвет, запах, движение, ощущения от прикосновения, перемещения, размер, степень приятности) с обозначаемым предметом. Если это проделывать с каждым словом, то вскоре запоминать слова студенты будут легко и автоматически. Применяя этот способ можно добиться просто поразительных результатов.

○ Очень эффективно учить слова по темам. Этим способом можно быстро выучить большое количество слов. Возьмем какую-нибудь тему,

например, «город». Представим, нарисуем в воображении, что есть в нашем городе: улицы, площадь, ресторан, магазин, школа, гостиница, набережная, река, мост, дорога, машина, автобус, светофор и т.д. Каждый элемент нужно представлять как можно отчетливей, можно представлять не настоящие школу, площадь, мост, а такие, какие они бывают в мультфильмах или просто выдумывать. Главное четко увидеть, услышать, почувствовать предмет и назвать его русским словом, без какого-либо вмешательства иностранного слова. Затем можно каждый элемент сделать отдельной темой:

- магазин: продавец – прилавок – покупатель – деньги – чек – товар и т.д.
- школа: ученик – учитель – парта – доска – тетрадь – ручка – карандаш.

Для запоминания глаголов можно представить стадион, на котором: (быстро) бегают, ходят, плавают, (высоко) прыгают, толкают, (громко) кричат, бьют, дерутся, свистят и т.д. Также отчетливо представьте и назовите все ощущения и эмоции, связанные с этими действиями.

○ Если нужно выучить 10–20 слов, которые не объединяются в одну общую тему, можно придумать какой-нибудь необычный яркий рассказ, в котором все слова были бы последовательно связаны и являлись в рассказе связующими элементами, т.е. объедините их в смысловую цепочку. Чем необычней будет рассказ, и чем ярче студенты представят, тем лучше запомнят слова. Например, нужно запомнить следующие слова: чашка, дерево, мост, машина, книга, веник, яблоко, окно, пианино, луна.

○ Этимологический подход к изучению слов предполагает прояснение значения слов в этимологических словарях, изучение приставок, корней и суффиксов, «вычисление» значения новых слов при понимании их структуры и значения составляющих их частей. Из этимологического словаря можно узнать массу интересной информации: исторические, культурные и страноведческие реалии, которые скрывает слово, как образовалось слово, или как и через какие языки попало слово в язык, как менялась форма слова и развивалось значение. Эта информация поможет лучше понять значение слова, точнее определить его смысловое поле и, конечно, запомнить слово. Во многих языках много корней, приставок и суффиксов из латыни и древнегреческого языка. Познакомьте студентов с ними, и тогда, сталкиваясь со многими новыми словами, они смогут понимать их значение, даже если они с ними раньше никогда не сталкивались, будут намного уверенней пользоваться ими.

○ Окно – на окне. На самоклеющихся листочках (стикерсах) пишут на русском языке названия всех предметов в комнате или квартире и приклеивают: листочек с надписью «дверь» на дверь, листочек с надписью «стена» на стену, «окно» на окно и т.д.

○ Вариант предыдущего способа. На самоклеющиеся листочки выписываются слова (любые) и эти листочки расклеиваются повсюду в квартире в тех местах, где они точно будут попадать в поле зрения: на стенах, на полках, на шкафах, на окнах на уровне глаз, над письменном столом, на мониторе, на зеркале в ванной и т.д. По мере запоминания, слова меняются на другие.

○ Способ выписывания слов на карточки. Берутся небольшие одинаковые по форме листочки бумаги, на одной стороне пишется иностранное слово, на другой русское, пачка таких карточек время от времени просматривается, карточки с выученными совами откладываются .

○ Способ построения синонимического ряда. Этим способом хорошо учить глаголы и прилагательные. Проиллюстрируем его на примере слова «большой» и его синонимов. Выпишем синонимы этого слова и слова с приближенным значением.

Для того чтобы новое слово вошло в активный словарь (вспоминалось очень быстро и употреблялось автоматически) и студенты могли легко употреблять его в речи, его нужно повторить в составе небольшой фразы n-количество раз. Пусть составят со словом 5–10 простейших фраз. Ярко и подробно представьте ситуации, в которых можно было бы употребить эти фразы, пусть произнесут фразу несколько раз, как бы «вживутся» во фразу, попробуют ее на вкус, увидят ее цвет, почувствуют фразу.

Очень важно заниматься русским языком только с хорошим настроением – если у студентов плохое настроение, информация будет усваиваться намного хуже, и в дальнейшем легко вспоминаться не будет, и при максимальном спокойствии – иначе внимание будет рассеяно и занятие будет неэффективным (это очень важно при любом обучении).

1. Рогова Г.В., Верещагина И.Н. Методика обучения английскому языку на начальном этапе обучения. – М.: Просвещение, 1988.
2. Миньяр-Белоручев Р.К. Методика обучения французскому языку.– М.: Просвещение, 1990.
3. Рогова Г.В., Рабинович Ф.М., Сахарова Т.Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. – М.: Просвещение, 1991.
4. Шатилов С.Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе. – М.: Просвещение, 1986.
5. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики. – М.: Русский язык, 1989.
6. Пассов Е.И. Урок иностранного языка в средней школе. – М.: Просвещение, 1988.

УДК 378.174.43

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ СПЕЦИАЛИСТАМ РАЗНЫХ СФЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Черкасская И.Л., Тишаева Н.В.

ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского»
inozmov@kaf.donnuet.dn.ua

Языковеды считают, что каждый человек рождается со способностью к языкам. Для этого вовсе не обязательно учить его языку, а достаточно всего лишь дать возможность постоянно слышать речь, и в таком случае он

заговорит сам. Ребенок рождается немым, но в первые годы жизни в нем как бы включается некий механизм, и он, слушая речь взрослых, обучается родному языку.

Что же представляет собой этот механизм? Назовем его механизмом последовательной реализации двух врожденных способностей – способности связывать фразы, произнесенные взрослыми, с ситуацией, в которой эти фразы обычно употребляются, и способности воспроизводить эти фразы в аналогичной ситуации, то есть там, где они уместны. Благодаря этому каждый ребёнок в возрасте двух лет уже знаком с определенным количеством простых предложений со сменными смысловыми составляющими, каждое из которых принято употреблять в определенной жизненной ситуации. Такое объяснение характерно для изучения человеком родного языка. Что же нужно делать людям, которым необходимо изучить иностранный язык? Как было упомянуто выше, для быстрого усвоения языка полезно слышать сам язык, находиться в соответствующей языковой среде. Но не все могут позволить себе прожить 2-3 года в стране, язык которой необходимо изучить.

По мнению И.А. Гивенталь, в первую очередь необходимо развивать умение понимать чужое, то есть переводить с чужого языка на родной с помощью словаря, грамматического справочника, учителя в конце концов. Для человека, изучающего иностранный язык в языковой среде родного языка, то есть, в городе или селе, где он родился и вырос, научиться выражать свои мысли с помощью чужого языка – значит уметь быстро и грамотно переводить с родного языка на чужой, но без словарей, используя психолингвистические формулы родного языка.

Перевод на родной язык при изучении иностранного является одновременно и целью, и средством. Умение переводить как устно, так и письменно является одной из задач обучения даже в том случае, когда отсутствует конкретная цель подготовить профессионального переводчика. Вместе с тем перевод является надежным средством проверки понимания иностранного языка, его тончайших смысловых и стилистических оттенков. Способность переводить – один из важнейших элементов контроля успеваемости на разных этапах овладения иностранным языком.

В современном мире множество компаний и организаций сотрудничают с иностранными партнерами, что позволяет развивать бизнес в больших масштабах. Но для такого рода сотрудничества руководство предприятий нуждается в высококвалифицированном персонале, который не только обладает безупречными знаниями в области своей специализации, но также знает иностранные языки.

Одно из главных условий успешного овладения профессионально ориентированным иностранным языком является аутентичность изучаемых материалов. Содержание материала соответствует поставленным целям изучения языка и позволяет изучить достаточное количество лексических единиц по профессии, углубить знания грамматики, усовершенствовать навыки аудирования и коммуникативные навыки специальной

направленности. Эти комплексы оснащены аудио и видеоматериалами, что позволяет эффективно выполнять задания по аудированию и упражнения на развитие диалогической и монологической речи.

Достигнув базового уровня профессионального языка целесообразно перейти к изучению статей, взятых из аутентичных газет и журналов, которые можно использовать для студентов разных факультетов. Спектр рассматриваемых тем очень широк: политические статьи, статьи по истории, экономике, праву, культуре, педагогике, спорту и т. п. Газетные статьи имеют разный объём (от небольших статей до целого разворота листа) и затрагивают различные проблемы той или иной специальности.

Важную роль играют задания, связанные с реферированием статей. Регулярное выполнение упражнений на реферирование статей – важное и неотъемлемое условие успешного владения профессионально ориентированным иностранным языком. При этом необходимо помнить о специфике работы с аутентичным текстом по специальности. Следует обратить внимание на разные аспекты изучения языка: на фонетику, грамматику, разговорную практику и перевод. Статьи изобилуют датами, цифрами, сокращениями, географическими названиями. Их произношение представляет определённую трудность для студентов. Грамматика статей периодики отличается от учебных и художественных текстов набором употребляемых наклонений и времён, глагольных форм, сложностью синтаксических конструкций.

Разговорная практика также требует тщательной работы над выработкой навыков делового общения по телефону, ведение профессиональной дискуссии. Перевод вызывает затруднения, так как текст периодических изданий, как правило, изобилует длинными предложениями, (одно предложение может занимать 5–7 строчек) насыщенными сложными грамматическими конструкциями. Особое внимание при переводе следует уделить порядку слов в предложении.

В настоящее время многие компании ищут работников, владеющих одним, а лучше несколькими иностранными языками. Наиболее дальновидные специалисты начинают углубленно изучать языки еще в студенческие годы. Для поддержания знаний сотрудников многие компании организуют корпоративное обучение английскому языку для своих сотрудников.

Эффективность преподавания иностранного языка зависит от нескольких факторов. Занятия должны проходить с большой плотностью, то есть необходимо рационально использовать время. Помимо этого, занятия должны носить комплексный характер, то есть каждому языковому аспекту необходимо уделять внимание (фонетике, грамматике, чтению, аудированию, разговорной практике и письменной речи). Все используемые материалы должны быть аутентичными, что позволит избежать ошибок, связанных с неправильным сочетанием слов. Постоянное использование аудио и видеоматериалов позволяет сделать занятия интересными, развить навыки аудирования и коммуникативные возможности обучающихся. Осознание

практического применения полученных знаний в своей профессиональной деятельности служит сильной мотивацией изучения иностранного языка.

Знание или незнание иностранного языка – это, безусловно, тот фактор, который может основательно повлиять на отбор кандидата на определенную должность. Каждый преподаватель иностранного языка должен понимать, что обучение требует правильного восприятия и понимания чужой культуры, язык которой изучает специалист. Но знание иностранного языка может принести пользу не только для профессионального роста специалиста, но и для личного саморазвития и глубокого восприятия окружающей среды.

1. Гивенталь И.А. Как это сказать по-английски : учеб. пособие / И.А. Гивенталь. – 4-е изд., испр. – Москва: Флинта: Наука, 2006– – 340, [2] с.; 21 см. – Библиогр.: с. 342. – 1000 экз. – ISBN 5-89349-465-2 : 90 р.

УДК 378.147

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНОЙ МЕТОДИКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Чернова М.М.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
oggyblackky@gmail.com

Одним из существенных аспектов коммуникативной методики, которая за последние время набрала популярности в сфере образования является коммуникативная компетенция. Разработкой и исследованиями коммуникативной методики занимались ученые Пассов Е.И., Царькова В.Б., Китайкогордская Г.А., Кузовлев В.П. Практическая цель данной методики заключается в запоминании слов и выражений, под которые впоследствии подводится грамматическая база. Студенты смогут применить предложенную лексику и грамматику, решая при этом реалистичные задачи в процессе ситуации общения. Усилия преподавателя направлены на создание такой ситуации. «Чтобы занятия были действительно увлекательными, постоянно применяются разнообразные виды учебной деятельности, каждый «примеряет» на себя различные роли: учителя, организатора общения, оратора, оппонента в дискуссиях» [4].

Формирование коммуникативной компетенции у студентов неязыкового факультета обусловлено потребностями современного общества, развитием культурных и экономических связей между народами, техническим прогрессом, требованием работодателей о необходимости владения несколькими языками. На занятиях иностранного языка происходит формировании умений и навыков, связанных с практическим применением коммуникативных способностей, культурных, социальных компетенций студента в жизни. Например, на историческом факультете, коммуникативная

компетенция будущих политологов, историков и дипломатов представляется уровнем необходимых навыков и умений в различных видах речевой деятельности тесно связанной с будущей специальностью студентов. В связи с этим, с первого курса студентам предлагается изучение и работа с профильными текстами, которые отвечают коммуникативным потребностям студентов исторического факультета. Например, студентам историкам предлагается работа над следующими текстами: «The truth of Arthur», «The lost civilization», «Iron lady`s steps upstairs» и т.д. Проработав текст и необходимую лексику, преподаватель может предложить различные упражнения, направленные на изучения и закрепление лексики: подобрать необходимое по смыслу слово, закончить предложение, подобрать синонимы и антонимы. Так же разговорные ситуации с использованием фактического материала и лексики, а именно, интервью, ролевую игру, сообщения дополнительного материала, описание персонажа и его характера и тд. Следует отметить эффективность работы с сайтами новостей www.bbc.com, www.cnn.com, где всегда можно ознакомиться с актуальными новостями в печатном или аудио варианте, почерпнуть необходимую лексику, и отработать, создав на занятии ситуацию мини-дискуссии, пресс-конференции или интервью. Работа с данными сайтами наиболее эффективна для специальности «Международные отношения». Роль преподаватель в процессе общения должен быть открытым к общению, иметь творческий подход и обязательно поощрять самостоятельную работу студентов. Кроме профессионально ориентированной лексики, важно всесторонне развивать учащихся, создавая различные языковые ситуации, максимально приближенные к жизни. Речь идет о составлении диалогов, высказывании своей позиции, обсуждению различных вопросов. В этом учебном году на историческом факультете для студентов специальности «Международные отношения» был взят новый учебник «Solutions» (Oxford) с аудиокурсом и рабочей тетрадью. Задания в нем составлены с учетом развития языковой компетенции студентов: небольшие тексты с заданиями по составлению диалогов или монологов, отработке лексики, прослушиванию отдельных диалогов и задания, связанные с лексикой прослушанного материала, а так же яркие фотографии с творческими, интересными заданиями типа головоломок, постановок. Все задания разбиты на отдельные темы: «Out of the ordinary», «Rich and poor», «Technology», «Our planet», «Mistakes», «Generations» и тд. Следует отметить интерес студентов, которые работают эффективно и с большим интересом.

Российский ученый, один из основателей коммуникативного метода Е.И. Пассов, считает коммуникативные методики тщательно продуманными, представляющими основу, от которой можно отталкиваться в будущем. Это ось, на которую можно опереться. И в дальнейшем заложенная основа позволяет постепенно расширять объем знаний. Во время обучения на начальном этапе может возникнуть психологический дискомфорт от того, что знаний очень мало, и выразить мысль очень сложно. Единственный способ избавиться от этого чувства – помочь обучаемым раскрепоститься и

свободно участвовать в общении в группах, создаваемых ролевых играх и ситуациях. Коммуникативный метод — прикладной, он нацелен на успешное развитие способностей к устному общению, создает у человека дополнительную мотивацию к изучению языка, которая и обеспечивает заинтересованность учащегося в занятиях, их эффективность и результативность. Этот способ больше всего подходит людям, уже имеющим определенную грамматическую и лексическую базу [4; 26].

Несмотря на преимущества коммуникативной методики, выявляют и ее недостатки. Так одним из недостатков Н.Л. Огаджанян считает «большую зависимость от аудиторной работы». При использовании коммуникативной методики обучения иностранному языку, следует обращать внимание на изучение грамматики, так как большее внимание уделяется изучению лексики, вследствие этого наблюдается недостаточность грамматических знаний. Из-за слишком большого упора на говорение обучающий редко исправляет ошибки: главное, чтобы обучаемый говорил, что не всегда верно – мы должны не просто учиться говорить, а говорить правильно. Коммуникативный подход не позволяет в достаточной степени развить навыки письменной речи и письменного перевода [2].

Таким образом, коммуникативный метод в обучении студентов иностранному языку на неязыковом факультете развивает способность свободно говорить и думать на изучаемом языке, решать поставленные жизненные задачи, донося необходимую информацию до слушателя. Можем выделить особенности данного метода: творческий подход к подготовке к занятиям, создание ситуация, направленных на общение, частота обращения к устной деятельности, стремление не прибегать к использованию русского языка на занятиях. При использовании коммуникативного метода обучение грамматике происходит через общение. Коммуникативная методика направлена на свободу в обмене информацией, выражении чувств и эмоций, своей точки зрения, умение дать совет и важности того, что хотим передать. Как показывает практическое применение, важен системный подход и поэтапное обучение иностранному языку студентов неязыкового факультета.

1. Васильева Н.А. "Европейский год языков и вариативность педагогических технологий при обучении немецкому языку как второму иностранному" // Педагогика. – 2001. – №6.
2. Оганджанян Н.Л. Коммуникативное обучение английскому языку [Электронный ресурс] / Н.Л. Оганджанян. – Режим доступа: http://adaptation-center.ru/ru/kurs/courses/english1/kommunikativnoe-obuchenie-anglijskomu-jazyku.html
3. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иностранному языку / Е.И. Пассов. – М.: Русский язык, 1989. – 276 с.
4. Филатова С. Об истории и специфике коммуникативного метода [Электронный ресурс] / С. Филатова. – Режим доступа: http://filolingvia.com/publ/53-1-0-54
5. C.J. Brumfit, K. Johnson “The Communicative Approach in Language Teaching”, Oxford Univ.press, 1991
6. Diane Philips, Sarah Burwood, Helen Dunford. Projects with young learners. – Oxford, 2010. – P. 6–15.

УДК 378

THE ROLE OF THE EDUCATIONAL INNOVATIONS IN THE PROCESS OF TEACHING ENGLISH

Zhuravleva L.V.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
zhuravleva89@mail.ua

The analysis of the development processes in various spheres of human activity shows that its basis lies in different kinds of innovations in science, technologies, organization that are embodied in new products, services and devices.

The current state of the process of teaching English is not an exception because it can't be realized without the innovations that have the aim to create a competitive educational environment, to form special communicational skills, to provide additional educational services etc. All these factors require the creative approach and high level of professionalism of teachers and educators.

The content of the basic concepts of educational innovation is described in the works by L.I. Danylenko, V.F. Palamarchuk, L.S. Podymova, V.A. Slastyonina etc.; the genesis of innovation processes is analyzed by O.V. Popova.

The innovational process in the teaching of the English language means the improving of educational practice, educational systems based on the novelty or the modification of systems with its innovative development and the partial change of the traditional aims, content and means of education.

According to the work by I. Dychkovskaya the innovative educational activities are «based on the understanding of teaching experience as the educational activity that is focused on the change and development of the educational process in order to achieve higher results, obtaining new knowledge, formation of a qualitatively different pedagogical practices» (Дычковская, 2004: 338).

Nowadays the need for innovational activity of educators in the process of teaching English is objective and logical. According to the thoughts of N.I. Moyseyuk such a need is caused by a number of circumstances, they are:

- the need to modernize the educational system, methodology and technologizing of the educational process in the educational institutions of different types.
- the constant search for new organizational forms; individual approach to personality; innovative technologies of training, education, management will ensure the process of the formation of a personality who will be able creatively to develop culture and to be its part;
- the changing of the nature of teachers' attitudes to the processes of studying, teaching and the use of pedagogical innovation;
- the presence of research elements in the pedagogical activity (teacher elects new programs, textbooks, using new technology of training and education) (Мойсеюк, 2001).

Different qualities of teacher determine the presence of innovative potential, such qualities include: creative ability to generate new ideas; the high cultural and

aesthetic level; intellectual depth and the multiplicity of interests of the teacher, his ability for new understanding and perception of different ideas, thoughts, trends, brunches (based on individual tolerance , flexibility and breadth of thinking).

The main criterion in the innovational process of teaching English is novelty, which is important in the evaluation of scientific educational research of teaching experience. Taking into account these aspects, it is very important for the teacher who wants to enter the innovational process of teaching English to determine the essence of new experience the level of its novelty. Therefore, the process of teachers' entering the innovation should be freewill, according to the personal, individual psychological characteristics (Исаев, 2004).

The effectiveness as a criterion of innovation means stability of positive results in the teacher's activity. Due to the technological dimension, observation and fixing of results this criterion is one of the widely used in the process of evaluation of the significance of new techniques, methods of training and teaching of students. The value of this criterion is determined by the providing of the integrity of the formation of a personality.

The ability to use creative innovations in mass experience is also one of the criteria for evaluating of the pedagogical innovation in the process of teaching English. If a valuable pedagogical idea or technology is suitable only for a limited use it can't be recognized as the pedagogical innovation. The innovations that are used by certain teachers after objective testing may be recommended to further promotion.

So, the success of the process of forming of high professionalism and pedagogical culture of teachers is determined by the innovational orientation of their pedagogical activity. It means that it is determined by the level of the teacher's interest in the process of creation, studying and using of the pedagogical novelties. The teachers' attitude to the pedagogical innovations expresses their ability to provide the innovational activity that leads to the self-realization of personality. The modern statement of science and technique leads to the impossibility of providing the high quality of teaching English without the innovational methods, especially it concerns the students' mental activity. Traditional methods may not provide the qualitative process of analyzing of a great quantity of information. All these aspects show the great importance of the use of the innovational methods. The prospect for further investigation is the deeper analysis of the innovational processes in education.

1. *Дычковская И.М*. Инновационные педагогические технологии: [учеб. пособие.] / Дычковская Илона Николаевна. – М.: Академвидав, 2004. – 352 с.
2. *Исаев И.Ф*. Профессионально-педагогическая культура преподавателя: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., стер. – М., 2004
3. *Мойсеюк Н.И*. Педагогика: [учеб. пособие.] / Н.И. Мойсеюк. – К., 2001. – 607 с.

УДК 330.83

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Андреева Т.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
tanandr44@gmail.com

Ценностные установки людей на протяжении истории человечества постоянно эволюционируют. Этот процесс, с одной стороны детерминирован культурно-историческими, политическими, научно-техническими и прочими реалиями, а с другой – зависит от субъективных устремлений индивидов, их способностей и желаний следовать аксиологическим ориентирам своего времени.

В переходные эпохи размывается аксиологическое пространство бытия человечества. В такое время трудно артикулировать столкновение позитивных и негативных установок личности, скорее наблюдается абсолютизация ценностей мнимых. Борьба за идеалы происходит, как правило, в период, когда господствует идеология, жестко определяющая стандарты поведения и жизненные эталоны. Все, противоречащее официальным взглядам, относят к антиценностям. Подобное формально-логическое противопоставление в социальном бытии фиксирует лишь дихотомию аксиологических ориентаций. Исходя из принципов диалектической, а не формальной логики, здесь необходимо учитывать существование опосредующего звена в дихотомичных соотношениях и реальное многообразие социальных компонентов. Отсюда, методологически целесообразно исходить из деления ценностей на мнимые и действительные. Такая логическая операция позволяет избежать ловушки обыденного сознания – столкновения ценностных устремлений в социальном бытии человечества. Характер взаимоотношения подобных векторов представлен в следующей таблице:

№ п/п	Объективное содержание предмета, явления и т. д.	Субъективная оценка предмета, явления и т. д.
1.	+	+
2.	+	–
3.	–	+
4.	–	–
5.	+	0
6.	–	0

Что происходит с отмеченными соотношениями в переходные эпохи?

Первая позиция в общественном сознании в это время, как правило, завуалирована. Вторая – опредмечена в нигилистическом отношении к прошлому и настоящему, в попытках дискредитировать устоявшиеся каноны и традиции. Третье соотношение фиксирует собой мнимые ценности, для которых характерно отрицательное объективное содержание и положительная субъективная оценка. К их числу следует отнести модель рыночной рационализации, лишенную внеэкономической, нравственной мотивации и разрушающие личность факторы (тоталитарная идеология, запущенное "во благо народа" атомное производство, вредные привычки, экологически опасный продукт в эстетически безукоризненной упаковке и т.д.). Содержательная мнимость отмеченных признаков фиксируется объективно. Гораздо труднее определить характер духовных запросов. Их отрицательное содержание выявляется не сразу, более того, оно порой приобретает реальную, положительную значимость.

Возможен и обратный переход. Рассмотрим это на примере присущей всем народам национальной идеи. В одних случаях она – неотъемлемый элемент общественной психологии, проявляющий себя только на уровне обыденного сознания. В других ситуациях, размышления о нациях, игнорируемые общественной психологией, доминируют на теоретическом уровне и ставятся в центр философских построений. В дальнейшем они остаются в теоретическом багаже нации, человечества, или же служат основой аксиологических трансформаций сознания. Позитивный заряд национальной идеи – в ее возможности способствовать процессу исторических преобразований, связанных с национальной самоидентификацией. Однако, такая идея, доведенная до логического конца, абсолютизирующая национальное в отрыве от общечеловеческого, становится мнимой ценностью, возвращает архаику расколотых этнических пространств. В переходные периоды наблюдается преобладание четвертой взаимосвязи, выражающейся в аномии, девиантном поведении.

Социальная аномия проявляет себя через пятую и шестую позиции, характеризующиеся абсолютной индифферентностью.

Выделенные выше ценностные ориентиры позволяют не только глубже проникнуть в духовный мир личности (показать истоки антагонистических отношений между индивидом и обществом), но и сформировать один из возможных критериев конкретизации концептов "культура" и "цивилизация". Очевидно, антиценность входит в денотат "цивилизации", но является чужеродной для "культуры". Поэтому содержание первого понятия оказывается по объему больше второго. Функция мнимой ценности деструктивна. В тех случаях, когда речь идет о человечестве, это выражается в разобщающих людей социально-психологических механизмах.

При анализе отмеченных поведенческих ориентаций возникают задачи синтеза разнообразных мотиваций, определения границ поведенческой терпимости и теоретического плюрализма.

В социальном бытии человечества процессы создания и функционирования нравственных ценностей и правовых норм отличаются по времени возникновения и по формам санкционирования. Генезис первых, в значительной степени, коррелирует с появлением вторых.

Определяя логический и аксиологический приоритет (моральных ценностей перед правовыми нормами, деяния перед мотивом), целесообразно исходить из единства философско-теоретической и конкретно-эмпирической сторон, необходимости интеграции проблем регуляции и мировоззренческих вопросов.

Способ ценностно-оформленной деятельности субъекта реализуется в определенных объективных условиях: система ценностей субъекта (ценностное основание его жизни) проявляется во всех типах личности (в положительно – активном, в положительно- пассивном, в отрицательно-активном, в отрицательно- пассивном).

Если специфика “переоценки ценностей” при переходе к XX веку заключалась в поисках идеала (“сильная личность”), в попытке духовно раскрепостить слабого индивида, то нынешние изменения, не исключая ницшеанской ориентации на индивидуальность, вместе с тем, нацелены на функциональное согласование единичных действий, имеющих общую цель, взаимообращенность, причастность всех людей к миру субъективных ценностей. Нигилистический пафос иррационализма XX века сменяется плюралистическим подходом к теориям и нравам, преобладанием в социальном пространстве гуманистических элементов. Только синтетический многомерный взгляд на общество позволяет правильно понять аксиологическую антиномичность универсальности – всеобщности, общества – личности, человечества – нации, т.е. сформировать единый образ многоуровневого социального пространства.

Постмодернисты разрушают ценностное единство предшествующего периода истории человечества, “устойчивость и надежность нашего тысячелетнего опыта” и провозглашают рассеянность и спутанность ценностей (Ж. Бодрийяр). В результате провозглашаемой антиномичности аксиологическая периферия перемещается в центр и становится эквивалентной миру подлинных ценностей. Отрицая “метанарративы”, философы данного направления, по сути отвергают ядро культуры, сводят субъект-объектное отношение к трактовке ценностей отдельной личностью. В наше время, очевидно то, что различные элементы культуры, разные ценностные установки сосуществуют в едином социальном пространстве. Однако, их функционирование нельзя рассматривать только с позиций модерновости или архаичности, так как эти критерии эффективны при диахроническом анализе. Они же не имеют методологического значения при синхронном исследовании, целью которого выступает изучение единого социального бытия человечества, где равноправно функционируют, взаимодействуя и дополняя друг друга, культурные поля всех стран и народов. Новые аксиологические установки не укладываются ни в прокрустово ложе индивидуализма, ни в стандарты коллективизма, ни

в рамки разумного эгоизма, ни в эстетические каноны прошлого. Изменения устремлений современного человечества должны опираться на духовные детерминанты цивилизованного существования – реальные, а не мнимые ценности, т.е. общезначимые и аксиоматические правила, которые в той или иной степени присущи кодексам поведения различных стран и народов.

УДК 130.2

СОВЕТСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ НАУКА О ФЕНОМЕНЕ МИСТИЦИЗМА

Белицкий А.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
asem@land.ru

В советской философской науке феномен мистицизма рассматривался с материалистических позиций. В ней термин «мистика» употреблялся в двух разных значениях, широком и узком: «В широком смысле мистика (от греч. mystikos – «таинственный») сводится к представлению, вере в существование сверхъестественных, недоступных рациональному познанию сил» [1, с. 8]. Такое определение считалось характерным для всех религий. При этом особо указывалось, что мистика выходит далеко за пределы самих религий: «...она может проявляться в сознании как верующих, так и неверующих людей, не обладающих устойчивым научным мировоззрением, в форме пережитков веры в счастливые и несчастливые дни, предзнаменования, в зависимость судьбы человека от поведения звезд, в виде истолкования различных открытий естествознания как доказательства существования таинственных сил, веры в чудо и т.п.» [1, с. 8].

Другими словами под мистикой в широком значении слова понимались все феномены, связанные с категорией сверхъестественное как противоречащее естественным законам. Так термином «мистика» могли обозначать все религиозные учения, экстрасенсорику, парапсихологию, НЛО, различные виды гаданий, астрологию, фантастическую литературу и т.д. За время советской власти, а также в последующие годы в обыденном сознании граждан закрепилось именно такое значение данного понятия. С этой точки зрения «единение с Христом», хиромантия (гадание по руке) или вызов духов и дождя – все это заблуждения, имеющие под собой один исток, которые можно подвести под один термин – мистика.

В узком значении под «мистицизмом» советская философская наука принимала практически то же самое содержание, которое предлагали западные теологи и исследователи: «Мистика обозначает так называемую практику, имеющую своей целью обеспечить человеку возможность непосредственного контакта со сверхъестественными силами и агентами (бог, дух, дьявол, манна – магическая сила, судьба, мировой или космический разум и т.д.)» [1, с. 8]. Различие заключается лишь в том, что советские ученые

не считали «мистический опыт» следствием воздействия на человека неких объективно существующих сверхъестественных и еще непознанных сил или же выходом в некие «иные реальности»: «Эти способы и приемы открыто противостоят рациональному познанию мира, разуму и имеют своей целью подавление, отключение сознания, чтобы испытать состояние «контакта» со сверхъестественным миром (экстаз, озарение, откровение, транс), представляющее собой не что иное, как разновидность самогипноза» [1, с. 8].

Как мы видим мистицизм в узком смысле рассматривается советскими учеными как вид иррационального познания, противопоставленного объективному, рациональному. Гносеологические аспекты религиозного мистицизма в своей работе «Мистическая практика как способ познания» [2] исследовал российский автор Л.Н. Немировский. С его точки зрения процесс познания человеком объективной действительности представляет собой сложный комплекс чувственных ступеней отражения сознанием действительности, включающий в себя ощущение, восприятие, представление и абстрактное, рациональное мышление. Познание человеком действительности не является однонаправленным, всегда параллельно друг другу существовали формы адекватного, с точки зрения материализма, отражения сознанием действительности, подтверждаемые в ходе человеческой практики и неадекватные (ложные, иллюзорные) формы отражения объективного мира. Советский ученый В.С. Поликарпов, выявляя четыре идеальных типа личности (абсурдист, деятель, творец, мистик), личность мистика обозначил как человека фантазера, живущего не в мире настоящей реальности, но в потустороннем мире грез и фантазий [3, с. 14]. Необходимо отметить, что воображение использует для своих построений материал из окружающего мира. Другими словами, это не просто игра воображения, но каждый из образов и ощущений имеет свою материальную основу. В процессе отражения, абстрагирования и гипостазирования они изменяются, извращаются и превращаются в иллюзорные и воображаемые объекты.

Кроме воображения, при изучении феномена мистицизма, большое внимание советскими учеными уделялось вопросу эмоций. «Эмоциональные переживания человека – чувства, настроения, аффекты – пишет А.Д. Сухов – являются важным стимулом, побудительной причиной процесса познания. Они направляют процесс познания в определенную сторону и как бы сопровождают его. Как правило, эмоции являются необходимыми спутниками процесса познания, и их роль в этом процессе, в общем и целом оказывается весьма эффективной и положительной. Они делают возможными упорные, длительные и трудные поиски правильных решений и позволяют доводить эти поиски до конца; поэтому эмоции являются неотъемлемым элементом практической деятельности человека» [4, с. 77].

Эмоции играют значимую роль при определении направленности сознания верующих. Это тем более характерно для мистицизма, идеи которого в большинстве случаев могут быть усвоены только эмоционально. Советский психолог В.И. Лебедев писал о предопределяющей функции эмоций при возникновении «мистического опыта»: «Эмоции, существенно

влияя на восприятие, мышление, воображение и память, в какой-то степени предопределяют и характер галлюцинаторных образов мистического содержания» [5]. В целом, в мистицизме перемешано чувство страха, желание благодати и спасения, а также желание выхода, бегства из мира окружающей действительности.

Анализ роли упомянутых выше факторов в процессе формирования феномена мистицизма приводит к вопросу о ценности «мистического опыта» в теоретико-познавательном смысле. Имеет ли таковой какую-либо объективную значимость? Этот вопрос достаточно подробно рассматривался в атеистической советской науке. С материалистической точки зрения, в теоретико-познавательном смысле «мистический опыт» ничего не содержит. Его оправдание в необычности получаемых ощущений. Исследователь-атеист Д.М. Угринович считал, что «мистическим опытом» мистики неправильно обозначают «эмоционально-психические состояния индивида, которые основаны на вере в непосредственную связь человека со сверхъестественным» [3, с. 8]. «Мистический опыт» не может быть адекватно описан («неописуем», апофатичен), потому что он находится на уровне ощущений, то есть первичного фрагментарного схватывания объективной действительности.

Эти примеры демонстрируют полную беспредметность «мистического опыта» с точки зрения диалектического материализма. Они иллюстрируют тот факт, что данный опыт, кроме ощущений ничего не содержит, а претензии мистиков на абсолютное знание «всего и вся» на этом и «другом» свете порождены чрезмерной претенциозностью, самолюбованием и гордостью.

1. Григоренко А.Ю. Сон разума рождает чудовищ. Критические очерки о мистике и иррационализме / А.Ю. Григоренко. – Л.: Лениздат, 1986. – 176 с.
2. Немировский Л.Н. Мистическая практика как способ познания / Л.Н. Немировский. – М.: Б.И., 1993. – 114 с.
3. Поликарпов В.С. Наука и мистицизм в XX веке / В.С. Поликарпов. – М.: Мысль, 1990. – 219 с.
4. Сухов А.Д. Философские проблемы происхождения религии / А.Д. Сухов. – М.: Мысль, 1967. – 287 с.
5. Лебедев В.И. Как рождаются духи / В.И. Лебедев // Клуб скептиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://atheism.ru/old/LebAth1.html

УДК 111.1

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА

Болдин П.Н.
Псковский государственный университет
bolpav@yandex.ru

Предлагаемая онтология является развитием двух основных архетипов европейской философии: утверждения тождества бытия и мышления и метафоры Книги Природы. Оба архетипа являются сторонами единого

понимания и лежат в основе рационального отношения – научного познания. Мышление, как субъективное бытие, осуществляется посредством разнообразных языковых, семиотических средств – естественного языка, искусства, религиозных ритуализированных систем и т. д. Бытие природное, как объективное бытие, осуществляется посредством различных природных объектов разной степени абстрактности (это и материальные объекты, и физические, и математические, и логические), являющиеся предметом изучения точных наук. При этом природные объекты в силу метафоры Книги Природы онтологически так же рассматриваются в качестве семиотических.

Несмотря на существование множества разнородных дисциплин, выявляется однозначная структура точного научного знания, как состоящего из крупных разделов, изучающих свою предметность. Это логика, математика, физика и естествознание. Можно заметить, что в целом эта структура иерархична и каждый последующий раздел строиться на основе предыдущего. Классическим примером таких отношений служат отношения между физикой и математикой – так называемая непостижимая эффективность математики в физике. Но подобные отношения характерны и для других пар разделов в иерархии – математические теории представляются в виде аксиоматических логических систем (крайнее проявление – логицизм), а физика абсолютна необходима для познания объектов естествознания – в химии, биологии, психофизиологии и т. д. (крайнее проявление – физический редукционизм). Таким образом, природное бытие обнаруживает иерархическую структуру форм бытия. И в рамках каждой формы, бытие осуществляется в виде специфических объектов, являющихся предметом изучения соответствующих разделов точного научного знания: в рамках логики изучается простейшая связность и тождество, выражающееся в существовании связок «и», «или», «если ..то» и т. д.; в рамках математики объектами изучения становятся числа и пространственные формы; в рамках физики объектами являются физические величины и изучаются их отношения, выражаемые законами природы; в рамках естествознания объектами являются атомы, живые организмы и т. д.

Таким образом, природное бытие представляется полионтичной схемой. Это говорит о том, что материальная форма бытия является только «одной из», в рамках которой осуществляются объекты естествознания. Основной проблемой при попытке решить вопрос о бытии объектов типа физических и математических, а уж тем более, логических является оторванность их существования от конкретики воспринимаемого нами мира, восприятие их существования, в лучшем случае, лишь как аспектов материального. В онтологии материя рассматривается как обладающая определенными атрибутами. Природа основных атрибутов материи – пространства, времени, движения является одной из «вечных» загадок человеческого познания. С другой стороны, именно они, наряду с материальностью, являются теми основными формами, через которые мы воспринимаем и изучаем мир. Предполагается, что эта атрибутивность появляется ввиду положения материи на вершине иерархии, а сами атрибуты

характеризуют бытие на предыдущих уровнях иерархии. «Опускаясь» же вниз по иерархии эти атрибуты «становятся» самостоятельными формами бытия предмета соответствующей науки, равноценными материи, теряя свою атрибутивность. При таком подходе категории движения, пространства, времени характеризуют бытие само по себе, и это требует отвлечения от их реализаций в конкретно-научных построениях. Природное бытие предстает как бескачественный беспредельный континуум (неоформленное нечто), который осуществляется (определяется, ставится предел) в рамках соответствующей формы бытия в виде существования определенных объектов. Логические объекты существуют в рамках первой формы бытия – движения (в смысле отождествления, перехода – не путать с механическим движением). Математические объекты существуют в рамках такой формы бытия как пространство, которая предполагает уже существование в рамках логической формы («непостижимая эффективность», также и далее). Формой бытия, в рамках которой осуществляются физические объекты является время, предполагающее пространственную оформленность. Наконец, последней формой природного бытия является материя, предполагающая осуществленность временности на предыдущей ступени иерархии.

Сравнивая между собой предметы изучения в рамках разных разделов точного знания можно заметить их закономерное различие между собой по степени формальности и абстрактности предмета. Чем более формален и абстрактен предмет изучения, тем ниже в этой иерархии расположен соответствующий раздел его изучающий. Знаковая система, предполагает знаки и наличие трех типов отношений: синтаксиса, семантики и прагматики. Возвращаясь к представлению природного бытия как семиотического, в рамках реализации метафоры Книги Природы, можно рассматривать его через призму этих отношений человеческих семиотик. Действительно, логическое является чисто формальным и, естественным образом, оно может быть охарактеризовано в качестве синтаксического аспекта бытия (аксиоматическая форма семиотики). Математическое предполагает появление предметности как таковой, и поэтому может быть охарактеризовано как семантический аспект бытия (субъект-предикатная форма семиотики). Физическое впервые становится опытной реальностью и характеризует аспект взаимодействия, то есть является прагматическим аспектом бытия (измерительный прибор, система отсчета как форма семиотики). Материальные объекты завершают эту иерархию, могут быть охарактеризованы как знаковый аспект бытия: атомарная модель в неживой и генетический код в живой природе, например, кодовая форма семиотики.

Таким образом, развивая на новом уровне метафору Книги Природы и утверждение тождества бытия и мышления, можно более конкретно охарактеризовать в данных рамках природное бытие. Природное бытие есть полная «невысказанность» – беспредельный континуум. Через свои формы, бытие «стремится» «высказаться» определяясь в соответствующие объекты. Начало оформления бытия происходит в первичной форме – в движении, при этом определение (осуществление) происходит в чисто синтаксической форме

«высказывания» – в виде логического. При дальнейшем оформлении, бытие становится пространством – семантическим континуумом и определяется в семантической форме «высказывания», то есть в виде математических объектов. «Повышение» «высказанности» происходит в виде оформления во временной континуум и определения в прагматической форме «высказанности» – физических объектах. Полную «высказанность» природное бытие приобретает в материальном континууме, в знаковой форме «высказанности» в виде материальных объектов. Семиотики мышления, как человеческого бытия, являются полными – знаковыми и включающими все три аспекта: синтаксис, семантику и прагматику. Семиотики бытия природного являются «неполными». Они являются, этапами становления все более полных семиотик. Природа предстает как иерархия языков-семиотик все большей сложности (полноты). А познаваемые нами закономерности, составляющие содержание наук, являются описанием соответствующих семиотик.

Человек исторически рассматривается как двойственное существо – с одной стороны природное, вершина природных форм, а, с другой стороны, как самостоятельный космос – микрокосмос, субъективное бытие. Последнее и осуществляется в обычных семиотических («полных») системах. Такое рассмотрение человека как двойственного существа с учетом тождества бытия и мышления позволяет выявить структуру мышления (в широком, декартовском смысле) как субъективного бытия. Субъективное бытие, мышление, будучи обращенным на природное бытие обнаруживает подобный ряд форм (форм познания): рассудок, интуиция, восприятие и представление, которые и дают возможность познания природного бытия в виде разделов точных наук соответственно: логики, математики, физики и естествознания. Кроме того, у мышления появляется более высшая, собственная форма, направленная на себя как отражение (тождества) природного бытия – в виде оценочного суждения, что приводит к существованию гуманитарных наук. В рамках самостоятельной осуществлённости мышление порождает подобный ряд форм, которые и соответствуют обычным семиотикам: семиотики естественного языка («логические»); семиотики искусства («пространственные»); спортивные семиотики («физические» – «быстрее, выше, сильнее»); моральные семиотики («материальные» в том числе «биологические»: определяющие, например, отношения мужчина/женщина); социумные (государственные).

УДК 111+167

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ

Волошин В.В.
Псковский государственный университет
v.v.don7ff@gmail.com

Концепт «парадигма» (греч. παράδειγμα – модель, образец, пример, проба), получивший широкое распространение полстолетия назад благодаря

Т.С. Куну, отличается дисциплинарной многозначностью. Исследователи ведут речь о парадигмах в экономической теории, геополитике, литературе, кинематографе, философии (метафизика всеединства, например, претендует на парадигмальную роль в российском философском пространстве). Г. Кюнг употребляет этот термин для фиксации этапов развития христианской картины мира; в теологии прижились понятия «нормальное богословие» и «богословская революция» и т. д. Ниже речь пойдет о содержании данного понятия в ареале философии науки.

В программной работе Т.С. Куна находим минимум два значения интересующего нас концепта. С одной стороны, парадигма включает в свое содержание «совокупность убеждений, ценностей, технических средств и т. д., которая характерна для членов данного сообщества». С другой, – указывает на «конкретные решения головоломок, которые, когда они используются в качестве моделей или примеров, могут заменять эксплицитные правила как основу для решения не разгаданных еще головоломок нормальной науки» [1, с. 225].

В настоящее время доминируют функциональные, операциональные и контекстуальные определения. Ограничимся следующей дефиницией: научная парадигма – конвенциональная регламентирующая и ценностная матрица, которая имплицирует правила конструирования концептуального каркаса и выполняет эвристическую, проективную, регулирующую, контролирующую, селективную, интегрирующую и терапевтическую функции. Будучи защитным механизмом «нормальной» науки, парадигма диагностирует эпистемологические проблемы, разрабатывает методы «профилактики» и снятия аномалий.

Разрешение аномалий, по причине развития и усложнения науки, часто оказывается запоздалым. Парадигма сама имплементирует в «тело» науки фальсификаторы, головоломки и парадоксы, латентно выполняя миссию обновления. Константных требований для выбора парадигмы не существует, есть только релятивные критерии, оценки и регулятивные принципы. Все это привносит в науку элемент иррациональности. Парадигма способна терять статус образца, выступая в качестве гипотетического проекта, открытого для критики. В результате происходит отключение исчерпавших себя когнитивных массивов и перепрограммирование науки. О парадигмах нередко говорят как о конкурирующих и/или несоизмеримых теориях. Например, проблема референции, немаловажная в контексте онтологических допущений, решается в трех программах. Неопозитивистская парадигма требует: язык науки должен «цепляться» исключительно за фактуальную, исчисляемую действительность. Аналитическая утверждает: референция привязана к интенциональности, контексту и коммуникативной прагматике. Феноменологическая парадигма констатирует: проблема референции – есть метафизическая тема; ноэматические объекты – легитимные референты.

Парадигма представляет собой модель, в которой онтологический и эпистемологический сегменты не подлежат четкой демаркации, она «является широким теоретическим концептом, обобщающим базовые

установки человеческого мировидения, связанного с определенными типами сознания и рациональности, которые, в свою очередь, предопределяют структуру языка и всего спектра заложенных в нем дискурсов» [2, с. 9].

Научное познание – многоуровневый, часто – неконтролируемый, процессуальный синтез 1) неосвоенного информационного ресурса, 2) знания как такового («третий мир» К.Р. Поппера), 3) субъективных эпистемических состояний. Парадигма – это еще и гештальт миропонимания, а также способ самоорганизации научного сообщества. Деятельность последнего разворачивается в потоке гетерогенного социально-исторического времени, детерминирована религиозными, правовыми, политическими факторами, трансформациями в области коллективной и индивидуальной психологии.

Таким образом, имеются все основания говорить о философском базисе научных моделей познания. Философия выступает как 1) аналитическое и критическое преломление бытия (и инобытия) в сознании людей, 2) концептуальное моделирование действительного и возможных миров, 3) постановка и решение фундаментальных мировоззренческих проблем. Ограничимся пропедевтическим анализом метафизической и онтологической «интервенций» на территорию парадигм.

Понятие «метафизика» не является эксплицитным и не имеет конвенциональной дефиниции. Под метафизикой понимаем все то, что, находится над (за и после) внешним и внутренним опытом; это чистая априорность, максимальная форма рефлексии, универсальные принципы учения о первоосновах, «попытка охватить мир как целое посредством мышления» (Б. Рассел). В сумме получаем финитную область смыслов и постижения «общих черт структуры мира и методов проникновения в эту структуру» (М. Борн). «Метафизика занимает особое место в системе знаний: ее понятия предназначены не для доказательств (этим занимается математика или физика), а для осмысления достигнутых результатов и направлений дальнейших исследований» [3, с. 550].

Метафизические основания научной парадигмы – это не только обобщения, полученные на проблемных полях онтологии и теории познания. Здесь присутствуют витальные ориентиры, ценностные константы, нормативные постулаты, имеют место ответы на вопрос «зачем?» вне координат экспериментальной науки. Такие основания можно определить как ментальные конструкты, выходящие за пределы эмпирически доступного, исторически данного, профанного бытия. Метафизика не открывает естественнонаучных законов, однако благодаря ей, ученый расширяет когнитивный горизонт, преодолевая номотетику и деонтологию рациональности и выходя на уровень эйдетического, трансцендентного. Дискуссия о природе реальности между А. Эйнштейном и Н. Бором – тому пример. Метафизика, в отличие от онтологии, ближе к теологии и поэтому более уязвима для сциентистской критики.

Не элиминируемыми элементами научно-исследовательских программ являются онтологические допущения. Они представляют собой оригинальные образы бытия (инобытия), семемы идеального сущего,

экзистенциальные гипотезы, вплоть до инженерии возможных миров. В результате допущений действительность обнаруживает новые качества, дискуссионные знаковые массивы приобретают референты, а познающий человек – схемы концептуализации, интерпретационную аксиоматику и теоретические основания для формирования альтернативных сценариев разворачивания действительности и/или ее переформатирования.

В контексте неразрывной связи онтологии и эпистемологии, их детерминированности языковыми каркасами, а также принимая во внимание экстенсиональную неопределенность многих научных категорий, следует признать приемлемым наличие открытого множества онтологий. То есть, уместно связывать сущее со способом его интерпретации. Речь не идет о нивелировании «физических фактов», логических и естественнонаучных законов. Подобный подход видится удобным для анализа объектов с неоднозначным бытийным статусом. Одни и те же объекты могут выступать как не существующие или онтологически проблемные в одном каркасе, гипотетические абстрактные эссенции в другом, иметь очевидный денотат в третьем и т. д. Релевантность данного парадигмального допущения подкрепляет генезис квантовой физики. Адекватным и эвристическим такой подход является для теологии и социально-гуманитарной эпистемологии.

Итак, парадигма – относительно автономная и стабильная во времени эпистемологическая модель, которая способствует формулировке и решению нетривиальных, актуальных научных проблем. Парадигма существует и функционирует как междисциплинарная матрица, имеющая философский фундамент. Она включает: 1) метафизические конструкты мировидения и мирообъяснения; 2) априорные (порой, – догматические) основания теорий, как правило, в формате онтологических допущений; 3) дефиниции основных понятий и категорий; 4) критерии выбора логико-методологических принципов, операций, процедур и зафиксированный опыт их апробации; 5) набор аксиологических и деонтических положений.

1. Кун Т.С. Структура научных революций / Пер. с англ. В. Ю. Кузнецов. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 9–268.
2. Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. – М. : Арктогея-Центр, 2002. – 418 с.
3. Владимиров Ю. С. Метафизика. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. – С. 504–554.

УДК 1:316.3:141.7

ФИЛОСОФИЯ В ПОИСКАХ НОВЫХ СМЫСЛОВ: МАРГИНАЛИЗАЦИЯ ИЛИ ОБНОВЛЕНИЕ ДИСКУРСА?

Гижа А.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк
andry@vnet.dn.ua

Последние десятилетия в отечественной и европейской философской традиции характерны заметной тенденцией расширения используемого поля

терминологических значений, связанной с двумя основными вариациями. Первое обусловлено отходом от канонического языка марксистской ортодоксии, что ведет к воспроизведению иного типологического строя мышления в произвольном диапазоне значений. Обычно такой отход сводится к простой зеркальной смене позиций вне продуктивного анализа состоявшейся понятийно-мировоззренческой инверсии. В прежние эпохи столь незамысловатая перемена направления философствования называлась емким словом ренегатство. Второе направление обусловлено перемещением терминологии и понятий из одной познавательной сферы в другую. Такой подход можно описать как понятийную экстраполяцию. В силу ограниченности объема тезисов сосредоточимся на демонстрации особенностей первой вариации.

В связи с этим показателен пример реакции некоторых бывших советских философов на программную статью К. Поппера «Что такое диалектика?», опубликованную в Вопросах философии за 1995 г. [3].

Автор ее написал почти за 60 лет до этого знаменательного прорыва своих идей за железный занавес. Вместе с этой статьей в журнале помещены отклики-рецензии на нее российских философов Садовского, Швырева, Смирнова и Библера. Так, Садовский высказывается о диалектике таким фантастическим образом: «*диалектика в гегелевском (и, следовательно, в марксистском) понимании лежит в основе идеологии как фашистского, так и советского тоталитаризма*» [5]. Название отклика Смирнова звучит вообще анекдотически «*Смирнов В.А.* К. Поппер прав: диалектическая логика невозможна» [6]. Мнение Библера служит спасающим противовесом этим неожиданным «прозрениям» и уберегает российскую философскую мысль от последующих насмешек в ее пустой легковесности и неискоренимо въевшейся идеологичности. Он пишет нелицеприятно и по существу, отдавая дань сильным сторонам методологии Поппера и не замалчивая ее провальных аспектов. Он подробно объясняет, почему «исходное утверждение Поппера о том, что наиболее широким методом испытания истинности теорий является метод проб и ошибок, это утверждение – уже по определению – не может быть отнесено к философии вообще, к диалектике – в частности». Касательно Маркса Библер замечает: «В своих заметках по поводу статьи Поппера я оставил в стороне попперовскую критику Маркса. Эта критика представляется мне малоинтересной, поверхностной, идущей мимо цели (то есть – мимо произведений) и, главное — идеологической. А идеологией – за и против Маркса — мы сыты по горло» [1]. Вот это – по существу. И общий вывод по попперовской критике диалектики Гегеля после указания необходимых для такого анализа аспектов таков: «Поскольку Поппер все эти моменты опускает, его критика диалектики Гегеля повисает в пустоте, идет мимо адреса. Тем более — в XX веке, когда изменяется весь категориальный строй мысли, и поэтому уже никак нельзя проходить мимо его философских начал, мимо его содержательных определений» [там же].

По Швыреву я сейчас не могу сказать точно, найти его текст в сети не удается, а основываться только на давних впечатлениях нельзя.

Таким образом, несмотря на частичное спасение достоинства философского разума со стороны Библера, тем не менее, налицо ситуация, о которой ранее говорили, применяя термин «перерождение».

Не хочу искать цитаты из работ Садовского и Смирнова советского периода, но совершенно невероятно думать, что там говорилось о диалектике в том же ключе, что и в редакции их взглядов образца 1995 года.

Отсюда, из этой изменившейся редакции, идет активно муссируемая в западном и отечественном информпространстве идея о тождестве идеологий нацизма и коммунизма. Мы справедливо пытаемся дать отповедь западным фальсификаторам, но что говорить о них, когда здесь, рядом подрастают их услужливые и остепененные подмастерья.

Эти «производители новых смыслов» (взамен устаревших и отработанных на сегодняшний день, как они считают) могут изображать и творческие поиски, но они вырождаются в полный бред, скажем, писаний некоего Бебика, доктора исторических наук (Украина), безудержно фантазирующего по поводу украинских корней всех значимых явлений мировой культуры и древних цивилизаций. Столь же одиозен в своей фантастической картине исторического и культурного развития Микола Галичанец, назначивший начало украинской государственности на 501 год до нашей эры [3].

Демонстрируемое «независимое свободомыслие» вырождается в утверждение крайне грязных идей – ксенофобии, расизма, радикального национализма без всякой мало-мальски намеченной попытки разобраться в вопросах научно и по делу.

Символически-типичной фигурой украинской философской мысли выступает некто Дацюк, выдвинувшего квазионтологический тезис о «мирозлобии России» [2]. Замечу, Дацюк пишет в добротном философском стиле, с грамотно обозначенными понятиями и терминами, демонстрирует заботу об истине и выправлении цивилизационной ситуации в России, которая, по его мнению, определена ее историческими травмами: «Сегодня Россия оказалась в цивилизационно-историческом тупике: травмы массового сознания не позволяют ей возобновить позитивное развитие, а отсутствие позитивного развития порождает новые травмы и актуализирует старые» [там же]. Такой концептуально оформленный подход настоятельно требует философски-адекватной реакции, нельзя замалчивать столь откровенно выставленные обозначения и дефиниции.

Все это уже не только предвестники, но наглядные симптомы растущего мракобесия, достигшего масштаба общества. Научные нормы анализа в общественных и гуманитарных науках не только попираются, но все упорнее смещаются на обочину методологических интересов. Научный дискурс, практика истинностных суждений при этом окончательно маргинализируется.

1. Библер В. Что такое философия (Очевидное возвращение к вопросу) / В. Библер // Вопр. филос. – 1995. – № 1. – С. 159-183.

2. Дацюк С. Преодолеть мирозлобие России / С. Дацюк. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://blogs.pravda.com.ua/authors/datsuk/54a6614916123/
3. Микола Галичанець. Українська нація: Походження і життя української нації з найдавніших часів до XI століття. 2005. PDF / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ex.ua/58555746
4. Поппер К. Что такое диалектика? / К. Поппер // Вопр. филос. – 1995. – № 1. – С. 118-138.
5. Садовский В.Н. Карл Поппер, Гегелевская диалектика и формальная логика / В.Н. Садовский // Вопр. филос. – 1995. – № 1. – С. 139-148.
6. Смирнов В.А. К. Поппер прав: Диалектическая логика невозможна / В.А. Смирнов // Вопр. филос. – 1995. – № 1. – С.148-151.

УДК 37.012.1

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РИСКИ ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОГО ОБЩЕСТВА

Гильмутдинова Н.А.
Ульяновский государственный технический университет
nag@ulstu.ru

Необратимые изменения, происходящие в современном обществе, затрагивают все сферы жизни, трансформируя как индивидуальное бытие, так и социальные структуры и институты. Поэтому ведущей темой исследований в области социальной философии становится анализ процессов социального взаимодействия, образования в новом социальном пространстве нового индивида.

В работе З. Баумана «Индивидуализированное общество» [1] ключевой фигуре классического капитализма – автономному, рациональному, свободному и ответственному человеку (нововременному индивиду) противопоставляется массовый индивид последней трети XX века, стандартизированный продукт разнородной, но все-таки гомогенной массы, создаваемой массовым производством (монолитная однородность массы задается упрощением культурных программ). В современном индивидуализированном обществе человек не в состоянии контролировать общественные процессы, а потому он беззащитен в ситуации неопределенности и перемен, неспособен личностно-стратегически планировать достижение отдаленных жизненных целей. З. Бауман констатирует рождение нового индивида — отъединенного от социальных связей, от представлений о других/другом, не понимающего смысла свободы, ответственности и солидарности, ориентированным только на вот-результаты. Любая проблема, по-настоящему волнующая людей, усилиями телевидения и СМИ унифицированно-технологически превращается в развлечение и товар.

Подобного рода идеи развивает У. Бек в книге «Общество риска. На пути к другому модерну» [2]. Согласно автору, Запад в последней трети XX века вступил в стадию «второй современности», сменившей «первую современность», начало которой уходит в Новое время, с характерными для

него индустриализмом и четкими структурами социальности. Для новой современности характерны другие черты: совпадая по времени с эпохой глобализации и постиндустриализма, она определяется не структурно, а процессуально, ее «потоки» постоянно меняют направление движения. Сегодня автономного и массового индивида сменяет неукорененный индивид («массовый неукорененный индивид»*),* оторванный от прошлого и его традиций, изоляционистски противопоставляющий себя структурам индустриализма, нормам и ценностям. Наше общество – это «общество риска», небезопасное и неопределенное в силу разрыва связи времен и традиций поколений. Культура неограниченного индивидуализма исходит из единственного правила освобождения от всех правил; она сталкивается с серьезными проблемами, поскольку отказ от общекультурных ценностей грозит потерей основных консолидирующих основ общества.

Болезнью социальной структуры становится аномия – нарастающая и расширяющаяся атрофия социальных связей, распад норм, отказ от правил. В широком социальном контексте прогрессирующей аномии, потери общего основания норм и ценностей, признания ценности и доверия к социальному капиталу «новый» индивид доверяет только самому себе. Примером такой «индивидуальной корпорации» человека-одиночки, который работает сам на себя, является феномен Б. Гейтса, во многом мифологизированный и растиражированный массовой культурой.

Невозможно не задаться вопросом: как «новый» индивид образуется/образовывается? Насколько социальные образовательные практики (содержательно-методологически, институционально и пр.) соответствуют «новой» современности?

Восприятие нынешнего «бытия-риска» и констатация глубокого кризиса, распространенные среди теоретиков и практиков образования, социальных философов, – это не столько результат ошибок педагогов-профессионалов или недочетов теории/философии образования, сколько воплощение индивидуализированного социального мира: всеобщее разложение личности, отрицание авторитетов и ценностей, а потому и фрагментация жизни. «Большая игра» эпохи модерна (целерациональная, структурно и функционально определенная, правильно и целостно организованная) сменяется множеством частных и нескоординированных игр. Правила наших новых мелких игр хаотичны, эпизодичны и кратковременны, в них утрачено ощущение непрерывности, направленности, кумулятивности времени прошлых столетий, нарастает озабоченность расшивкой/сшивкой отдельных фрагментов.

В сложно устроенном образовательном процессе на поверхности *первично* лежит само содержание учебы, то есть те знания (или их специально и систематично отобранные элементы), которые воплощены в программах занятий, учебниках и словарях, записаны или запланированы. Но подспудно, часто неосознаваемое участниками процесса образования и довольно слабо связанное с заявленными дисциплинами/темами обучения, разворачивается *«другое», «второе» («вторичное»)* образование. На этом

уровне образования приобретается опыт, более важный для будущей жизни обучаемых, чем собственно само знание, – опыт нахождения контекста, выявления разнообразных последовательностей в потоке знаний и событий, критицизм и инструментализм ума, опыт свободных решений и воплощения в практике освоенных схем. «Учиться учиться» необходимо, этот опыт неизбежен, иначе обучение иссушит ум, станет препятствием для ориентации в новых и неожиданных обстоятельствах.

Но на рубеже XX–XXI веков угасает надежда на разумный контроль над социокультурным миром, в котором мы все живем, настоятельной и очевидной необходимостью становится понимание трансформации, метаморфозы образования, вхождения его в иную, *«третичную»* стадию. Действительно, современному человеку необходимо умение не столько выявлять ускользающую логику фрагментированного мира или его потаенный смысл, и даже не скорость обретения новых навыков, сколько способность быстрого избавления от старых. Другими словами, (пост)современное образование означает приобретение *навыков изменения представлений* о тех разнообразных возможностях, ожидать которые уже научились, как научились (по возможности) с ними справляться.

Сегодняшней задачей является развитие способностей *со*существовать в двусмысленном и неопределенном мире, в разнообразии теорий и точек зрения, в окружении заблуждающихся, ошибающихся, недостойных доверия авторитетов. Как никогда для нас сегодня актуальны уважение и терпимость к различиям; обретение бесстрашия и расширение способностей «менять правила и границы»; критичность, самокритичность и мужество ответственного выбора, стойкость принятия его последствий; устойчивое сопротивление соблазнам «бегства от свободы», от тех мук неопределенности, дезорганизации и хаоса, которые она сулит наряду с новыми и ожидаемо удивительными обретениями и радостями. *«Третье обучение»* жить в мире риска с непредустановленными границами, правилами, темпами и стилями состоится в перекрестье, конкуренции, эксклюзивности и инклюзивности.

Таким образом, социальной философии и философии образования не избежать экспликации и аналитики процесса образования личности, живущей в индивидуализированном обществе.

Итак, решение новых задач современности возможно не столько на путях радикальных изменений в контенте обучения, сколько в трансформации представлений всех участников образовательного процесса (обучающих, обучающихся, управленцев) о трансформациях их социальной среды. Именно она, открытая и текучая, индивидуализированная и самоорганизующаяся, представляет значительный вызов как специалистам в области образования, так и социальным философам.

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиции, 2000. – 384 с.

УДК 130.2

ЧЕЛОВЕК КАК “ANIMAL SYMBOLICUM” В ФИЛОСОФИИ Э. КАССИРЕРА

Гришанов А.Н.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
alexandrdesign1983@gmail.com

Э. Кассирер, немецкий философ-неокантианец, разработал одну из самых влиятельных в XX в. теорию символа и «символических форм» моделирования реальности, которая в значительной мере повлияла на развитие символической проблематики в США и других странах. Характеристика человека как «animal symbolicum», предложенная Э. Кассирером, представляет собой теорию, согласно которой ключом к природе человека является символ, а именно, способность человека символизировать окружающую его действительность.

«Символическая» философия Э. Кассирера является фундаментом современной культурологической мысли в широком ее диапазоне – от фрейдизма до экзистенциализма. Литературоведение тоже позаимствовало не только идеи Э. Кассирера, но и элементы его методологии. Теория Символической культуры оказала особое влияние на литературно-критическую мысль США в частности на работы американского философа, культуролога, эстетика, С. Лангер ставшую последовательницей касиреровской школы.

Теория человека как «animal symbolicum» Э. Кассирера явилась результатом трансформации кантовских идей под воздействием глобальных изменений в философской мысли конца XIX – начала XX вв., что связалось с появлением феноменологии Э. Гуссерля, онтологии М. Хайдеггера, эволюционной теории Ч. Дарвина, а также нового философского направления – экзистенциализма. Э. Кассирер предпринял попытку сведения в систему научных достижений, сложившихся к началу XX в. Символическая теория человека Э. Кассирера явилась закономерным переходом эволюции всей его философии к антропологическим идеям.

Теория человека Э. Кассирера имеет свой историко-философский контекст, источник которого – философия И. Канта, пытавшегося найти априорные универсалии человеческого бытия. Поэтому в своих исследованиях Э. Кассирер, ведомый основными вопросами кантовской философской системы, обнаружив естественнонаучную понятийную универсалию – функцию, попытался применить ее в качестве универсалии и к понятиям культуры.

Э. Кассирер, ведя речь об общей теории познания, перенес выводы, сделанные из исследования познавательного процесса, на формы культуры, а далее, по причине того, что созидателем культуры является человек, и на определение характеристики человека в целом. Тем самым под вопрос

поставлена универсальность символического определения человека, поскольку в этом случае она ограничена познавательным процессом.

Основой идей работ Э. Кассирера стала идея о наличии у человека характерного, особенного жизненного признака – «системы символов». В функции символизации, согласно Э. Кассиреру, открывается сущность человеческого сознания.

Идя по пути, указанным Канту, Э. Кассирер сделал вывод, что основным средством человеческого умственной и, шире – культурной деятельности, есть символ. По мнению Э. Кассирера в «символической функции» раскрывается сущность человеческого сознания. Символы являются одновременно и высшей ценностью человеческой культуры, поскольку содержат в себе то, что Кант определил как «божественное». По концепции Э. Кассирера, человек усваивает старые и создает новые символы, и тем самым выражает, с одной стороны, свое духовно-смысловую сущность, а с другой – умножает богатства человеческой культуры и имеет возможность вписаться в определенную систему ценностей. По Э. Кассиреру, культурная деятельность человека является особой отраслью (Кантианская «вещь в себе») и противостоит деятельности «естественной». Основным средством этой культурной деятельности является символ. Человек существует в основном не в природной, а в культурной среде, то есть в мире символов. Однако лишь в первоосновах бытия символотворчество могло быть связано с внешней реальностью. Постепенно, когда символ начал активно пополняться смыслами, была начата своеобразная цепная реакция символотворчества.

Э. Кассирер ставил перед собой задачу создания «феноменологии человеческой культуры», науки о специфической человеческой деятельности. Чисто человеческими формами деятельности Э. Кассирер считал «символические формы» – миф, язык, науку, религию, искусство. Каждая из этих форм является автономной, но все они происходят из имманентно данной человеку способности к символотворчества. Создание символа, на его взгляд происходит следующим образом: мы создаем некую функцию видимых, окружающие нас, объектов, и она представляет «модель», которую мы уже и применяем в дальнейшем. Символ, как считал Э. Кассирер, должен содержать в себе и духовное и материальное, потому что интеллектуальные символы описывают реальность и отражают ее. Это основная их функция. Реальность неизбежно содержит в себе и духовное и материальное. Э. Кассирер настаивает на этом, поскольку его теория символов была направлена на фундаментальную всеохватность.

С точки зрения Э. Кассирера, культура, являясь квинтэссенцией человеческого существования, связана с формообразующими принципами и отвлекается от скрытого за символическими формами содержания. Сам символ выступает как априорная форма, конституирующая действительность. Задача философии в этом случае – выяснить правила символического функционирования в разных сферах культуры (язык, миф, искусство, религия, история, наука). Предельно культура понимается как

иерархия символических форм, что, собственно, снимает антиномию «хаоса жизни» и ее символического отражения, ограничивая действительность миром символов, как синтезом чувственного многообразия без решения вопроса об объективных основаниях символических форм.

Символ, понимаемый как способность вещей, образов, действий, явлений выражать идеальное содержание, определенную идею, указывать на «нечто», играет в культуре огромную роль. Для Э. Кассирера символ – это прежде всего форма самопознания человеческого духа. Результаты этого процесса воплощаются в символических формах – сферах культуры.

Таким образом, человеческая способность к символизации стала рассматриваться как основа культурной деятельности. Символическая форма коммуникации, сделавшая возможным присвоение индивидуального опыта, превращение его во всеобщий, стала осознаваться как основа и условие производства, сохранения и ретрансляции культурных ценностей.

УДК 111.587

ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КОМИЧЕСКОГО В ПОВСЕДНЕВНОМ ОБЩЕНИИ

Гришанова Е.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
katyushka.0312@mail.ru

Люди различаются между собой способностью воспринимать юмор и шутить в повседневных взаимодействиях с другими. Большинству из нас так нравится положительная эмоция радости, что мы высоко ценим людей, которые особенно хорошо умеют нас рассмешить. Об этих людях зарубежный исследователь Р. Мартин говорил, что у них «хорошее чувство юмора», и обычно все хотят видеть их в качестве друзей и партнеров в романтических отношениях [3, с. 102]. У некоторых людей настолько развита способность веселить других и вызывать смех, что они становятся профессиональными юмористами, пополняя ряды писателей-юмористов, мультипликаторов, эстрадных артистов-сатириков, авторов комедий и актеров. Миллиарды долларов, ежегодно расходуемых на различные формы юмора, еще раз подтверждают высокую ценность эмоционального удовольствия, связанного с юмором.

Область комического давно является предметом научного интереса различных ученых, но несмотря на это, остается недостаточно изученной. Философский энциклопедический словарь трактует понятие юмор как «особый вид комического, переживание противоречивости явлений, соединяющее серьёзное и смешное и характеризующееся преобладанием позитивного момента в смешном» [4, с. 635].

Философ В.Г. Белинский считает, что источником комизма является сама жизнь, объективное положение вещей. Ученый пишет: «В комическом произведении жизнь для того показывается нам такою, как она есть, чтобы навести нас на ясное созерцание жизни так, как она должна быть» [1, с. 50]. В таком понимании смех приобретает социально-этическое значение как механизм обострения и последующего разрешения противоречий сущего и должного в пользу последнего.

Исследования ученого Козинцева А.Г. показали, что предъявление юмористических стимулов вызывает усиление положительных эмоций и повышение настроения [2, с. 76]. Эмоциональный характер юмора также ясно демонстрируется недавними исследованиями с применением сканирования мозга, показывающими, что предъявление юмористических мультфильмов активизирует известную схему подкрепления в лимбической системе мозга. Чем более забавным считают участники конкретный мультфильм, тем сильнее активизируются эти части мозга. Те же самые мозговые схемы лежат в основе радостных эмоциональных состояний, связанных с разнообразной приятной деятельностью, включая еду, прослушивание приятной музыки, сексуальную активность и даже употребление изменяющих настроение препаратов. Это объясняет, почему юмор настолько приятен и почему люди идут на все, чтобы испытывать его как можно чаще: всякий раз, когда мы смеемся над чем-то забавным, мы испытываем эмоциональный подъем, который основан на биохимических процессах мозга.

Проявления чувства юмора неисчислимы, и многие из них общеизвестны и хорошо изучены. Например, воспитательный процесс включает в себя разнообразные формы общения, и роль юмора здесь очень действенна. Даже «трудные» подростки, рисующиеся своим бесстрашием, которым, как говорится, море по колено, боятся выглядеть смешными. Недаром говорят, что насмешка проникает даже сквозь панцирь черепахи. Юмор часто проявляется в повседневном бытовом общении людей; он помогает сглаживать житейские шероховатости и обходить острые углы. Предположим, человек хочет обратиться к знакомому с просьбой, но не знает, как она будет принята, согласится ли тот удовлетворить ее. Отрицательный ответ крайне неприятен, и риск нарваться на отказ сковывает. Нередко такая ситуация разрешается с помощью юмора: просьба излагается в шутливой форме, как бы не всерьез. Если приятель не собирается откликнуться, он отвечает тоже шуткой. Получается, что и просьба высказана, и отказ получен, но обе стороны «сохранили лицо», никто не оказался в унизительном или неловком положении.

Бывает, что юмор проявляется в общении людей, связанных по службе, из которых один начальник, а другой – подчиненный. Тогда, если юмористическая нотка исходит от старшего по рангу, это сигнал, что отношения начальник – подчиненный (учитель – ученик) временно прекращаются и заменяются отношениями равных. Если же инициатива исходит снизу, роль чувства юмора иная: обычно подчиненный сам делает

себя объектом насмешки и, предотвращая более суровое замечание или выговор, добродушно подшучивает над своей оплошностью... Порой люди используют юмор для маскировки: безудержное желание похвастаться своими свершениями (оборотная сторона неуверенности в себе) реализуется в якобы шутливой форме, как обаятельное преувеличение, будто бы не всерьез. Но от слушателей ждут, что они, оценив юмор, тем не менее признают грандиозность выдающихся достижений нарциссиста, и даже его скромность (ведь он над собой шутит!).

Нередко на конференциях и съездах участники начинают серьезный доклад веселой притчей, не боясь в научное изложение ввернуть шутку. Это неизменно помогает завоевать доброжелательное внимание аудитории. Другие этим не владеют, и их попытки подражать такому стилю непринужденности и внутренней свободы производят впечатление нарочитости или даже развязности и дурного вкуса. Потому что стиль этот идет именно от внутренней раскрепощенности. Он требует уверенности в себе, чувства собственного достоинства (не самомнения!) и просто навыков публичной речи. Важна еще способность перешагнуть через привычные рамки, сковывающие мысль; эта способность не ограничивается одной лишь наукой. Это скорее свойство личности, а не только особенность мышления. Юмор служит «амортизатором» в обычных мирных взаимоотношениях людей, особенно при недоразумениях и столкновениях интересов, в конфликтных ситуациях. Вовремя сказанное шутливое слово позволяет сторонам успокоиться и найти компромисс, не испытывая ущемленности.

Таким образом, можно вполне обоснованно утверждать, что смех рождается и существует в зоне контакта личностей и социальных групп, культур и эпох, центра и маргиналий. Само понятие комического объединяет сферы широкого ряда наук и высвечивает различные уровни смешного – от языковой игры до глобальных философских построений. Каждый из этих уровней обладает собственной логикой и способностью выстраивать уникальные ассоциации и образцы смешного. Древние цивилизации, пережив периоды становления, расцвета и упадка, исчезли; время превратило некогда роскошные дома и храмы в руины и пепел. Однако духовная культура цивилизации, выраженная прежде всего в философии и знаниях об окружающем мире, не теряется, становясь основой для формирования последующих культур.

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Соч. в 13 т. – Т. 1. – М: Издательство Академии Наук СССР, 1953. – 562 с.
2. Козинцев А.Г. Человек и смех. – СПб.: Алетейя, 2007. – 236 с.
3. Мартин Р. Психология юмора; [пер. с англ. под. ред. Л.В. Куликова]. – СПб.: Питер, 2009. – 480 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»).
4. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф.Ильичев и др. М.: Сов. энцикл. 1983. – 836 с.

УДК 101.3

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О НООСФЕРЕ КАК ТЕКСТОВОЙ КУЛЬТУРЕ МЫШЛЕНИЯ

Зарапин О.В.
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
zaraoleg@yandex.ru

Понятие ноосферы, введенное в научный лексикон В.И. Вернадским, давно и прочно вошло в современную интеллектуальную культуру. Его используют как ученые, представляющие естествознание, так и гуманитарии. Подобная пластичность весьма выразительно характеризует данное понятие в его приспособленности к специфике междисциплинарных исследований, где на первый план выходят конкретные научные проблемы, требующие координации усилий специалистов из различных областей знания и отраслей науки. Такая картина представляет для философа интерес, поскольку междисциплинарный фронт исследовательской работы выглядит рабочей моделью, в терминах которой по-новому озвучивается привычный и традиционный для философа мотив универсальной рациональности, переведенный с отвлеченного языка метафизики на конкретный язык междисциплинарной коммуникации. Каким образом современная научная мысль восприняла и усвоила идею ноосферы, озвученную Вернадским?

Отметим то обстоятельство, что хотя сам термин был введен французским исследователем Э. Ле Руа, идея ноосферы оказалась созвучна широкому мировоззренческому течению русского космизма, объединяющему философов, естествоиспытателей и писателей. Мировоззрение космизма сыграло роль культурно-исторического контекста, изнутри которого идея ноосферы была воспринята отчественной научной мыслью, наследуя присущую космизму неопределенность и широту постановки мировоззренческих проблем. Западная общественность познакомилась с идеями Вернадского лишь в конце XX века. Текстом, открывшим ноосферу для западного читателя, является весьма репрезентативная антология «The biosphere and noosphere reader», изданная в 1999 г. с предисловием М.С. Горбачева. Этому философскому по направленности и междисциплинарному по охвату изданию предшествовало историческое исследование Бэйлса К.Э. (Science and Russian Culture in an Age of Revolution. V.I. Vernadsky and His School, 1990).

В то время как для западного читателя Вернадский является выразителем определенной интеллектуальной традиции в широком смысле слова понимаемой как философия жизни, отечественная культура воспринимает Вернадского в первую очередь не как интеллектуала, разрабатывающего концепцию, а как провидца, раньше других осознававшего наступление новой всемирно-исторической эпохи. Такой

подход вполне согласуется с духом мессианского умонастроения русских космистов и объясняет круг толкований ноосферы, имеющийся на сегодняшний день, где в той или иной форме мы обязательно встретимся с мыслью о социальном преобразовании общества и духовном обновлении всего человечества, достигаемых в гармоническом сочетании и взаимодополнении философского самопознания человека и научного познания природы.

Отметим основные ориентиры, в направлении которых осуществляются современные интерпретации идеи ноосферы:

1. Представление о том, что ноосфера есть эпоха вступления человечества в новую фазу своего исторического развития, где на первый план выдвигаются задачи коэволюционного согласования человека с силами природы (Н.Н. Моисеев «Человек и ноосфера», 1990).

2. Представление о том, что переход к ноосфере есть событие космических масштабов. По своей значимости оно превосходит явления земной жизни, позволяя развить тезис Вернадского о геологической силе научной знания в тезис о геокосмической силе (В.П. Казначеев «Учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере», 1989).

3. Переход от биосферы к ноосфере есть процесс, отражающийся в сознании человека таким образом, что позволяет говорить о «ноосферной религиозности» (Шугрин С.М. «Космическая организованность биосферы и ноосферы», 1999).

4. Озвученный в рамках ноосферной мысли вектор коэволюционного развития человека и природы переносится в идеологическую плоскость рассмотрения и оценки геополитических процессов, где России отводится особая роль в построении «Ноосферного Социализма» (Субетто А.И. «Введение в ноосферизм. Ноосферизм: движение или новая научно-мировоззренческая система?», 2006).

Со всей очевидностью можно утверждать, что идея Вернадского о ноосфере сегодня жива и востребована в качестве интеллектуальной позиции, позволяющей реагировать на актуальные проблемы современного времени. Вместе с тем ноосфера представляется неуловимым персонажем, где у каждого складывается свой образ того, что это такое. Осмысливая сложившуюся ситуацию, можно задать вопрос – что на самом деле есть ноосфера в представлении Вернадского? Очевидно, что заданная в рамках данного вопроса рефлексия поможет выяснить какое прочтение Вернадского и почему следует считать адекватным его авторскому замыслу, а какое – нет, что особенно важно, если взять в расчет массу псевдонаучных материалов, по-своему использующих идеи русского ученого.

Не менее полезным представляется другой вопрос, на котором мы и сосредоточим свое внимание, – почему вокруг идей и личности Вернадского сложился веер столь разнообразных мнений, где как бы в одном месте мы слышим наслаивающиеся друг на друга голоса людей, одновременно

рассуждающих об истории, космосе, религиозном переживании, идеологической борьбе? Предметом нашего исследовательского интереса выступает не то, что хотел сказать Вернадский, а каким образом сказанное им работает – создает интеллектуально поле, в котором кристаллизуются подчас противоположные идеи людей, одинаково мыслящих себя продолжателями традиций Вернадского.

Подобный вопрос смещает фокус внимания, в прицеле рефлексии оказывается не идея ноосферы (что ставит нас перед лицом трудноразрешимой проблемы – каким образом из одной идеи появляются две?), а непосредственно само слово, способное производить в головах людей различные идеи. Возьмемся предположить, что конструктивным центром всей области философских поисков, ориентированных или косвенно связанных с ноосферной проблематикой, выступает не что иное, как слово «ноосфера». Разумеется, что слово не существует само по себе, так или иначе оно связывается с другим словом, в результате чего образуется текст. В свою очередь текст подразумевает автора, а специфическая связь, благодаря которой слово, повинуясь творческой воле автора, разрастается в многословный текст, позволяет соотнести ключевых фигурантов (автор-слово-текст) в обобщающем понятии «текстовая культура». Теперь мы можем сформулировать идею нашего исследования как *постановку вопроса о ноосфере в качестве текстовой культуры мышления*.

В основе подобной постановки вопроса мы полагаем возможным рассматривать ноосферу в качестве вербального ядра текста В.И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление». Взятая в отношении к тексту ноосфера не есть научное понятие или философская идея, скорее речь идет о вербальном акте, способном производить специфический текстовый эффект, возвращающий нас к переживанию сопричастности разума и природы.

1. Казначеев В.П. Учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере. – Новосибирск: Наука, 1989.
2. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: Мол. гвардия, 1990.
3. Субетто А.И. Сочинения. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. Ноосферизм: движение или новая научно-мировоззренческая система? – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006.
4. Шугрин С.М. Космическая организованность биосферы и ноосферы. – Новосибирск: Сиб. предпр. РАН «Наука», 1999.
5. The biosphere and noosphere reader. Global environment, society and change / Edited by Paul R. Samson and David Pitt. – London: Routledge, 1999.
6. Bailes K.E. Science and Russian Culture in the Age of Revolutions: V.I.Vernadsky and His Scientific School, 1863-1945. Indiana Univ. Press: Bloomington and Indianapolis, 1990.

УДК 316.324.7/.8:1

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ-ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ-РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Зуев К.А.
ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского», г. Донецк
angel-s.zuev@yandex.ru

Человеческая цивилизация прошла долгий путь в своём развитии, в котором выделяют такие этапы как аграрное общество (доиндустриальное, традиционное), индустриальное и постиндустриальное (с возможной корректировкой названия и последующими этапами). Но одни из наиболее значимых результатов, на сегодняшний день, были получены при реализации идей Модерна, Возрождения и Просвещения, выразившихся в индустриализации и приведших к появлению той технической цивилизации, которая есть сейчас. Но со второй половины 20 в. появляются сначала идеи, а позже с 90-х гг. 20 в. и практика, которая называется «постиндустриализм», как реализация идей «постиндустриального общества», одной из проявлений которой стала деиндустриализация, в разной степени, промышленно развитых стран. И хотя указываются только экономические причины данного процесса, как и попыток «реиндустриализации» с 2010-х гг., но можно выделить разные основания и последствия данных процессов.

Индустриализация – это процесс создания искусственных систем – промышленности (заводы, фабрики) и т.д. – для переработки естественных систем в то, что необходимо для удовлетворения потребностей и существования, как отдельного человека, так и больших общностей приведшее к появлению новых социальных, экономических и культурных феноменов. Данный процесс начался в Великобритании в конце 18 в. и продолжается до сих пор, распространившись, фактически, в мире. Причинами данного процесса можно назвать следующие: идеалы модерна (16-20 вв.) приведшие к рационализации общества, мышления, мировоззрения, к познаваемости и управляемости, рационально, мира – возникновение науки, стремление преобразовать этот материальный мир, господство представления о линейности развития мира, вера в прогресс, достижимость светлого будущего, создание техники основанной на новых способах получения и передачи энергии (паровой двигатель и т.д.), НТП и НТР, утверждение либерального капитализма.

Следствием всех процессов происходящих в результате индустриализации стало (19–20 вв.): появление индустриального общества с его развитым машинным производством, ускоренным развитием науки и техники, способность приспосабливать окружающую среду к своим нуждам, эксплуатация природных ресурсов, зачастую, во вред экологии, резким ростом промышленного и сельскохозяйственного производства,

инфраструктуры, массовым, поточным производством; развитие рынка товаров и услуг, основой экономики стали монополии; возникновение общества массового потребления и массового общества, креативного класса – предпринимателей и наемных рабочих, высокая трудовая мобильность населения, рост численности рабочих по сравнению с сельским населением, урбанизация, усложнение социальной структуры, рост социального неравенства; возрастание роли управления; рост и развитие научного специального и среднего образования в массовых школах, качества жизни, появление массовой культуры, секуляризация общественной жизни и падение роли религии; формирование социальных ценностей таких, как предприимчивость, трудолюбие, целеустремлённость, постоянное совершенствование и самосовершенствование, образованность, способность и готовность к новациям.

Кризис цивилизации и общества, прежде всего на Западе, линии его развития и идейной основы, привёл во второй половине XX в. к возникновению феномена «деиндустриализации» как переноса части промышленности (фабрик, заводов, лабораторий, научных центров), её потенциала из страны первоначального размещения в другие страны, которые обеспечивают максимальную прибыль, или её ликвидация. Кроме экономических причин можно указать и такие причины данного процесса: кризис цивилизации основанной на рационализме, невозможность решений проблем рациональной техникой и технологией, экологические катастрофы, войны перечеркнули веру в разум, гуманизм и безграничные возможности науки, разочарование в результатах научно-технической революции, появления в научном познании большой неопределенности; переход от индустриального общества к постиндустриальному – отрицание им индустриального общества с присущими ему целеустремлённостью, волей, рациональностью, разочарование в любых общих идеях, процессы глобализации, отход от суперпроектов, уход от массового социального действия, «освобождение» от прогресса, от установки на восходящую линию общественного и культурного развития, ограничение прогресса только получением прибыли [1; 3]; разнообразие как лейтмотив постиндустриального общества – в типах техники, товарном ассортименте и видах услуг, переход к мелкосерийному, индивидуальному производству, процессы демассификации в производстве и разукрупнения предприятий, отход от концентрации производства к сетевому, кластерному построению, развитие ресурсосберегающих, экологически чистых технологий; автоматизация и роботизация всех сфер производства и управления, высокая производительность труда, расширение рынка услуг [1].

Но одновременно «деиндустриализация» имеет и последствия для тех обществ и стран, где она прошла: новые знания и техника создаются лишь для получения финансовой выгоды, сведение всей интеллектуальной активности к созданию образцов расширяющих параметры имеющихся научных знаний, техники и технологий, а не создание новых, преобладание в структуре экономики сферы услуг, информации, науки, образования,

культуры над промышленностью и сельским хозяйством, знание как товар, уменьшение в производстве доли работников физического труда и увеличение интеллектуального, постепенное исчезновение среднего класса. Отсутствие практики в виде производственной деятельности (промышленность, сельское хозяйство и т.д.) не дают возможности создания и оперирования новыми научными знаниями, их проверки, отсутствие необходимости в них, отсюда интеллектуальная и социальную деградация этих обществ [2; 3]. Именно поэтому общества, пошедшие по пути «деиндустриализации», прежде всего США, Западная Европа и бывшие республики СССР, столкнулись с начала 2000-х гг., особенно после 2007–2008 гг., не только с экономическим, но и политическим, социальным и культурным кризисами.

Реиндустриализация, как процесс возвращения или воссоздания промышленности и соответствующей инфраструктуры, что наблюдается с 2010 г. в США (большие масштабы) и Российской федерации (меньшие масштабы), носит противоречивый характер и в основном объясняется экономическими выгодами и снижением цен на энергоносители, но выявить какие-либо иные причины пока трудно, что требует дальнейшего своего рассмотрения.

Таким образом, рассмотрев процессы индустриализации-деиндустрализации-реиндустриализации можно утверждать, что они отражают интеллектуальное, ментальное и культурное состояние обществ, в которых они происходят. Но процесс, начавшийся как раскрытие творческого потенциала человека и общностей, приведших к повороту человечества к новым горизонтам своей культуры и цивилизации, в дальнейшем сменился определённой стагнацией мысли и кризисом данной технической цивилизации, выразившейся в разрушении отдельных основ её существования. Хотя, исходя из процессов деиндустриализации-реиндустриализации, трудно выявить дальнейший процесс и пути трансформации индустриальной цивилизации, а все процессы, которые происходят, возможно, охарактеризовать как поиски решений и путей по трансформации данной цивилизации в нечто новое, где всё человечество, в том числе и исследователи, находятся внутри данного процесса, что затрудняет его адекватное отражение.

1. Емелин В.А. Постиндустриальное общество и культура постмодерна. [Электронный ресурс] / / В.А. Емелин – Официальный сайт портала «Постмодернизм» – Режим доступа: URL: http://emeline.narod.ru/postindustrial.htm и http://www.geocities.com/emelinvadim/postindustrial.htm.
2. Иноземцев В. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы / В. Иноземцев. – М.: Логос, 2000. – 304 с.
3. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. Пер. с англ. М. Султановой, Н. Цыркун. – М.: АСТ, 2008. – 569 с. – (Philosophy).

УДК 796.011.1

ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ АРТУРА ШОПЕНГАУЭРА

Карпов В.В.
ГОУ ВПО «Луганский государственный университет им. Т. Шевченко»
vip_belyy@mail.ru

Для любого вида человеческой деятельности характерно наличие некоторой системы принципов, в наиболее общем виде задающих способы взаимодействия человека с окружающей действительностью и самим собой. Следовательно, выражение этих принципов в явном виде позволяет целенаправленно регулировать деятельность. Данную задачу можно рассматривать как одну из областей науки о познании – методологии, являющейся составной частью философии.

Проблема человека, его образа жизни и его здоровья в истории философии не менее существенна, чем проблема осознания смысла его существования. При кажущейся очевидности здоровье человека – наисложнейшее само по себе жизненное явление, т.к. оно требует наличия необходимых условий не только естественно-природного, но и социально-гуманитарного характера. Здоровье человека – это не просто его хорошее самочувствие, но и творческий настрой на его же развитие и совершенствование. Быть здоровым человеком – значит спонтанно и надежно адаптироваться к любым изменениям во внешней природной и социальной среде.

Тема здоровья всегда была весьма актуальна и чаще всего рассматривалась в социальном, биологическом и психическом аспектах. Философское осмысление человека и его здоровья синтезирует историю становления и развития человека как субъекта общества и культуры. Недаром практические рекомендации древнекитайских, древнеиндийских, и древнегреческих медиков в отношении построения здорового образа жизни опирались на философские представления о целостности мира и активной жизнедеятельности человека в нем.

В первой половине XIX в. в Европе тема важности здоровья человека была «переоткрыта» немецким философом Артуром Шопенгауэром (1788–1860) и изложена в его сочинении «Афоризмы житейской мудрости» [1]. Артур Шопенгауэр – немецкий философ, один из самых ярких представителей иррационализма, тяготел к немецкому романтизму, увлекался мистикой, преклонялся перед философией Иммануила Канта и философскими идеями востока.

Цель данной работы состоит в обосновании правильного образа жизни современного человека и его здоровья путем философского осмысления работы немецкого ученого Артура Шопенгауэра (1788 – 1860) «Афоризмы житейской мудрости». Цель сочинения «житейской мудрости», писал автор в

предисловии к первому изданию, состоит в обозначении понятия житейской мудрости как искусства провести жизнь по возможности счастливо и легко, ведь счастливая жизнь, по Шопенгауэру, это – здоровое существование, которое должно быть, безусловно предпочтено небытию, чтобы держаться за неё саму, а не из-за страха смерти [1, 2].

Созданная автором система мироздания, а также разработанная им проблематика и категориальный аппарат затрагивают такие понятия как воля к жизни, соперничество и война между индивидуумами, здоровье и составляющие счастья человека, сущность всех веществ и тайна мира. Значимость затронутых Шопенгауэром категорий довольно высока и в настоящее время – именно это и явилось обоснованием выбора произведения Артура Шопенгауэра «Афоризмы житейской мудрости» в качестве темы для данного исследования.

В главе, посвященной определению того, что являет собой индивид, Артур Шопенгауэр говорит о том, что является самым важным для каждого человека – это его веселый нрав и здоровье [1, с. 223]. Надо сохранять хорошее здоровье, только на почве которого может вырасти веселость. Именно здоровье обеспечивает 9/10 нашего счастья, которого можно добиться, избегая излишеств, неприятных волнений, чересчур напряженного умственного труда, свежим воздухом, купанием в холодной воде и т. д. Нельзя сохранить здоровья без ежедневного движения, движение это – сущность жизни. В этой связи можно сказать, что выдвижение здорового образа жизни отдельного индивидуума в число первоочередных задач развития общества обусловливает необходимость теоретического и методологического осмысления этого феномена, показывает актуальность развертывания соответствующих научных исследований, в том числе и на философском уровне. Эффективное решение проблемы здорового общества потребует разработки целого комплекса вопросов, которые, возможно, могут быть разрешены только на основе международного подхода, предусматривающего участие специалистов различных областей знаний: философов, психологов, экономистов, биологов, врачей, социологов и многих других [3].

Артур Шопенгауэр даёт рекомендации по ведению здорового образа жизни, сохранению и укреплению здоровья как первого и важнейшего условия счастья: «Закаляя тело, надо подвергать его сильным напряжениям, утомлять его, но при болезненном состоянии беречь и щадить. Мускулы крепнут от усиленных упражнений, но нервы слабеют, их надо оберегать, как глаза – от сильного света, уши – от громкого шума. Не надо требовать от мозга одновременно и мускульного, и умственного напряжения. Надо уделять должное время сну, необходимому для освежения мозга. Всякое телесное страдание, недомогание, расстройство может негативно отражаться на психике» [1, с. 356]. По нашему мнению, данные советы весьма актуальны и в настоящее время.

Основными выводами из проведенного исследования, касательно здорового образа жизни современного человека, в рамках философского наследия Артура Шопенгауэра, являются следующие:

1. Философское осмысление и теоретическая интерпретация всех основополагающих факторов здорового образа жизни, как системного образования, позволяет определить закономерности формирования, сохранения и развития здоровья. Центральной методологической проблемой современной философии является разработка теории здоровья.

2. В работах, посвященных исследованию индивидуального здоровья, находят отражение различные аспекты этой комплексной проблемы, выработанные на протяжении всей истории развития человека. Однако, «камнем преткновения» по-прежнему остается отсутствие такого определения понятия здорового образа жизни, которое позволяло бы его оценить в качественных и количественных показателях.

3. Субъективизация здоровья – вот правильная методологическая установка, которая предусматривает пропаганду личного, самостоятельного контроля каждого индивидуума за своим здоровьем. Традиционные меры пропаганды здорового образа жизни (ЗОЖ), опирающиеся в основном на медицинские и философские знания, оказались малоэффективными. Философская проблема здорового поведения человека должна включать целый круг вопросов, связанных с исследованием процессов воспитания и условий формирования личности – ее потребностей и интересов, мотивов и целей.

1. Шопенгауэр А. Избранные произведения: пер. с нем. / Артур Шопенгауэр; сост., авт.вступ. ст. и примеч. И.С. Нарский // – Ростов н / Д: Изд-во «Феникс», 1997. – С. 213–419.
2. Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики. Афоризмы житейской мудрости: пер. с нем. / Артур Шопенгауэр. – Мн.: Изд-во «Попурри», 1997. – С. 353–585.
3. Хрусталев Ю.М. Философия – интеллектуальная и моральная основа здоровья человека / Ю.М. Хрусталев // Терапевтический архив. – М.: Изд-во «Медиа сфера», 2006. – № 1. – С. 83–89.

УДК 130.2: 28

ФЕНОМЕН ЭНЕРГИИ В МИСТИКО-РЕЛИГИОЗНОМ ЗНАНИИ

Ковалева А.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
mb.0206a@yandex.ru

Попытки осмыслить феномен энергии делались уже в рамках мифологического мышления. В мифе энергия мысленного посыла трактуется как величайшая сила, способная к созиданию и разрушению.

Представления об энергии занимали выдающиеся умы человечества всегда, и, видимо, не случайно в легенде об Атлантиде мы встречаемся

с упоминанием о таком мощном излучателе энергии, который производил разломы земной поверхности.

В мифологии древних греков энергия грома и молнии направлялась как кара небес на неугодных. Жизненная сила, или прана – индийский термин, восходящий ко временам создания Вед, обозначающий энергию, которую мы поглощаем в процессе дыхания. «Ци» – термин китайской философии, также обозначающий необходимую для жизнедеятельности положительную энергию. Если задуматься над названием важнейшего органа нашего организма – «солнечное сплетение», то само название сразу же подскажет его особость. Древние народы считали, что именно в солнечном сплетении концентрируется и из него посылается энергия в различные части организма. Один из фундаментальных законов науки есть закон сохранения и превращения энергии.

Первый раздел главного труда Г. Спенсера «Основные начала» носит название «Непознаваемое». Он проникнут убеждением, что в основе Вселенной лежит та сила, которая абсолютно непостижима. Этот вывод мыслителя сокращает кажущееся непреодолимым расстояние между религией и наукой. В кругах, весьма удаленных как от науки, так и от эзотерических учений, а именно в кругах обывателей, часто говорят о жизненной силе, жизненной энергии, понимая, как она важна для нормального функционирования организма. С психической энергией связывают вдохновение и красоту. Весьма распространено убеждение, что психическая энергия проникает во все ткани, во все органы нашего тела, устанавливая там определенный порядок, гармонию или дисгармонию.

Герман Гессе в «Путешествии на Восток» заметил, что если в течение длительного времени заниматься малозначимыми вещами, то это будоражит нас и дает нам силы. Следовательно, при концентрации на малозначащих вещах жизненная энергия обновляется. И этот закон можно назвать законом релаксации.

У Рерихов энергия – это сила, которая запечатлевает образы на пластической, космической субстанции. Психическая энергия есть любовь и устремление. Она есть синтез всех нервных излучений. Согласно учению Живой Этики, которое отнесено к мистическому знанию, психической энергии отводится основополагающая роль. Она пронизывает все существующие образования от электронов до людей.

Науке известно выражение «энергия атома». Однако употребляется оно больше в значении неосмысленных и безличностных силовых проявлений. Энергия атома никак не связывается с тем, что этот атом может пребывать в теле мыслящего и переживающего субъекта и тем самым производить энергию определенного качества и направленности. Вместе с тем логично предположить, что человек как высшее проявление жизни, как «венец творения» во Вселенной обладает и наибольшим из всех живых существ энергопотенциалом. Согласно индуистскому преданию, звуковой комплекс «АУМ» есть символ сочетания высших энергий.

Говоря о свойствах психической энергии, мистики часто утверждают, что она – тончайшая из всех видов тонких энергий. Отличительное свойство тонких энергий состоит в том, что чем тоньше вибрации, тем выше и могущественнее воздействие. В эзотерической традиции как Востока, так и Запада обращают внимание и на другое уникальное свойство психической энергии, в частности на то, что она наслаивает пространство, оседает и отлагается на всех предметах, окружающих человека. Человек – не только конденсатор космической энергии, но и мощный ее излучатель. Поэтому, каков сам человек, носитель психической энергии, таковы и его вещи.

Не менее парадоксальным свойством психической энергии является ее способность самоотделяться, то есть самовольно уходить от человека. Считается, что высшая энергия разумна и отделяется не для того, чтобы производить возмездие, т.е. отрицательные действия, но прежде всего она устремляется на помощь находящемуся в затруднении.

В герметизме, мы встречаемся с полярно противоположными областями (высшими бинариями), такими как дух и материя, жизнь и смерть, добро и зло, сознательность и реализационная власть, возможность их нейтрализации. С понятием «энергия» в древнейшей тайной мудрости, в герметизме и великих Арканах Таро связывают средний член в бинарии дух – материя. Весь промежуточный (средний) план называется астральным, а крайние, соответственно, – ментальным и физическим. Таким образом, изучение энергии, согласно герметизму, есть изучение и познание плана астральности.

В энергетическом, астральном плане существуют также астросомы, так называемые эгрегоры коллективности. Они возникают, когда единомышленники, коллектив людей мыслят общую идею в общей же форме. К примеру, эгрегор благотворительного общества будет побуждать его членов к пожертвованиям и работе, способствовать увеличению контингента самих членов. Считается, что деятельность астросома особенно интенсивна во время сна. Проявление астральной энергии человека вдали от его физического тела называется выходом его в астральный план, или экстериоризацией астрала. Оно бессознательно происходит у лиц, пораженных эффектами испуга и горя. Сознательно подобное состояние вызывают в себе маги, чтобы проявить свою деятельность на расстоянии, высмотреть астральное клише земного бытия, поймать астроидею, решить запутанный теоретический вопрос.

В различных эзотерических традициях подчеркивается, что великая сила психической энергии есть обоюдоострый меч. Если, овладев ею, человек вздумает ударить своего ближнего, то другим концом, с удесятеренной силой, ударит самого себя и на много веков сбросит себя с лестницы восхождения. Если оружие психической энергии не употреблять во благо, то оно превращается в орудие уничтожения носителя энергии. Легенды о падших ангелах основаны на том, что стремление к эгоистическому могуществу в духовном плане неизбежно приводит эгоистические души к потере душевного равновесия и падению их настолько

глубокому, насколько до этого они высоко поднялись. Но даже таким душам дана возможность возврата, и они совершают обратное путешествие, жестоко при этом расплачиваясь.

Представители эзотерических знаний уверены, что поскольку психическая энергия – тончайшая, обращение с ней должно быть возвышенно утонченным. Развитие психической энергии без самоусовершенствования, без стремления человека к благу ставит его на путь самоуничтожения. Посланная или направленная мысль (посыл), действующая в виде импульса на мозг, осознается как внушение. В современных исследованиях аналогичные процессы объединяются понятием «суггестия». Лицо может влиять на себя – автовнушение – или на другого – альтеровнущение. Внушение можно осуществить посредством слова, посредством образов и жестов, посредством мысли. Оно может быть произведено в состоянии бодрствования, как это делали факиры в Индии, в состоянии легковерия, в гипнотическим состоянии. Могущество воображения и внушения так велико, что даже явления стигматизации – появления знаков на организме – медик Агриппа объяснял именно мощью и силой воображения. В современной медицине также выделяют ряд психогенных источников тех или иных симптомом или болезней (рвота, расстройство желудка, обмороки, бледность или покраснение и т.п.) Для защиты от негативных влияний используются многообразные медитативные практики.

Таким образом, понятие энергии является одним из центральных в мистико-религиозном знании. Накопление психической энергии при этом считается допустимым лишь для пользы мира, для общего блага и помощи ближним. Только те цели оправдывают накопление и сознательное применение психической энергии, которые могут быть полезны для ее носителя. Преградой индивидуального развития становится отрицательное, недисциплинированное мышление, низкие недостойные мысли, а также гнев, страх и сомнение.

УДК [316.74:37]:17.022.1

ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЫТИЯ ОБЩЕСТВА

Курито О.В.
ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики
и торговли им. М. Туган-Барановского», г. Донецк
ksusha792008@ukr.net

Образование как одна из подсистем общества и сфера общественного бытия тесно взаимодействует с другими его сферами, такими как политика и экономика. Анализ взаимодействия образования с политикой и экономикой сквозь ценности вполне логично в контексте исследования ее

аксиологического измерения, поскольку позволяет конкретизировать точки пересечения духовного аспекта ценностей образования с материальным аспектом общественной реальности.

Чрезвычайно важна роль экономической сферы в жизни общества (ставшая ведущей еще в эпоху Нового времени), которая непосредственно вытекает из воздействия на массовое сознание и все сферы общественной жизни индустриализации и индустриальных ценностей.

Материальной основой наступления индустриальной эпохи были машины и машинное производство, а среди ценностей следует выделить человеческий разум (способен покорять природу через науку); рационализм; материальный успех; зависимость личностного убеждения от экономических добродетелей; труд; прагматизм; техницизм; индивидуализм; частная собственность; свобода, равенство, справедливость и демократизм (в социально-политическом контексте). Кроме того, еще большую универсальность приобретает ценность денег, этого «товара товаров» XX в. На сегодня деньги, кроме того, что они являются основой экономики, также выступают и фактором общественной коммуникации, и консолидирующим и селекционным механизмом социума, и одной из его центральных ценностей, на которую ориентируется весь процесс социализации, в том числе и институты образования.

Сама образовательная деятельность превратилась в часть экономической политики. Так, сейчас все чаще об образовании говорят и пишут в чисто экономических терминах: «образовательная услуга», «образовательный капитал», «образовательный кредит», образовательная среда как «фактор производства» и др. Например, яркой иллюстрацией экономического толкования вкусного образования является работа российского исследователя Т. Зак «Образовательный процесс и экономическая политика государства», где понятие образовательной услуги определяется следующим образом: «... средство производства человеческого капитала, главным результатом которого являются полученные знания, умения, навыки, которые будут использоваться в будущем производстве, и приносить дополнительную прибыль своим владельцам»[1, с. 36]. При этом интересно, что при интерпретации образования как предоставление, получение образовательных услуг к ней можно применить все атрибуты обычного индустриального процесса. В частности, образовательный процесс рассматривается как производственный, где главными факторами являются профессорско-преподавательский состав и материально-техническая база, а результатом – накопленный человеческий капитал.

В связи с новой комодификациею образования (от англ. Commodity – товар, предмет потребления) можно говорить о выделении двух противоположных позиций – инструментальной и либеральной. Согласно инструментальной позицией доминирует формула «образование – для жизни». При этом упор делается на общественном благосостоянии и распределении интересов на профессиональные, социальные и личностные.

Согласно либеральной позиции, которая может быть выражена в формуле «образование – для человека», образование является, в первую очередь, индивидуальным благом, проявлением человеческой свободы и внутренней ценностью. Но четкое разделение этих двух позиций возможно лишь теоретически, ведь на практике образование одновременно является и ценностью, и ресурсом личностного развития, и инструментом социальной жизнедеятельности.

Образование является одним из главных общественных институтов, который формирует ценности политической нации страны. Под понятием «политическая нация» мы понимаем сложившееся на основе различных этнических групп сообщество, основными характеристиками которого является осознание своего политического единства, воля к общественно-политической самоорганизации, а также стремление к развитию и общего будущего.

К основным проблемам взаимодействия политики и образования в Украине можно отнести следующее. Общая девальвация ценности образования при декларировании прогрессивных изменений и реформирования. Поскольку образование играет ведущую роль в трансляции и генерации знания, а также в формировании интеллектуального потенциала нации, то украинскому государству следует скорректировать образовательную политику в сторону восстановления существующих позитивных традиций и быть более осторожным с нововведениями. Практически за пределами реформирования остаются такие важные секторы украинского образования как перекладывание на семью финансового бремени по обучению ребенка, коррупция, проблемы сельских школ, социальная дискриминация в области образования (что угрожает политической стабильности в стране).

Образование до сих пор не стало одним из национальных приоритетов государства, что приводит к его упадку. Кроме того, серьезную проблему составляет недостаточно развитая коммуникация власти и социума по вопросам образования (ведь целый ряд образовательных вопросов в демократическом государстве должен решаться в диалоге).

Итак, образование неотделимо от экономических и политических процессов, происходящих в государстве. Без экономической и политической поддержки национальной образовательной системы оно не может успешно развиваться. Однако образовательные ценности также не могут быть сведены исключительно к ценностям образования и политики, поскольку образование составляет неотъемлемую составляющую онтологического ядра культуры.

1. Зак Т. В. Образовательный процесс и экономическая политика государства / Т. В. Зак // Вестник АГТУ. Серия «Экономика». – 2010. – № 2. – С. 36–43.

УДК 177.1+159.964.21

О ДОБРЕ И ЗЛЕ С ПОЗИЦИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Лось В.Ю.
Центр социально-философских исследований, г. Харьков
victor-los@mail.ru

Вопрос поиска ориентиров правильной жизни всегда был актуальным для человека. Это, естественно, приводит к поиску нравственных ориентиров: что есть добро, что есть зло? Актуальность постановки вопроса в настоящее время обусловлена процессами деградации общества, общецивилизационными проблемами, нарастанием агрессивности в мире и т.п. явлениями, угрожающими существованию человека и человечества. Предпримем попытку разобраться в вопросе с позиции естествознания.

Известно, что микрофлора человека (т.е. микроорганизмы, населяющие организм человека, занимающие поверхность и толщу кожи, слизистую носа и носоглотки, конъюнктиву глаз, мочеполовую систему, желудочно-кишечный тракт), как чуткий камертон отзывается на изменения в физиологическом и даже психологическом состоянии ее хозяина [1]. Так, эмоции гнева или страха влекут за собой повышение относительного количества клеток *Bacteroides fragilis* subsp. *thetaiotaomicron* среди бактериального «населения» фекалий. Группа американских ученых заметила существенное повышение содержания *Bacteroides fragilis* subsp. *thetaiotaomicron* у троих астронавтов в ходе наземной подготовки в испытательной камере и выяснила, что это произошло на почве конфликта с обслуживающим персоналом [2]. В нормальном состоянии содержание этих микроорганизмов составляло 6–8 %, в результате конфликта у одного астронавта возросло до значения 26,4 %, у второго – до 19,7 % и у третьего – до 18,2 %. После улаживания конфликта содержание микроорганизмов понизилось до значений соответственно 2,0 %, 18,2 % и 7,8 %. Ученые также цитируют подобный случай, произошедший с человеком, попавшим в конфликтную ситуацию с сотрудником по работе, которая могла закончиться увольнением. До конфликтной ситуации содержание микроорганизмов *Bacteroides fragilis* subsp. *thetaiotaomicron* в фекалиях составляло 0 % в общем составе микроорганизмов, в результате конфликта возросло до 19,4 %, а после того, как ситуация разрешилась, концентрация снизилась до 10,2–10,5 %. Ученые не обнаружили увеличения концентрации этих микроорганизмов в фекалиях троих студентов в день экзамена и высказали гипотезу, что стресс сам по себе не приводит к увеличению концентрации этих микроорганизмов и что стресс, который наблюдался у троих студентов, другой природы, чем в ситуациях с астронавтами и с человеком, попавшим в конфликтную ситуацию с сотрудником по работе. Проанализировав ряд других случаев, они пришли к выводу, что увеличение содержания упомянутых микроорганизмов в фекалиях наблюдалось в тех случаях, где имел место конфликт между людьми, который сопровождался проявлением гнева.

Известно, что причиной некоторых воспалительных заболеваний человека становятся условно-патогенные микробы естественной микрофлоры организма [3]. К ним, например, относятся периодонтит (воспаление соединительной ткани, удерживающей зуб в костной альвеоле), хронический гастрит, слизисто-кожный кандидоз и др. Возбудители этих и многих других заболеваний десятилетиями живут в организме человека на взаимовыгодных условиях, но в один «прекрасный» день становятся причиной воспалительного инфекционного процесса. Медицинская наука говорит о развитии аутоинфекции (эндогенной инфекции, болезни конфликта), а причина ее возникновения – потеря толерантности иммунной системы к представителям его постоянной микрофлоры. Почему же это происходит? Ученые говорят, что в возникновении эндогенных инфекций велика роль различных стрессогенных воздействий на организм и его микрофлору. Отмечают, что рост этих инфекций связан с широким использованием антибиотиков. Хорошо известный пример – возникновение кандидоза после приема антибиотиков. Ученые предполагают, что наиболее простой причиной срыва толерантности может стать образование на поверхности микроорганизмов некоторых структур – белков теплового шока, которые начинают синтезироваться в большом количестве в ответ не только на повышение температуры, но и в других стрессовых для клетки и организма в целом ситуациях – при холоде, голоде, изменении давления, хирургическом вмешательстве и др., а главное, что очень важно, при появлении различных химических веществ, в том числе антибиотиков и противовоспалительных препаратов.

Если принять гипотезу о том, что болезни организма человека возникают из-за побуждений и мыслей злобной природы, то естественным способом «лечения» можно назвать устранение этих злобных проявлений, например, улаживание конфликта в описанном выше случае с астронавтами. С этой позиции чисто медикаментозное лечение болезней, использование антибиотиков, противовоспалительных препаратов без устранения злобных проявлений является не совсем естественным способом лечения и приводит к конфликту между микрофлорой и иммунной системой организма.

Сегодня не без оснований можно говорить об энергиях сознания, которые, излучаясь человеком при каждом психо-ментальном акте, обретают самостоятельное существование как фрагменты ментальных полей, имеющих определенные полевые характеристики и способных оказывать воздействие как на самого человека, так и на его окружение. Примером благотворного воздействия является известный факт, что российский селекционер И.В. Мичурин мог часами разговаривать с погибающим растением, и оно возвращалось к жизни. Примером негативного воздействия являются информационные войны, направленные на создание образа врага, на разжигание нетерпимости, ненависти и злобы. Пострадает ли тот, на кого направлены эти воздействия, зависит от его разумности и способности различать добро и зло, а также силы воли не поддаваться влияниям. Но однозначно можно сказать, что пострадает тот, кто разжигает эти войны, так как природу не обманешь, и «что посеешь – то и пожнёшь».

1. Олескин А.В. Нейрохимия и симбиотическая микрофлора человека: биополитические аспекты // Вестник Российской академии наук. – 2009. – Т. 79. – № 5. – С. 431-438.
2. Holdeman L.V., Good I.J., Moore W.E.C. Human fecal flora: variation in bacterial composition within individuals and a possible effect of emotional stress // Applied and Environmental Microbiology. – 1976. – V. 31. – No. 3. – P. 359-375.
3. Лебедев К.А., Понякина И.Д. Конфликт организма человека с его микрофлорой // Природа. – 2007. – № 7. – С. 20-28.

УДК 165.191

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ В СОЦИАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

Лустин Ю.М.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
lustin56@mail.ru

Природные качества без образования
вели к славе чаще, чем образование
без природных качеств
Цицерон

Человек – великая тайна Природы. Многосторонность научного познания личности типологически сопряжена с многомерностью человеческого «Я». Смысловая определенность данного утверждения постольку истинна для индивида, поскольку педагогически многогранна в образовательно – воспитательном проявлении его сущность. Несомненно, недостаточная социально-педагогическая выраженность позитивных качеств личности ведет к различным видам аномии, девиантному поведению, деградации идентичности, образовательной апатии. Более того, в настоящее время социально-философскому, научно-педагогическому постижению подлинно человеческой сущности противостоят различные теории психотроники, информационного антропологизма, виртуального кибертрансцендентализма, симулякрии, персоналистической иммортологии, эмерджденции сознания («расщепление личности», «развоплощенный интеллект», «нулевое тело», «человек-контент», «клиповая идентичность»).

Где же выход? Как личности, в том числе и студенту вуза, противостоять вызовам современности? По мнению автора, один из моментов в разрешении данного объективного противоречия видится в активизации педагогического сотрудничества преподавателя и студента вуза в контексте теории педагогической персонологии. К сожалению, термин «педагогическая персонология» не представлен в категориальном аппарате педагогики высшей школы. Данное обстоятельство и отмеченные факторы определяют теоретико-практическую актуальность, научную новизну и необходимость концептуальной разработки теории педагогической персонологии. Ее целевая определённость всецело направлена на главное –

профессиональную подготовку студента по профилю специальности. Роль преподавателя в этом первостепенна. Его педагогическое кредо должно учитывать справедливое утверждение Гете «Те, у кого мы учимся, правильно называются нашими учителями, но не всякий, кто учит вас, заслуживает это имя». Как следствие, педагогическая интерпретация теории личности, трансформация самой динамики педагогического процесса может быть продуктивно отражена с позиций философско-типологической рецепции в рамках образовательной коммуникации «вуз – преподаватель – студент – профессия».

Анализ литературы в аспекте типологического познания личности позволяет выделить несколько основных подходов: философский, психологический, педагогический, социологический, культурологический, политологический, физиолого-генетический и др. По объему различной информации о личности, приоритетность принадлежит психологической науке содержание которой отражено в более чем сорока направлениях, а термин «персонология» (Г.А. Мюррей) эксплицирован из формата психологического знания. Более того, научными поисками отдельных исследователей фрагментарно обозначены некоторые аспекты идеи педагогической персонологии: Е.Б. Старовойтенко, В.А. Петровский (методология общей персонологии), В. Штерн (уникальная целостность), В.Я. Семке (общая и клиническая персонология), Л.В. Шелехова (персонологическая стратегия образования), В.К. Зарецкий (педагогическая рефлексия). Причинами не разработанности педагогической теории в персонологии являются: познавательная сложность ее междисциплинарного статуса, деонтологические аспекты образовательных отношений (А.О. Карпов), нерпределенность категориального аппарата.

Исследовательский подход убеждает, что в ракурсе философско-типологической рецепции, теория педагогической персонологии должна включать в себя: в сущностном отношении – социальное *заимствование* и научное *приспособление* педагогикой культурно-образовательных форм, методов, принципов, средств гуманитарных, социальных наук. В содержательном отношении – общественное *восприятие* всего спектра реалий социума и целенаправленное учебно-воспитательное *преобразование* потенциала личности в позитивное проявление её качеств, типологически соответствующих образцам, нормам, моделям, правилам общества.

В этой связи, типологический механизм философской рецепции основывается на *методологических принципах педагогической персонологии*, закономерное проявление которых раскрывает ее сущность как раздела (отрасли) педагогического знания: заимствование из общей педагогической методологии учения о принципах построения и способах научно-образовательной деятельности; педагогическая ретроспекция опыта педагогического познании и его внедрение в учебную реальность; восприятие диалектичности социума и творческое преобразование на этой основе современных образовательно-воспитательных систем, технологий.

На основе вышеизложенного, можно выделить основные уровни методологии педагогической персонологии:

1) Философский, специфицированный в основных направлениях: а) экзистенциональном (Н.А. Бердяев Э. Брейзах, Л.И. Шестов). Акцентуация данного подхода выражена в восприятии существования индивидуального бытия человека в парадигме личностного развития «человеческого в человеке» через самовоспитание, саморазвитие, самообразование; б) прагматическом (Дж. Дьюи, Т. Брамельд, Э. Келли), определённый приоритетом практических методов обучения и деловой уникальности каждого человека. Отсюда – комплексное развитие способностей личности через всевозможные упражнения, тренировки и практики; в) диалектико-материалистическом, обусловленный концепцией деятельностного подхода.

2) Общенаучный конкретизированный в подходах: системно-структурный (В.П. Беспалько, Т.А. Ильина), функциональный (Ю.Г. Марков, С.Д Максименко), целостный (Н.М. Борытко, А.С. Макаренко, Б.Г. Гершунский), акмеологический (Т.Д. Скуднова, Н.А. Разина).

3) Конкретнонаучный в контексте научных подходов: культурологический (В.И. Андреева, А.А. Кирсанова), аксеологический (Б.И. Додонов, С.И. Маслов, П.Г. Щедровицкий), эколого-валеологический (И.И. Брехман, Л.И. Пономарева, Н.Е. Щуркова).

Таким образом, педагогическая персонология является междисциплинарной научной дисциплиной, имеет определенный методологический статус и конкретно научное обоснование. Философско-типологическая рецепция позволяет определить место, выявить закономерности развития педагогической персонологии в общей логике учебно-воспитательного процесса, обосновать ее структуру, функции, категориальный аппарат, направления практического применения. Разработка теории педагогической персонологии имманентна всеобщему процессу педагогизации социокультурной среды и востребована временем.

1. Жигинас Н.В., Санников А.Ф. Становление и формирование личности в зеркале персонологической теории // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Томск: Изд-во ТГПУ. – 2013. – Вып.6. – С. 54–58.
2. Кучерова О.Е. Аксеологическая рецепция в образовательном процессе педагогического вуза // Известия Воронежского гос.пед. ун-та. / Серия: Педагогические науки. Воронеж: Изд-в ВГПУ. – 2014. – № 2. – С. 64–70.
3. Мень М.А. Социальные теории личности: на пути к социальной персонологии // Личность. Культура. Общество: Международный журнал социальных и гуманитарных наук. – 2000. – №4. – С. 92–100.
4. Петровский В.А., Старовойтенко Е.Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т.9. – №1. – С. 21–39.

УДК 121. 92

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ЗНАНИЯ

Марюхнич М.Т.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
m-patriot@mail.ru

Расцвет исследовательского интереса на Западе и в среде отечественных исследователей к изучению феномена традиции пришелся на 60-е годы XX века, и был связан с попыткой отхода от прогрессистской парадигмы. Однако проблемой передачи знаний, содержащих сакральные истины, занимались и ранее начиная с XIX века исследователи истории, антропологии, философии и социологии, такие, как М. Вебер, Э. Дюркгейм, М. Мосс, Ф. Теннис и др. Свой вклад и проблематику разработки феномена традиции внесли представители так называемого направления традиционализма, идеи которых не являются в строгом смысле научными (М. Элиаде, Р. Генон, Ю. Эвола).

Проблемой исследования является его научное определение. Традиция – это, прежде всего то, что не создано индивидом или не является продуктом его собственного творческого воображения, это то, что ему не принадлежит и передано кем-то извне. Таким образом, аспект поддержания преемственности является ключевым в содержании понятия традиции, и это учитывается в большинстве имеющихся ее определений.

В философском исследовании традиции невозможно обойтись без анализа того способа ее понимания, которое предлагает традиционализм. Наиболее значимое отличие традиционализма в интерпретации традиции составляет наличие трансцендентального измерения как перспективы «вглубь».

Представление о нисходящей направленности истории человеческого общества присуще не только традиционализму. Отчасти трактовка истории как нисхождения свойственна, например, философам постмодерна, пишущим о процессе деградации форм социального бытия, в конечном счете, ведущем к распаду социальности, констатированному Ж. Бодрийяром. Для европейских романтиков упадок культуры связан с утратой способности к иррациональному, эмоциональному постижению, заменой живого чувства истинами рассудка. Определенные параллели можно проследить и в отношении экзистенциальной деградации сознания, констатированной М. Хайдеггером в понятии «забывания бытия» [1, с. 169]. Для генонистов традиция в ее социальном измерении – только результат и отражение качественно иного бытия, обладающего наполненностью и аутентичностью.

Деконструкции подлежит, с точки зрения традиционализма, знаковая и культурная система модерна. Различаясь между собой в частных вопросах, традиционалисты едины в критическом отношении к современному

обществу, его идеологиям, философии, принципам социальной организации, отношениям между полами. В противоположность вере модернистов в безграничность прогресса, обеспечиваемого развитием производственных технологий и ростом социальной рациональности, традиционалисты рассматривают процесс модернизации как углубляющийся упадок.

В данных условиях остро встаёт вопрос о возможностях передачи традиции в условиях современности, и в данном ключе подробно рассматривается механизм передачи традиции и её трансформация.

В стабильных бесписьменных обществах передача мифов имеет тенденцию к постоянной адаптации, поддерживающей миф в состоянии «гомеостатического» взаимоотношения с мировоззрением сообщества. Наличие письменного текста вводит новую динамику: отход от текста, как и вариации внутри текстов, вызывают ощущение разрыва между старым и новым.

Воплотившись в текст, традиции организуются, приобретают определенную структуру и передаются иначе, а это, в свою очередь, оказывает влияние на их форму и содержание. Письменность делает трансляцию более точной, но при этом утрачивается непосредственность, присущая устной передаче. Когда традиционное содержание воспринимается не на слух, а зрительно, этим обеспечивается его большее эмоциональное восприятие.

Это, прежде всего, относится к письменным традициям, когда комментарии, накопленные поколениями, добавляются к первоначальному корпусу и сливаются с ним. В результате первоначальная традиция становится настолько перегруженной, что это мешает установить ее изначальный смысл. Проблема осложняется тем, что принимающее поколение может оказаться не в состоянии отличить первоначальные элементы традиции от последующих наслоений.

В отличие от обществ с устной, или преимущественно устной трансляцией культурной памяти, где господствует принцип повторения и ритуал как базовое средство воспроизводства социокультурной идентичности, в обществах с текстовой культурой воспроизводство идентичности осуществляется главным образом через толкование текста-канона.

Традиция предлагает действенный путь формирования личной идентичности на основе актуализации и пробуждения подспудных архетипических структур – это путь прямой трансляции знания и моделей действия от учителя к ученику. Метафизическая нагруженность такой трансляции очевидна: в традиционной культуре, как это показывает В. Семенцов на примере ведической культуры, прямое воспроизводство паттернов духовного знания приравнивается к воспроизводству жизни в физическом порождении, а учитель культурной традиции рассматривается как отец и даже более: «Из двух отцов – дающего физическое рождение и дающего знание веды – почтеннее отец, дающий знание веды; ведь рождение, данное ведой, вечно и после смерти, и в этом мире» [2, с. 10]. Это

не просто передача знания: в традиционной культуре наделение духовного учителя качествами и статусом отца ученика связывается фактически с передачей от учителя к ученику ядра определенной личной идентичности.

Таким образом, понятие традиции заключает в своем определении функцию передачи знания от одного поколения, к другому. Рядом исследователей, и традиционалистами в том числе, констатируется упадок традиции и пагубное влияние процессов модернизации на социум. В данном ракурсе приобретает важность проблема передачи традиции в современных меняющихся условиях. Записанный и интерпретируемый текст как средство передачи традиции вносит новые черты в практику традиции, что говорит о том, что способы передачи традиции обуславливают характер её интерпретации и отношения поколений к усвоенным знаниям. Способ передачи знаний от учителя к ученику, в отличии от методов масс-культуры, представляется сакральным, имеющим метафизическую нагруженность и потому, с большей интенсивностью созидающим личную идентичность с переданным неофиту ядром традиции.

1. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: Фолио, 2003. – 169 с.
2. Семенцов В.С. Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагавадгиты // Восток – Запад. Переводы. Публикации – М.: Наука, 1988.– С. 5–10.

УДК 141.82(510)

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОГО МАРКСИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Матюхова А.Г.
ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского», г. Донецк
pravdis@kaf.donnuet.dn.ua

В современном мире Китай оказывает заметное влияние на мировую политику и экономику. Китай за последние несколько десятилетий вышел на качественно новый уровень. Мировое сообщество обязано учитывать интересы этой страны, так как Китай самая густонаселённая страна в настоящий момент времени, заметим, что каждый пятый, или шестой житель Земли – житель Китая. Сегодня Китай представляет для ряда стран интерес не только в качестве соседа, но и в качестве страны, чей экономический потенциал влияет на политику и военную ориентацию этих стран.

Следует отметить, что в современном Китае марксистская философия является руководящей идеологией, и объектом научных исследований. Если сравнивать первую половину XX века и начало XXI века, то китайская марксистская философия претерпела ряд изменений.

В историческом плане в первой половине XX века Китай пережил эпоху революционных перемен и важным, при этом было проникновение марксистской философии.

Марксизм возник в 1840-х гг. К. Маркс (1818–1883 гг.) и Ф. Энгельс (1820–1895 гг.) пытались выяснить условия и указать пути освобождения трудящихся от эксплуатации и всех форм социального гнета. Они стремились наметить контуры строя, который сможет преодолеть отчуждение рабочих от собственности и власти, разумно организует общественную жизнь, обеспечит свободное и гармоничное развитие личности. Теория К. Маркса задумывалась как наука, однако его идеи превратились в идеологию, стали обоснованием программы политических действий [1].

Марксистская философия и современная западная философия связаны между собой, в то же время они отличаются друг от друга. Оба направления выступают против метафизической абстрактности, присущей западной философии нового времени, однако современная западная философия по-прежнему находится в плену старых моделей, с помощью которых она различными способами объясняет мир, а марксистская философия определяла свою миссию как изменение мира с помощью революций. Марксистская философия унаследовала принцип субъективности, выдвинутый философией нового времени, и в то же время выступает против абстрактности, характерной для философии субъективности [2].

Исторические предпосылки и идеологические основы модернизации Китая хорошо известны, многократно описаны и в целом также имеют признаки универсальности. Лозунг «иностранное – на службу Китаю» первых реформаторов, концепция «нового народа» Лян Цичао, народничество или промышленный план Сунь Ятсена – все это имеет те или иные аналоги. Не особенно специфичен и китайский социализм. Движущие силы китайской модернизации, препятствия на ее пути, реформы и революции напоминают многое из истории других стран. В конце XX – начале XXI в. сформировалась официальная идеология, выраженная многоступенчатой формулой: «марксизм – идеи Мао Цзэдуна – теория Дэн Сяопина – концепция «трех представительств». Другими словами, речь идет о концепции «построения гармоничного общества на основе новой теории развития». Идеологическая линия нынешнего руководства и проводимая им политика свидетельствуют о том, что нынешние лидеры страны продолжают генеральный курс Дэн Сяопина с поправками, внесенными в него Цзян Цзэминем, а затем Ху Цзиньтао [3].

В настоящее время оформленной концепции китайского марксизма не существует. Ее теоретическую основу составляют взгляды Дэн Сяопина, чьи суждения о марксизме и социализме содержатся в выступлениях и беседах. Их смысл заключается в осознании специфики Китая и направленности необходимых стране преобразований. Достигнутую Китаем стадию социализма бывший глава партийного руководства оценивал как начальную и не пытался (или не считал нужным) определять ее продолжительность. Нынешнее китайское руководство, учтя опыт собственной страны периода «большого скачка» (1958–1960 гг.) и «культурной революции» (1966–1976 гг.), в противоположность чрезмерному упору Мао Цзэдуна на классовую борьбу, считает, что в определенных рамках она будет долго

продолжаться и при известных условиях даже обостряться, но в целом перестала быть главным противоречием китайского общества. Заслугой Мао Цзэдуна в Китае считается китаизация марксизма, то есть соединение общих принципов марксизма с конкретной практикой китайской революции [4].

Таким образом, можно отметить, на данный момент времени марксизм в современном Китае переживает второе рождение.

1. Теория и практика марксизма: история, современность, перспективы [Текст] / [рук. авт. колл. Джохадзе Д. В.]. – М. : Ин-т философии РАН, 2002.
2. Максимова, О. Эволюция института главы государства в Китае в XX веке: конституционно-правовое исследование [Текст] /О. Максимова // Реформы и право : науч.-аналит. журн. – 2009. – № 3. – С. 29-38.
3. Фарков, А. М. Теоретические аспекты гармонизации общественно-политической системы [Электронный ресурс] / Фарков А. М. // Elibrary.ru : науч. электрон. б-ка. – Электрон. текстовые дан. – М., cop. 2000-2016. – Режим доступа: http://elibrary.ru/item.asp?id=15171044. – Источник публ. : Наука о человеке: гуманитарные исследования (2010. № 5). – Загл. с экрана.
4. Зотов, В. Д. Мао Цзэдун как идеолог: марксизм и маоизм [Текст] / В.Д. Зотов // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 4. – С. 213-228.

УДК 1 (091) (470+571)

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СВЯЩЕННИКА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

Миргородский А.А.
Донецкая академия внутренних дел,
Донецкий государственный институт городского хозяйства
Mirgorodskiy87@mail.ru

Александр Владимирович Мень (22 января 1935 – 9 сентября 1990) – протоиерей Русской православной церкви, богослов и проповедник, историк философии, автор книг по богословию, истории христианства и других религий, по основам христианского вероучения, православному богослужению. Публиковался в Брюсселе, на родине издавался с 1990 года: серия «В поисках пути, истины и жизни» (кн. 1–6, 1970–1983; псевдоним Э. Светлов), «Сын человеческий» (1969, псевдоним А. Боголюбов), «Таинство, слово и образ» (1980) и др.

Александр Мень родился в Москве. Его отец Владимир Григорьевич Мень родился в 1902 году в Киеве, в детстве учился в религиозной еврейской школе, окончил два вуза, работал главным инженером текстильной фабрики в Орехово-Зуеве. Мать Елена Семёновна Мень (мать о. Александра) с юности тянулась к христианству; в 1934 году вышла замуж за Владимира Григорьевича Меня. В возрасте шести месяцев Александр был тайно крещён вместе с матерью в Сергиевом Посаде священником Катакомбной церкви отцом Серафимом (Батюковым). В 1953 году поступил в Московский пушно-

меховой институт в Балашихе, который в 1955 году был переведён в Иркутск. В марте 1958 года был отчислен за религиозные убеждения. В 1989-1990 годах был настоятелем Сретенской церкви в Новой Деревне (микрорайоне города Пушкино).

Александр Мень обладал уникальным сочетанием широкой эрудиции, открытости к светской культуре, науке, к другим конфессиям, нехристианским религиям и творческая энергия, направленная на понимание каждого собеседника выдвинуло Меня в число ведущих христианских проповедников.

По мнению отца Александра Меня, христианство пришло в мир, неся в него братство людей. В то время, когда народы уничтожали и ненавидели друг друга, христианство устами апостола Павла провозгласило, что во Христе «нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного». И для нас, живущих в многонациональном государстве, христианское умение любить, уважать, чтить другие народы является не каким-то праздным дополнением, а жизненной необходимостью. Ибо тот, по мнению отца Александра, кто не уважает чужого народа, не уважает себя. И соответственно народ, уважающий себя, всегда будет уважительно относиться к другим народам, подобно тому как человек, хорошо знающий свой язык, ничего не теряет от того, что он знает и любит другие языки. Итак, полнота культуры раскрывается в совместном творчестве разных народов.

Александр Мень был совершенно чужд национальных предрассудков. «Я люблю все народы, но я никогда не отрекаюсь от своего национального происхождения, и то, что в моих жилах течет кровь Христа Спасителя и апостолов, доставляет мне только радость».

Александр Мень говорил тем, кто не верил в любовь и уважение между представителями разных религий, отсылая к поэме Алексея Константиновича Толстого «Иоанн Дамаскин». Она начинается так: «Любим халифом Иоанн!» Эти отдельные штрихи показывают нам, что даже в средневековой истории возможно было не только сосуществование, но человечность, уважение и терпимость между мусульманами и христианами. Поэтому сегодня задача людей разных культур – не питаться слухами, мифами, человеконенавистнической литературой, а стремиться знать друг друга больше и лучше.

Александр Мень вовсе не ратовал за некую объединенную, смешанную, аморфную религию, потому что попытки объединить все религии были всегда бессмысленными. Отец Александр приводит элементарный пример о том, можно ли создать прекрасный стиль, скажем, в живописи, если смешать хаотично всё – принципы иконы, кубизма, рококо, ренессанса, античности? По мнению отца Александра, это будет не творчество, а эклектика. Не такое единство нужно. А необходимо уметь жить вместе, исповедуя каждый свое мировоззрение, находя общие точки, черты сходства друг у друга. Тогда мы несомненно преуспеем во многом [3].

Александр Мень считает, что должно наступить время, когда люди увидят друг друга и поймут, что един Бог – и Он велик! И дети Его – люди.

Это мы должны понять сегодня, в исторический и трагический час для нашего отечества [4]. Пришло время испытания, когда наша человечность, наша терпимость оказались перед суровой проверкой.

Александр Мень убедительно доказывает, что люди, которые воспитывались в христианской вере, умели с уважением и с благоговением относиться к чужим святыням. Это не только долг человечности, но это Призыв, который исходит к нам непосредственно от Того, Кто создал нас. Если мы не дети единого Бога-Отца, то мы не братья и не сестры друг другу.

Для отца Александра Меня, христианство и ислам имеют общие корни. Поэтому наиболее авторитетные силы ислама и христианства могли бы совместно противостоять тому злу разрушения и распадения, той ржавчине, которая разъедает наше общество. И все это во имя веры, духовных ценностей, вечных нравственных заповедей, данных Богом праотцу Аврааму, от которого ведут свое происхождение монотеистические религии, в частности, христианство, ислам, иудаизм.

Многие православные люди позитивно оценивают деятельность и труды отца Александра Меня. Не все его суждения полностью разделялись православными богословами, но ни одно из них не противоречило сути Священного Писания. Где как раз и подчёркивается, что «надлежит быть разномыслиям между вами, дабы явились искуснейшие».

Все свои знания, энциклопедическую эрудицию, самые разнообразные интересы в науке, художественной литературе, искусстве, все свои таланты он реализовал через свои проповеди [1, 2]. Проповедовал всегда принципиально, притом на языке, доступном для современников. Это был человек необыкновенной одухотворённости, который вёл подвижническую жизнь и закончил её мученически. Отец Александр не боялся синтезировать опыт своих предшественников, очень разных и порою взаимоисключающих друг друга, и это у него получалось удивительно хорошо.

Таким образом, религиозно-философские взгляды священника Александра Меня отличаются толерантным подходом. Лейтмотивом многих работ отца Александра выступает мысль, что вся мировая культура создана верующими людьми и нравственный прогресс народов обеспечивался религиями, при этом добро есть в любой религии. А самое главное – достоинство личности, творчество, свобода, дерзновение – всё это есть и в христианстве и по большому счёту во многом там и может быть логически обосновано.

1. В защиту имени отца Александра Меня (сборник статей) / Редакторы выпуска: Л.И. Василенко, В.П. Ерохин. – М., 1999. – 62 с.
2. Еремин А.А. Отец Александр Мень. Пастырь на рубеже веков. – М.: «Carte Blanche», 2001. – 496 с.
3. Илюшенко В.И. Отец Александр Мень: жизнь и смерть во Христе. – М.: «Пик», 2000. – 496 с., ил.
4. Мень А. В. Быть христианином (интервью и последняя лекция) / Составитель Марк Макаров. – М.: Anno Domini, 1994. – 32 с.

УДК 124.4:159.954

ТВОРЧЕСТВО КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ БЫТИЯ

Никифорова Л.А.
ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики
и торговли им. М. Туган-Барановского», г. Донецк
pravdis@kaf.donnuet.dn.ua

Творчество, интуиция – вещи, выходящие за рамки логического начала. Но оценить по достоинству те возможности, которые они нам предлагают, и умело ими распорядиться может только развитый интеллект.

С философской точки зрения, творчество – высшая форма универсально понимаемой креативности, имманентно присущая всем уровням иерархии бытия; способствует самосохранению и воспроизведению сущего посредством качественных трансформаций их структур [2].

Творчество человека обусловлено естественным отбором жизнеспособного нового – путем перебора большого количества промежуточных вариантов, а также сопряженная с этими процессами критика и элиминация всего неудачного.

Человеческое творчество суть интегральная совокупность фантазии, предвидения и интуиции. Творчество неразрывно связано с мозговой деятельностью человека. Несмотря на то, что мозг устроен невероятно сложно, всю его деятельность можно описать с помощью семи принципов. Каждый из них – это часть операционной системы нашего биокомпьютера (а это и есть наш мозг), с помощью которой он мыслит и обучается. Семь принципов деятельности мозга:

1) мозг синергизирует поступающую информацию: один плюс один равно двум или больше. Одна мысль запускает другую, та в свою очередь запускает еще одну мысль, и так далее. Творчество возможно благодаря тому, что мозг способен к синергизму. Он находит сочетания и связи между имеющимися знаниями и новыми идеями, создавая новые мысленные структуры;

2) мозг – это механизм, ориентированный на достижение. Когда человек ставит перед собой цель, то его мозг сознательно и бессознательно направляет ход мыслей на достижение успеха;

3) мозг в совершенстве обладает способностью к подражанию. Именно при подражании тем, кто уже в совершенстве владеет тем или иным навыком, мозг обучается быстрее всего;

4) мозг стремится к завершенности (он нуждается в заполнении пробелов). Человеческий мозг всегда стремится к завершенности. Если в мозг поступает неполная информация, он пытается любыми способами заполнить пробелы;

5) мозг постоянно ищет новые знания и информацию. Мозгу, как и мышцам, нужна тренировка. Если мозг находится в застое, он становится вялым и пассивным. Мышление теряет остроту. Новая информация, поступившая в мозг, вызывает рост дендритов нейронов и обогащает мозг;

6) мозг стремится к истине. Истина необходима мозгу для выживания. На глубинном уровне мозг знает, что ложь может стать угрозой для собственного выживания и выживания других людей. Анализируя поступающую информацию, мозг постоянно оценивает ее: «Заслуживает ли это доверия, или это просто мусор?». Как только мозг решает, что новая информация достойна доверия, в действие вступает принцип синергии, сочетая новую информацию с уже имеющейся, порождая при этом новые идеи и мысли;

7) мозг настойчив в действиях. Способность настойчиво стремиться к успеху, – одно из самых важных свойств человеческого мозга. Используя способность к синергии и творчеству, мозг постоянно генерирует идеи и планы для достижения поставленной цели. Однако для того, чтобы эта способность проявилась в полной мере, жизненно важно сосредоточиться на конкретной цели, а не на трудностях на пути к ней. Наш мозг работает подобным образом. Рождение первой мысли дается ему труднее всего. Но при неоднократном повторении эта же самая мысль возникает все легче, и в будущем мысли, подобные этой, будут возникать со все возрастающей вероятностью. Так происходит благодаря естественному стремлению мозга к достижению конкретно поставленной цели. Если мозг прекращает усилия по достижению цели, то это значит, что мы не сосредоточены на ней.

Мозг от природы наделен творческими способностями. Мозг образует новые связи и ассоциации между новой информацией, поступающей через органы чувств, и уже существующей базой знаний и опыта. Новая информация связывается с существующим ядром знаний и встраивается в него по принципу синергии. Это явление служит топливом для настойчивой деятельности мозга. Все эти факторы вносят свою лепту в достижение четко поставленной цели. Творческие люди максимально используют свойство мозга к образованию новых связей и ассоциаций, общаясь с другими людьми, беседуя с ними, добывая максимальное количество информации по интересующему вопросу, а также создавая окружение, способствующее возникновению и развитию творческих идей. Использование эффекта подражания и «разметки пути» к главной цели путем установления промежуточных целей способствует целенаправленной поставке новой информации в «биокомпьютер». Человеческая способность к творчеству намного больше, чем можно себе представить. Необходимо постоянно стимулировать стремящийся к истине мозг [1].

Творчество – это стремление к новому и неизведанному. Эта тяга свойственна человеку, но ее зачастую подавляет груз привычек, забот, общественных и личностных обязательств, а иногда наши творческие порывы пресекает обыкновенная лень. Существует такое понятие, как леность ума. Она разрастается в нас, когда мы не живем, а словно спим, и мир вокруг нас застывает в стандартах, устойчивых формах. Между тем, любое открытие – результат отклонения от стандарта. Но отклониться от стандартных условий можно лишь вследствие каких-либо перемен. Эти перемены могут происходить как внутри человека (по его собственной воле), так и под воздействием каких-нибудь внешних (очень мало зависящих от

нас) обстоятельств. Например, стихийные бедствия или крупные социальные потрясения (войны, революции).

Чтобы выразить себя в творчестве, часто бывает необходимо отбросить излишнюю серьезность и деловитость. Подлинное творчество всегда в большей части игра, и чтобы играть в нее, нужно хотя бы на время становиться беззаботным ребенком. Нередко нужное решение прячется среди вороха самых невероятных предположений.

1. Бьюзен Т., Доттино Т., Израэль Р. Интеллектуальный руководитель / Пер. с англ. Г.И. Левитан; Худ. обл. М.В. Драко. – Мн.: ООО «Попурри», 2001. – 256 с.: ил. – (Серия «Успех!»).
2. Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. научн. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.

УДК 172.12

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА И НРАВСТВЕННЫЙ ДОЛГ ПРОФЕССИОНАЛА

Пороховская Т.И.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
632712@mail.ru

Понятие профессиональной деятельности в отечественной литературе, как правило, используется в том нестрогом значении, в котором его использовал еще сто лет назад Дж. Дьюи. Дьюи профессией называл «любую форму постоянной деятельности, которая предоставляет услуги другим людям и задействует все способности личности ради достижения определенных результатов» [5, с. 289]. Однако отождествление профессии и специализированного вида деятельности социологически некорректно. Профессия – это не любой вид деятельности, а такой, который предполагает основательные знания и специальную подготовку [6, с. 363]. Профессионалы занимаются оказанием социально значимых услуг, относительно независимы в исполнении своих профессиональных функций, во многих странах хорошо оплачиваются и имеют высокий социальный статус. В связи с тем, что профессионалы являются эксклюзивными обладателями труднодоступных знаний и умений, они, как пишет Р.Т. Де Джордж [3], – своего рода монополисты: оценить уровень знаний и проверить правильность профессиональных действий, разоблачить злонамеренные или своекорыстные поступки профессионалов могут только такие же или еще более квалифицированные специалисты. Монопольное положение профессиональной группы создает предпосылки для всевозможных злоупотреблений: круговой поруки, снижения уровня требований внутри профессии, защиты высоких гонораров и т.д. Поэтому для поддержания престижа профессии и согласования интересов профессиональных групп и общества разрабатываются своды норм профессиональной морали. Они

возникают в профессиональных сообществах в результате селективной работы группового сознания, как известный кодекс Гиппократа, где систематизированы моральные обязанности и права врача.

Тем не менее, уже в начале XX в. Э. Дюркгейм констатирует, что многие профессиональные группы (адвокаты, судьи, преподаватели, священники и др.) подобных кодексов не имеют, и ставит вопрос о корпоративной ответственности профессионалов. Для членов корпорации авторитетом является, прежде всего, профессиональная группа (корпорация), поскольку для понимания потребностей узкоспециализированных профессионалов и осуществления контроля их поведения требуется корпоративная включенность и соответствующая профессиональная компетентность. Только профессиональная группа, пишет Дюркгейм, способна «сдержать натиск разных форм индивидуального эгоизма, поддержать в сердцах трудящихся живое чувство их общей солидарности» [4, с. 14]. Для того чтобы защитить общество от некомпетентных специалистов, а то и просто мошенников и шарлатанов, и таким образом поддержать доверие к членам профессиональной группы, профессиональные сообщества разрабатывают кодексы профессиональной морали. На основе обобщения типичных ошибок и уловок, позволяющих некоторым профессионалам втайне от непрофессионалов использовать свои знания в узкоэгоистических, корыстных интересах, формулируются специфические запреты, а на их основе – профессиональные кодексы. Создание профессиональных кодексов активизируется в последней трети XX в. Кодекс фиксирует границы моральной ответственности, нравственные обязанности и запреты на те или иные виды действий в рамках профессиональной деятельности. Но он также защищает профессионалов от необоснованных претензий со стороны общества, является официальным нормативным документом, к которому могут при необходимости апеллировать члены профессионального цеха.

Размышляя о роли профессионалов в обществе, французский писатель, философ и публицист Жюльен Бенда приходит к выводу, что для того чтобы принять решение, профессионалу бывает необходимо выйти за пределы конкретных норм и обратиться к смыслу, социальной миссии профессиональной деятельности, а то и к социальной функции интеллектуальной элиты в целом. А главная функция образованных людей, по Бенда, – служить истине и высшим духовным ценностям и тем самым охранять моральный фундамент общества. В 1927 г. Ж. Бенда издает книгу с выразительным названием «Предательство интеллектуалов» [1]. «Предательством» он назвал забвение интеллектуалами своей нравственной ответственности перед обществом, выдвижение ими на место высших духовных ценностей прагматических, сиюминутных политических интересов[1]. Вместо человечества как высшей цели интеллектуалы, способные

[1] В предисловии к изданию 1946 г. Бенда приводит пример: политические деятели правительства Виши на место ценностей «Свобода, Равенство, Братство» выдвинули лозунг «Родина, Семья, Работа».

влиять на власть, объявляли высшими целями свой класс или нацию. Вместо разума и истины – субъективизм, иррациональность и плюрализм ценностей. Вместо универсальных истин морали и справедливости – идею «порядка», а вместе с ней и терпимость к режимам, олицетворяющим этот порядок, - фашистским Испании, Италии, Германии. В то время как общественная миссия интеллектуалов – быть хранителями универсальных духовных ценностей человечества: именно они дают надежную защиту от иррационализма во всех его формах – теоретических, моральных, национальных, классовых и т.д. В предисловии ко второму изданию книги в 1946 г. Жюльен Бенда констатирует, что 20 лет, прошедшие со времени выхода книги, лишь подтвердили его правоту. В своей работе он предупреждал о симптомах морального саморазрушения человечества, которые угрожали привести к еще более страшной войне, чем война 1914 г., и эту угрозу предотвратить не удалось.

Заслуга Ж. Бенда заключается в том, что он акцентировал роль и особую нравственную ответственность интеллектуальной элиты. Интеллектуалы, объединенные универсализмом мировоззрения, способны в силу этого критически осмысливать сущность процессов, происходящих в обществе, и влиять на них. Они не просто выражают и представляют общественное мнение, но и «кристаллизуют» его, придают мнениям законченные формулировки, выделяют общественно значимые проблемы. Особое положение интеллектуалов в обществе возлагает на них и особую нравственную ответственность за настоящее и будущее человечества.

Параллели с нынешним историческим временем очевидны: оно такое же переломное, как и время, которое стало предметом осмысления Ж. Бенда. И наш образованный класс стоит перед теми же соблазнами, перед которыми не смогли устоять большинство образованных современников Ж. Бенда. Поэтому так актуальны его размышления, когда мы анализируем роль современного образованного класса в процессах, вызвавших крах социалистической системы в нашей стране и все последующие события. А все ли сделали мы, профессионалы, которые яснее других видели, что политики лгут и манипулируют общественным сознанием, чтобы их разоблачить? Могли ли мы противодействовать амбициозным политиканам и экономистам, проводившим рискованные социально-экономические эксперименты над страной? Ведь, как писал Де Мартино, «невежество, узость мышления, несовершенные знания… очень опасны, соединенные с огромной властью, они ведут к огромным разрушениям» [7, p. 232]. Мы не могли предвидеть всех последствий «фальсификации ценностных таблиц», но мы могли бы настойчивее защищать универсальные ценности, ведь моральный выбор профессионала сегодня – это выбор того общества, в котором мы и наши дети будем жить завтра.

1. *Бенда Ж.* Предательство интеллектуалов. – М.: ИРИСЭН, Социум, 2009. – 310 с.
2. *Бенда Ж.* Конец вечности. – СПб.: Русский миръ, 2012. – 239 с.
3. *Де Джордж Р. Т.* Деловая этика : в 2 т. – СПб.: Ин-т «Экономическая школа»; М.: Прогресс, 2001. – Т. 2. Гл. 18. – 560 с.

4. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда // *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – 575 с.
5. *Дьюи Дж.* Демократия и образование: пер с англ. – М.: Педагогика-Пресс, 2000. – 384 с.
6. Социологический словарь: Пер. с англ. / *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* – М.: Экономика, 2004. – 620 с.
7. *De Martino G. F.* The Economist's Oath. On the Need for and Content of Professional Economic Ethics. N.Y.: Oxford univ. press, 2011. XIII+257 p.

УДК 101.3

ПРИНЦИП МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ В ФИЛОСОФИИ И ПОНЯТИЕ «ТЕКСТОВАЯ КУЛЬТУРА»

Рыскельдиева Л.Т.
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
ryskeldieval@gmail.com

Отметим две тенденции современных социокультурных и гуманитарных исследований. Первая состоит в том, что одним из главных их принципов стал принцип междисциплинарности, на основании которого реализуется, в том числе, и любого рода приоритет в отборе проектов: известно, что для экспертного сообщества монодисциплинарное исследование не является предпочтительным. Принято считать, что если филологию фундировать нейрофизиологией, социологию фонетикой, а историю – генетикой, то гуманитарное знание («науки о духе») станут более валидными. Вторая состоит в том, что наиболее явно междисциплинарность проявляется сейчас в предметном поле исследований текста и коммуникации. Относятся ли эти тенденции к философии? Насколько эффективна их реализация?

Полагаю, что действие принципа междисциплинарности в философии серьезно ограничено (если не равно нулю), а философское исследование текста и коммуникации обладает нередуцируемой спецификой. Аргументы в пользу такого положения дает работа с философскими текстами в рамках того, что принято называть историко-философскими исследованиями. Такая работа с текстами как философская текстология указывает на две проблемы, от подхода к решению которых зависит статус междисциплинарности как принципа в философских исследованиях. Во-первых, это проблема смысла философского текста и, во-вторых, проблема его авторства.

Сформулируем первую проблему: для понимания смысла философского текста следует ли учитывать сведения исторического характера, социологические данные, географические тонкости, психологические нюансы и социально-политические обстоятельства его создания? решается ли задача постижения смысла философского текста на пути междисциплинарного исследования? Сформулируем вторую проблему: можно ли личность автора философского теста растворить в его творчестве? возможен ли анонимный философский текст? есть ли у него, например, генотекст? Полагаю, что ответ на все вопросы отрицательный.

Тезис о существенном отличии философского текста от других выражает позицию, которую можно считать родственной русскому формальному методу в литературоведении (ОПОЯЗ Б. Эйхмана, Р. Якобсона, В. Шкловского и др.). Если его сторонники исходили из необходимости изучать сущностную специфику поэтического, литературность как таковую, то мы исходим из принципа несводимости философского текста к предмету общей текстологии, и видим актуальность специфической философской текстологии.

Контекст, адекватный для изучения философского текста задается понятиями «философская культура» и «текстовая культура». Они показывают бытие философии в данной культуре: то, в каких условиях здесь возникала философская рефлексия, что ей способствует и препятствует, что ей сопутствует и противостоит, какие в культуре выработаны механизмы производства и воспроизводства смыслов – в этом отношении культуры разнятся. Об этом мы судим по текстовой культуре, понятие которой следует лишить оценочного контекста (не сетовать на нынешнюю молодежь – не читают они де, не умеют писать, отсутствует у них культура текста, ибо книжная культура умирает и проч.). Исследование такого феномена текстовой культуры как «симпосион», например, позволит сопоставить текст платоновского «Пира» с материалами нашей конференции, а также поставить вопрос о судьбе этого смысла в условиях изменения формата современной философской коммуникации. Так мы уйдем от неизбежной спекулятивности философии культуры и от эмпиризма конкретных текстологических и культурологических исследований.

Доклад подготовлен в рамках проекта "Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации", осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (грант №16-03-00120).

УДК 378.1

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ

Сидоренко Н.С.
Кубанский государственный университет
tata2770@yandex.ru

Гуманизация образования осуществляется с целью «возвышения» человека, ценность которого заключается в его индивидуальности. В свое время Н. А. Бердяев утверждал, что от воли, мысли и дела отдельного человека зависит «весь реальный мир». Согласно Н.А. Бердяеву, человек как существо мыслящее, творческое обладает такими качествами, как индивидуально особенное, активность и творчество, свобода и свобода творчества.

Гуманизация образования может осуществляться в форме воспитания духовного умения оценить и принять реальность бытия, не утратив при этом ценности Я. Индивидуализация образования в контексте гуманистической парадигмы основывается на свободе человека. Свобода составляет смысл жизни, истинную сущность человека. Гуманизация предполагает, что образование должно быть проблемным, основанным на партнерстве преподавателя и студента, превращающим учебный процесс в творчество.

Глобальный технократизм как метод мышления и принцип деятельности индустриального общества дегуманизировал социальные отношения, поменял местами цели и средства. В современном обществе человек, провозглашавшийся как высшая цель, на деле превращен в «трудовой ресурс». Это нашло отражение в системе образования, где школа свою главную функцию видела в «подготовке к жизни», а под «жизнью» на поверку оказывалась трудовая деятельность. Но что происходит сейчас? Чем на деле оказывается поворот к гуманизации? Ведь иначе как кризисной ситуацию в образовании не назовешь.

Основания кризиса современного образования и воспитания проявляется в деинтеллектуализации общества, в снижении авторитета знаний. Дегуманизация высшей и средней школы состоит в несоответствии целей, содержания и методов образования потребностям общества. Этот процесс детерминирован прежде всего состоянием социума, его переходом от индустриальной стадии развития к постиндустриальной.

Таким образом, барьерами гуманизации являются социально-экономические и культурные основания современности. В философской и социологической литературе на протяжении нескольких десятилетий ведется дискуссия относительно негативных последствий перехода к постиндустриализму. Большинство исследователей приходят к выводу о том, что термин «постиндустриализм» не соответствует реальности, представляет собой мифологизацию обыкновенных капиталистических отношений, которые становятся гипертрофированными. Девиз современности: кроме прибыли ничего не существует. Высшее образование рассматривается только в этом ракурсе.

Можно сказать, что в течение последних двух десятилетий XX в. в западных странах ускоряется процесс отхода от идеалов и ценностей эпохи Просвещения, эпохи разума. Современный разум служит неолиберальной экономике, в которой главными ориентирами является прибыль, эффективность, гибкость, понимаемые в узко технологическом плане, в отрыве от более широких социальных и человеческих ценностей, таких как справедливость, солидарность, социальный мир.

К сожалению, общественность позволяет себе игнорировать необходимость духовного саморазвития и приобщения человека к гуманистическим ценностям. Нельзя забывать (тем более в условиях тотальной технизации) о том, что именно гуманитарное знание предваряет любые попытки человека познать мир, так как оно базируется на законах языка и мышления, которые также необратимы, как и физические

закономерности. На примере дисциплины философии, как федерального компонента, можно проследить, как происходит проникновение гуманитарного знания в сферы различных наук и обоснование их предметной области и методологической базы. Именно философия непосредственным образом формирует мировоззренческую позицию человека, касаясь вопросов смысла и ценности жизни. Она открывает дверь в любую дисциплину: от математики и физики до политологии и права. Без философии невозможно понять и обосновать сферу практической жизни человека, поскольку этика – часть философского знания. Также исторические и языковые дисциплины являются неким культурным фоном общества, который вроде не осязаем, но на самом деле обеспечивает развитие человечества в целом. Но почему тогда гуманитарное знание перестало быть приоритетным? Ответ на этот вопрос имеет исторический контекст. До периода разделения «наук о природе» и «наук о духе» в 19 в. никому не приходило мысли ставить под сомнение гуманитарные ценности и знания. Но постепенно и всего за сто лет это привело не только к дифференциации научного знания, но и к противопоставлению естественных и гуманитарных сфер. Образовательные программы большинства развитых стран не уделяют гуманитарному образованию должного внимания. Человечество забывает тот факт, что развитие самого человека и его внутреннего мира определяет развитие естественных наук и техники, но никак не наоборот. И именно в образовательном процессе в рамках гуманитарных дисциплин происходит приобщение человека к социокультурным ценностям. Отказ от гуманизации образования и общественной жизни в целом может привести к фатальным последствиям.

Формы реализации гуманитарных дисциплин в образовательном процессе – важный вопрос, от которого во многом зависит будущее гуманитарного знания. И современность предоставляет нам много возможностей на этом пути. Мы не можем не считаться с виртуализацией образовательного пространства и должны использовать все его достоинства, при этом не забывать и о недостатках. Применение новых технологий в образовании позволяет решить множество проблем. Образование должно приспосабливаться к новым формам существования человека (а именно к информационному пространству). Дело не в том, что образование становится более доступным (практика образования online) и «облегченным» (можно получить любое знание). Прежде всего, при помощи виртуализации обучающий непосредственно включается в образовательный процесс и способен в полной мере реализовать свои творческие способности. Например, работая в своем «личном кабинете» и создавая себе «портфолио». Это, несомненно, способствует интеллектуализации образования, поскольку делает его открытым, последовательным, способным накапливать и перерабатывать полученные знания. Педагог в виртуальном образовательном пространстве получает особый статус. Без него невозможно разобраться в огромном количестве информации и научиться правильно ее использовать.

Современное образование сложно представить без обращения к виртуальной среде и информационным технологиям. Дело не в облегчении процесса обучения, а в восприятии и использовании новых форм обучения. На этом пути имеется много сложностей и проблем. В основном они связаны с предвзятым отношением к гуманитарному знанию. Гуманитарное знание часто противопоставляется естественнонаучному, как не имеющее эмпирического горизонта применения и наглядности. Действительно, гуманитарное знание имеет свою специфику, которая в полной мере воплощается в применении образовательных технологий. Но это не означает, его невозможно выразить в педагогическом опыте при использовании новейшей компьютерной среды.

Гуманитарное образование должно помочь людям преодолеть чувство собственной незначительности, беспомощности и растерянности, столь свойственные человеку в современном обществе. В настоящее время очень важно подтверждать индивидуальную ценность каждого из нас. Ведь самое опасное в нынешнем состоянии российского общества – не экономический и социальный кризисы, а духовная пустота, чувство бессмысленности, бесперспективности, охватившее подавляющую часть общества. Нужна новая идеология, которая должна быть рациональной, прагматической, неутопической, действительно научной, опираться на гуманизацию человека и общества в целом.

Во многом успех гуманизации системы образования зависит от педагогов, которые должны быть заинтересованы в ускорении этого процесса. Если мы действительно желаем реализовать идеалы гуманизма в системе высшего образования, то мы должны исходить из приоритета личности перед любыми надличностными институтами. Но легче провозгласить этот лозунг, чем осуществить его на деле.

УДК 294.321

ЭТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НАГАРДЖУНЫ

Сумная А.Д.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
olga030577@mail.ru

Буддизм – одно из самых древних религиозно-этических учений, возникших в процессе культурно-исторического развития человечества. Его возраст составляет более 2500 лет. Тем не менее, идеи и ценности буддизма не потеряли своей актуальности и в настоящее время. Буддизм был и остается одной из самых развитых и оригинальных религиозно-философских систем мира. Миллионы людей черпают вдохновение из сокровищницы буддийской мысли. Это объясняется тем, что буддизм затрагивает наиболее жизненные и волнующие каждого человека вопросы.

По мнению И.Т. Фроловой, в буддизме отсутствует собственно антропологическая тема», а доминирующую роль занимает безличный мировой процесс. Но данная точка зрения является не совсем верной, так как, несмотря на свой антиперсонализм и антиэгоистичность, буддизм придает значение именно этико-психологическим проблемам человека и ярким тому примером служит религиозно-философская концепция Нагарджуны, возникшая в Индии во II–III вв. Именно подчеркнутый психологизм и выраженная практическая направленность позволяют буддизму оставаться живым и доступным учением на протяжении столь долгого времени и делают его приемлемым для самых различных культурных традиций. Он обращен ко всем людям, вне зависимости от социальных, национальных или даже религиозных рамок.

Но на заре своего существования буддизм представлял собой суровый монашеский путь, доступный далеко не для всех, а лишь для немногих избранных, отказавшихся от всех чувственных человеческих проявлений. В основе религиозно-философской системы Нагарджуны лежит категория «шуньяты» (пустоты). Трактовка данного понятия вызывает бурные споры среди исследователей. Отдельные ученые склонны трактовать систему Нагарджуны как откровенный нигилизм, ссылаясь при этом на тезис о пустотности как абсолютной иллюзорности души, личности и мира в целом. Но по итогам проведенного исследования очевидно, что термин «иллюзорность», «пустотность», ни в коем случае нельзя понимать в буквальном смысле. Согласно Нагарджуне мир, человек, а также человеческое сознание действительно имеют пустотную природу, но лишь по тому, что в их основе лежит принцип зависимого происхождения вещей и явлений («пратитья-самутпада»). Иллюзорность в данном случае необходимо рассматривать в контексте всеобщей относительности и изменчивости. Но признание данного утверждения совершенно не подразумевает буквального отрицания явлений внешнего мира и мира внутреннего, человеческого.

Концепция шуньяты не является чем-то специфически-нагарджунистским. Как показывают результаты исследования, она пронизывает все буддийское вероучение, начиная с самых ранних этапов его развития. Так, в Дхаммападе дается следующая характеристика просветленного: «…он смотрит на мир, как смотрят на пузыри или на мираж…». Та же идея содержится и в одном из нагарджунистских произведений: Видя мир пустым, лишенным начала, конца и середины, не созданным и не возникши, они правильно уразумеют смысл бытия существ.

Пустотность является глубинной сутью и основой серединного пути. Именно через категорию «шуньи», а также благодаря формуле зависимого происхождения Нагарджуна раскрывает не только внешние явления, но и все психологические процессы, происходящие в человеческом сознании. С.Ю. Лепехов пишет о том, что «пратитья-самутпада» является, по сути, развернутым изложением второй и третей из «четырех благородных истин» Будды, говорящих о причине человеческих страданий и о возможности избавления. Эта точка зрения является абсолютно верной, так как «пратитья-

самутпада» действительно объясняет цепь причинности, которая ведет к возникновению тех или иных явлений. Душа, личность, индивидуальность, исходя из учения Нагарджуны, являются постоянно изменяющимися сочетаниями дхармо-частиц. Духовные и психические явления человеческого сознания не могут быть статичными, а тем более вечно пребывать в состоянии полной неподвижности. Они полностью зависят от внешних явлений, которые, в свою очередь, являются взаимообусловленными. Отсюда и тезис мадхьямиков о нереальности личности и души как нетленной самозавершенной целостной субстанции. Мир представляется своеобразным потоком, вихрем дхарм, который не имеет строго обозначенной точки отсчета и определяет все чувственные процессы, желания, эмоции, психологические состояния удовольствия или страдания и так далее.

По мнению Ф.И Щербатского, Нагарджуна вообще отрицает реальность и познаваемость какого бы то ни было бытия. Но данное высказывание является слишком категоричным и не отражает истинную позицию Нагарджуны в достаточной мере. Основатель Великой колесницы не только не отрицал познаваемость бытия, но и акцентировал внимание на спонтанном интуитивном прозрении как на способе такого познания. Именно поэтому буддизм часто называют «учением вне слов». Таким образом, нельзя сказать, что Нагарджуна отрицает существование Абсолюта. При всем, кажущемся на первый взгляд нигилизме и апофатической манере рассуждений, Нагарджуна все же признает существование абсолютной реальности, и в роли этой реальности выступает именно «шунья», пустота как истинная природа всех вещей и явлений. Она же является нирваной, полным угасанием страданий.

Отрицая личность и душу, Нагарджуна тем самым дает глубокое философское обоснование нравственных идеалов. Этическая доктрина Нагарджуны является не столько продуктом индийской цивилизации, сколько принадлежит к мировой культуре.

В.П. Андросов совершенно обоснованно говорит о том, что Нагарджуна значительно расширил смысловое содержание многих базовых этических понятий. Так, категория сострадания означает не только готовность к сочувствию и помощи страдающим существам, но и накопление добродетели («пунья») и истинного знания («джняна»), которые увеличивают возможности практикующего в помощи другим, а Любовь, помимо своего прямого значения, это также и «махасукха» – «великое наслаждение», обретенное в процессе духовного совершенствования. В учении Нагарджуны идеал Любви не сочетается с идеалом Всепрощения как это можно наблюдать, например, в христианском вероучении. Напротив, человек, вставший на путь духовного развития, должен искоренить свои недостатки через страдание, хотя это ни в коем случае не предполагает самобичевания или чрезмерно жесткой аскезы. В «Ратна-авали» дается очень оригинальное определение категории Благого: Благое – это решимость ума совершить благо, даже причиняя страдания. Кроме того, подчеркивается, что «яд удаляется ядом», а «неблагое искореняется страданием». Этико-

психологическая доктрина Нагарджуны учит также терпению и терпимости, так как нынешние страдания благотворны для будущего. В этом заключается одна из специфических черт раннемахаянского буддизма.

Таким образом, несмотря на практическое отсутствие персоналистских идей, учение Нагарджуны содержит поразительные ходы мысли, позволяющие постигать таинство человека во всей его глубине и многообразии. Нагарджуна внес значительный вклад в развитие и становление буддийского учения. Благодаря его идее изначальной буддовости всех живых существ и универсальной возможности реализации буддизм смог кардинальным образом расширить свои доктринальные и географические границы. По данным статистики к середине девяностых годов прошедшего века из 295570 тысяч человек, исповедующих буддизм, к течению, основанному Нагарджуной, принадлежат 165520 тысяч, и именно это направление находит наибольшую поддержку в странах Запада. Нагарджуна вполне оправданно носит присвоенный ему титул «Второго Будды», а его этико-психологическое и нравственное учение сыграло важную роль не только в индийской, но и в общемировой духовной культуре.

УДК 316.42

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ДЕНЕГ

Токарева М.В.
ГОУ ВПО «Донецкий государственный университет управления», г. Донецк
merymushka@yandex.ru

Существенные изменения современного мира привели к тому, что деньги перестают быть чисто экономической категорией, а становятся социальным феноменом. Для большинства людей понятие деньги подразумевает собой либо бумажные купюры, либо монеты, которые человек использует в соответствии со своими пожеланиями как средство обмена, обращения, платежа и накопления. Люди обращают внимание лишь на экономическую внешнюю сторону, но что скрывает их внутреннее содержание? Какой силой они обладают? Деньги имеют огромное влияние на управление обществом, и на сегодняшний день это влияние является определяющим, и в основном заменило собой другие способы управления. Огромное влияние денег заключается в том, что они обеспечивают процветание всего мира, создают как государства, так и общество, им подчиняется как все мировое сообщество, так и отдельные личности, они являются причиной большинства совершаемых преступлений, развязывания войн. Актуальность проблемы заключается в том, что если экономическая сторона денежных отношений в соответствующей мере изучается, подвергается анализу, прогнозируется, то социальной стороне уделяется недостаточное внимание.

В XIX веке в 1-м томе «Капитала» Карл Маркс сделал особый акцент на том, что деньги становятся основанием формирования нового типа

социальных отношений – формальных безличных связей на основе товарного обмена, которые являются универсальными и всеобщими в противоположность непосредственным межличностным отношениям традиционных обществ [4, с. 194]. Важнейшим этапом в развитии социального знания о деньгах стала работа немецкого социолога Г. Зиммеля «Философия денег», в которой речь идет не собственно о деньгах, а о том, как деньги выражают сущность жизни современного общества [2, с. 309]. В работах крупных социологов первой половины XX в. исследуются различные аспекты влияния денег на общество и культуру. М. Вебер анализирует социальные последствия развития денежного обращения преимущественно в русле исследования процессов рационализации в различных сферах общественной жизни [1, с. 570]. Во второй половине XX в. Т. Парсонс считал социологию денег самостоятельной отраслью социологической теории [5, с. 39]. Современные социологи делают акцент на символической и коммуникативной роли денег. Сущность денег как социального феномена, по мнению Н. Лумана и Ю. Хабермаса, заключается в выполнении ими функций механизма коммуникации, они расширяют горизонт деятельности в социальных системах. Похожие суждения относительно вопроса денег и свободы встречаются в работах Т. Парсонса. Изучая превращение социальных отношений в инструментальную рациональность, Ю. Хабермас указывает, что в современных обществах экспансия денег приводит к реификации общественных отношений. Люди и вещи начинают цениться не в зависимости от их собственных свойств, а с учетом их денежной стоимости [3, с. 29].

В условиях современных трансформаций социальные функции денег, а также их влияние на современное общество, претерпело существенные изменения. В современных условиях глобализации мира проявляется историко-культурологическая функция денег. Она демонстрирует себя в исчезновении государственных особенностей в денежном обращении. Как известно, с 2002 г. евро считается единой валютной единицей в двенадцати странах Европейского союза. Процесс глобализации все больше проникает и в денежную сферу, уравнивая между собой различные культуры, моральные нормы и ценности, ставя в центр всего космополитическое сознание личности.

Статусная функция денег заключается в том, что денежный капитал личности будет являться определяющим показателем ее социального статуса, положения в обществе, авторитета и социальных возможностей в различных сферах жизнедеятельности. Сегодня не обязательно иметь какие-то особые таланты, потому что не они, а ваша эксклюзивная машина, одежда и аксессуары скажут больше о вашем социальном статусе, и о том, чего вы добились в жизни.

Существующее социальное разделение в обществе на богатых и бедных идентифицирует такую социальную функцию денег как социально-стратификационная. Эта социальная стратификация основывается на уровне качества жизни и доходов личности. Отсутствие в нашем обществе как такового среднего класса является неопровержимым доказательством этого разделения. Это явление носит название «социальный разлом», которое

характеризуется социальной поляризацией в обществе – уровень жизни богатого населения в десятки раз выше, чем уровень жизни бедного населения.

Взаимодействие социально-стратификационной и историко-культурологической функций порождают такую функцию как конфликтогенная. На сегодняшний день деньги являются первопричиной социальной напряженности в обществе, и как следствие, возникновение социального конфликта. Примером этого могут служить различные денежные аферы, преступления, когда пострадавшими является большая часть населения – банкротство банков, всем известная финансовая пирамида МММ. Результат – миллионы обманутых вкладчиков и конфликтная ситуация в обществе.

На морально-нравственных принципах личности основывается такая социальная функция денег как нравственная, имеющая двойственный характер. То есть, у кого то деньги будут вызывать корысть и жадность, желание богатства любыми путями, даже через преступление, и как следствие из этого, появление в обществе такого негативного явления, как коррупция. Но для кого то владение деньгами не приобретёт негативные последствия, а наоборот, позволит этому человеку добиться экономической свободы и веры в себя и свои силы.

Но социальные функции денег бывают не только положительно-значимыми, но и деструктивными. В современном обществе высокие моральные принципы заменяются индивидуализмом личности и огромным стремлением к прибыли, нематериалистическая система ценностей – капиталистической. Как следствие этого, происходящая в обществе социальная дезинтеграция и всеобщее отчуждение. В нашем обществе деньги стремительно утверждаются как глобальная всеобъемлющая ценность, которая подменяет собой прежние традиционные ценности.

Таким образом, социальная природа денег является довольно противоречивой. Рассматривая функции денег, мы увидели, что они являются как социально функциональными, так и дисфункциональными. С одной стороны деньги обеспечивают процветание современного общества, повышается уровень эффективности развития и качества жизни, с другой стороны развязывают войны, являются причиной большинства преступлений.

1. Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. – 704 с.
2. Зиммель Г. Философия денег // Теория общества. Сборник / Пер. с нем., англ. / Под ред. А.Ф. Филиппова. М.: КАНОН — ПРЕЕС — Ц, 1999. – 416 с.
3. Лимаренко А.П. Деньги как социальный феномен и предмет социологических исследований // Социология: научно-теоретический журнал / Белорусский государственный университет. – 2012. – №4. – С. 27–39. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/handle/123456789/58025
4. Маркс К. Капитал. – Т.l. – М.: ОАО «Центр социальной экспертизы», 2001. – 1020 с.
5. Парсонс Т.О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.

УДК 1(091):005:130.2

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Целик Т.В.
Донецкий национальный университет
tzelik@meta.ua

В масштабах исторической социокультурной динамики существовали и были определяющими две тенденции или модели развития социумов – это универсализм и этно-национальная культурная обособленность. Обе модели осмыслены и обоснованы европейской философией эпохи модерна, где теоретико-философские построения французского Просвещения, гегельянства и марксизма во многом определили современную глобализацию, но в то же время философия и идеология романтизма, а также фихтеанство стали основой формирования европейских национальных государств, начиная с середины XIX в. (так называемая Весна народов). Миропорядок XX в. сложился именно как некий баланс указанных тенденций, но в начале XXI в. обе эти тенденции достигли определенного предела. Если для Западной Европы проблемой и реальной политики, и теоретического осмысления стал мультикультурализм, то для стран Восточной Европы и постсоветского пространства в целом актуализировалась проблематика культурно-национальной идентичности.

В начале 90-х XX в., когда, вместе с провозглашением независимости бывшими союзными республиками, началось не только развитие новых государств, но и возникла потребность определенной культурной самоидентификации, вся гуманитаристика была задействована в целях создания новых идентичностей. При этом многие известные и вполне авторитетные ученые поддались искушению создать новые идеологические принципы старыми методами: вместо коммунистической предлагалась националистическая идея, делались и делаются попытки своеобразного «перераспределения» и «приватизации» (терминология профессора В.С. Горского) духовного наследия. Но хуже всего в этих попытках – научные спекуляции [1, с. 56-66], примеров чему множество, и о чем мы неоднократно писали.

В качестве примера можно рассмотреть, казалось бы, аксиоматический вопрос – проблему периодизации истории Украины или Белоруссии, потому что тенденциозная советская историография с ее периодизацией уже отклонена, а новая, как выясняется, является противоречивой, потому что существуют традиционные разделы исторической науки – всемирная история и история национальная, а история СССР, в рамках которой рассматривались истории народов, чьи судьбы исторически переплетены, исчезла, или пересмотрена на основании методологии и в терминологии XIX в. (В. Антоновича и М. Грушевкого), где рассматривается история украинских

и белорусских земель, когда они входили в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой [2, с. 216]. Культурное наследие этих народов присваивается новыми национальными историографиями. По меткому высказыванию К. Кириченко, происходит, по существу, «перетягивание наследия в современные национальные культуры» [2, с. 224]. Такое «перетягивание» характерно не только для украинской историографии. Особенно это касается XVI–XVII вв. Именно в результате такой ситуации с состоянием историографии по вопросам литуанистики (истории Великого княжества Литовского) и попыток разделить ее между «новыми национальными историями» в современной исторической науке этот период является малоисследованным, у него нет даже устоявшегося названия, общепринятой датировки, методологии исследования, и т.д. [2, с. 215]. Исследовательница пишет, что, как научный раздел литуанистика почти потеряна.

Вопреки историческим источникам сегодня предлагаются концепты и формируются метанарративы, служащие идеологии, а не науке, где одним из таких негативных примеров может служить деятельность и идеи В. М. Бебика, которые научным сообществом оцениваются как новая мифология. Избежать так называемого «научного фальсификата» вполне возможно при условии использования строгой методологии в любом исследовании, но к сожалению, есть попытки подмены научной методологии некими симулякрами, как, например, тезис об «украинской национальной предубежденности как научной объективности» [1, с. 52].

В таком контексте особое место занимает проблема методологии историко-философского знания, особенно традиции отечественной истории философии. Эта проблема имеет несколько аспектов, начиная с общей проблемы идентификации творцов культуры с конкретной национальной общностью (А. Мицкевича сегодня называют и польским, и белорусским поэтом). С философией, как неотъемлемой частью духовной культуры конкретного народа, еще сложнее: например, и украинская, и русская философия позиционируют свое начало от творчества Г. С. Сковороды, а творческое наследие Станислава Ориховского включается в достижения и украинской, и польской культуры. Что выступает критерием такого позиционирования? Языковой признак или место проживания выдающегося философа? Но это только часть проблемы, потому что относительно отечественной философии ведется дискуссия о времени возникновения самой философской традиции, так как рационально-теоретической и логико-гносеологической проблематики восточнославянская мысль не представила ни на каком своем этапе. А.Ф. Лосев писал по этому поводу: «… тот, кто ценит в философии прежде всего систему, логическую отделанность, ясность диалектики, одним словом – научность, может без мучительных раздумий оставить русскую философию без внимания» [3, с. 67-68].

Такая специфика развития отечественной мысли и понимания самой философии также стала методологической проблемой, в довершение к общей проблеме применимости к истории философии методологии аналитической философии истории. Хорошо, если бы дело ограничивалось лишь спорами

специалистов по поводу теоретико-методологических принципов, то есть в контексте дискуссии «что и как исследовать». Но именно эта непроясненность методологических принципов и подходов становится дополнительным фактором появления «научного фальсификата», когда желание ученых, представляющих национально ориентированную общественность, доказать исключительность своего народа, максимально расширить временные границы формирования национальной культурной традиции, доминирует над научной объективностью. Поэтому в сферу источников историко-философской мысли включаются иногда даже неаутентичные тексты по типу «Велесовой книги» или «Послания ориян к хазарам» [1, с. 63].

Но даже уходя от проблемы «научного фальсификата», необходимо говорить о методологии историко-философского знания применительно к отечественной традиции. И в этой сфере есть существенная научная школа – это методология, предложенная профессором В. С. Горским, получившая признание как культурологический подход. Она позволила размежевать понятия «философской теории» и «философской культуры», особенно как характеристики ранних этапов отечественной, восточнославянской духовной традиции, дать ее соответствующую периодизацию и типологию. Утверждение культурологического подхода как методологической основы историко-философского исследования отечественной мысли также имеет свои глубокие теоретические корни. Так, еще русский философ серебряного века В. В. Зеньковский в фундаментальном труде «История русской философии» писал: «Мне могут сделать упрек в том, что я не только излагаю и анализирую построения русских философов, но и связываю эти построения с общими условиями русской жизни. Но иначе историк – и особенно историк философской мысли – поступать не может. Поскольку в русской философии, несмотря на ее несомненную связь и даже зависимость от западноевропейской мысли, развились самостоятельные построения, они связаны не только с логикой идей, но и с запросами и условиями русской жизни» [4, с. 15].

Подводя итоги, стоит еще раз подчеркнуть, что каждая методология должна быть адекватной предмету исследования. Потому понятно, что в случае, когда идет речь о философской теории в изложении европейских мыслителей, полностью адекватными будут именно методы современной аналитической философии истории, в случае же с отечественной философией наиболее продуктивным является культурологический подход, где культура предполагает диалог и всеобщность, а не «приватизацию» этого наследия.

1. Горський В. С. Біля джерел: (Нариси з історії філос. культури України). – К., 2006. – 262 с.
2. Кириченко К. Історія Великого князівства Литовського в українській історіографії 1991-2003/4: основні тенденції // Ruthenica. Том IV. – К., 2005. – С. 215–229.
3. Лосев А. Ф. Русская философия // Введенский А.Н., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории русской философии. – Свердловск, 1991. – С. 67–95.
4. Зеньковский В. История русской философии. – М., 2001. – 880 с.

УДК 571.63

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ШКОЛЫ «АННАЛОВ»

Шийка Н.С.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
pidkova98@gmail.com

Школа «Анналов» создала собственную методологию, отличную от распространенной в конце XIX – начале XX вв. преимущественно позитивистской и близкой к естественнонаучной методологии. Однако в рамках самой школы нет единой методологии, так как даже подходы основателей, Люсьена Февра и Марка Блока были различными. Принимая это во внимание, отметим и то, что Февр и Блок были единомышленниками и друзьями, оба были настроены против позитивистской историографии и оба стремились к обновлению исторической науки, то есть у них было и много общего во взглядах. Школа «Анналов» не признает некую конкретную методологию единственно верной, каждый ученый достаточно свободен, может реализовывать свои творческие способности. Однако есть и ряд общих положений, выработанных школой, на характеристике которых необходимо остановится.

Прежде всего, основатели школы делали акцент на необходимости диалога с другими науками, понимании того, что ученый должен быть в курсе современных ему достижений различных областей научного знания. Междисциплинарный подход – взаимодействие с такими науками как социология, статистика, психология, география, этнология, религиоведение, филология, а также демография, лингвистика, семиотика, фольклористика, символическая антропология, – должен был способствовать переходу исторического знания на новый уровень. Взаимодействие с другими науками было необходимо и для обновления понятийного аппарата.

Основатели школы обратили внимание на историчность мироощущения. Ключевой стала установка школы на то, что человек другой эпохи мыслит и чувствует иначе. Данное положение было новаторским, – традиционно большинство историков были уверенны в том, что человек во все эпохи развития оставался неизменным, относился к миру, мыслил и чувствовал в Средние века и Новое время одинаково.

Ведущим принципом школы «Анналов» стал принцип «тотальной» или «глобальной» истории. «Тотальная история» – не значит всемирная, это может быть история вполне локальная, одной области или даже церковного прихода, притом охватывать ограниченный отрезок времени, но это история людей, живших в конкретном пространстве и времени, и рассматривается эта история с максимально возможного числа ракурсов, чтобы восстановить все доступные аспекты жизнедеятельности людей, понять их поступки и события жизни в переплетении различных обстоятельств и причин.

Представители школы «Анналов» изменили и подход к источникам, значительно расширив и дополнив их базу. Источники неисчерпаемы, их информативность зависит от исследователя. Важно то, какие вопросы ученый сможет сформулировать к источнику, чтобы пойти дальше поверхностного пласта, чтобы понять, о чем умолчал источник.

Еще одна установка школы – изучение ментальностей людей. Слово «mentalite», обозначающее ключевое понятие, сложно для перевода, но под этим понимается «умонастроение», «мыслительные установки», «коллективные представления», «воображение», «склад ума», но наиболее близкий перевод – «видение мира». Понятие это изначально применялось этнологами: Л. Леви-Брюль и другие писали о специфической «ментальности» первобытных людей, таким образом, изначально это понятие обладало оттенком примитивности, недоразвитости, пралогичности. Ученые школы «Анналов» переосмыслили этот термин, сделав его применимым и к европейцам средневековья, вообще к сознанию людей любых обществ. Марк Блок и Люсьен Февр пришли к выводу, что историк должен стремиться к тому, чтобы обнаружить те мыслительные процедуры, способы мировосприятия, привычки сознания, которые были присущи людям данной эпохи и о которых сами эти люди могли и не отдавать себе ясного отчета, применяли их «автоматически», не рассуждая о них. При таком подходе удалось бы пробиться к более глубокому пласту сознания, тесно связанному с социальным поведением людей. Именно этот непривычный для исторической науки подход ознаменовал начало нового этапа, открыв широкие перспективы для изучения прошлого.

Исследователи «новой исторической науки» критиковали метод «вживания» Дильтея, интуитивное постижение истории. Они всегда понимали, что историк принадлежит к своему времени (и также подвержен неким общим установкам, которые не может заметить, в силу того что сам находится под их влиянием), поэтому, сколько не медитируй, вряд ли возможно полностью добиться отождествления сознания историка современного с сознанием людей прошлого (чем дальше, тем труднее) и таким образом понять «дух эпохи», проникнуться им. В этом плане историки школы «Анналов» предлагали куда более научный и эффективный подход, учитывая всю его сложность и проблемность. Метод ученого состоит в выявлении отдельных симптомов психической жизни людей прошлого, запечатленных в оставшихся памятниках, историк должен заставить источник «заговорить», метод постановки вопросов. Для выявления ментальностей предлагалось использовать метод анализа лексики и терминологии сохранившихся письменных источников, а также комплексное изучение ритуала, символов, верований, фольклора. Следует заметить, что изучение ментальностей – это не психоанализ.

Марк Блок в изучении ментальностей использовал метод диалога: историк целенаправленно, в соответствии с проблемой ищет следы человеческой мысли и деятельности, пытается наладить контакт с человеком

далекой эпохи, с его психикой, умственным кругозором, с его интересами и страстями.

Ученые «новой исторической науки» широко использовали компаративный метод. При помощи компаративного метода выявляются некоторые закономерности, присущие обществам на сходных этапах развития, при помощи него можно обнаружить наиболее типичное, повторяющееся и закономерное. Компаративистика играет в работе историка роль эксперимента. Этот метод позволяет устанавливать такие связи между явлениями, которые невозможно найти иным путем. Сравнительный метод служит и индивидуализации: он приводит к лучшему пониманию предмета как особенного, вскрывая черты, присущие отдельным институтам и обществам.

Проблема ментальностей – не самоцель, а основа исторического синтеза. Однако можно говорить и о ряде исследований, направленных собственно на изучение ментальностей конкретного времени. В русле этого направления исследуются представления людей о жизни и смерти, отношение к браку, проблемам возраста, смены поколений. Здесь можно назвать работы Ле Гоффа, исследовавшего цивилизацию средневекового Запада, Ж. Дюби, изучавшего элиту средневекового общества, Л. Ладюри, занимавшегося исследованиями представлений и верований крестьян, а также работы русских исследователей А. Гуревича и М. Бахтина, исследовавших народную культуру.

В России проблемы социальной истории больше привлекали сначала зарубежных специалистов, но в 80–90-е гг. XX в. Появились исследования, посвященные отдельным группам и слоям советского общества в 1920–1930-е гг.: крестьянству, педагогам, юристам, партийным. Среди работ, анализирующих развитие советского предвоенного общества и затрагивающих в какой-то мере вопрос формирования ментальных установок, можно назвать книги В. Данхем, М. Левина, Л. Гордона, Э. Клопова, Л. Холмса. Исследований историко-психологической направленности меньше, здесь можно назвать книгу Б.А. Романова «Люди и нравы Древней Руси», исследования Б.Ф. Поршнева, Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского. В последнее время интерес к такого рода исследованиям в России возрастает, из последних работ в этом плане можно отметить сборники «Одиссей» и «THESIS».

Одним из своеобразных методов школы «Анналов» является «устная история» – опросы людей, сбор воспоминаний современников исторических событий. Это дает возможность сопоставить гипотезы историка с мироощущением людей прошлого, этот материал часто обнаруживает, насколько наше представление о том, как думали люди прошлого, не совпадает с тем, как это было на самом деле, мы можем понять, что события оценивались иначе.

UDC 141:165.6

THE MAIN STAGES OF DEVELOPMENT OF POLITICAL PHILOSOPHY IN UKRAINE

Andriyenko Ye.V., Goncharuk Ye.V.
Donetsk National University
ekaterina_velikaya@i.ua

Political philosophy is the study of topics such as politics, liberty, justice, property, rights, law, and the enforcement of a legal code by authority: what they are, why they are needed, what, if anything, makes a government legitimate, what rights and freedoms it should protect and why, what form it should take and why, what the law is, and what duties citizens owe to a legitimate government, if any, and when it may be legitimately overthrown, if ever. In a vernacular sense, the term "political philosophy" often refers to a general view, or specific ethic, political belief or attitude, about politics, synonymous to the term "political ideology". Ukrainian political philosophy had been developing during different historical stages under different social, political and economic conditions. The following phases of its development can be distinguished:

1. Political ideas of Kievan Rus'. This phase is characterized by the two main conceptions: a "godly tsar" and "princely autocracy". The dominant was the idea about the uniting of Russian lands and cessation of intestine wars (Vladimir II Monomakh, Ilarion, Nestor the Cronicler, etc.).

2. Ukraine under the reign of Poland and Lithuania. Political thought of this period was presented by polemic and culturally-educational literature. There were two trends in it: a) oriented on union of the Orthodox and Catholic Churches trend; b) anti-union trend which made emphasize on the reforms of the Orthodox Church. The main representatives of this period are P. Rusin, S. Orehovsky, I. Vishensky, P. Skarga, etc.

3. Political ideas of Cossack-Hetman's period. It is characterized by the synthesis of traditionalism and innovations in the field of rebirth of Ukrainian nationhood. The Constitution of Pylyp Orlyk (1710) gave base to the military and democratic state order of Ukraine. The theory of educated absolutism was created. The main representatives of this period are S. Yavorsky, F. Prokopovich, P. Orlyk and P. Mohila.

4. Political thought of the 19th–20th centuries – the beginning of the national revival. The Brotherhood of Saints Cyril and Methodius (1845–1847) influenced much on the development of political thought in Ukraine in the 19th century. It was a short-lived secret political society that existed in Kyiv, at the time a part of the Russian Empire. The goals of the society were liberalization of the political and social system of the Imperial Russia in accordance with the Christian principles and the Slavophile views that gained popularity among the country's liberal intelligentsia. The society goals also included the abolition of serfdom, broad access to public education, transformation of the empire into a federation of free

Slavic people with Russians being one of the equal rather than dominant nation and the implementation of the liberal democratic principles of freedom of speech, thought and religion. Among the most famous representatives of the Brotherhood were T. Shevchenko, N. Kostomarov and P. Kulish.

In the 20th century the most significant features of the Ukrainian political development were the growth of national awareness, integration into the Soviet Union, and struggle for national state revival. In the 1920s the intellectual quests in the field of national idea were activated (N. Khvylovy, D. Dontsov, V. Lipinski, etc.).

5. Ukrainian political thought of the 21st century. It is characterized by active searches in the fields of national idea, building international relations as an independent state, democratization and European integration. Ukraine is officially in the process of building a "civic nation", one whose ideals are not ethnic-based but that transcend national interests in the goal of uniting all residents as part of the Ukrainian nation. Ukraine has a complex regional mosaic developing out of its centuries of division between the Russian, Austro-Hungarian and Turkish empires and the imprint of these legacies are still visible in the electoral maps.

While Ukraine can be dichotomously divided at first glance along the Dnipro river into east and west, a more nuanced political perspective would separate the state into four (east, west, center and south) or five (further division of the south region into Crimea and the rest) macro-territories. The regional patterns in political preferences come through clearly in relation to Ukrainian foreign policy with two broad preferences apparent which can be usefully, though perhaps simplistically, represented as those who would prefer Ukraine to adopt a "Slavic choice" and those who support a "European choice". Communists and other left-wing groups favor the restoration of the Soviet Union or at the least, a Slavic confederation with Russia and Belarus; they live predominantly in the east, south and Crimea. Those who favor a European choice tend to be centrists by political conviction, staunch defenders of Ukrainian sovereignty, in particular its independence from Russia, though they understand that Ukraine must have good relations with Russia; they tend to predominate in the center, including Kyiv, and the west. There is no doubt that a strong geographic pattern exists in other aspects of Ukrainian political life.

The main task of modern political development of Ukraine is to find the way of national integration and common decision on the question of foreign policy.

УДК 1(091) (045)

РОЛЬ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Андриенко Е.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
elena_andrienko8@mail.ru

Гуманитарное образование и образование как система в целом, формирует три базовых социальных роли – обыватель, профессионал и интеллигент. Обыватель – это человек, который руководствуется определенными инструкциями по применению товаров массового потребления, а также разнообразными социальными стереотипами. Болонская система образования направлена, прежде всего, именно на подготовку человека к роли обывателя. Составляют эти инструкции профессионалы – люди, знающие, как устроены различные технические устройства и социальные институты. Интеллигенты, которые формируются на основе роли профессионалов, занимаются тем, что, будучи компетентными в одной отрасли, стремятся применить свои знания в другой отрасли (где они не всегда компетентны). При этом интеллигент – это наиболее социально-креативная роль.

Современная система образования дает гражданам определенную часть знаний, которая непосредственно не нужна ни для роли профессионала, ни для роли интеллигента. Именно эта часть знаний является основой для роли интеллигента, имеющей важнейшее значение в созидательных социальных процессах и формировании государства, и совершенно неприменимая в условиях дезинтеграции и доминирования разрушительных тенденций в обществе. В этом контексте характерно, что социально-политическая система сегодняшней Украины не нуждается в интеллигентах. Из этого логически следует тотальное сокращение гуманитарных дисциплин и узкая профессионализация образования. При этом серьезной проблемой практически всех постсоветских стран выступает отсутствие стойкой культуры потребления. Например, инструкции читают чаще тогда, когда купленная вещь уже сломалась, или же покупаются предметы и механизмы, малопригодные для использования в данных условиях, для демонстрации престижного потребления. Во многом эта ситуация обусловлена тем, что в СССР образование вообще не ориентировалось на ценности потребления. Напротив, системные усилия прилагались к тому, чтобы минимизировать и романтизировать этот аспект жизни, максимально освободить человека от быта.

Соотношение социальных ролей обывателя, профессионала и интеллигента зависит от конкретного общества и направления его развития. В современном западном обществе, в целом, доминируют ценности

потребления, что соответствует, прежде всего, роли обывателя. При этом управленческая элита на Западе получает образование в так называемых «старых университетах» (old universities), которые работают по классическим образовательным программам с акцентом, прежде всего, на гуманитарную составляющую, в которой центральную роль играют философские дисциплины. Такой тип гуманитарной подготовки сопоставим с подготовкой специалистов в Императорском Царскосельском лицее времен А.С. Пушкина. Вероятно, не случаен тот факт, что из стен этого заведения вышло так много выдающихся личностей, среди которых, помимо самого Пушкина – М. Салтыков-Щедрин, А. Бакунин, А. Дельвиг и многие другие. Дисциплины гуманитарного цикла первостепенно важны для формирования роли интеллигентов, творцов, иными словами – людей, которые незаменимы при выполнении задач строительства молодого государства и поддержки созидательных тенденций в обществе. А именно такая задача сегодня стоит на повестке дня в нашей республике, проходящей этап становления. Всесторонне развитая личность как ценность и цель образования, активно декларируется во многих странах, хотя пути реализации этой цели часто оказываются совершенно неэффективными.

Попытки сделать высшее образование узкоспециализированным не соответствуют внутренней сущности университетского образования как такового. Ведь в центре тех высших целей, которые всегда ставил перед собой классический университет в рамках западной цивилизации, всегда была идея его ответственности за осмысление цивилизационного идеала, который должен был иметь универсальную направленность. И эту функцию университет совершал под эгидой доминирующей дисциплины, изучающей проблемы мировоззрения – философии.

Мировоззренческая культура граждан невозможна без такого компонента как критическое мышление, что означает способность свободно и адекватно ориентироваться в сфере социальных отношений. Оно, в свою очередь, формируется на основе плюрализма ценностей, идеалов, концепций, вероисповеданий и т.д. Критическое мышление в университете формируется, прежде всего, при изучении философских дисциплин.

Также следует отметить такие важные в современном мире ценности как толерантность и демократизм. Они приобретают особую актуальность в связи с интернационализацией высшего образования, созданием единого пространства высшего образования (EHEA) и единого пространства научных исследований (ERA). Эти ценности формируются во время учебно-воспитательного процесса через субъект-объектные отношений между студентами и преподавателями, студенческое самоуправление, работу землячеств и, конечно же, через изучение философских дисциплин, дающих представление о вариативности мировоззренческих позиций и об уважении к позиции мировоззренческого оппонента в том случае, если она не противоречит общечеловеческим ценностям. В этом контексте можно вспомнить слова, приписываемые Вольтеру: «Я не согласен ни с одним словом, которое вы говорите, но готов умереть за ваше право это говорить».

Еще одним функциональных направлением философских дисциплин является их социально-психотерапевтическая функция. Уже в эпоху Античности подчеркивалась роль философии как способа воспитания души и борьбы со страхами, а также метода целевой рационализации человеческой жизнедеятельности.

В целом, изучение философских дисциплин в высшей школе способствует формированию свободы и здорового индивидуализма, активной гражданской позиции и способности ориентироваться в информационных потоках, и, в целом – построению целостного и гармоничного мировоззрения.

УДК 130.2

КРИЗИС КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СИМПТОМ ПОДМЕНЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Атоян А.В.
Луганский государственный университет имени Владимира Даля
atoyann@bk.ru

«Интуиция слепа, интеллект наделяет её зрением» [2, 12] – писал некогда Б. Кроче. Поиск видимых или наглядных причин вводит в заблуждение очевидности: так – значит не иначе. Актуализация проблематики кризиса коммуникации проистекает из навязывания коммуникации функции быть средством распределения благ. Коммуникация причастна к этой функции, начиная с первичных обменов овец на зерно или мечей на меха. Тем не менее, новые информационные технологии, многократное ускорение обменных процессов, опережающий рост сообщений о новых благах в сравнении с ростом объёмов потребления способствуют не только сближению, но и отделению низов и верхов друг от друга. Эгалитарность не прибавляет в реальном весе при доступности имиджевой составляющей всякого общественного богатства. Если исходить из непрерывности развития коммуникативных способностей человека на протяжении всей жизни личности, то следует признать большую мобильность новых поколений по части роста и развития коммуникативных способностей безотносительно к ценностям той социальной среды, в которую они встроены своими обстоятельствами рождения, воспитания и адаптации. Социализация, однако, затягивается, хотя информатизация нарастает. Несинхронность процессов усиливает характерную аномию к прежним ценностям, вызывающую неприятие верхних слоёв, старших поколений, элитарных групп, хотя они-то и породили неконтролируемый рост новаций и их приоритет над традицированием ценностей.

Новым феноменом представляется *суррогатная социальная реальность,* подменяющая подлинную онтологию, в нашем случае

онтологию зависимого капиталистического общества (предпочтительнее говорить об отчуждении в терминах присвоения условий коммуникативного существования, но это требует большего пространства для перечисления предпосылок). Под кризисом коммуникативной культуры представляется понимание особого типа развития (а всякий кризис – это развитие, «кризисное развитие» как термин принято ещё в советские времена для характеристики отклонений, но в рамках зависимого социума это уже норма, а не отклонение). Особый тип развития коммуникативной культуры предполагает потерю качества или свойства общаться с подобными себе адекватно целям, а такое содержательное общение между верхами и низами, элитой и массой, молодыми и старшими, отчуждающими и отчуждёнными. Понимание кризиса как тоже всё-таки развития обостряет процесс самоидентификации в коммуникативной культуре. Это предполагает личностное участие, включённость психики в процесс отождествления того, что приемлемо, но также и осмысление идентичности, ставшее возможным исключительно «в социальном контексте, в системе взаимоотношений с другими людьми» [1, с. 193-194].

Цели и нормы коммуникативной деятельности не совпадают с целями и нормами поведения личности. Это две различные сферы. Коммуникативное развитие нельзя отождествлять с прогрессом человеческих качеств в нравственном отношении, но сферы не исключают друг друга. Совпадения предполагать не приходится. Коммуникативная компетенция создаёт фактически лучшие условия для продвижения этических ценностей. Но и здесь автоматического использования возможностей не происходит, а реализуется переключение каналов коммуникации с общедоступной информации на специфически более ценную для личности или общности «здесь и сейчас» в связи с «цветовым пятном» неопределённости желаний и их сдвигов. Подмена суррогатной социальной реальностью, перемена векторов общения и есть главная линия суммарного воздействия информационной технологии. Кризис коммуникативной культуры задан не столько злоумышленниками от техники и технологии, сколько социальными группами продвижения контента как наиболее востребованного по версии того, кто его заказал. Следствием выступают смены жанров речевого общения от большей абстрактности ко всё более точному воспроизведению ценностно ориентированных жанров, среди которых побеждают популярнейшие и легко доступные, а в тонусе переживаний – смешное и страшное. Однако, как известно, талер в кармане и талер в голове – не одно и тоже. Суррогатное насилие всё же не онтологично само по себе, а только при совпадении реакции на изображения с реакциями на социальное действие. Имеет значение статус говорящего и подмена истины утешительными аргументами, когда это важно в отношении больших групп населения. Некогда жизненно-прекрасное речевое поведение предпочиталось эффективно-полезному. Это говорит о различии целей коммуникации при оценке того или иного коммуникативно мотивированного действия. Действие, не предусматривающее нравственно-прекрасного, ставилось ниже

действия, превосходящего прагматические соображения. Доставление страдания врагу могло иметь оправдание в необходимости погасить эффект его речей. Сегодня легитимации целей противника нельзя полностью помешать закрытием каналов (не трогая отечественных примеров, можно привести пример запрета на голос ирландца Джерри Адамса в Великобритании или более архаичный запрет на голос императора Японии в радио-пространстве страны). Распределение благ не только материальное, должностное или коммуникативное, но также и связанное с использованием образной стихии, также выдаёт подменную социальную реальность за знак принадлежности к онтологии.

В этом же ключе следует рассматривать праздники и искусство – первейшие потребности человека в деле распределения благ. Их компенсаторный характер хорошо изучен (Э. Бёрн, Й. Хёйзинга, А. Ф. Лосев, М. М. Бахтин и другие). «Удовольствие от текста» Р. Барта, но также и от речи или послания – включает как должное восприятие социальной аудитории, так и рефлексию личности, что может не совпасть с ориентацией общности. В этом зазоре понятие вкуса приобретает особое измерение – вкус к коммуникации, его воспитание является синонимом становления коммуникативной культуры. Однажды запущенная линия коммуникации (газета, телевидение, интернет и так далее) имеет тенденцию к амплификации – прихватыванию и втягиванию кругов, непосредственно не причастных к первичному интересу, но продуцирующих вторичный, третичный и так далее. Тем не менее, амплификации амбивалентны, они могут быть и вредными. Однако, вместе с благом рождаются и дополнительные источники заблуждения. Речь часто играет роль средства самоутверждения личности, когда важно не столько что говорится, сколько с какой целью, насколько выразительно и как воспринимается («пусть не понимают, но выполняют»).

Таким образом, *подмена онтологии искусственной суррогатной социальной реальностью – как минимум уплощение восприятия культурных матриц до стёртой поверхности всеведения обыденного сознания (1); концептуализация симптома суррогата требует организованной терапии массового сознания, а не стихийной самонастройки (2); решение об очищении общественного сознания от шлаков информационного опережения смыслового отбора общностью собственных ценностей как условие рецепции или отклонения чужих давно назрело (3)* (называть ли это цензурой или как-то иначе – вопрос второстепенный).

1. Бернс Р. Развитие Я – концепции. М.: Прогресс, 1986. – 224 с.
2. Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика / Бенедетто Кроче. М.: Intrada. – 2000. – 160 с.

УДК 11.852

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ МАРГИНАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Атоян А.И.
Луганский государственный университет имени Владимира Даля
atoyann@bk.ru

Феномен вторжения в историю маргинальных структур не есть лишь проблема методологии наук. Она относится ко всей совокупности человеческого опыта в целом. Задача исследования обвального явления всеобщей маргинализации, то есть распада социальных связей как обязательств целого в отношении частей и частей социума как обязанных вкладами в целое, заметно усложнилась в информационном обществе. Рефлексия маргиналов – назовём её социомаргинализмом – заключена в претензии раскрыть опыт постижения истины, превышающий то, что непосредственно дано научным методикам. Способы постижения, в которых якобы возвещает себя истина, не подлежат верификации методологическими средствами наук. Но насколько легитимно пребывание в истине и зависит от раскрытия феномена понимания? Слабость философской мысли часто связана с тем, что философствующий предпочитает валять дурака на свой собственный страх и риск, но не подвергать себя испытанию на понимание. С другой стороны, и наука не может заменить пребывания в истине. Так, например, искусствоведение с самого начала знает, что не может заменить непосредственное общение с предметом искусства. Опыт искусства, как и опыт философии, взывают к научному сознанию обратить внимание на свои собственные границы. Обоснование гуманитарных наук долгое время находилось под влиянием метода естественных наук, триумфы этого метода в Х1Х веке затмили на время необходимость поиска собственного метода. Устарел довод Джона Стюарта Милля, согласно которому в основе научного познания всегда лежит одна логика индуктивного познания. Но историческое и гуманитарное познание как раз и не может ограничиться индукцией, ибо тогда предмет такого познания будет не более как частным случаем, но именно в нём суть искомого. Индуктивные методы естественных наук не имеют дела с индивидуально значимым. Х.-Г. Гадамер прямо отбрасывает некоторые доводы как несущественные: то, «что является жизненным... в действительности никогда по-настоящему не познается предметным сознанием, напряжением разума, который стремится проникнуть в закон явлений. Жизненное – не такого свойства, чтобы можно было извне достичь постижения жизненности. Напротив, единственный способ постичь жизненное – это постичь его изнутри» [1, с. 304]. Отсюда очень легко перейти к его доводу о том, что интерпретатор уже имеет предварительное знание об интерпретируемом. И оно детерминировано его местонахождением (топикой) в уже состоявшейся культуре. «Предпонимание» Х.-Г. Гадамера

имеет характер предрассудка, каковой он и защищает как основание возможности понимания. Предрассудок он определяет как суждение, которое «выносится до окончательной проверки всех предметно определяемых моментов» Так, в судоговорении предрассудок означает справедливое решение до выяснения подлинного окончательного приговора. Таким образом, предрассудок не есть презумпция заведомо «ложного суждения» [1, с. 322-323], но может иметь как положительные, так и отрицательные оценки. Как тут не вспомнить Фому Аквинского: «Предрассудки – это дурные мысли о других людях без достаточного на то основания». Для понимания результатов гуманитарной науки необходимо обладать соответствующим образованием, вне которого эти знания неочевидны. Образование – подлинно историческое понятие, в нём сохраняется исторический характер или сама суть гуманитарных наук. Создатель философской антропологии как отдельной дисциплины М. Шелер акцентировал победу формы понимания над содержанием, предвосхищая возможность маргинальной антропологии наряду с социальной как одну из уточняющих процедуру идентификации нормы знания и нормы явления [2, с. 160-161]. Знание о маргинальном феномене есть специфическое в его предметной определённости, то есть конкретное маргинальное (например, зависимый или деформированный фашизм, непризнанные народные республики, субкультуры молодёжи – выберем нарочито отрицательный, положительный и нейтральный для оценок объект в контексте дискурса гуманитарного знания наших регионов). Простое решение о сущности усматривается различными парадигмами знания как предвосхищение суждения, то есть как предрассудок в герменевтическом смысле. Ведь ясно как день, что быть признанным лучше, чем не признанным, а культурным лучше, чем субкультурным, но уже вопрос о том, какой фашизм лучше – классический или зависимый, немецкий или украинский, вводит в некое иное пространство. Эмоциональная составляющая нашего познания также есть рефлексия в маргинальном ключе. Лучше тот, с которым легче бороться – прагматика, однако, может оказаться сомнительной. Труднее бороться с тем, что слабее представлено в наших знаниях, умениях и навыках взаимодействия, то есть в антифашистской культуре. Ж. Деррида выдвинул свою грамматологию как учение о специфических культурных грамматиках – ключах к различным традициям мышления. Истину человеческого бытия обнаруживает сравнение оснований различных философских систем, действительное содержание которых отличается от их понятийного аппарата. Через то общее, что есть в смыслах систем, Деррида намеревается открыть то, что ведёт к пониманию реальности, которая ни к каким системам мысли сведена быть не может. Конечность существования он принимает как идею смерти бога или универсальной (не маргинальной в нашем варианте, ибо нет сегодня более универсально представленного человека, чем маргинал) с последующим неизбежным воскрешением богов. Они воскресают, чтобы снова уйти в небытие, и эта печать историчности лежит на всех творениях сознания. Крах всех великих идей и ценностей для него неизбежен, касается ли это

социализма или структурализма. Прогресс – также демонстрация ситуации гибели богов, явленная профанному сознанию. Всё, что имеет цель, может быть деконструировано к основаниям. Деконструкция – поход вспять, обращение к истокам, обретение оснований-начал, расстраивание смыслов, снятие реальностей. Смысл деконструкции – в сведении смыслов одних эпох, систем, народов и мыслителей к другим, более архаичным, но в пределе – это ход к ничто. Никакой смысл не есть окончательно данное как смысл всех смыслов. Деконструкция всех смыслов ведёт к их исчезновению, отмене реальностей. Смысл всех смыслов, то есть бог, – это лишь конструкция. Отсюда – игровое начало в мышлении, политике, повседневной жизни и, разумеется, в искусстве, прежде всего в архитектуре, откуда берётся сама постановка проблемы про постмодерн – жизнь после современности в деформированном пространстве. Все человеческие начинания обречены на крушение, все смыслы устаревают. Но Ж. Деррида идёт дальше: он утилизирует мифологему о сотворении нового способа мышления без олицетворений как возвращение к ситуации до Вавилонского столпотворения, то есть до смешения богом языков. Это метафора нового мифа о начальном цикле новой постмодернистской культуры. Постмодерн – это не целостная грамматика бытия, а, скорее, умонастроение неверия в смыслы. Страх перед тем, что фрагменты улягутся в то, что обязательно (то есть тоталитарно для Ж. Деррида) – это страх перед продолжением истории, в котором универсальность маргинального человека и его общностей доказывается из глубины универсального присутствия в социальной онтологии, маргинальными структурами прорастает в ещё неведомое, но уже исторически заданное завтра.

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. Общ. ред. и вступит. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
2. Шелер М. Социология знания // Теоретическая социология: Антология. В 2 частях. Пер. с англ., фр., нем., ит., сост. и ред. С.П. Баньковской. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 1. – С. 160-171.

УДК 111.1

ОБ ИЗМЕНЕНИИ СМЫСЛОВ ПОНЯТИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА

Бовт Д.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
dima_bovt@rambler.ru

Общественное сознание, как отражение общественного бытия, заключает в себе представления о сущностях этого бытия и их проявлениях. Но, поскольку, изменчивость и сложность бытия во всем многообразии его проявлений не позволяют создавать о нем непосредственных представлений,

то общественное сознание воссоздает его в понятиях, смыслы которых отражают наиболее существенные его связи и отношения. Однако социальные трансформации в обществе не всегда могут соответствовать сложившимся смыслам понятий в общественном сознании, – то, что проявляется в единичном и объективном, не всегда может быть адекватно отражено в общем и субъективном, что проявляет себя как начало социального кризиса.

В разное время к теме отражения кризиных тенденций в общественном сознании обращались представители западноевропейской философии и социологии: А. Вебер, Г. Зиммель, Т. Парсонс, У. Липманн. В России эта тема изучалась в работах А.А. Богданова, П.А. Сорокина, А.А. Владимирова, Е.Ю. Рудкевича и Ю.В. Яковца.

Сегодня невозможно указать ни одной социальной проблемы, не связанной с изменениями смыслов понятий в общественном сознании. Поиски выхода из социального кризиса необходимо связаны с переосмыслением социальных трансформаций, с формированием новых понятий, а, возможно, и гибелью прежних. Но, не смотря на научную и социальную значимость, изменение смысла понятий в общественном сознании в условиях социального кризиса, по разным причинам, является до сих пор недостаточно изученным.

С одной стороны это связано с проблемой осмысления понятия «общественное сознание», которое иногда сводится к материальному и экономическому детерминизму, а с другой стороны, нередко отождествляется с понятием «общественное мнение». Анализ социального кризиса и его преодоление осуществляется в политическом, экономическом, духовном и других аспектах, но отсутствует единое понимание глубинных причин образования социального кризиса и его преодоления с точки зрения изменения смысла понятий в общественном сознании, независимо от аспектов его проявления [1, с. 373].

Отражение единичного и уникального в идеальном, в общественном сознании неизбежно проходит устойчивые состояния, чтобы оно могло быть зафиксировано сторонним наблюдателем. Такие устойчивые состояния отражения могут быть выявлены по их смысловому содержанию. Каждая социальная трансформация, вызванная смысловым противоречием во взаимодействии ее сущностных элементов, проявляет себя как результат преодоления этого возникшего противоречия, на основании сформулированного Гегелем «закона отрицания отрицания». Развитие нового смысла в тенденциях социального кризиса в общественном сознании, как противоположности прежнему или отрицания прежнего, содержит в себе, кроме прежнего смысла, еще и нечто большее, чем прежний смысл, что является единством его и его противоположности [2, с. 33].

Неоднозначность смыслов понятий в общественном сознании выступает и индикатором проявления социального кризиса и, вместе с тем, создает объективные предпосылки для его преодоления. Каждое устойчивое состояние общественного сознания позволяет фиксировать новое единство смысла и его противоположности, что объективно означает развитие

противоречия, вызванное социальным кризисом независимо от аспектов его проявления. Таким образом, устраняется несоответствие социальных трансформаций в обществе сложившимся смыслам в общественном сознании в условиях социального кризиса и формируются пути выхода из него, как переосмысление понятий о механизмах его преодоления.

1. Гегель Г.В. Собрание сочинений / Г.В. Гегель; [под ред. М.Б. Митина]. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – Т.5: Наука логики. – 1937. – 715 с.;
2. Рудкевич Е.Ю. Философское обоснование феномена современного кризиса / Е.Ю. Рудкевич // Социальная политика и социология. – 2010. – № 8. – С. 371-375.

УДК 130.3

ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ: ВЕКТОРЫ ДИАЛОГА

Волков М.П.
Ульяновский государственный технический университет
luda@ulstu.ru

Истоки современного состояния отношений философии и религии обнаруживаются в культуре Нового времени, когда наука, оформляясь в качестве социального института, заявила о своей цели исследовать природу с помощью экспериментов, «не вмешиваясь в богословие, метафизику, мораль, политику...»*, тем самым, предполагая ответный шаг – невмешательство религии в дела науки. Философия, выступая адвокатом науки и – одновременно – отстаивая права естественного разума в целом, исключала любые возможности объединения науки и религии: позитивизм как предельно заостренный вариант решения означенной проблемы отводит место религии на ранней стадии истории человеческого духа. Кризис, переживаемый современной техногенной цивилизацией и сказывающийся на ее (философии) статусе в системе культуры и оценке ее возможностей открыть «последние тайны бытия»**, ставит философию перед необходимостью поиска возможных союзников в процессе отыскания ответов на вызовы времени, включая в их круг и религию.

Не претендуя на исчерпывающее рассмотрение проблемы, попытаемся выделить несколько векторов диалога философии и религии.

Первое. Проблема человека, будучи вечной для культуры, становится сегодня доминантой духовных поисков, развертывающихся в контексте

* Такие положения включает в устав Лондонского королевского общества, ставший его основным документом, его создатель – Р. Бойль.

** В качестве примера сошлемся на книгу Дж. Хоргана «Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки». – СПб, 2001. Скептицизм в отношении возможности существования научного метода пронизывал труд П. Фейерабенда «Против метода»; духом инвективы отмечены его же рассуждения о несопоставимости затрат на науку и скромность получаемых ею результатов.

выработки современной цивилизацией новых ценностных ориентиров, измерений прогресса. Современный человек перед лицом реальной угрозы самоуничтожения вынужден отказываться от ставших привычными стратегии силового преобразования природы как механической системы, ценности автономии личности, культа научной рациональности и обращаться к нравственному опыту, нравственной интуиции как способу преодоления конфликтов. Отмеченная тенденция естественно вырастает из христианской традиции, в которой идеал духовности сменяет телесность, культивируемую как идеал древними греками. Стремящемуся к совершенству человеку, по этой традиции, надлежать развивать в себе не только рассудок – на этом пути его подстерегает опасность впасть в гордыню, в том числе по отношению к природе, – но и взращивать чувства (милосердие, сострадание, терпимость, благоговение перед чудом жизни и т.п.), поднимающие его до переживания гармонии мироздания и ответственности за ее сохранение.

Философия и христианство способны дать человеку надежду на лучшее: философия через формирование образа мира как сложной саморазвивающейся системы, которая, срываясь при прохождении точек бифуркации в состояние хаоса, способна возвращаться к порядку, организации; христианская религия – через раскрытие красоты и гармонии созданного творцом мира.

Второе. Феномен научно-технического прогресса, привлекая все более пристальное внимание исследователей со стороны его воздействия на духовный мир человека, становится общим для философии и религии объектом постижения и областью приложения усилий по нейтрализации его негативных последствий.

Русская интеллигенция, мысль которой была всегда нравственно окрашенной, отметила опасность экспансии технического прогресса в сферу духовности. Н. Бердяев в эссе «Пикассо», помещенном в первом номере журнала «София» (январь 1914 г.), рассматривая кубизм как проявление болезни в искусстве, выделяет как существенную причину распыления, убиения материи «успехи материальной техники». Ему принадлежит тонкое наблюдение за последствиями экспансии технического мира в мир душевных феноменов: «Машина и техника наносят страшные поражения душевной жизни человека ... душевно-эмоциональная стихия угасает в современной цивилизации» [*1;* 156]. Экспансия научно-технического прогресса в сферу духовности осуществляется по двум каналам. Первый – через школу, средства массовой информации, сферу быта – ведет к формированию пиетета перед наукой и техникой, веры в ее всемогущество, способность «сосчитать, разделить и взвесить» и отливается в стойкий феномен массового сознания, наделяющего науку и технику либо мессианскими, либо сатанинскими чертами. В итоге понятия, описывающие явления духовности, начинают истолковываться в духе инженерного и научного операционализма, толкуемого узко прагматически. Порядочность понимается как готовность услужить, негативные явления принимают облик респектабельных: воровство превращается в умение жить, злобность – в умение постоять за себя, жестокость – в требовательность, обман вызывает восхищение ловкостью и т.п.

Второй канал связан с процессом развертывания научно-технической революции, усилением интеграции науки и материального производства, возникновением касты специалистов-профессионалов, видящих в науке и технике панацею от всех зол современной цивилизации.

Итогом экспансии научно-технического прогресса в сферу духовности человека выступают сциентизм и технократизм. Они представляют собой жизненно-практическую и философскую установку, базирующуюся на абсолютизации образа науки и техники. Узость и односторонность данной позиции раскрывается трагическим постижением ее внутренней ущербности, оборачивающейся подрывом основной ценности – эффективности решений.

Преодоление технократизма, означающее «возвращение к реалистическому, ценностно понятому образу человека, наследуемому из культурной традиции и вживе ощущаемому каждым и себе самом» [2; 6], становится жизненно значимым для философии и религии, подталкивая их к союзническим отношениями.

Третье. Религия, при ее опоре на веру, включает в свои границы разум. Человеческий разум должен быть направлен в первую очередь на проблему соотношения традиций и новаций. Техногенный тип развития цивилизации породил в человеке величайшее заблуждение, согласно которому традиции – это удел прошлого, а опыт отцов не значим для их детей. Между тем традиция есть величайшее изобретение человека (дело не меняется от понимания ее как заповеданной), позволяющее отбирать, накапливать, хранить и передавать последующим поколениям социально-культурные нормы и эталоны, благодаря которым стыкуются между собой разрозненные акты деятельности поведения и коммуникации и обеспечивается связь времен. Разрыв связей между поколениями обрекает живущих на исторический поиск вслепую, чреватый утратами и жертвами. Религия, базирующаяся на пиетете перед традицией, стремится привить веру в то, что «в наших традициях заключены высокие ценности, без которых культура может угаснуть, как пламя свечи» (К. Лоренц), и подталкивает научно-рационалистическое мышление к выработке новой ориентации в отношении традиции как социального феномена. В этом она вправе рассчитывать на поддержку философии, рассматривающей традицию как форму обоснования и трансляции культурных ценностей. Традиции уходят своими корнями в историю народа, сплетаются с природной средой его обитания, взращивая переживание родины как Отечества. Отсылая в глубину времен – а для христианина переживание Отечества срастается с переживанием Отца Небесного, «от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле» (Еф. 3:15) – традиции представляют способ преодоления гордыни, вырастающей из убеждения «здесь и сейчас» живущего человека в том, что история творится только в данный момент, творится для него. Традиция, выводя историю за рамки конкретности личного бытия, связывает конечное бытие человека с острым переживанием принадлежности «не только и не столько к конкретному этапу или режиму в жизни своего народа, но и всей многовековой истории Отечества и его будущему за пределами собственного жизненного пути» [3; 9].

Активное созидание и укрепление Отчества есть поприще, на котором естественно соединяются усилия православной религии, относящейся к Отечеству как дару Божьему, и философии, рассматривающей его как национально-историческую форму творения и бытия культуры.

1. *Бердяев Н.А.* Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) / Н.А. Бердяев //Вопросы философии. – 1989. – №2. – С. 143-162.
2. Наука, техника, культура: проблемы гуманизации социальной ответственности (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1989. – №1. – С.3-26.
3. *Нарочницкая Н.А.* За что и с кем мы воевали / Н.А. Нарочницкая. - М.: Минувшее, 2005. 80 с.

УДК 303.832.33

О НЕОБХОДИМОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО ДНР

Воловодова Е.В.
ГУ «Институт экономических исследований», г. Донецк
volovodova.ev@yandex.ru

В ситуации неопределенности политического статуса ДНР, непрекращающихся военных действий, тяжелого социально-экономического положения, различных угроз и непредсказуемости дальнейшего хода развития событий перед республикой стоит чрезвычайно сложная задача. Необходимо «запустить» процессы самоорганизации ДНР как субъекта социально-воспроизводственной деятельности и начать переход в качественно новое будущее за счет собственных усилий. Реализации данной задачи препятствует ряд известных обстоятельств: экономическая блокада; непоступление налогов в бюджет республики от крупных предприятий, принадлежащих олигархам; серые схемы торговли углем и др., порождающие коррупцию; дефицит различных ресурсов, в том числе кадровых; пребывание во властных структурах лиц, представляющих интересы олигархов; отсутствие у органов власти обратной связи с населением; отношение России к ДНР не как к субъекту, а, главным образом, как к объекту геополитики и др.

Ситуацию усугубляет отсутствие привлекательного для населения образа будущего ДНР как части Русского мира и основанной на нем инновационной стратегии перехода в будущее, мобилизующих различных социальных субъектов (в том числе, органы власти) для реализации совместной социально-воспроизводственной деятельности. Это приводит к тому, что у жителей республики исчезает надежда на лучшее будущее. Остаются без ответа вопросы, возникшие у людей после восстановления (ценой огромных человеческих потерь) принадлежности Донбасса к Русскому миру – Восточнохристианско-Евразийской цивилизации. А, именно: в чем

заключаются особенности нашей цивилизации (идентификационные признаки), прежде всего, ценности, которые отличаются от ценностей Западной и других цивилизаций; какие ценности являются высшими (фундаментальными/ базисными) для нашей цивилизации; для какого типа личности и какое общество будет строиться и др.

Намерения общественно активных жителей изменить ситуацию к лучшему посредством реализации различных социальных инициатив, которые необходимы не только для их адаптации к изменившимся условиям, но и для вовлечения (в ситуации дефицита ресурсов) в воспроизводственные процессы дополнительных ресурсов (творческих, организаторских способностей, различных умений, навыков), а так же для повышения доверия к органам власти, поддержки с их стороны, как правило, не находят.

Следствием является разочарование, пессимизм, недоверие к органам власти, демотивация, истощение потенциала пассионарности, миграция населения, а так же угроза повторного размывания цивилизационной принадлежности Донбасса к Русскому миру, деградации человеческих ресурсов и др.

Изменения к лучшему могут начаться, если удаться «запустить» процессы самоорганизации и самоподдерживаемого перехода ДНР в качественно новое будущее. Это актуализирует задачу конструирования образа будущего республики и разработки соответствующей инновационной стратегии перехода в будущее, способных стать спусковым механизмом процессов самоорганизации. А, именно, способных мобилизовать различных социальных субъектов к совместной социально-воспроизводственной деятельности и осуществлению за счет собственных усилий перехода в качественно новое состояние как коллективного субъекта.

Конструирование образа будущего ДНР следует осуществлять с учетом ряда обстоятельств. Так, необходимо исходить из принадлежности Донбасса к Восточнохристианско-Евразийской цивилизации и учитывать его исторически сложившуюся роль в качестве переднего края (форпоста) цивилизации. Об этом свидетельствует следующее. В 16–17 вв. наши предки строили на территории региона поселения, создавали оборонительные сооружения на границе с Диким Полем и успешно защищали Московское царство от набегов татар. В 18–19 вв. жителями Донбасса создавалась промышленная база Российской империи, а в 20 в. – промышленная база СССР. В 21 в. мы защищаем от экспансии Запада не только свою территорию, но и Россию (в первую очередь, Крым).

Несмотря на ведущиеся в России поиски образа будущего, пока нет государственного заказа на разработку проекта ее будущего [1] и, тем более, проекта будущего Восточнохристианско-Евразийской цивилизации. С учетом этого, образ будущего ДНР должен иметь безусловную значимость как для России, так и для всей цивилизации.

Образ будущего республики следует конструировать исходя их системного глобального кризиса, в основе которого – ценностно-смысловой кризис Западной цивилизации, и понимания того, что эпоха прежнего

мироустройства закончилась. Поэтому, конструируя образ будущего ДНР, необходимо вносить свой вклад в поиск новых ценностно-смысловых ориентиров развития человеческой цивилизации и путей ее выхода из системного кризиса.

Представляет интерес мнение датского социолога Ф. Полака, который первым определил роль образа будущего в сложных общественных процессах. Не давая прямого определения, он отмечал, что образ будущего является значимым аспектом человеческого восприятия мира, который позволяет ему выстраивать отношения с природой и социальной действительностью. Согласно Ф. Полаку, образ будущего – это позитивный, идеальный образ будущего, подобный тому, с которым работает искусство. Формирование образов будущего связано с существующей в обществе системой ценностей. (См. об этом: [2]).

Российские авторы отмечают, что образ будущего – это относительно целостная картина будущего, которая вырабатывается в определенное время и в определенном социуме. Он является результатом коллективного творчества, а не отдельных творчески одаренных людей, как считал Ф. Полак [3, с. 76-77]. При определении содержания образа будущего, «как подчеркивается многими исследователями, моральные табу, общественные нормы и ценности часто стоят на первом месте» [4]. Авторы публикаций отмечают, что образ будущего – это не только интеллектуальная модель. В значительной мере он имеет положительную эмоциональную окрашенность [3, с. 76; 4].

Резюмируя, можно отметить, что образ будущего – это коллективное представление об идеальном будущем, которое связано с идеальными ценностями общества. Он вырабатывается не только за счет интеллектуальных усилий. На выбор образа будущего влияет так же его положительная эмоциональная окрашенность.

Для того, чтобы сконструировать образ будущего ДНР, а затем на его основе разработать инновационную стратегию перехода в будущее, которые могут стать спусковым механизмом процессов самоорганизации и самоизменения республики, необходимо иметь в виду следующее. Образ будущего ДНР должен быть связан с идеальными базисными ценностями Восточнохристианско-Евразийской цивилизации, поэтому их необходимо исследовать, основываясь на цивилизационной теории. Для того, чтобы в последующей управленческой практике активизировать имеющиеся у ДНР (как у сложной социальной системы) потенциальные способности к самоорганизации и самоизменению, необходимо изучить возможности их раскрытия и использования. Это предполагает применение теории самоорганизации (синергетики).

1. Вторая Всероссийская научно-практическая конференция «Аналитика в стратегическом развитии и безопасности России. Взгляд в будущее – 2030 гг.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.russiapost.su/archives/599111.

2. Желтикова И.В. Образ будущего в интерпретации Ф. Полака / И.В. Желтикова // Современное исследование социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. – №3(23) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: journal-s.org/index. php/sisp/article/view/3201311/pdf_163.
3. Желтикова И.В. Образ будущего как образ / И.В. Желтикова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – №5(55). – С. 75-80.
4. Михальский А. Психология конструирования будущего [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.com.ua/books?isbn...

УДК 17.025

ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА В УСЛОВИЯХ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Голуб О.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
nowy@list.ru

Кризис ценностей – неотъемлемая часть социализации, познания и определения себя как личности. Подросток ставит под сомнение ценности и моральные правила, преподанные ему родителями, чтобы выстроить собственную групповую и индивидуальную идентичность. Но бывают периоды, когда подобный кризис приобретает масштабы тотальной катастрофы, выходя за пределы возрастной психологии и становясь объектом, скорее, социальной философии и философской антропологии.

Войны и революции, разрушая устоявшуюся структуру общества и привычные человеческие связи, провоцируют кризис всех аксиологических систем: культурной, социальной, религиозной, гуманистической. Подобные общественно-исторические катаклизмы порой стирают с политической карты мира целые государства, причудливо тасуют народы, ставя под сомнение такие ценности, как патриотизм, «культурная память», память предков и т.п. Человек попадает в ситуацию своеобразной «социальной обнаженности», когда социальный статус, имущественное или профессиональное положение и весь опыт социализации теряют свое значение в глазах как окружающих, так и самого носителя. Сакральные формулы, предметы и пространства перестают быть таковыми, оскверняются и уже не «являют» священного миру. И, в конце концов, обесценивается сама человеческая жизнь и те межличностные связи, которые считались незыблемыми: родство, дружба, любовь, законы чести.

Подобные системные аксиологические кризисы приводят к потере моральных ориентиров, лишая личность способности к нравственному действию. Взамен утраченных систем моральных координат создаются временные квази-системы (этика «революционной необходимости», «законы военного времени», «блокадная этика», «барачная этика»). С особой остротой встает вопрос о самой возможности нравственного выбора, который

становится, по сути, выбором экзистенциальным, также выходя за рамки строго этической проблематики. Вопрос «как быть?» трансформируется в «кем быть?», становясь вопросом о смысле собственно человеческого существования. Поиск ответов на подобные вопросы усложняется тем, что отвечающий находится в ситуации экзистенциального одиночества, полной утраты доверия к внешнему миру и самому себе, а также окружен такими же дезориентированными людьми.

В условиях кризиса базовых систем ценностей нравственный выбор может принимать различные формы, но он всегда будет личным по своей природе. Прежде всего, человек может просто отказаться от какого-либо выбора, полностью подчинившись внешним обстоятельствам, отрекаясь от своей свободы и тем самым утратив субъектность. Во-вторых, он может принять чужую систему ценностей, делегировав свою свободу и ответственность другим людям (вождю, религиозному лидеру), выбрав таким образом иной вариант пассивной позиции, даже при внешней активности. В-третьих, личность может выбрать моральную индифферентность, поставив себя за рамки добра и зла и отделяя свою свободу от ответственности. И четвертый вариант поведения – собственно нравственный выбор, который предполагает свободу воли и полную ответственность за свои поступки. Философия XX века, в течение которого западный мир пережил несколько мировоззренческих катастроф, выработала не одну интерпретацию процесса нравственного выбора и нравственного действия (от трагического гуманизма французских экзистенциалистов до религиозного диалогизма). При этом, различные философские системы перекликаются в оценке нравственного выбора как отправной точки новой системы ценностей.

УДК 1:316.3:141.7

КИЕВСКИЙ ПЕРЕВОРОТ. УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И МОДАЛЬНОСТИ БУДУЩЕГО

Коновалов А.Г.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
konovalov.1957@mail.ru

«Русский народ должен быть единым»
В.В. Путин

Совершив военный переворот, Киевская власть утратила и свою законность, и свою легитимность. Любая Конституция – это прежде всего Договор между центром и территориями по основным правам и полномочиям, прописанным в Законах. Грубое нарушение Конституции, а переворот таковым и является, дает территориям право расторгнуть такой договор или потребовать изменение тех законов, которые обеспечивают защищенность территорий от диктата Центра. Что требовал Юго-Восток от

Киева? Защиты своих прав от такого диктата через федерализацию страны и защиты русского языка. Требовал права самим определять свою судьбу, чтить память своих предков, ходить в свою церковь, изучать свою историю и так далее.

Обвинения Киева в том, что Донбасс своими действиями по защите своих прав нарушает Законы Украины – находятся вне правового поля. Мы, в конкретных обстоятельствах, вынуждены были обеспечить свою безопасность и жизнеспособность через строительство ЛДНР. «Государство, как справедливо заметил Гегель, – это организованный в себя народ».

Предложение Президента Российской Федерации В.В. Путина по урегулированию военного противостояния ЛДНР и Украины неоднозначно восприняли как в ЛДНР, так и в Украине. Мне представляется, что Минские договоренности нельзя рассматривать в одномерном формате. Минские соглашения следует рассматривать как многомерную площадку разрешения более широких проблем между Россией и Западом, а не только как проблему отношения территорий и Центра после Киевского переворота.

Минский формат при посредничестве Российской Федерации, Германии и Франции есть попытка вернуть, прежде всего, Киев в правовое поле отношений территорий (в данный момент Донбасса) и Киевского центра через внесение изменений в Конституцию основных прав и полномочий региона, его граждан с остальными территориями.

Минский договор – это стремление Российской Федерации, Германии и Франции, перевести военное противостояние в политико-правовую сферу. Отдельный вопрос: как Киев исполняет подписанные соглашения? Никак, и исполнять пока не собирается.

Минский договор – это, к сожалению, замораживание, приостановка «Русской весны» со стороны России, а также невозможность дипломатического признания ЛДНР, пока действует соглашение.

Минские договоренности, возможно, есть способ переформатировать государство Украина на выгодных и России, и Западу основаниях через линию цивилизационного разграничения по причине признания того, что Украина есть несостоявшееся государство.

Польша, Венгрия, Румыния открыто заявляют свои «права» на территории, утраченные по итогам Второй мировой войны. В геополитике прощается все, кроме слабости. Военная эскалация конфликта между Украиной и республиками может только ускорить данный процесс. Не более. Изменить ситуацию кардинально в среднесрочной перспективе вряд ли получится. Нет ни внутренних, ни внешних ресурсов. Разрыв Украиной всех отношений с Россией и кабальное соглашение с ЕС делают невозможным какое-либо развитие и суверенитет.

Военные провалы Киева по уничтожению ЛДНР вынудили Запад поддержать инициативу В.В. Путина, несмотря на введенные против России санкции, по урегулированию конфликта между Киевом и Донбассом. По сути, Минский договор спас Украину от возможного военного разгрома, особенно после «Дебальцевского котла», а Западу дал возможность

использовать перемирие в своих интересах: от приватизации предприятий, портов и земли, до формирования у людей разочарования относительно России, как защитницы русских, предательства по отношению к ним и т.д. Запад никогда не соблюдает подписанное, если это не вписывается в их глобальные интересы. Гарантии Запада Януковичу – есть только частный случай их общей политики. Утверждение русского генерала Ендрихина-Вандама, что «хуже войны с англосаксами может быть только дружба с ними», к сожалению, не утратило своей актуальности и сейчас. Минские договоренности в будущем, при сохранении ситуации «ни мира, ни войны», могут принести России и ЛДНР очень большие проблемы, особенно после избрания нового хозяина Белого дома в США.

А что «Минск» дал республикам? Во-первых, политическую субъектность, во-вторых, дипломатическую победу, т.к. подписанная Киевом политическая часть договоренностей предполагает и изменение территориального устройства, и изменение политического режима. В-третьих, уменьшение интенсивности обстрелов и боевых действий. В-четвертых, успешное госстроительство. В-пятых, восстановление разрушенного и социально-экономическое строительство. В-шестых, ЛДНР – это ориентир для других территорий и возможность помочь им со стороны республик.

В.В. Путин, отвечая на вопрос журналиста, какие ошибки совершила Россия, назвал отсутствие в 90-е годы «политики национальных интересов России». В Украине политика России была откровенно провальной. Ситуацию приходится исправлять в более сложных условиях, чем было возможно. Крым, Донбасс, как мне представляется, только начало «работы над ошибками» в Российской Федерации.

Не только Крым исторически принадлежал России, но и Донбасс, и Новороссия. Это русские земли, незаконно переданные руководителями Советского Союза придуманной в Австро-Венгрии и воплощенной Лениным Украине.

Русская весна объединила и Крым, и Донбасс, и Одессу, и Харьков, и Запорожье. Идея Новороссии, с легкой руки В.В. Путина, вновь вернулась, после десятилетий запрета, в политическое и информационное пространство. После киевского переворота интересы России и вышедших на площади людей Юго-Востока Украины совпадали, т.к. усилия Запада были направлены, прежде всего, против России, против русских и всего советского. Для США Россия есть «потенциальная и экзистенциальная угроза», – откровенно заявил командующий НАТО в Европе генерал Бридлав.

Одесская Хатынь в одночасье развеяла иллюзии на мирный сценарий развития событий. Защиту, вышедшие на митинги люди, видели только в России. Крым давал людям надежду на мирное возвращение домой, в «гавань постоянной прописки» (В. Путин). Возможности реализации Крымского сценария для всего Юго-Востока у России были. К сожалению, этого не произошло.

Донбасс, Новороссия – это не только территория, экономика, стратегически важные порты и сухопутная граница с Крымом, но и миллионы русских, независимо от национальностей, людей. Донбасс, Новороссия не «обуза» для России, а существенное усиление России в противостоянии с Западом.

Обвинение Западом России в «анексии» Крыма и нарушении ею международных правовых норм есть политическая демагогия, которая будет носить «бессрочный» характер до тех пор, пока Россия по факту признает административно-территориальные изменения, которые произошли в рамках единого государства СССР.

Так как согласно Минским договоренностям Донбасс остается частью Украины, то республикам следует инициировать перед Российской Федерацией вопрос о строгом соблюдении Киевом не только Минских договоренностей, но и «Большого договора о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Украиной», либо ставить вопрос о его денонсации.

Денонсация «Большого договора» делает притязания Киева на Крым, Донбасс и Новороссию юридически необоснованными. Территории, согласно международно-правовым нормам, обретут статус «спорных». Референдум – есть самый демократический способ разрешения территориальных споров. Тем более, до сих пор демаркация границ между Российской Федерацией и Украиной не произведена и договором не закреплена. И, следовательно, юридически, после распада СССР, еще не является территорией Украины.

Надо, независимо от «Минска» и параллельно ему, строить свое государство.

Возможности переучреждения нового федеративного государственного образования, на территориях уже бывшей Украины, остаются для многих предпочтительными.

УДК 1:316.3:141.7(470+571+477)“1990/2014”

РОССИЯ И УКРАИНА ОТ РАСПАДА СССР ДО КИЕВСКОГО ПЕРЕВОРОТА. ПОЛИТИКО-НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

Коновалов А.Г.[1], Коновалова И.В.[2]
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
Донецкая общеобразовательная школа I–III ступеней № 69
konovalov.1957@mail.ru

«Войны никто не хотел. Война была неизбежной»
(Барбара Такман «Августовские пушки»)

Распад СССР – это и геополитическая катастрофа, и трагедия людей, живших в некогда едином государстве. Распад СССР произошел, прежде всего, из-за предательства коммунистических и советских элит при прямой поддержке Запада. Один из руководителей ЦРУ относительно тех событий выразился предельно откровенно: «Чтобы развалить страну, надо найти тех,

кто ею недоволен и поставить их на нашу зарплату». Успешный опыт развала еще неоднократно применялся на постсоветском пространстве: от Киргизии до Украины. Тысячи различного рода неправительственных организаций, которые прямо или опосредованно финансируются государствами Запада, от США до Германии спокойно работают во всех бывших республиках Советского Союза. Падение цены на нефть, по сговору США и Саудовской Аравии, безусловно, подорвали экономические возможности СССР, но не это было главной причиной разрушения СССР. Главная причина – предательство руководства СССР и Союзных Республик. Только к 2000-ым годам Россия, Белоруссия, Казахстан смогли выйти на уровень ВВП 1990 года, а Украина до сих пор находится на уровне 55–60 % от ВВП 1990 г. Так что не в экономике было дело.

Предательство элит привело к «закрытию» и социалистического, и советского «проектов» развития. Были распущены военный «Варшавский договор» и Совет экономической взаимопомощи между СССР и странами социалистического содружества. Были выведены все войска, чем Запад и воспользовался в полной мере. Это было двойное предательство: граждан своей страны и тех стран, которые были ориентированы в экономической, политической, идеологической и социальной сферах на СССР. Прав был М. Булгаков, который в «Мастере и Маргарите» устами своего героя назвал предательство самым большим грехом.

Единая, мощная держава, выигравшая Великую Отечественную войну, отправившая в космос Юрия Гагарина, первого космонавта на Земле в одночасье разделилась на отдельные республики – государства. Некогда единое, общее, от экономики до культуры, стали вначале национализировать по территориям, затем – приватизировать.

Все созданные поколениями наших предков связи – экономические, культурные, исторические, языковые, региональные и т.д. стали сознательно и целенаправленно разрушать. Все, что было хорошего в истории, вдруг стало плохим, чем все гордились, вдруг стало постыдным, подонки и предатели вдруг стали героями, а герои – оккупантами и врагами.

Украина, сотворенная Лениным, Сталиным, Хрущевым из разных этнокультурных, религиозных и т.д. частей стала «строиться» под чуждую для большинства проживающих в Украине людей галичанскую, антирусскую, антироссийскую идеологию.

Разные части Украины по-разному видели свое будущее: Крым, Донбасс, Новороссия – с Россией, частью которой они исторически были, Западные области – с Европой.

Разным было и понимание территориального устройства Украины. Юго-Восток и Крым – за федеральное устройство и русский язык как государственный. Западные области – за моногосударство и только украинский язык.

Попытки здравомыслящих сил как в России, так и в Украине как-то повлиять на «новый – старый» правящий класс ни к чему не привели. Руслан Хасбулатов – Председатель Верховного Совета Российской Федерации

вспоминает, как он в 1992–1993 гг. многократно просил Бориса Ельцина как-то решить вопрос и Крыма и др. областей Восточной Украины, которые подвергались все больше и больше дискриминации от Киевских властей и по языковому и религиозному и т.д. признакам. Но в России шел дерибан собственности и борьба за власть. И у нас проведенные в Крыму и на Донбассе референдумы (по языку и федерализму) Киевом также просто игнорировались.

Майдан 2004–2005 годов вновь, при поддержке Запада, обострил все существующие противоречия между Востоком и Западом Украины. Существующей элите была поставлена Западом задача – Украина должна быть вне влияния России, анти-Россией.

Неподписание В. Януковичем соглашения с Европейским Союзом чисто по экономическим причинам дало старт новому майдану 2013–2014 годов. Продажность и трусость элиты привели к вооруженному, нацистскому перевороту в Киеве. Янукович сбежал в Россию, бросив страну и своих избирателей. Харьковский Съезд территорий, не признавших новую власть, осудив на словах госпереворот, этим и ограничился. Никаких реальных действий предпринято не было.

Первым сказал свое слово Крым. Русская весна началась. За Крымом – Харьков, Донецк, Луганск, Одесса. Но после Одесской трагедии 2 мая, Харьковского разгрома последовал Мариупольский расстрел людей в святой для всех жителей Юго-Востока Праздник – 9 мая. Весь Донбасс поднялся против киевских нацистов. С 1 марта началась Русская Весна на Донбассе. 7 апреля 2014 г. была провозглашена Донецкая Народная Республика. 12 апреля 2014 г. Стрелков с группой ополченцев занял оборону Славянска. Началась война, которую никто не хотел. 11 мая 2014 г. жители Донбасса на референдуме проголосовали за независимость от такой Украины.

Началось строительство ЛДНР в условиях войны.

Попытки Киева силой, через использование Вооруженных сил Украины «задавить» республики – есть прямое нарушение Конституции и военное преступление, которое, как известно, срока давности не имеет.

Принятые Верховной Радой законы о декоммунизации и дерусификации, запрет на Георгиевскую ленточку, как символ победы СССР над фашистской Германией, войну с территориями дополнили войной с поколениями, как выражение поддержки общей русофобской культуры Запада.

С одной стороны – ЛДНР и Россия, с другой – Киевский режим и объединенный Запад. Защищая себя и близких, народные республики стали, вместе с тем, передними рубежами защиты России, которая, по словам американского генерала и командующего НАТО в Европе Бридлава есть «долгосрочная экзистенциальная угроза» для США.

Русская весна на Донбассе – это война за Россию. Война была неизбежной. Очень точно нынешнее противостояние выразил Н. Михалков: «Война идет сегодня между теми, кто победил в Великой Отечественной войне, и теми, кому это не нравится».

УДК 130.2

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Клименко А.Б.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
aleks_klim09@bk.ru

Время, в которое мы живем, можно назвать временем духовного кризиса социума. Оно характеризуется потерей веры в идеалы, появлением анти-культуры и эрзац-ценностей. Кризис современного общества, который возник в конце XX – начале XXI столетия, имеет глубокий антропологический характер и обусловлен противоречиями между личностью и обществом. Сбой случился в механизме взаимодействия личности и общества, и отразился в духовно-экзистенциальной сфере, в процессах протекания бытия. Эти процессы охватывают сам способ бытия человека и типы воспроизводства жизнедеятельности человека, потому они имеют антропологические основы.

Человечество вплотную подошло к проблеме выживания, когда стал вопрос: быть или не быть человечеству? Это, в свою очередь, актуализировало вопрос о взаимоотношении между личностью и обществом, становлении его самосознания и развитии сущностных сил человека. Поэтому именно человек является сегодня смыслоформирующим фактором общества и его движущей силой. И в зависимости от того, создает общество условия для реализации творческих и духовных потенций человека или мешает этому, социум находится или в динамическом равновесии и движении, или в режиме стагнации, деградации и саморазрушения.

Духовные и моральные основы мирового сообщества испытываются серьезными потрясениями: терроризмом, религиозным фанатизмом, тоталитарными сектами, наркобизнесом, коррупцией. В массовое сознание внедрены культ потребления, наркомания, депрессия, самоубийства, алкоголизм, в основе которых проявление «негативной воли». В современном обществе появились такие явления, как: фрустрация (самообман, разлом, разрушение личности), деперсонализация личности, формирование нецелостной личности; невротические расстройства, аномия (безнормность), правовой негилизм, эрзац-ценности. Дефицит моральной культуры выливается в извращенные формы (сознание человека не может меняться так же быстро, как культурные и политические мировые процессы), потому общество теряет что-то существенное – веру и надежду.

Современное общество требует, прежде всего, духовных ориентиров, выработанных философами, т.е. замены обезличенных и нивелированных индивидов – творчески активными и деятельными. Технократическая цивилизация выдвигает современные требования к человеку, но при этом приводит к сублимации его природных импульсов. Для снятия редукции

этого напряжения общество использует разные способы, одним из которых принято считать корреляцию индивидуального и общественного. Сублимация – один из защитных механизмов психики. Социальный характер, по мысли Эриха Фромма, – это квинтэссенция наиболее значительных черт, свойственных данному обществу. Однако встречаются отклонения в развитии индивидуального характера, обусловленные или генетическими причинами, или воспитанием (школа, семья, коллектив). Если структура личности приспосабливается к объективно значимым социальным потребностям, то энергия людей превращается в производственную силу, и эта сила заставляет развиваться общество, тем самым формируя пространство для развития личности. Но адекватные возможности человека не безграничны. Обязательно наступит момент, когда система характера перестает соответствовать социально-экономическим условиям, которые требовали именно таких черт характера. В такой ситуации люди не могут действовать в соответствии со своей природой и возникает конфликт с действительностью, наступает отчуждение личности от себя, себе подобных, природы, общества. Социальные условия, преломляясь во внутреннем мире человека, вызывают неврозы (фрустрации). Карен Хорни описывает четыре великих невроза нашего времени: 1. поиск благосклонности (признания любой ценой); 2. невроз власти (борьба за влияние, престиж); 3. невроз покорности (самоидентификация с харизмой лидера); 4. невроз «бегства от общества». Эрих Фромм отмечал, что источники моральности, как и деструктивности, следует искать в человеческой воле. «Этическая революция» – это осознание того факта, что превращение общества начинается с самого человека. Дефицит взаимопонимания в отношениях между людьми породил характерные для миллионов людей душевную депрессию, одиночество, чувство ненужности (невостребованности). Для того чтобы изменить человека, нужно изменить сознание и общество, нужно сформировать новое сознание, нового человека.

УДК 130.2

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА

Комисова Е.И.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
azazel2788@mail.ru

Духовный кризис тесно связан с кризисом социальным, представляющим собой как его причину, так и следствие. Каждый тип кризиса связан с той или иной сферой жизни общества и формой общественного сознания.

Рассматривая духовный кризис сквозь призму общественного сознания, можно выделить его основные черты:

- преобладание партикулярных норм над универсальными с точки зрения морали;
- утрата гуманистических начал, общечеловеческих духовных и нравственных ценностей в искусстве, доминирование массовой культуры в эстетическом сознании;
- девальвация базовых политических ценностей, нарастание межконфессиональной нетерпимости, авторитарных тенденций, шовинизма и ксенофобии;
- догматизация определенных учений и формирование «одномерного» человека.

С точки зрения философского сознания кризис характеризуется невозможностью постнеклассической философии осмыслить социальные, культурные и исторические процессы в современном мире. В религиозном сознании кризис связан с нарастанием тенденций фундаментализма и фанатизма.

Группы людей и индивидуумы различаются множеством признаков или измерений. Одни из них заложены в человеке генетически, такие как раса, пол, темперамент. Другие признаки являются приобретенными и обусловлены социальными условиями, к примеру, гражданство, образование, профессия, имущественный статус, конфессиональная принадлежность. Любой кризис сопровождается сменой или колебанием того или иного приобретенного измерения [1]. В кругу названных измерений человека и социума особое место занимают три признака: язык, национальность и вероисповедание.

Религиозное сознание человечества – это одна из самых древних форм общественного сознания, источник древней мудрости и опыта. Из мифолого-религиозного сознания развилась человеческая культура, постепенно приобретавшая символически разнящиеся формы общественного сознания, такие, как искусство, этика, право, философия, обыденное сознание.

С одной стороны, социальные кризисы порождают активизацию религиозной жизни общества. Кризисные состояния общественно-психологической атмосферы могут проявляться в настроениях разочарования в прошлом и настоящем, тревожного ожидания будущего, в отягощенности исторической памяти, расшатывании общественных и групповых идеалов, падении общественных нравов, массовых и групповых страхах и страданиях.

В условиях отчуждения человека от человека происходит дисгармонизация общения, общение приобретает превратные формы, опосредуется вещными отношениями. Создается психологическая предрасположенность к религиозному общению. Психологическую почву религии создает устойчивое, постоянное чувство страха перед разрушительными силами общества. Отношения бессилия, зависимости, которые в данных условиях непреодолимы, неустранимы, порождают

психологический комплекс, включающий страх, отчаяние, и в то же время ожидание лучшего, надежду на избавление от гнета чуждых сил. Если поддержка не приходит в реальной жизни, это приводит к поискам духовной помощи, человек обращается к религии.

С другой стороны, в рамках традиции К. Маркса и Л. Фейербаха религию можно рассматривать как слабую сторону человечества, зависимую переменную, «надстройку» над основополагающими экономическими отношениями между людьми, диалектикой способа производства [2].

Секуляризация современного общества объясняется высоким уровнем развития экономики, науки и техники. Если бы навыки и технические возможности человека начала третьего тысячелетия были продемонстрированы жителю даже не столь далекого XIX века, он принял бы своего потомка за пришельца с других планет. Даже страшащийся социализма и стремящийся задержать прелесть буржуазного века с его духовностью дальновидный Ф. Ницше не смог бы поверить в то, насколько далеко ушел уровень развития человека всего за 150 лет. Причем эта пропасть больше во много раз, чем разница между людьми того же XIX в. и, к примеру, XV в. Принципиальный скачок в развитии средств производства совершается с переходом к индустриальному обществу. На протяжении только одного столетия человечество перешло от письма и устного творчества к компьютерному общению, от устных бесед – к помощи различных телекоммуникационных средств. Причем темпы этих изменений всё время нарастают. А поскольку в основе этих изменений лежат научные открытия, то это дает повод для обвинения в адрес науки как главной виновницы кризиса культуры и секуляризации общества. Если бы течение НТП проходило более плавно, то культура «привыкала» бы, впитывала и отбирала новые ценности, гармонизировала их с традиционными.

В ходе трансформации религиозного сознания можно отметить активизацию синкретизма. Примером может служить соединение догматов и обрядов православия и католицизма; христианства и ислама, к примеру, община Бахаи; христианства, ислама, буддизма, к примеру, Церковь Объединения.

Таким образом, трансформация религиозного сознания в условиях социального кризиса представляется в нескольких аспектах: секуляризация либо возрастание религиозной активности, синкретизм религиозных вероисповеданий.

1. Ильин И. А. Религиозный смысл философии – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 693 с.
2. Кузнецов В.Г., Кузнецова И.Д., Миронов В.В., Момджян К.Х. Философия: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 519 с.

УДК 140:7.073.3

ФУТУРИЗМ: ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Лозовая Л.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
lozov@telenet.dn.ua

В начале XXI века с ускоренным развитием техники в обществе всё более острый характер приобретают проблемы цивилизации – проблема техники и проблема мегаполиса как центра современной жизни. В поисках их разрешения следует обращаться не только к практической науке, но и к духовному опыту прошлого. Столетие назад, когда активное вторжение техники в жизнь человека привело к необходимости её ценностного осмысления, перечисленные проблемы находились в центре внимания футуризма, однако в итальянском и русском футуризме часто имели диаметрально противоположное идейное осмысление. В эстетических оценках техники и города итальянский футуризм находился на позициях технократической цивилизации, которая смысл человеческой жизни сводит к овладению внешним миром, его материальному преобразованию и упорядочиванию. Русский футуризм подошёл к осмыслению проблем техники и города с позиций гуманистической культуры, признающей значимость лишь за теми человеческими действиями и воззрениями, которые основаны на эстетических и нравственных ценностях.

Оценка техники итальянским футуризмом была однозначно позитивной. Техника рассматривалась как цель существования современного поколения, которое в отсталой земледельческой стране стремилось создать новую реальность, развивая технику и промышленность. Искусство призывалось отражать новую действительность, «душу» заводов, фабрик, поездов, материалов. Эстетика итальянского футуризма отличалась антиорганичностью, преклонение перед техникой вызвало презрительное отношение к живой природе и человеку как неотъемлемой её части. В манифесте провозглашалось, что человеческие страдания должны интересовать художника не больше, чем «скорбь электрической лампочки». Погружение в механический, мёртвый, обездушенный мир техники утверждало красоту неживых, искусственных и рационально-стандартных конструкций.

Оценочные подходы к технике русского футуризма отличались сложностью и многозначностью. С одной стороны, русский футуризм проявил себя как носитель гуманистической культуры, утверждая, что в цепочке «человек-техника» главным является человек, а техника призвана ему служить. Одновременно русский футуризм проявил себя как предтеча технократической цивилизации, обожествившей вещь, технику, материю.

Русский футуризм осознал опасность, которую несёт человеку техника, рассматривая её не только как враждебную силу, угрожающую физическому здоровью и жизни человека, но и как главный фактор, подавляющий человеческую индивидуальность. Машина порабощает человека, превращая в свой придаток, заставляет подчиняться лишь законам необходимости, изживает в нём все человеческое. Входя в мир техники, включаясь в машинное производство, человек осуществляет себя не как творческая личность, а как одностороннее существо, ценность которого определяется узкоутилитарной полезностью в одной ограниченной сфере.

Однако при всей несхожести позиций в отношении техники, итальянский и русский футуризм видел в ней продукт творческой активности человека и выразил понимание, что своим существованием техника обязана изобретательству, которое позволяет преодолеть инертность традиционного и терпеливое отношение к неудобному. Машину футуризм рассматривал как создание разума и воли, которое наделяет человека сознанием достоинства и силы, даёт возможность владеть миром, господствовать над природой. И, хотя русский футуризм противопоставил восторженно-оптимистическому восприятию техники, присущему итальянскому футуризму, понимание того, что техника таит в себе опасность, диктует человеку свои законы, наносит поражение его духовной жизни, он всё-таки видел в технике показатель творческого призвания человека в мире.

Проблема техники в эстетике футуризма была тесно переплетена с проблемой города (мегаполиса) как центра существования машинной цивилизации, формирующем в человеке особое городское мироощущение и сознание. Город для футуристов – это олицетворение современности, «сегодняшнего» дня истории, в котором проступают контуры будущего.

Для итальянского футуризма характерна апология урбанизации, эстетическое признание новых скоростей, звуков и ритмов. Город в понимании итальянских футуристов аккумулирует всю мировую энергию, как созидательную, так и разрушительную. Уловив «всемирный динамизм» XX века, привнесенный машинами, итальянский футуризм противопоставил динамизм «статике» прошлого. Движение рассматривалось как квинтэссенция жизни, символ её творческой энергии, поэтому мотив движения стал главным в футуристической живописи. Динамизм, лежащий в основе футуристического мироощущения, диктовал новые подходы к структуре живописных композиций, которые стали отражать непрерывно меняющиеся впечатления и эмоции, обрели свойства фрагментарности и незавершенности. Сложный механизм города, пребывая в постоянном превращении, концентрирует в себе множество разнообразных движений и перенасыщает восприятие человека. Накладываясь друг на друга, впечатления трансформируются в человеческом сознании из реальности в ирреальность. В результате мировосприятие приобретает такие черты как подвижность и изменчивость, хаотичность и поверхностность, которые порождают изломы, сдвиги, диссонансы в структуре художественных произведений.

Город итальянских футуристов лишен драматизма и воспринимается как быстро изменяющаяся среда, лишённая исторических и топографических примет. Разрушительные силы города не пугают, в них нет опасности, поскольку итальянский футуризм трактовал разрушение как один из этапов постоянных превращений, являющихся способом существования городского организма.

Восторженную оценку города разделяли до 1914 года и русские футуристы, создавшие в живописи его мажорный и подвижный образ. Однако начавшаяся война породила апокалипсический образ города, в котором главным стал мотив крушения, вселенского катаклизма форм.

В эстетике русского футуризма преобладал антиурбанизм, что было связано с традициями русского национального искусства и литературы, негативно относящихся к отчуждающей стихии города. Русский футуризм отрицательно оценивал город, погружающий человека в искусственную реальность, сковывающий его свободу, ограничивающий общение с природой и людьми. Русский футуризм выразил понимание того, что современный город несёт в себе отрицательные черты угнетённости и нравственной испорченности, жажду обогащения и торгашескую алчность, которые изживают духовное в человеке.

1. Бобринская Е.А. Футуризм и кубофутуризм / Е.А. Бобринская. – М.: Галарт, 2010. – 175 с.
2. Манифесты итальянских футуристов. – М., 1914.
3. Маринетти Ф.Т. Футуризм // Ф.Т. Маринетти. – СПб.: Новь, 1914. – 120 с.
4. Марков В.Ф. История русского футуризма / В.Ф. Марков. – Л.: Алетейя, 2010. – 439 с.

УДК 165.191

ОЧЕВИДНОСТЬ И МЕТОДОЛОГИЯ В ЭПОХУ ОТКАЗА ИСТИНЫ

Мирный А.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
1c12@mail.ru

Перед тем как и для того чтобы создать целостный концепт, на сколько это возможно в постисторическом сознании, нужно вначале ухватить некую *методологию*, структуру, суть которой есть *стремление к очевидности*. Суть любой философской сущности это стремление к очевидности. Любое движение мысли подчинено этому стремлению. Оно заменило нам классический сенсуалистский подход к пониманию философии как механизму поиска истины. Мы существуем в эпоху отказа от истины, в эпоху полной её утраченности. Мы гнались за ней 2500 лет и только сейчас понимаем, что она была не впереди и где-то снаружи, она была сутью стремления к очевидности. Это стремление в итоге обозначает нам *очевидность отсутствия истины*. Ницше говорит о пространственной метафоре вечного возвращения к некоему моменту отсутствия истины.

Платон о воспоминании истины, как процессе извлекающем истину из собственной, потусторонней среды (трансцендентного) и вовлекающем её в сферы сущего.

Начиная писать любую научную работу, философ может использовать гегелевскую методологию и понятийный аппарат, затем он переходим от дефиниций к явлениям или *со-бытиям*, или к противопоставленности *Я* и *Другого*. Он ищет продолжения, недостатки, изменения, несостоятельность прежних дефиниций. И потом описывает их аналоги. Он делает всё это до тех пор, пока может абстрагироваться или пока его мысли соответственно очевидны.

Возьмем, к примеру, экзистенциализм, как теорию всё ещё остающуюся передовой. Постмодернизм, на наш взгляд, лишь облекает его в историческую форму. Большинство тезисов Хайдеггера лишены очевидности, поэтому именно это понятие (слово, значение, явление, экзистенциал, пр.) мы и должны исследовать. Он пропустил это понятие как этап, перешагнув дальше. Хайдеггер, как древний Зенон, который пытался опровергнуть наличие движения, но перед ним начали бегать. Никогда нельзя отказываться от методологии, так как она в самом абстрактном смысле это простое действие, отказаться от которого мы, очевидно, не можем. Хайдеггеровское описание настолько абстрактно, что потеряло связь с самим собой. Это некая супер-диалектика, ещё раз снимающая и завершающаяя саму себя. Основная *проблема Хайдеггера* в том, что он не очевиден (мы условно говорим о нём самом как о личности, так как его учение, дискурс даже не можем назвать теорией или методологией, всё потому что, согласно ему же самому, это будет наверно).

Все предыдущие философы старались найти невидимые ранее, но очевидные при явлении вещи. Хайдеггер, начиная очень ёмко описывать разницу между бытием и сущим, очень правильно поставив основной вопрос, в итоге скатывается до простой софистики. Его *вещи* просты, ноне очевидны. Также очевиден отказ в их определении, но не они сами. Ещё один пример, это то, что само время не очевидно. Начало, завершение, момент - более очевидны чем сама темпоральность. Для экзистенциализма различие сменяющегося, есть время, жизнь следует считать событиями, а не годами. Таким образом, здесь вместо того, чтобы утвердить очевидность как аналог классического закона формальной логики – закона непротиворечия, она подменяется некой упокоинностью, удовлетворённостью результатом.

Но, тем не менее, *поэзис* (экзистенциализм) это не мода, а необходимость. Логика, рационализм, позитивизм не состоятелен в условиях своей завершенности. Создание окончательных теорий в данных направлениях не даёт удовлетворённости результатом. На смену критической философии, как результата первого диалектического кризиса методологий сознания (разума), приходит поэзис, как отказ отказа. Мы все должны осознать, понять, упокоится и принять, то, что мы живём в эпоху отказа истины.

1. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем. и комм. В. В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
2. Гегель. Наука логики / пер. с нем. Н. Г. Дебольского. – СПб., 1916. – 423 с.
3. Дугин А. Мартин Хайдеггер. Последний бог. – М.: Академический проект, 2014. – 846 с.
4. Blok, V. «Heidegger's Ontology of Work», Heidegger Studies 31: 2015. – P. 109-138.

УДК 316

ИНТЕРАКТИВНАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ СУДЕБНЫМИ ИНСТАНЦИЯМИ

Моисеева Ф.А.
ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского», г. Донецк
moiseev.alex@i.ua

На территориях вооруженного противостояния документирование военных преступлений берут на себя общественные организации. Собранные материалы поступают в международные судебные инстанции. В Донецкой Народной Республике такую работу выполняет общественная комиссия. В ходе документирования осуществляется взаимодействие между всеми его участниками: между непосредственными исполнителями этой работы (председатель общественной комиссии, руководитель и члены рабочей группы, эксперт, который систематизирует и исследует собранный материал); между ними и общественностью, которая выполняет функцию контролирующей инстанции; между общественной комиссией и международными судебными инстанциями. Отметим, что такое взаимодействие носит коммуникативный характер, поскольку происходит на основе обмена информационными сообщениями. Ему соответствует интерактивная модель коммуникации. Однако требует научного обоснования выбор данной модели коммуникативного взаимодействия общественного субъекта документирования с международными судебными инстанциями.

Цель нашей работы – аргументировать интерактивный характер коммуникативного взаимодействия между общественной комиссией и международными судебными инстанциями.

Принимаем во внимание, что работа по документированию находится под постоянным контролем со стороны общественности. Поэтому к субъектам внешнего наблюдения относим правозащитную организацию, от имени которой осуществляется документирование, профессиональные организации экспертов, органы средств массовой информации, а также неопределенный круг граждан, которые могут ознакамливаться через СМИ с персональным составом рабочей группы и с материалами документирования. Международные судебные инстанции также относим к участникам взаимодействия, поскольку им от имени общественной комиссии направляются материалы проведенного документирования.

Коммуникативное взаимодействие участников документирования рассматриваем в двух уровнях: внутренне взаимодействие осуществляется между председателем общественной комиссии, руководителем рабочей группы, журналистом, криминалистом, экспертом (их называют субъектами документирования), а также правозащитной организацией, общественными профессиональными организациями, органами СМИ, гражданами (они берут на себя контролирующие функции). На внешний уровень выносим взаимодействие между общественной комиссией и международными судебными инстанциями.

Общей целью коммуникации между всеми участниками документирования можно назвать использование зафиксированной информации для достижения собственных целей. Учитывая, что цели различных субъектов, участвующих в документировании, различаются и даже могут конкурировать (например, граждане могут не соглашаться с отдельными суждениями членов рабочей группы; международная судебная инстанция может не доверять комиссии, сформированной на территории непризнанного государства), то сведения, которые они представляют, приобретают различную интерпретацию у разных участников коммуникации. Поэтому важным заданием становится выработка рекомендаций по формированию и эффективному использованию сообщений, которыми они обмениваются, относительно хода и результатов документирования.

Все участники документирования в процессе взаимодействия используют собственные знания и навыки, среди которых основное место занимают профессиональные. Так, субъекты процесса документирования являются специалистами в той или иной области знаний. Лица, осуществляющие общественный контроль, выражают собственную позицию, выработанную в ходе общественно значимой деятельности. Можно сказать, что они также используют социально закрепленные знания научного характера. Поэтому, по нашему мнению, изучение коммуникативного процесса документирования следует осуществлять в междисциплинарной парадигме с одновременным анализом социального, юридического, лингвистического и прагматического аспектов профессиональной компетенции его участников. Это и соответствует формированию интерактивного подхода к изучению коммуникативного процесса как особого типа профессиональной интеракции, характеризующейся целями, стратегиями, структурой и поведенческими нормами. Делаем вывод, что коммуникативная деятельность, осуществляемая в ходе документирования, направлена на уменьшение разногласий или на достижение согласия при допущении несовпадения некоторых позиций.

Мы придерживаемся мнения, что кооперативной целью взаимодействия всех участников документирования является объективизация итоговых результатов, обеспечиваемая посредством контроля за всеми составляющими этого процесса. При этом мы исключаем случаи недобросовестного противодействия отдельных лиц, производимого путем намеренного искажения фактов и фальсификации источников информации.

Вместе с тем, интерактивный подход к коммуникации означает жесткую принципиальность позиций субъектов, находящихся во взаимодействии. Поэтому эффективность такого взаимодействия обеспечивается не преодолением чьей-то принципиальной позиции, а разрешением имеющихся противоречий на основе согласования позиций участников коммуникации.

Во многих случаях применения специальных методик, для понимания материалов документирования необходимо обращение к толковым словарям и к специальной литературе. Поэтому, по нашему мнению, можно поддержать практику подачи специалистами по документированию и экспертом краткого словаря основных терминов в тексте заключения, составленного по результатам фиксации и исследования обстановки и обстоятельств документируемого объекта. Таким способом формируется однозначный контекст, что способствует взаимопониманию между участниками документирования, которые оценивают результаты проведенных исследований или только ознакамливаются с ними.

Важным в документировании называем применение научного подхода к обоснованию его субъектами своих позиций и производимых действий. В таком аспекте взаимодействие следует понимать как привлечение потенциала профессиональных (специальных) знаний для обеспечения объективности полученных данных. На этой основе складываются объективно ориентированные технологии взаимодействия. Модели этого взаимодействия должны базироваться на необходимости не нейтрализовать или опровергнуть позицию коммуниканта, а достичь равноправного согласования относительно обоснованности процедур документирования и объективности его результатов.

Обращаем внимание, что эффективное взаимодействие невозможно без постоянного доступа ко всем промежуточным действиям и итогам процесса документирования. Поэтому считаем, что вся процедура документирования должна проходить открыто, без утаивания его хода и результатов. При таких условиях подтверждаем выбор интерактивной модели взаимодействия участвующих в нем лиц. Модель этого типа предполагает циркулирование информации между участниками документирования, между ними и представителями международных судебных инстанций, а также наличие обратных связей в коммуникативном взаимодействии.

По нашему мнению, следует создавать полноценную рабочую группу специалистов различного профиля для документирования одного события, привлекать опытных экспертов широкой специализации для исследования материалов с целью установления имеющихся в них объективных противоречий.

В итоге отмечаем, что прагматические аспекты деятельности общественной комиссии обусловлены: открытым доступом к информации по назначению рабочей группы и выбору документируемого события; обнародованием результатов фиксации и экспертных исследований события; общественным контролем за всей последовательностью действий по документированию.

Таким образом, интерактивная модель отображает равный доступ участников к результатам документирования, а также активную позицию представителей общественности относительно его хода и результатов.

УДК 378

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Поправко А.К., Поправко А.А., Ангелина Э.А.
Донбасская юридическая академия, г. Донецк
duan-nauchotdel@yandex.ru

В свете обострения глобальных политических проблем (война в Сирии, нашествие эмигрантов в Европу) почти незамеченным прошло событие в Японии, которое имеет для страны, безусловно, эпохальное значение – закрытие гуманитарных факультетов. Распоряжение о пересмотре набора специалистов поступило в 86 национальных университетов, 26 университетов уже согласились закрыть гуманитарные факультеты. По-разному оценивают это событие в Японии и за рубежом. Ряд специалистов в Японии говорит об изменении политического вектора и усилении элементов авторитаризма. Другие специалисты говорят, что отмена социальных наук свидетельствует об откате к индустриальной экономике, которая существовала в Японии в 60-70-е годы. Образование в Японии – это культ, поддерживаемый семьёй, обществом и государством, поэтому интересно понять, почему японцы хотят отказаться от гуманитарного образования. Во-первых, министр Шимомура в письме предложил сосредоточиться на областях знаний, «лучше отвечающих потребностям общества», то есть сократить или вовсе отменить учебные программы по гуманитарным и социальным наукам. За этой формулировкой скрывается проблема, свойственная высшему образованию всех стран мира. Всегда и везде нужны хорошие юристы, социологи, психологи, политологи, а не просто люди с дипломами. Есть переизбыток ложных специалистов, квалифицированных гуманитариев найти трудно. Суждения о том, что Япония усилит техническую, роботизированную систему образования, лишены смысла. Бывший премьер-министр Накасонэ за годы своего правления главным достижением считает создание Института глобальных проблем общества, который и пришёл к выводу, какие гуманитарные науки не отвечают запросам общества. Японцы подошли к оценке гуманитарных наук с точки зрения метрологии – науки об искусстве измерений и состоятельности всех видов деятельности.

В культуре человечества метрологическая состоятельность наук привели к известному разделению наук на точные и гуманитарные.

Точные науки – математика, отрасли естествознания, технико-технологические науки, в которых метрологическая состоятельность обеспечиваются

наличием эталонной базы, т.е. единиц измерения массы, длины, времени, температуры, признаваемой мировым научным сообществом.

Представители определенной части гуманитарных наук (философы, политологи, социологи), по мнению сотрудников института, мало задумываются о качественной определенности наук, вследствие чего занимаются изучением разного рода «фикций и иллюзий», порожденных ими же самими. Неадекватность гуманитарных наук порождает политику, которая обрекает множество людей на несчастья и способна привести общество к катастрофе.

К сожалению, Япония идёт в фарватере внешней политики США, особенно в отношении санкций по отношению к России, и даже бывший министр образования Х. Симомура открыто выступил против неадекватной западной гуманитаризации, подрывающей мировоззренческую безопасность страны. Японцы столкнулись с кризисными моментами в управлении обществом и начинают понимать, что гуманитарные науки Запада не совсем адекватны [3].

Токийский и Киотский университеты отказались подчиняться запрету, 17 вузов объявили о закрытии гуманитарных программ, 9 университетов согласились их сократить; университеты не будут готовить юристов, экономистов, политологов, социологов и других специалистов-гуманитариев.

Известный русский философ И. Ильин писал в работе «Что нам делать?»: России не нужны партийные трафареты. Ей не нужно слепое западничество. Её не спасёт славянофильское самодовольство. России нужны свободные умы, зоркие люди, новые религиозно укоренённые творческие идеи [2].

Что касается преподавания гуманитарных дисциплин, увы, Россия иногда идет путем анализа в основном не самых современных западных теорий.

Гаранина О.Д. отмечает, что введение экзамена для аспирантов по истории и философии науки обусловлено необходимостью формирования высокой методологической культуры будущих учёных, развитием современного научного стиля мышления, что возможно на основе понимания структуры научного знания, его динамики, тенденции развития науки как вида духовной деятельности и социального института, осознания её места и роли в современном обществе. При анализе концепций науки акцент делается на учения О. Конта, Г. Спенсера, Э. Маха, Р. Авенариуса, К. Поппера, И. Лакатоса, К. Фейерабенда – теории XIX и начала XX ст. Последний раздел пособия [1] «Наука в культуре современной цивилизации» характеризует традиционный и техногенные типы цивилизационного развития.

В учебном пособии Гараниной О.Д. [1] не названа фамилия одного российского учёного В.И. Вернадского, отсутствует анализ философских концепций науки таких учёных, как П.В. Копнин, В.А. Лекторский, Н.Н. Моисеев, В.С. Стёпин, И.И. Лапшин, М.М. Бахтин, Д.С. Лихачёв, Н.В. Мотрошилова.

Кандидатский экзамен по такой программе не будет способствовать объективно становлению личности преподавателя-учёного, так как это есть не лучшее повторение материала из истории философской мысли, социологии и, главное, не указано, какой вклад в историю и философию науки внесли русские учёные. Проблема заключается не в том, нужно ли употреблять цитаты из трудов советских и российских философов, а в том, что современные философы из России рассматривают науку не только в технологическом аспекте, а отмечают резко возросшие нравственные требования к проведению научных исследований, что особенно касается конвергенции биохимических, информационных, нано и когнитивных тенденций, проблемы трансгуманизма, философской концепции, которая предлагает существенное улучшение физиологических, интеллектуальных возможностей человека, существенно отодвинув границы старения и смерти. Задача учёных, в том числе преподавателей гуманитарных дисциплин, – показать нравственные риски осуществления этих проектов.

Какие можно сделать выводы?

Во-первых, растёт понимание в мире необходимости переоценки направленности и ценности гуманитарного образования; во-вторых, закрытие гуманитарных факультетов в Японии мы рассматриваем не как отказ от гуманитарного образования, а как поиск новых моделей подготовки гуманитариев, стоящих на страже национальной безопасности страны, а не просто юристов, экономистов, политологов, социологов, которые имеют диплом, но никогда не смогут работать по специальности; в-третьих, программы гуманитарных курсов должны синтезировать всё лучшее, что накоплено в России и за её пределами; в-четвёртых, курс истории и философии науки, который читается аспирантам, должен включать не только и не столько методологические вопросы, но и этическую сторону принятия и реализации законов.

1. Гаранина О.Д. История и философия науки. Часть 1.: Учебное пособие. – М.: МГТУГА, 2007. – 128 с.
2. Ильин И. А. Пути духовного обновления. – М.: ЛТД БПФ, 1998. – с. 276.
3. Япония отменяет гуманитарное образование – стратегический ход или неразумный шаг / Электронный ресурс // режим доступа: inance.ru, 2015 15/9.

УДК 316.422; 316.25

ГРЯДУЩЕЕ РАЗВИТОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ

Пресняков И.В.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
presnyakoviliaval@gmail.com

В рамках данной статьи автор рассматривает проблему социокультурных аспектов тех технико-технологических процессов

модернизации, которые в скором времени предстоит осуществить нашей стране. Ставится также проблема возможности построения в ней так называемого «развитого индустриального общества». Для ее разработки автором используются и анализируются некоторые содержательные концепты одноименной теории философов и социологов Франкфуртской школы. Развитие общества от состояния индустриализма к состоянию развитого индустриализма рассматривается автором в их отношении к социокультурным ситуациям модерна и постмодерна. При этом автором выдвигается предположение, согласно которому именно «развитое индустриальное общество» стало тем переходный моментом существования общества Западного мира эпохи модерна, который впоследствии окончательно утвердил движение Запада в постмодерн. Экономические аспекты этого процесса, этапов модернизации и движения к «обществу всеобщего благосостояния» автор анализирует сквозь призму концепции технологических укладов Д. С. Львова и С. Ю. Глазьева.

В результате проведенного анализа автор приходит к выводу об актуальности для современного российского общества, которое по своим технико-технологическим характеристикам в недостаточной степени соответствует состоянию развитого индустриализма, тезиса Ю. Хабермаса о «незавершенности проекта Модерна». В этих условиях автор выступает за теоретическую и практическую разработку научным сообществом предложений по развитию представленной С. Хантингтоном идеи «модернизации без вестернизации», а также по преодолению тех противоречий «развитого индустриального общества», анализ которых в своих работах провели философы и социологи-франкфуртцы. Автор отмечает большой потенциал и особую роль российской социальной науки, как основного производителя научного знания, как локомотива предстоящей модернизации, который, с точки зрения автора, должен основываться на преемственности национальной интеллектуальной традиции.

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогрозирования/ Дэниэл Бэлл; пер. с англ. В.Л. Иноземцев. – М.: Academia, 2004. – 944 с.
2. Вишневский А.Г. Модернизация и контрмодернизация: чья возьмет? / Александр Григорьевич Вишневский // Журнал «Общественные науки и современность». – 2004. – №1. – С. 17-25.
3. Грудзинский А.О., Балабанова Е.С., Кудряшов Ю.Г. Модернизация предприятий: факторы и направления/ Александр Олегович Грудзинский, Евгения Сергеевна Балабанова, Юрий Геннадьевич Кудряшов // Журнал «Социологические исследования». – 2002. – № 6. – С. 18-28.
4. Дугин А.Г. Четвертая политическая теория / Александр Гельевич Дугин. – М.: Академический проект, 2009. – 351 с.
5. Ильин И.А. Национальная Россия. Наши задачи / Иван Александрович Ильин. – М.: Эксмо, 2011. – 464 с.
6. Каблов Е.Н. Курсом в 6-ой технологический уклад / Евгений Николаевич Каблов // Журнал «NanoWeek». – 2010. – № 99.
7. Львов Д.С., Глазьев С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП/Дмитрий Семенович Львов, Сергей Юрьевич Глазьев. – Журнал «Экономика и математические методы». – 1985. – № 1.

8. Малинкин А.Н. Полипарадигмальный подход и интеллектуальная ситуация в российской социологии/ Александр Николаевич Малинкин // Журнал «Социологические исследования». – 2006. – № 1. – С. 114-123.
9. Маркузе Г. Одномерный человек / Герберт Маркузе; пер. с англ. А.А.Юдина. – М.: АСТ Москва, 2009. – 331 с. – (Философия, Психология).
10. Орлова И.Б., Шумилина Т.И. Современные социологические теории: Э. Гидденс, П. Бурдье, Ю. Хабермас, часть 2. / Ирина Борисовна Орлова, Шумилина Тамара Ивановна // Журнал «Наука. Культура. Общество». – 2010. – №3. – С. 102-115.
11. Осипов Г.В. Социологический энциклопедический словарь/Геннадий Васильевич Осипов. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2000. – 488 с.
12. Осипов Г.В., Степашин С.В. Экономика и социология знания / Осипов Геннадий Васильевич, Степашин Сергей Вадимович. – М.: Наука, 2009. – 206 с.
13. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире / Александр Сергеевич Панарин. – М.: Алгоритм, 2002. – 496 с.
14. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект / Юрген Хабермас // Журнал «Вопросы философии». – 1992. – № 4.
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Самюэл Хантингтон; пер. с. англ. Ю.Ф. Новиков. – М.: АСТ, 2007. – 571 с. – (Philosophy)
16. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Макс Хоркхаймер, Теодор Адорно. – М.: Медиум, 1997. – 312 с.
17. Сборник «Вехи» - 2009. К 100-летию сборника/ИФ РАН; ред.-сост. В.И. Толстых. – М.: ИФРАН, 2011. – 217 с.
18. Новая философская энциклопедия: в 4 т. (2-е изд., испр. И допол.) / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. Фонд; Предс. Научно-ред. Совета В.С. Степин. – М.: Мысль, 2010.
19. Осипов Г.В. О повышении роли научного знания в системе государственного управления российским обществом / Геннадий Васильевич Осипов. – Официальный сайт ИСПИ РАН. Режим доступа: http://isprras.ru/
20. Сталин И.В. О задачах хозяйственников [Электронный ресурс] / Иосиф Виссарионов Сталин. – Собрание сочинений, том XIII. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности от 02.04.1931. – Режим доступа: http://stalinism.ru/sobranie-sochineniy/tom-xiii/o-zadachah-hozyaystvennikov.html

УДК 14:129

ЯВЛЕНИЕ ТРАНСГУМАНИЗМА В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ АСПЕКТЕ

Соловьева Ю.И.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
astraea@ukr.net

На сегодняшний день трансгуманизм уже утвердился как движение, но возникает вопрос: сможет ли он оформиться в новую философию? Такая постановка вопроса указывает на актуальность выбранной темы. Цель работы – рассмотреть трансгуманизм сквозь призму двух прямо противоположных точек зрения. Реализация поставленной цели обуславливает выполнение таких задач: 1) в ходе рассмотрения различных трактовок понятия «трансгуманизм» дать наиболее обобщенное определение;

2) охарактеризовать направление трансгуманизма; 3) раскрыть сущность рассматриваемого движения; 4) очертить особенности оценки трансгуманизма как его сторонниками, так и противниками.

Впервые слово «transhumane» использовал Данте Алигьери в своей «Божественной комедии», а термин «трансгуманизм» ввел в оборот английский биолог и эволюционист сэр Джулиан Сорелл в 1927 г. в работе «Религия без апокалипсиса» [12]. Во второй половине XX века усилившийся научно-технический прогресс способствовал переоценке предложенного термина и использованию его в контексте создания нового существа, отличного от человека. В 1990 г. Макс Мор предложил современное значение термина трансгуманизм, которое заключалось в представлении его как философии жизни, которая стремится к продолжению и ускорению эволюции разумной жизни за пределы ее текущей человеческой формы и человеческой ограниченности посредством науки и техники, руководствуясь жизнеутверждающими принципами и ценностями [13]. В начале XXI века интерес к трансгуманизму усиливается. Это сказывается на количестве предлагаемых дефиниций. В 2003 г. в Transhumanist FAQ дается расширенное определение: трансгуманизм – интеллектуальное и культурное движение, которое подтверждает возможность и целесообразность фундаментального улучшения условий жизни человека с помощью прикладных технологий, в особенности с помощью разработки и обеспечения широкой доступности технологий для устранения старения и значительного улучшения интеллектуальных, физических и психологических возможностей человека [14]. В рамках «Российского трансгуманистического движения» дается такое толкование: «трансгуманизм – это новое гуманистическое мировоззрение, которое утверждает не только ценность отдельной человеческой жизни, но и возможность и желательность – с помощью науки и современных технологий – безграничного развития личности, выхода за считающиеся сейчас «естественными» пределы человеческих возможностей» [5].

Как указывает Н.П. Барышников, трансгуманизм – это культурное и интеллектуальное течение, использующее достижения науки и техники для развития физических и ментальных способностей человека. В понимании Д.А. Беляева, трансгуманизм – это современное интеллектуальное течение, направленное на создание постчеловека. Согласно Н.А. Комлевой, концепция трансгуманизма обосновывается необходимостью создания «постлюдей» благодаря современным технологиям. Приведенные выше рассуждения дают возможность дать наиболее обобщенное определение: трансгуманизм – современное движение, сторонники которого стремятся усовершенствовать человека с помощью НБИКС-технологий в аспектах изменения человеческого тела и сознания с целью создания постчеловека.

Основными направлениями трансгуманизма, как указывает П.В. Кайгородов, являются: 1) протезирование, в перспективе – киборгизация; 2) создание дистанционно управляемых роботов-аватаров; 3) оцифрование сознания и перенос его на неорганические носители;

4) крионика – заморозка с последующим восстановлением жизненных функций. Е.Е. Постол выделяет такие направления: 1) биологическое (включает в себя достижения в области клеточной и генной инженерии); 2) киборгинетическое (направленное на создание небиологических аналогов человеческих нейронов, межнейронных соединений нейротрансмиттерных уровней, где хранятся навыки и воспоминания человека, для создания эквивалента загрузочного порта в мозгу); 3) информационное (переводит человека в разряд носителя информации, которую можно передать на любое расстояние, закодировав ее в виде радио- или телеграфных сигналов). Исходя из этого, Е.Е. Постол выделяет два принципа трансгуманистической теории: усовершенствование кондиций социального бытия и ориентация на потенциал технологического развития.

Главной целью трансгуманизма декларируется бесконечное совершенствование человека с использованием для этого разнообразных, преимущественно, технологических способов, для достижения чего трансгуманисты предлагают: 1) привлечение специалистов разного профиля к решению задач в области нанотехнологий, биотехнологий, информационных, когнитивных, гуманитарных технологий и других областей деятельности с целью улучшения положения человека и человечества в целом [10]; 2) стремление к иммортализму, то есть продлению жизни человека и достижения, в конечном итоге, неограниченого долголетия [1]; 3) развитие крионики как практики сохранения людей при сверхнизких температурах в надежде на то, что наука в будущем сможет вернуть их к жизни в здоровом состоянии, а также – омолодить их [6]; 5) «загрузку сознания» как гипотетическую технологию, позволяющую после сканирования синаптических структур серого вещества перенести сознание из головного мозга на другой носитель [9]. Загрузка сознания позволяет предположить еще более дальние последствия, чем крионика и нанороботы, потому что, если гипотеза о возможности ее осуществления окажется верной, это позволит отказаться от человеческой формы.

В 1998 г. философы Ник Бостром и Девид Пирс основали Всемирную ассоциацию трансгуманистов, которая на сегодня объединяет более 3000 членов. В настоящее время существуют две международные трансгуманистические организации, Институт Экстропии (Extropy Institute), Всемирная Трансгуманистическая Ассоциация (World Transgumaniste Association). Во многих странах существуют местные трансгуманистические группы, в США практически в каждом крупном городе действуют дискусионные группы, в Российской Федерации функционирует «Российское трансгуманистическое движение. Но при этом существует ряд философов, негативно оценивающих идеи трансгуманизма. Среди российских философов наиболее жестким критиком трансгуманизма является В.А. Кутырев. По его мнению, трансгуманизм утверждает мировоззрение смерти, смертоносный миф о расчеловечении человека [4]. Для В.А. Кутырева отказ от гуманитарной парадигмы и замена её трансгуманитарной является

отражением антропологической катастрофы, обрывом пути развития традиционного человека [3]. П.С. Гуревич отмечает, что трансгуманизм дегуманизирует представления человека о самом себе, обеспечивает «эффект обесчеловечения» и обходит проблему уникальности человека. В.А. Лекторский пишет о возможных трагических неожиданностях технологической трансформации человека. Он считает, что мы мало знаем о природе человека биологической и психологической. И потому манипулирование ими может дать неожиданный, ужасный результат, способный уничтожить самого человека. Мы можем создать общество нелюдей, утверждает он [11]. Л.В. Фесенкова считает, что трансгуманизм негативно воздействует на сознание общества. Л.В. Семирухин, рассматривая проблему природы человека в техномире, опасается того, что если будущие достижения биологии смогут изменить разум, то это приведет к исчезновению самого человека [8]. «Трансгуманизация» социально-политической реальности может привести к нарушению баланса естественного течения эволюции и неравномерного распределения социальных статусов и властных полномочий в новой модели «идеального мира». Реформация идеологических представлений о превалировании естественного человеческого начала в процедурном аспекте политического процесса и технологического прогресса в сторону механической конструкции идеального гражданина грозит утратой человеческой ценности и триумфом кибернетического общества [7].

Итак, сторонники трансгуманизма полагают, что технический прогресс решит проблемы, связанные с медициной, старением, смертью, многократно усилит возможности человека. Противники предполагают, что созданное таким образом существо перестанет быть человеком и человечным, и станет враждебным «старому человечеству». Все вышеизложенное дает возможность сделать вывод о том, что трансгуманизм можно рассматривать как современное движение по созданию идеальных постлюдей, обладающих физическими способностями и высокой интеллектуальной активностью, а вот оформление его как новой философии – дело будущего.

1. Введение в иммортализм // Сайт Российского трансгуманистического движения. URL: http://transhuman.ru/menyu/vvedenie-v-immortalizm (дата обращения: 05.04.2016)
2. Кайгородов П.В. Трансгуманизм: ценностные установки в моделях человека // Человек.ru. – 2014. – № 9. – С. 127 – 131.
3. Кутырев В.А. Куда сдвигать гуманитарный вектор? // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. – 2012. – № 3. – С. 9 – 16.
4. Кутырев В. А. Последнее искушение человека // Человек и его будущее. Новые технологии и возможности человека. – М., 2012. – С. 58 – 72 // URL: http://culturalnet.ru›main/getfile/1820 (дата обращения: 05.04.2016)
5. Манифест Российского Трансгуманистического движения. URL: http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/(дата обращения: 05.04.2016)
6. Научное обоснование практики крионики // Сайт Российского трансгуманистического движения. URL: http://transhuman.ru/biblioteka/krionika/nauchnoeobosnovanie-prak (дата обращения: 05.04.2016)

7. Постол Е.Е. Потенциал интеграции идеологических основ «трансгуманизма» и концепции «постчеловека» в политическую реальность // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 8. – С. 144 – 147.
8. Семирухин Л.В. Нанотехнологии и сознание // Философские науки. 2008. – № 1. – С. 80-96
9. Стрентал Д. Загрузка сознания / Деймос Стренталл URL: http://arian.io.ua/s120712/zagruzka_soznaniya (дата обращения: 05.04.2016)
10. Устав Российского трансгуманистического движения. URL: http://transhumanism-russia.ru/content/view/532/121/ (дата обращения: 05.04.2016)
11. Фесенкова Л.В. Экологический кризис и проблема выживания человечества (в аспекте проблем трансгуманизма) // Культурное наследие России. – 2014. – № 4. – С. 81 – 83.
12. URL:http://jetpress.org/volume14/bostrom.html (дата обращения: 05.04.2016)
13. URL:http://media.johnwiley.com.au/product_data/ (дата обращения: 05.04.2016)
14. URL:http://humanityplus.org/philosophy/ (дата обращения: 05.04.2016)

УДК 111

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Семенова А.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
jus.shima@gmail.com

Современная социокультурная парадигма характеризуется изменчивостью, плюральностью социальной жизни и культуры в целом. В условиях трансформации социальных процессов и институтов проблема самоопределения человека становится одной из основных философских тем.

Кризис идентичности в современных условиях связывают с невозможностью большинства людей дать ответ на вопрос «Кто Я?». Кризис идентичности присущ как индивидам, так и группам. Из-за несоответствия человека или группы социальной реальности он проявляется в росте пессимизма, повышенного интереса к иррациональным проблемам, неадекватности восприятия себя и других, обострении и актуализации проблем поиска основ для идентичности [1, с. 122].

Одной из причин кризиса идентичности в современном мире являются глобализационные процессы, которые нарушают традиционные формы идентичности. Отсутствие механизма преемственности, при котором разрушение одного типа идентичности непременно компенсируется идентичностью другого типа, вызывает чувство внутреннего дискомфорта, которое реализуются в усилении изоляционистских тенденций. Кроме того, вовлеченность индивида во множество традиций приводит к расщеплению идентичности, отдельные уровни которой могут противоречить друг другу.

Одной из главных составляющих всеохватывающих трансформаций современного мира является развитие и внедрение в повседневную реальность новейших информационных технологий. Под влиянием

многочисленных и зачастую противоречивых информационных потоков сознание постепенно приобретает черты сиюминутного, фрагментарного. Человек начинает терять опору в своей жизни, размываются существовавшие до наступления информационной эпохи устойчивые ценностные ориентации. Как следствие, возникают чувства духовного одиночества и экзистенциальной опустошенности.

Кроме того, вследствие растущей деперсонализации виртуального общения становится возможным формирование фиктивной идентичности человека, а также множества образов личности в различных коммуникативных средах.

В динамично развивающемся и изменяющемся социуме идентичность становится пластичной, подвижной и зачастую нестабильной. Связано это с тем, что современный человек вынужден выбирать свой жизненный путь из многообразия перспектив, меняя в зависимости от ситуации свои жизненные цели, мотивы деятельности и ценностные установки.

Если человек, привязанный к определенной культуре и традиции, стремился, прежде всего, сохранить целостность и стабильность идентичности, то современный человек пытается раскрыть свой внутренний потенциал; он не останавливается на месте и избегает любой фиксации. Таким образом, долговечная идентичность из достоинства превращается в недостаток.

Чрезмерная гибкость идентичности, постоянные ее исправления приводят к тому, что современный человек утрачивает возможность обрести целостность своего Я. Пропадает у него и чувство ответственности перед группой – коллективные действия воспринимаются «в лучшем случае бесполезными, а в худшем – вредными с точки зрения благополучия и счастья отдельной личности» [2, с. 73].

Признание множественности жизненных путей и индивидуальных картин мира с одной стороны создает широчайшие возможности для самостоятельного конструирования своего Я. Но с другой стороны, отсутствие твердых культурных ориентиров, информированность о других традициях обостряют и усложняют проблему выбора идентичности.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет сделать следующие выводы:

- трансформации социальных процессов и институтов вызывают кризис идентичности;
- одними из основных причин кризиса идентичности являются глобализационные процессы и проникновение в повседневную реальность новейших информационных технологий.

1. Хамнаева А.Ю. Характеристики идентичности в меняющемся мире // Аналитика культурологии. – 2007. – № 7.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., 2005.

УДК 009;008

НАЗАД К БУДУЩЕМУ

Северилова П.В.
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, г. Макеевка
polinaseverilova@mail.ru

«XXI век будет веком гуманитарных наук –
или его не будет вовсе»
(Клод Леви Стросс)

Совершенно очевидно, что природа современного кризиса высшего образования связана с кризисом техногенной цивилизации и ее основополагающих принципов. Однако то, о чем давно говорят и пишут философы: об *антропологическом повороте* в культуре и трагической необходимости возвращения в культуру и образование человека и человеческих ценностей, – до настоящего времени так и не привело к каким-либо положительным изменениям в нашей системе образования. Более того, мы становимся свидетелями тотального сокращения объема преподаваемых гуманитарных дисциплин, многие из которых сокращаются как «шагреневая кожа» или же просто безвозвратно исчезают из программ вузовской подготовки. Создается впечатление, что система высшего образования находится в некой искусственной изоляции, в отрыве от реальности надвигающейся цивилизационной катастрофы. Она, так или иначе, по инерции воспроизводит ту когнитивную модель образования, которая была выработана «проектом» западноевропейского Просвещения, воплотившем основные технократические устремления культуры эпохи Модерна.

Эта технократическая модель образования стала наиболее востребованной в западной культуре XX-XXI века, в связи с необходимостью высшей школы обслуживать все возрастающие потребности глобализирующегося мира в дешевой мобильной «рабочей силе». Реформа высшего образования по заданным утилитаристским «лекалам» привела к окончательному западному «пленению» и вытеснению из образовательного процесса всего того, что было связано с высокими гуманистическими и духовными традициями отечественной высшей школы. Прежде всего, это сказалось на сворачивании цикла гуманитарных дисциплин, как не имеющих никакого реального (калькулируемого) утилитарного значения. Следствием этих «варварских» реформ и стал сегодня кризис высшего образования, который теснейшим образом связан с кризисом культурцивилизационным, с общими процессами дегуманизации, «раскультуривания» современного человека.

Сотни статей написаны современными учеными: педагогами, философами, культурологами, психологами о назревших проблемах гуманизации высшего образования и необходимости перехода к духовно, этически и культурно ориентированному образованию [1, с. 39]. Основной

пафос этих статей направлен на поиск путей возвращения в культуру ценностей гуманизма и гуманитаризма, на основе которых может быть создано «культуросообразное образование» [2, с. 67]. Но так-ли нам необходимо создавать нечто новое? Не проще-ли внимательно присмотреться к тому, от чего мы так легко отказались. Возможно, именно там, в нашем прошлом, в нашей традиции, мы сможем найти ответы на наши вопросы и понять то, как нам вернуть в образование его человеческое измерение.

Цель настоящей статьи – исследование истоков формирования традиций *духовности* и *человечности* в отечественной системе образования на материале анализа базовых педагогических понятий.

С древнейших времен, в отечественной культуре, возраставшей на почве подлинного христианского гуманизма, смысл образования, просвещения был связан с идеей духовного совершенствования личности, с духовным воспитанием, основной целью которого служила идея воссоздания образа целостного человека. Этот духовный смысл с необходимостью включал в себя и понимание образования как приобщения к культуре, несмотря на четкое осознание того, что природа этих «двух реальностей» различна, потому как культура – это установление человеческое, а духовность – Божественное, культура – это вочеловечивание и очеловечивание мира, а вера – попытка прорваться за его границы, преодолев «земное тяготение».

На этот важный аспект понимания смысла образования, связанного с христианской традицией, обращал внимание и Г. Гадамер. С его точки зрения, в европейской культуре образование может быть понятым, по крайней мере, в двух смыслах. Во-первых, как тождественное культуре, в значении специфического человеческого «способа преобразования природных задатков и возможностей» [3, с. 46]. Во-вторых, как неравнозначное культуре, восходящее к богословской традиции, к толкованию понятия *образ*, в его мистическом, духовном значении, связанным с идеей внутреннего бесконечного развития [3, с. 47]. В этом значении образование – это не столько процесс, сколько «результат процесса становления» [3, с. 47]. Другими словами, *образование* – не столько процесс формирования человека, сколько его итог, результат.

В отличие от западного образования, отечественная система просвещения всегда сохраняла верность этой христианской педагогической парадигме. Даже в советской школе, с ее политехническим «уклоном» и агрессивной пропагандой материализма, признавалась руководящая культуросозидательная и мировоззренческая роль гуманитарных дисциплин, ответственных за воспитание человека.

Во все времена сильной стороной нашей системы просвещения была ориентация на реализацию ценностно-смысловых, нравственно-воспитательных задач образования. Отказываясь от нее, мы лишаем, тем самым, процесс образования антропологического смысла, забывая о том, что

человеком не столько рождаются, сколько становятся. Для того же, чтобы человек становился человеком, его этому нужно учить: учить быть человеком и учить *учиться быть* человеком. Это то, от чего мы, фактически, отказались сегодня в нашей системе образования, в угоду некритичному, бездумному копированию западной технократической модели образования, из которого изгнана не только духовность, но и сама человечность. Тем самым, мы отказались от признания того, что научить человека быть человеком можно, только воспитывая и обучая его *человечности*.

В философском плане, определить такое «человекоразмерное» образование можно как процесс непрестанного *очеловечивания*. В соответствии с ним, человек – это не только *есть,* некоторое *ставшее*, *бытие*, но непрестанное становление, *очеловечивание*, *обстояние* в человечности, совершенствование в том, что быть и оставаться, а также постоянно утверждаться в человечности.

Сегодня, перед лицом вызовов глобального расчеловеченного мира, воспитание человечности оказывается наиважнейшей задачей образования, по отношению к которой все остальные становятся вторичными. Начиная с самого раннего возраста, обучая растущего человека ходить, бегать, прыгать, есть и пить, то есть жить *как человек*: проявлять себя вовне, действовать во всех случаях *по человечески*, система воспитания и образования, тем самым направлена на то, чтобы взращивать человека причастным к человеческой культуре. Однако это *формирование* человека, осмысление себя как человека культуры: религиозной, национальной, социальной; культуры пола, культуры мышления, невозможно без непрерывного становления «внутреннего человека». Только приобщение к высокому духовному опыту может стать источником воспитания души, нравственной, сердечной и эстетической отзывчивости, осознанного поступания, начиная с решения труднейших вопросов каждодневного этического выбора, творческого мышления и восприятия мира через красоту. Все это – есть не что иное, как воспитание человека средствами гуманитарной культуры, «науками о духе», которые, как никогда, необходимы нам сегодня, для того, чтобы вернуть нашему образованию его подлинный духовный и гуманистический смысл.

1. Осипов В. Е. и Куценко Н. Ю. Проблемы гуманитаризации образования в техническом вузе [Текст] / В. Е. Осипов, Н. Ю. Куценко // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 319 . – С. 39-42.
2. Надеева М. И., Авхатшина Р. Р. К вопросу о гуманитаризации высшего технического образования [Текст] / М. И. Надеева, Р. Р. Авхатшина // Вестник Казанского технологического университета. – 2010. – № 3. – С. 66-69.
3. Гадамер Г.Г. Истина и метод [Текст] / Г.Г. Гадамер. – М.: Прогрес, 1988. – 637 с.

УДК 316.42: 366.02:17.022.1

КОНСЬЮМЕРИЗМ КАК ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Стоян Е.О., Давыденко Э.Н.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет экономики
и торговли им. М. Туган-Барановского», г. Донецк
stoyan-l@mail.ua

В современном мире человеком правят его привычки, потребности и неуемные желания. Ещё в XX в. культура потребления в странах Запада получила статус социокультурной доминанты, а теперь все больше упрочняет свои позиции во всем мире. Более того, общество бездефицитного потребления постоянно меняется – появляются все новые тренды, тенденции и способы манипуляции человеческим сознанием. Следовательно, данная тема актуальна и нуждается в постоянном исследовании. Целью данной работы поставлено выявить и оценить социальные и моральные последствия консьюмеризма.

Проблема консьюмеризма поднималась в трудах множества писателей и ученых. Достаточно авторов опубликовало работы, которые сегодня научное сообщество относит к классическим – Э. Фромм, Г. Маркузе, Ж. Бодрийяр, Г. Дебор, Т. Адорно, М. Хоркхаймер, П. Бурдье, У. Бек и др. Среди наиболее известных писателей, интересовавшихся данным вопросом можно выделить Е. Замятина, Ф. Бегбедера, В. Пелевина и О. Хаксли. Учитывая темпы развития данной проблемы, сегодня консьюмеризм как проблема общества потребления и порождаемые им социальные последствия должны стать одним из главных вопросов XXI века.

Как известно, общество потребления возникло в результате развития капитализма, сопровождаемого бурным экономическим и техническим развитием. Впервые термин «консьюмеризм» ввел немецкий социальный философ Э. Фромм [1]. По его мнению, это совокупность общественных отношений, организованных на основе принципа индивидуального потребления. Оно характеризуется массовым потреблением материальных благ и формированием соответствующей системы ценностей и установок.

В основе консьюмеризма лежат потребности в предметах потребления. Потребность – вот движущая сила любой деятельности индивида. Отношение между потребностями и их удовлетворением действуют по такой схеме: обещание и надежда на удовлетворение выходят на первое место по отношению к самой потребности. Неважно, чего желать, главное – получить обещанное, которое тем более привлекательно, чем меньше знакома потребность. Главным генератором последних стала реклама и массовое производство, вектор которых направлен на каждого индивида: люди узнают себя в окружающих их предметах потребления, находят свою душу в своем автомобиле, квартире, эксклюзивной одежде [2, с. 12-14]. Реклама помогает воплотиться в жизнь ценностям общества потребления, питает его, подменяет собой настоящие социальные ценности, становится «раскрученным» суррогатом культуры – именно через свою массовость

и распространенность. Она оправдывает покупку, которая происходит без всяких рациональных мотиваций. Не «веря» в товар, мы верим рекламе, которая пытается заставить нас в него поверить [3, с. 181].

Естественно, добровольно от потребления никто не откажется, поскольку, на первый взгляд, мир, где всем гарантирован относительный достаток – это, то самое общество всеобщего благоденствия. Но общество потребления при более пристальном взгляде на него – совсем не та схема, где каждый получает некий набор материальных благ и умиротворенно живет, доволен своим положением, а экономика обеспечивает этот уровень жизни. Возможно, в теории это и должно быть так. На практике увеличение прибыли невозможно без роста потребления, следовательно, и роста потребностей [4].

Особо наглядно несовершенность такого общества продемонстрировал О. Хаксли в своем романе-антиутопии «О дивный новый мир», опубликованной в 1932 году. О. Хаксли рассказал не о традиционной для жанра антиутопии тирании, основанной на насилии, а о системе, основанной на сверхпотреблении. Он предсказал на страницах романа процессы, вызванные быстрым ростом промышленности, повышением уровня жизни и развитием сферы развлечений.

Согласно сюжету книги, люди рождаются не традиционным путём, а выращиваются на специальных заводах. На стадии развития эмбриона они разделяются на касты, различающиеся умственными и физическими способностями. Для поддержания кастовой системы общества посредством гипноза людям прививается гордость за принадлежность к своей касте, почтение по отношению к высшей касте и презрение к низшим кастам, а также ценности общества и основы поведения в нём; в системе образования упор делается не на общее понимание вещей, а на узкие частности: «не философы, а собиратели марок и выпиливатели рамочек составляют становой хребет общества» [7].

Людям из романа Хаксли с детства внушалось такое отношение к вещам: «Чем старое чинить, лучше новое купить»[7]. И в современном мире вещи всё чаще делают одноразовыми, не подлежащими, не нуждающимися в починке по своей сути – целлофановые пакеты, одноразовая посуда, пластиковая бутылка. В огромных количествах выпускается «одноразовая» одежда, обувь, техника. Потеря или поломка такой вещи мало что значит. Такая система развращает человека, воспитывает потребительское отношение: ребенок может специально испортить не понравившуюся или не модную вещь, и родители купят ему новую. Но в книге потребительство было нормой и в отношениях: института брака в описанном в романе не существует, и, более того, само наличие постоянного полового партнёра считается неприличным, а слова «отец» и «мать» считаются грубыми ругательствами. Похожие явления современном мире встречаются в виде отдельных гедонистических и индивидуалистических идей.

Нельзя не заметить приметы зарождающегося сходства реального мира и мира, выдуманного фантастом. Что же он сам предлагает в ответ? Научить людей быть свободными. «Любая птица, которая научилась обеспечивать себе жизнь, не прибегая к использованию крыльев, скоро откажется

от полета и навсегда останется на земле» [6] – подмена естественной творческой свободы, стремления к постоянному развитию сверхпотреблением угрожает самой сути человека, его «крыльям». За такую свободу, говорит автор, нужно постоянно бороться, используя эти «крылья». Таким образом, любой, обнаруживший в себе потребность в творчестве, в развитии, в «свободе», должен удовлетворить ее, а не пытаться подменить суррогатом [5].

Таким образом, общество потребления – это общество, которое деградирует, ставит своими высшими ценностями вещи, занимается их ненужным нагромождением, преклоняется перед деньгами. Последствия общества потребления в сфере морали, оказываются, имеют противоречивый характер. Люди перестают быть плохими или хорошими. Они просто «морально амбивалентны».

Экономика потребления и устройство информационного пространства отучает людей думать о душе. Это и есть главная причина, как духовного кризиса, так и кризиса природных ресурсов современной цивилизации. Идеология потребления привела к коммерциализации культуры, размыванию этических норм. Человек постмодерна отказывается от самоограничения и тем более аскетизма. Современный человек склонен жить одним днем, не слишком задумываясь о дне завтрашнем и тем более о далеком будущем. А такое подобное общество не может породить нормального человека имеющего моральные принципы и духовные ценности.

1. Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм. – М. : АСТ, 2000. – 448 с.
2. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек / Г. Маркузе; пер. с англ. А.А. Юдина. – М: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 526 с.
3. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрияр. – М. : РУДОМИНО, 2001. – 224 с.
4. Дорошкевич А.С., Суспільство споживання: морально-соціальні наслідки / А.С. Дорошкевич // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». – 2012. – № 4 (14). – 268 с.
5. Фролов М.В. Общество потребления в антиутопии Олдоса Хаксли и в современном мире // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 12 [Электронный ресурс]. URL: http://human.snauka.ru/2015/12/13177
6. Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир – М.: Астрель, 2012. – 191 с.
7. Хаксли О. О дивный новый мир [Электронный ресурс]. М.: Азбука-классика. – 2005. URL: http://flibusta.net/b/257338/read

УДК 141:165

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Чернышов В.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
kondveramur@mail.ru

Информационная стадия общественного развития и глобализация мировых коммуникаций привели к системным изменениям в мировоззрении

современного гражданского общества, которые одновременно являются пользователями и объектами влияния этой информации. Рост значения информации в общественной жизни привел к появлению многочисленных концепций инфократии, медиакратии, а также достаточно влиятельного междисциплинарного направления – информационной теории демократии.

Информация является мощным ресурсом власти. Информационная теория демократии и гражданского общества возникла на стыке информатики, кибернетики, социологии, философии и синергетики. Ее главной целью является анализ роли демократии в новосформированном информационном обществе. В целом, информационная теория демократиии занимается исследованием возможностей новейших информационных технологий в сфере повышения эффективности социального, политического, экономического и культурного взаимодействия. Кроме того, сторонники этой теории, в частности, Д. Белл, М. Кастельс и Э. Тоффлер считают, что необходимо совершенствовать демократические институты через электронную демократию. Так, М. Кастельс в работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» предлагает именно такой путь решения проблемы низкого доверия граждан к политической системе, в которой СМИ поглощаются бюрократией. Для этого необходимо создать местное самоуправление на основе децентрализации власти, а также, через широкое использование новейших информационных технологий перейти от иерархической вертикальной системы управления к сетевой горизонтальной системе, предполагающей эффективную коммуникацию граждан с органами власти. При этом одним из ключевых элементов электронной демократии является электронное правительство. Оно формируется путем трансформации функций предоставления управленческих услуг гражданам, а его легитимность обеспечивается действительным ростом эффективности государственного управления.

Важнейшим фактором развития коммуникационного пространства гражданского общества является Интернет. Основными путями его влияния на общество являются следующие: 1) расширение публичной сферы гражданского общества; 2) ориентация членов общества на максимальную активность в коммуникационных процессах; 3) содействие развитию инновационного мышления и мировоззрения.

УДК 123.1

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ИДЕОЛОГИИ ЛИБЕРАЛИЗМА (Критический анализ)

Шелухин Ю.Н.
Донбасская юридическая академия, г. Донецк
kafedra_ogd@mail.ru

Рассматриваются актуальные проблемы либеральной интерпретации свободы, выдвигается идея иного понимания данной всечеловеческой ценности.

Среди идеологических доктрин современности либерализм занимает особое место. Наиболее последовательно либеральный идеал был реализован в англосаксонских странах, главным образом в США. Конкретно – исторические условия различных стран, кризисы и мировые войны, влияние других идеологий привели к возникновению новых направлений в рамках традиционного либерализма. Современные направления этой идеологии, с одной стороны, учитывают, в той или иной мере, роль государства – это, в основном, неоконсерваторы (неоконы), а, с другой стороны, – признают необходимость социально-ориентированных идей, ответственность общества за благосостояние людей, т.е. речь идёт о социальном либерализме (социоконы).

Понятие «свобода» является визитной карточкой либеральной идеологии. С одной стороны, либерализм «утопает» в свободе (свобода личности, частной собственности, свобода предпринимательства, свобода слова, совести, конкуренции). С другой стороны, создаётся впечатление, что либеральные идеологи так «обнимают свободу», что фактически «душат её в своих объятиях». Для либерала свобода – это нечто «генетически вмонтированное» в биологию и природу человека вообще. Поэтому, либералу абсолютно ясно, что люди рождаются свободными в своих правах. Как отмечал великий философ Н. Бердяев: «Свобода была понята исключительно как право» [1, с. 268]. Далее Бердяев пишет: «Есть и буржуазная свобода, но она есть извращение и надругательство над духом» [1, с. 268].

Либерал мыслит по принципу «или-или», «либо-либо»: свобода или равенство, частная собственность или государственная, приватизация или национализация, равенство или справедливость. Либерал не понимает, что равенство есть выражение справедливости, и равенство существует лишь в рамках противоположности к неравенству, что права, обязанности и ответственность, а также принцип гарантии прав человека образуют единую систему, которую нельзя сводить только к праву. Либерал не понимает, что социальное равенство не есть уравниловка, что общественное не значит «ничьё», что эффективность собственности определяется, в конечном счёте, не тем, кому она принадлежит, а тем, как ею управляют.

Понятно, что если быть последовательным, то в либеральной идеологии свобода подчинена праву, индивид имеет право на свободу, это право никто не гарантирует, а поскольку право – формально, то и свобода оказывается такой же формальной.

Такое понимание свободы является ограниченным, как отмечал выдающийся мыслитель Э. Фромм: «обычно мы мыслим не диалектически и склонны сомневаться в том, что одна и та же причина может одновременно вызвать два противоположных следствия» [2, с. 95]. Философ подчёркивает, что свобода имеет двойственный характер, это не только свобода от чего-то («негативная свобода»), но и свобода для чего-то («позитивная свобода»). Критикуя теории биологизации человека, переноса природного на общественное Э. Фромм отмечает: «Человеческое существование начинается

тогда, когда достигает определённого предела развития деятельности, не обусловленной врождёнными механизмами… и способы действий уже не определяются наследственностью, инстинктами. Иными словами, человеческое существование и свобода с самого начала неразделимы» [2, с. 37].

Осмысливая процесс индивидуализации личности, Э. Фромм подчёркивает, что каждый шаг на пути большей индивидуализации угрожает людям новыми опасностями. Отвергая природную (естественную) основу индивидуализации, он констатирует: «Если экономические, социальные и политические условия, от которых зависит весь процесс индивидуализации человека, не могут быть основой для такой позитивной реализации личности, то такой разрыв превращает свободу в невыносимое бремя… И тогда возникает сильная тенденция избавиться от такой свободы» [2, с. 40]. Данное высказывание лишний раз подтверждает ту истину, что свобода не есть нечто врождённое, свобода – не инстинкт человека, в противном случае, от такой свободы нельзя было бы убежать или убежать только с ней.

В своей знаменитой книге «Бегство от свободы» Э. Фромм блестяще показал, как огромные массы людей, познавших либеральные ценности, вдруг резко повернули в сторону тоталитаризма. Дело здесь не только в социально-экономическом кризисе, и речь идёт не только о самых бедных и голодных. Философ анализирует средний класс, на который всегда уповали либералы и правые социал-демократы и который стал оплотом фашизма и нацизма.

Понятие «свобода» имеет различные толкования. Для Гегеля и Маркса свобода есть познанная необходимость. Такое понимание свободы вряд ли может удовлетворить, поскольку, с одной стороны, здесь отрицается первичность свободы, и она подчиняется необходимости. С другой стороны, свобода не есть только осознание чего-то, она связана с активностью субъекта, его поступками и действиями. Поэтому свободу следует трактовать как организованное начало самоопределения человека, раскрытие его способностей в формировании своей сущности, т.е. личности.

Есть либеральное понимание свободы, где свобода трактуется как выбор из разных альтернатив, как свобода от чего-то: от государства, общества, религии, традиции, культуры. Возникает вопрос: «Зачем человеку такая свобода?». Оказывается, что такая свобода составляет основу конкуренции, борьбы за существование, за власть и частную собственность. Возможно ли на такой «негативной основе» позитивное развитие личности, её самоопределение?

Этот вопрос блестяще разрешил Ф. Ницше, который последовательно довёл либеральный принцип свободы индивида до концепции «сверхчеловека». Такой человек, движимый волей к власти и борьбой за существование, в конкуренции с другими находится, так сказать, «по ту сторону добра и зла». Это абсолютный индивидуалист, не ограниченный никакой моралью и нравственностью, отвергающий всё прошлое во имя стремления к господству над другими людьми. Не случайно такая концепция послужила хорошей приправой для последующих расистских и фашистских теорий.

Кроме того, либерализм и его современные интерпретации замыкают свободу на частной собственности. Получается так, что чем больше собственности, тем больше индивидуальной свободы. Разумеется, частная собственность, деньги, капитал делают индивида более независимым, конкурентоспособным и рыночно привлекательным, но отнюдь не более свободным.

Частная собственность отчуждает свободу. В современном западном обществе, где всё покупается и продаётся, человек воспринимает себя как частную собственность, как товар. Его тело органы, рабочая сила – всё это и другое есть предмет купли-продажи, его неприкосновенная частная собственность. Либеральный абсурд доведён до маразма и полной бездуховности. Поэтому в странах, где торжествуют либеральные свободы и права, легализуются лёгкие наркотики, проституция, гомосексуализм и лесбиянство, однополые «браки» и прочие извращения.

Поэтому такие личности, как Иисус Христос, Будда, Махатма Ганди и многие другие, не стремящиеся к частной собственности, богатству, сумевшие преодолеть всевозможные искушения, предстают в «ослеплённом, рыночном сознании» либерала как ненормальные и весьма подозрительные особы. Кстати, это в какой-то мере даёт понимание того, почему либерализм в значительной мере атеистичен. При том, что либеральный атеизм весьма специфичен.

1. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря – М.: Республика, 1995.
2. Фромм Э. Бегство от свободы – М.: Прогресс, 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

Беспалова С.В. Концепция развития Донецкого национального университета как научно-образовательного и инновационного кластера Донбасса 5

Тематическое направление **«Филологические науки»**

Секция «***Языковые единицы и категории в аспекте сопоставления и перевода***»

Ананченко Е.С. Семантика и структура лексических единиц, обозначающих произведения изобразительного искусства в христианстве в английском и украинском языках 17

Басыров Ш.Р., Писарева В.В. Глаголы прикосновения в английском, немецком, русском и украинском языках 20

Бессонов Н.Ю. Особенности фактитивных значений конструкций с каузативными глаголами-связками в английском и украинском языках 22

Квач Ю.А. Лексические и лексико-грамматические трансформации при переводе технических текстов с английского языка на русский 25

Киосак В.М. Каузальная метонимия при обозначении человека в немецком и русском языках 28

Косицкая А.Г. Структурно-семантические особенности композитных наименований человека в искусстве 30

Криничная Т.В. Ономастикон современного англоязычного произведения и способы его передачи на русский язык 32

Петрищева Е.И. Метафора и метонимия в сфере наименований терминов родства (на материале английской и немецкой разговорной лексики) 35

Селиванова О.В. Начинательный способ действия во французском и русском языках .. 38

Удинская А.Г. Окказиональные метонимы в английском и русском языках 40

Филатова В.А. Пояснения интертекстуального типа в переводческом метатексте (на материале перевода записок Н. Дуровой на английский язык) 43

Цулая К.Д. Сопоставительный количественный анализ фразеологических единиц с компонентами-колоризмами 46

Секция «***Лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования***»

Бессонова О.Л. Сопоставительный метод в лингвокогнитивных исследованиях 49

Виноградова А.И., Зуйкова О.В., Панасенко К.В. Особенности фразеологической лексики с компонентами военных команд в английском языке 52

Керова Л.В. Образование новых личных имен в английском и немецком языках 54

Кишко С.Н. К вопросу о категориях дискурса: на материале коммуникативно-прагматической категории модерации 58

Курдина А.С. Неологизмы как средство вербализации концепта *LANGUAGE* в XXI веке 63

Лисовецкая А.С. Оценочные коннотации гиперболических фразеологических единиц в английском языке 66

Мишина Е.В. Структурные особенности английских производных абстрактных существительных 68

Повторуха Н.В. Метрологическая лексика в когнитивном аспекте (на материале немецкого и украинского языков) 71

Пономарёва Т.А. «Цифровые» номинации как способ отображения мира в переводах И. Бродского 74

Розова И.В. Морфемные средства выражения авторской модальности (на материале английской прозы XX столетия) 77

Сысоева Е.С. Критерии отбора оценочной лексики из английских антропонимических словарей 79

Темная Е.И. Фразеологическая вербализация концепта «ДОБРО» в англоязычной картине мира 82

Ткаченко С.Г. Семантические особенности английских фразеологических единиц с показателями низкой степени в их толковании 85

Трофимова Е.В. Семантика фразеологических единиц, обозначающих отрицательные эмоции, в английском языке 88

Усова Н.В. Феномен поэтического имени в интеркультурном сопоставлении 89

Фатьянова И.В. Актуальные концепты и их вербальное представление в современном англо-американском политическом дискурсе 92

Филатова Е.В. Сопоставительный объём синтагм в русской, украинской и английской речи 100

Хохлова В.А. Влияние национально-культурных факторов на формирование целостного значения фразеологических единиц с топонимическим компонентом в английском и украинском языках 103

Юрьева Е.В. Язык рекламы как гипержанр искусственной устной и письменной речи . 105

Секция «***Исследования германских и романских языков в синхронии и диахронии***»

Алдошина А.Г. Лингвостилистические особенности печатной рекламы в немецком языке 108

Басыров Ш.Р. Структура, семантика и функционирование редупликативных слов в современном немецком разговорном языке 109

Беспамятная Л.В. Партитивные СТК-композиты и словосочетания в германских и славянских языках 111

Воробьева О.С. Словообразовательные модели в системе английских фразовых глаголов с постпозитивами *on* и *off* 114

Гапотченко Н.Е. Особенности коммуникативного статуса французского языка в Африке 118

Гордиенко Е.В. Английские неологизмы тематической группы «родители–дети» понятийной сферы «семья» 120

Жебеленко О.Г. Моно- и полихарактериологические фразеологические арготизмы французского языка 122

Калиущенко В.Д. Орнативные глаголы в средневерхненемецком и в современном немецком языке 123

Карасенко Е.А. Идиоматические отыменные образования в средневерхненемецком языке 125

Крамаренко Е.К. Структурно-грамматические особенности английских гиперболизирующих фразеологических единиц 127

Кухарь О.В. Варианты моделей сложных предложений с временным значением в современном французском языке 129

Подгайская И.М. Дифференциальные семы древнеанглийского значения ‘строить’ 131

Селиванова О.В. Начинательный способ действия во французском и русском языках .. 133

Хейхель М.И. Подходы к диахроническому исследованию лексики 135

Ягупова Л.Н. История слов: *geselle* vs. *geverte* в средневерхненемецких рукописях 136

Якобчук А.В., Косенкова-Дудник Е.А., Парамонова Т.И. Зооморфная метафора в медицинской терминологии 138

Секция «***Зарубежная литература: модус, жанр, стиль***»

Белоконь С.А. Типологическое сходство философского и интеллектуального романа (на материале романов В. Домонтовича «Доктор Серафикус» и А. Франса «Преступление Сильвестра Бонара») 140

Герасименко Е.Е. Повествовательная структура романа Дж. Конрада “Лорд Джим” 142

Матвиенко О.В. Опыт обучения художественному переводу в ВУЗе 145

Попова А.В. Стратегия автобиографического повествования в «Истории моей жизни» Жорж Санд 147

Попова-Бондаренко И.А. Лирика Г. Бенна: эстетизм и варварство 148

Сапегина Л.В. Поэтические аллюзии в романе К. Маккензи «Гай и Полина» 149

Теличко Т.Г. Две «сцены в театре»: романы Э.М. Форстера «Куда боятся ступить ангелы» и Х. Уолпола «Таинственный город» 151

Чуванова О.И. Образ западной цивилизации в рассказе С. Рушди «Йорик» 152

Секция «***Современные проблемы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков и перевода***»

Барабанщикова А.А. Интеграция прямого и коммуникативного методов обучения немецкому языку на базе английского в неязыковом ВУЗе 153

Воеводина А.В. Особенности обучения переводу студентов экономических специальностей 155

Войницкий Д.Н. Психологические аспекты формирования личности гида-переводчика 157

Волкова Е.А., Новоградская-Морская Н.А. Дидактические особенности обучения иностранного языка профессиональной направленности 160

Гаврилина Е.И., Воловик Н.А. Роль функционального принципа для методического анализа акта речи 162

Герасименко Е.Е. Управление учебным процессом: ошибки студентов и проведение работы над ошибками 165

Глоба Т.Н. Роль профессионализма преподавателя в формировании мотивации учебной деятельности студентов 167

Гудова О.В. Упражнения на развитие памяти в процессе обучения студентов языковых ВУЗов 170

Епифанцева Л.А. Технология веб-квестов на занятиях по иностранному (английскому) языку 173

Жерденовская А.В. Профессиональная языковая подготовка в процессе обучения студентов специальному переводу 177

Каверина О.Г. Профессиональная коммуникация как неотъемлемая часть подготовки специалистов технического профиля 179

Корнилова Т.В. Проблема использования информационных технологий при обучении студентов экономико-управленческого профиля письменному переводу 182

Ливенцова В.А. Формирование правосознания студентов профессиональных спортивных ВУЗов 185

Луценко Е.А. «Дебаты» как средство формирования коммуникативной компетенции студентов-экономистов 188

Маслёнкина Н.Г. Обучение интонации французского языка в процессе аудирования ... 191

Моисеева Ф.А., Усиков В.А. Взаимопроникновение классических методик обучения иностранному языку как основа формирования фундаментальных знаний студентов 192

Назаренко Е.Н. К проблеме контроля и оценивания презентации на иностранном языке студентов неспециальных факультетов ДонНУ (на примере немецкого языка) 195

Никулина И.Н. Актуальные проблемы преподавания латинского языка 198

Полтавская О.А. Использование видео и аудио ресурсов в процессе обучения иностранному языку студентов языковых ВУЗов 201

Сидорова А.А. Кейс-метод и подкасты в преподавании английского языка студентам экономистам 203

Смазной В.В., Соловьев С.Г. Методические аспекты подготовки и проведения аудиовидео восприятия 206

Суслова И.А. Альтернативные способы работы с незнакомой лексикой 207

Черкасская И.Л., Тишаева Н.В. Особенности преподавания иностранных языков специалистам разных сфер деятельности 210

Чернова М.М. Некоторые аспекты коммуникативной методики при обучении иностранному языку студентов исторического факультета 213

Zhuravleva L.V. The role of the educational innovations in the process of teaching English .. 216

Тематическое направление **«Философские науки»**

Секция «***Философские аспекты современной социальной реальности***»

Андреева Т.А. Общечеловеческие ценности: миф или реальность 218

Белицкий А.А. Советская философская наука о феномене мистицизма 221

Болдин П.Н. Природа и человек сквозь призму языка 223

Волошин В.В. Философские основания научных парадигм 226

Гижа А.В. Философия в поисках новых смыслов: маргинализация или обновление дискурса? 229

Гильмутдинова Н.А. Образовательные риски индивидуализированного общества 232

Гришанов А.Н. Человек как “animal symbolicum” в философии Э. Кассирера 235

Гришанова Е.В. Философская концепция комического в повседневном общении 237

Зарапин О.В. Постановка вопроса о ноосфере как текстовой культуре мышления 240

Зуев К.А. Индустриализация-деиндустриализация-реиндустриализация: причины и следствия 243

Карпов В.В. Философское основание здорового образа жизни в творчестве Артура Шопенгауэра 246

Ковалева А.В. Феномен энергии в мистико-религиозном знании 248

Курито О.В. Образование в контексте политического и экономического бытия общества 251

Лось В.Ю. О добре и зле с позиции естествознания 254

Лустин Ю.М. Педагогическая персонология в социально-типологической рецепции .. 256

Марюхнич М.Т. Проблемы социокультурной трансляции традиционного знания 259

Матюхова А.Г. Особенности китайского марксизма в современных условиях 261

Миргородский А.А. Религиозно-философские взгляды священника Александра Меня 263

Никифорова Л.А. Творчество как неотъемлемая часть бытия 266

Пороховская Т.И. Профессиональная этика и нравственный долг профессионала 268

Рыскельдиева Л.Т. Принцип междисциплинарности в философии и понятие «текстовая культура» 271

Сидоренко Н.С. Основные аспекты гуманизации образовательного процесса в вузе 272

Сумная А.Д. Этические взгляды Нагарджуны 275

Токарева М.В. Социальные функции денег 278

Целик Т.В. Методология историко-философского знания в контексте проблемы культурно-национальной идентичности 281

Шийка Н.С. Философско-методологические идеи школы «Анналов» 284

Andriyenko Ye.V., Goncharuk Ye.V. The main stages of development of political philosophy in Ukraine 287

Секция «***Общественное сознание в условиях кризиса***»

Андриенко Е.В. Роль философских дисциплин в высшем образовании 289

Атоян А.В. Кризис коммуникативной культуры как симптом подмены социальной реальности 291

Атоян А.И. Социальная реальность маргинальных структур 294

Бовт Д.А. Об изменении смыслов понятий в общественном сознании в условиях социального кризиса 296

Волков М.П. Философия и религия: векторы диалога 298

Воловодова Е.В. О необходимости конструирования образа будущего ДНР 301

Голуб О.В. Проблема нравственного выбора в условиях аксиологического кризиса 304

Коновалов А.Г. Киевский переворот. Упущенные возможности и модальности будущего 305

Коновалов А.Г., Коновалова И.В. Россия и Украина от распада СССР до Киевского переворота. Политико-нравственный аспект 308

Клименко А.Б. Трансформация человека и общества в условиях социальных изменений 311

Комисова Е.И. Трансформация религиозного сознания в условиях социального кризиса 312

Лозовая Л.В. Футуризм: эстетическое осмысление проблем цивилизации 315

Мирный А.А. Очевидность и методология в эпоху отказа истины 317

Моисеева Ф.А. Интерактивная модель взаимодействия общественности с международными судебными инстанциями 319

Поправко А.К., Поправко А.А., Ангелина Э.А. Гуманитарное образование XXI века: проблемы и пути их решения 322

Пресняков И.В. Грядущее развитое индустриальное общество в России 324

Соловьева Ю.И. Явление трансгуманизма в социально-философском аспекте 326

Семенова А.В. Кризис идентичности в современной социальной реальности 330

Северилова П.В. Назад к будущему 332

Стоян Е.О., Давыденко Э.Н. Консьюмеризм как проблема общества потребления 335

Чернышов В.А. Информационные технологии как фактор развития гражданского общества 337

Шелухин Ю.Н. Проблема свободы в идеологии либерализма (Критический анализ) 338

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2016. ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
I Международной научной конференции,
16–18 мая 2016 г.
г. Донецк

ТОМ 5
Филологические и философские науки

под общей редакцией С.В. Беспаловой

Дизайн обложки *Е.Г. Грудева*
Технический редактор *М.В. Фоменко*
Компьютерная верстка *В.Г. Медведева*

Адрес оргкомитета:
Донецкий национальный университет,
ул. Университетская, 24. г. Донецк, 28301
e-mail: donnu.science@mail.ru

Подписано в печать 05.05.2016 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 20,2
Тираж 300 экз. Заказ № 405 – май 16.
Донецкий национальный университет
28301, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.